

А.К. ПИСАРЧИК

НАРОДНАЯ
АРХИТЕКТУРА
САМАРКАНДА

ДУШАНБЕ - 1975

Оцифровка: Хоттабьм

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. Дониша

А. К. ПИСАРЧИК

НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА САМАРКАНДА
XIX - XX вв.
(по материалам 1938-1941 гг.)

Ответственный редактор -
Б. А. Литвинский

Издательство "Дониш"
Душанбе - 1974

В книге даётся этнографическая характеристика народной архитектуры Самарканда как разновидности архитектуры оседлого равнинного городского населения Средней Азии. Подробно рассматриваются вопросы планировки и устройства городского и пригородного жилища, факторы, обуславливающие наличие тех или иных элементов, описываются различные формы декорации. Эти вопросы рассматриваются сравнительно с таковыми же в прилегающих районах бухарской и фергано-ташкентской группы. Определяется место народной архитектуры Самарканда в архитектуре Средней Азии, обладающей в одних случаях чертами, характерных для бухарских, в других - для фергано-ташкентских районов.

Материалом для книги послужили описания обследованных автором жилых домов, квартальных мечетей, пригородных усадеб в подавляющем большинстве в настоящее время уже не существующих. В книгу включено свыше 150 чертежей и рисунков.

Книга рассчитана на этнографов, историков, археологов, архитекторов, искусствоведов, работников театра, кино и на широкий круг читателей, интересующихся историей культуры Самарканда, в частности массовой народной архитектурой.

П 0162-072

59-74

М502 - 74

© Издательство "Дониш", 1974 г.

О Т А В Т О Р А

Предлагаемая вниманию читателя книга написана на основании этнографических материалов, собранных мной в 1938-1940 гг. во время работы в Самаркандском музее¹. Поэтому все сказанное ниже ограничивается в подавляющем большинстве предвоенными годами, когда народное жилище Самарканда, как и других районов Средней Азии, сохраняло еще в значительной мере традиционные черты. В послевоенные годы, особенно в конце 50-х и в 60-е годы, в жилище происходят значительные изменения. Строители приспособляют новые жилища к возросшим культурным требованиям их обитателей, благоустраиваются города, в том числе и Самарканд.

Позднее я не имела возможности продолжить сбор материала, если не считать кратковременной поездки в Самарканд осенью 1968 г. для сбора дополнительных сведений о самаркандских пригородных усадьбах - кургон.

В конце 30-х годов народная архитектура Средней Азии еще не была изучена. По поручению Узкомстариса мной в 1938 и 1939 гг. и архитектором В. Л. Ворониной в 1938 г. впервые по программе, составленной архитектором Б. Н. Засыпкиным, был осуществлен сбор материалов по народному жилищу и строительному искусству в городах Ферганской долины. Моя работа в Самарканде явилась продолжением начатой в Фергане работы. В Самарканде к тому времени было осуществлено обследование народной архитектуры Н. С. Полупановым², с участием фотографа И. П. Завалина, а в 1937 г. начал проводить там исследования архитектор А. Н. Арефьев, в работы которого в 1938 г. включилась и я³.

За прошедшие три десятилетия изучение народного жилища и зодчества Средней Азии значительно продвинулось вперед. Архитекторами, искусствоведами, этнографами осуществлен ряд исследований, опубликованы многочисленные статьи и книги, в том числе и исследование по искусству самаркандских народных строителей искусствоведа П. Захидова, который использовал и мои материалы, хранящиеся в архиве Института искусствознания

---

¹ Первый вариант работы написан в 1944 г. и 9 июля 1945 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Среднеазиатского гос. университета (САГУ) под названием "Самаркандские жилые дома и квартальные мечети XIX-XX вв." защищен в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Настоящий текст переработан и значительно дополнен.

² Н.С. Полупанов. Жилый дом в старом Самарканде. "Архитектура СССР", 1937, № I.

³ Описание одного из обследованных нами в 1938 г. домов опубликовано А.Н. Арефьевым в статье "Старый жилой дом в Самарканде". «Архитектура СССР», 1940, № 12.

УзССР, особенно материалы о народных самаркандских мастерах и возведенных ими постройках⁴. К сожалению, он не считал нужным при этом сослаться на каждый заимствованный факт, как это принято делать при использовании чужих материалов и что вытекает из элементарных требований научной этики. Как мне кажется, материалы, собранные мной во время длительной стационарной работы свыше 30 лет тому назад, когда были живы многие мастера-строители различных специальностей, ныне умершие, и стояли многие сооружения - жилые дома, квартальные мечети и другие, ныне большей частью не существующие, до сих пор не утратили своего значения и содержат многие этнографические сведения о традиционном жилище самаркандцев, которые позднее собрать уже было бы невозможно. Это относится, в частности, к квартальным мечетям Самарканда. В 1940 г., когда они перестали уже функционировать как места отправления религиозного культа, отдел горкомхоза Самаркандского горисполкома передал их помещения различным учреждениям и организациям. Сразу началась перестройка, ремонт, окраска стен и потолков (в том числе и расписных) для их дезинфекции и приспособления к потребностям размещаемых в них учреждений. Очень быстро шел и процесс перестройки частных жилых домов. При этом неизбежно уничтожались старые декорации, а нередко и строения целиком.

Публикуемые в настоящей книге многочисленные иллюстрации, выполненные мной в конце 30-х годов, для многих несуществующих объектов являются единственным их воспроизведением. Негативы снимков по самаркандской народной архитектуре хранятся в фототеках в Самаркандском музее (№ 14675-14777, 15341-15347, 15414-15442 и некоторые другие), в Музее искусств УзССР в Ташкенте (№ 7908-8059) и частично в Институте искусствознания УзССР в Ташкенте. Большинство снимков сделаны мной, для остальных указываются их авторы.

⁴ Основная литература по вопросам народной архитектуры Средней Азии XIX-начала XX в. приведена в книге П. Захидова "Самаркандская школа зодчих XIX-начала XX века". Ташкент, 1965. Из наиболее крупных, не указанных в этой библиографии этнографических работ по рассматриваемому вопросу отметим двухтомник "Народы Средней Азии и Казахстана". Серия "Народы мира", т.1, М., 1962 и т.2, М., 1963, изданный Институтом этнографии АН СССР, где в соответствующих разделах даны исследования-сводки о жилище описываемых народов.

После опубликования книги Захидова появился еще ряд статей и исследований по жилищу узбеков и таджиков: А. К. Писарчик. Жилище таджиков Каратегина и Дарваза. В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып.2. Душанбе, 1970, авторефераты на соискание учёной степени кандидата исторических наук: А. Жилина. К истории формирования современного узбекского жилища. (Северные районы Узбекистана). М., 1970 и А. Давидов. Селение и жилище Верхнего Зеравшана. Душанбе, 1970 (в этих диссертациях указаны статьи, опубликованные авторами по темам диссертаций), а затем А. Давидов. Глава "Жилище" в кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, стр.7-137. Ряд интересных сведений опубликован в работах и статьях, помещенных в серии сборников "Искусство зодчих Узбекистана". Ташкент, вып.1, 1962, вып.2, 1963, вып.3, 1965, вып.4, 1969.

В В Е Д Е Н И Е

Обследование народной архитектуры этнографическим методом, в частности собирание всех доступных сведений о постройках от их обитателей и мастеров-строителей, позволяет установить историческую перспективу, выявить архаические, иногда уже исчезнувшие формы, изучить взгляды мастеров на свое искусство и пути его развития и многое другое.

Обитатели жилищ или их ближайшие соседи-старожилы помогают восстановить историю постройки, даты сооружения отдельных ее частей и обстоятельства, сопутствовавшие этому. Мастера же строители - это живые носители народных традиций строительного искусства, являясь не только созидателями, но и разрушителями архитектурных объектов (часто проще чем приступить к постройке какого-либо сооружения, им приходится разбирать стоящее на месте будущей постройки старое здание), они за время работы не только накапливают опыт своего поколения, но и являются наследниками и носителями опыта предыдущих поколений. Редко кто из мастеров не сообщает ценных сведений по истории развития своей отрасли строительного искусства, многие же из них обладают неисчерпаемым запасом сведений, которые до последнего времени почти не являлись объектом специального исследования. Велико научное значение архитектурной терминологии.

Архитектурная терминология оседлого равнинного населения Восточного Узбекистана, говорящего в настоящее время на узбекском языке (например, населения Ферганской долины), более чем на половину состоит из слов таджикского происхождения¹. Это объясняется тем, что несколько столетий назад население многих в настоящее время узбекоязычных городов и кишлаков говорило по-таджикски². Архитектурная же терминология Самарканда содержит еще больший процент слов таджикского происхождения, потому что основную часть населения Самарканда до настоящего времени составляют таджики, говорящие на таджикском языке, но хорошо знающие теперь и узбекский язык. По данным, приводимым И. И. Зарубиным, в 1916 г. таджики составляли больше половины населения Самарканда³.

---

¹ А. К. Писарчик. *Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX - начале XX в.* В кн.: "Среднеазиатский этнографический сборник", I, М., 1954, стр.222 и сл. (В дальнейшем цитируется: "Строительные материалы и конструктивные приемы...").

² Бабур Захириддин. *Бабур-намэ.* Перев. М. Салье. Ташкент, 1948, стр. 10: А. К. Писарчик. *Строительные материалы и конструктивные приемы...*, стр.222.

³ И.И. Зарубин. *Население Самаркандской области. Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран.* Л., 1926, стр.23.

Моими главными информаторами были народные мастера-строители:

Усто Акрам Умуров (рис.1), род. в 1886⁴ г., умер в 1956 г., каменщик, потомственный мастер, ученик известного самаркандского мастера усто Абдукодыра Бакоева. Он в течение многих лет работал по реставрации самаркандских памятников старины. Одной из первых его работ была реставрация поврежденной во время гражданской войны верхушки бухарского минарета Калян.

Усто Шамсиддин Гафуров (рис.2), род. в 1884 г., умер в 1963 г., каменщик и резчик по ганчу, потомственный мастер, ученик своего дяди, известного самаркандского каменщика и резчика по ганчу усто Азима, родом из Ура-Тюбе. Принимал участие в работах по оформлению узбекского павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, за что в 1937 г. был награжден медалью.

Усто Абдурашид Джалилов (рис.3), род. в 1884 г., умер в пятидесятых годах, каменщик и резчик по ганчу, сын бухарского мастера усто Абдуджалила, переехавшего в Самарканд.

Усто Кули Джалилов (рис.4), род. в 1893 г., умер в 1961 г., младший брат усто Абдурашида, тоже резчик по ганчу; принимал участие в оформлении Театра оперы и балета в Ташкенте, за что с группой других мастеров-декораторов был удостоен Государственной премии,

Усто Назрулло Турсунов, род. в 1869 г., мастер-штукатур. Будучи самым старым из наших информаторов, сообщил некоторые интересные сведения о старинных формах жилища Самарканда,

Усто Мир-Хомид Юнусов (рис.5), род. в 1890 г., один из наиболее талантливых мастеров младшего поколения. В годы обследования работал по реставрации архитектурных памятников в Самарканде.

Из плотников моим главным информатором, сообщившим много ценных сведений, был умерший в годы войны последний старшина - **о к с а к о л** цеха плотников усто Абдухафиз Джалилов (род. в 1869 г.), также участвовавший в работах по оформлению узбекского павильона на ВСХВ, и талантливый резчик по дереву усто Назрулло Нуруллоев (рис.6), род. в 1870 г., умер в 1939 г. Из мастеров росписи - наккошей - я пользовалась сообщениями усто Абдугани Латипова, род. в 1876 г., умер в 1953 или 1954 г., усто Бако Мирбобоева, род. в 1895 г. и умер в 1944 или 1945 г.

Все мастера очень благожелательно относились к моей работе и охотно сообщали необходимые сведения.

---

⁴ Год. рождения мастеров мне удалось установить точно благодаря широко распространенному среди народов Средней Азии летоисчислению циклами в 12 лет, в которых каждый год носит название того или иного животного. Обычно каждый человек на равнинах знает, в год какого животного он родился. (См. А. К. Писарчик. Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып.1 Ашхабад, 1949, стр.173-181).

Прежде чем приступить к непосредственному изложению материала о самаркандских постройках и строительном искусстве, напомним в нескольких словах о некоторых фактах из истории Самарканда за последние столетия, отразившихся на формировании его архитектурного облика⁵.

Как известно, Самарканд является одним из самых древних городов Средней Азии. В 1970 г. отмечалось 2500-летие его существования. Первые упоминания о нем под названием Мараканда встречаются в описаниях похода Александра Македонского в Среднюю Азию и связанных с ним событий (IV в. до н.э.). Уже в то время он был большим городом, внешняя стена которого, по Курцию, имела в окружности 70 стадий (не менее 10,5 км), и, несомненно, существовал уже в течение длительного отрезка времени. Косвенное подтверждение длительности существования Самарканда дает приводимое средневековым историком Несефи предание о существовании города ко времени Кутейбы (начало VIII в.) в течение 2250 лет⁶.

За время многовековой истории город не раз переживал эпохи расцвета и эпохи упадка (согласно записанному мной преданию, город подвергался разорению и отстраивался вновь шесть раз), однако благодаря своему выгодному расположению - на перекрестке важнейших торговых путей между Европой и восточными странами, а также необычному плодородию местности, что делало возможным проживание здесь огромного количества людей, и чрезвычайному трудолюбию его обитателей каждый раз вновь отстраивался и богател⁷.

⁵ История Самарканда широко освещена в работах В.Л.Вяткина, В.В.Бартольда, А.Ю. Якубовского, М.Е. Массона, А.И. Тереножкина и др. Из работ, специально посвященных истории города Самарканда, позволю себе указать, ввиду их малой известности, на серию статей "Очерки по истории Самарканда" покойного археолога И. А. Сухарева, освещающих историю города до завоевания его Шейбаниханом, и статей покойного М. С. Юсупова, излагающих события последующих столетий. Указанные статьи помещены в самаркандской Областной газете "Ленинский путь" за 1939 г. За последние годы вышел в свет ряд исследований по истории Самарканда: В. А. Шишкин. Кала и Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб. Работы Ин-та истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Самарканда (1945-1966). Вып.1. Ташкент, 1969; История Самарканда. Т.1. Ташкент, 1969. т.2, 1970; И. В. Пьянков. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972 и др.

⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1900, стр.86. Об археологических данных, характеризующих древность города, см.; М. Е. М а с с о н. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4; Ср.: История Самарканда, т.1, стр.32.

⁷ Самарканд был одним из многолюдных городов Мавераннахра. Из слов Чань-Чуня о том, что в Самарканде непосредственно после монгольского завоевания оставалось 25 000 семейств, причем это составляло четверть прежнего населения города (Чань-Чунь. Сю-ю цзи или описание путешествия на Запад. Пер. с прим. Палладия. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т.IV, СПб., 1866, стр.311), вытекает, что в начале XIII в. в Самарканде проживало 100 000 семейств. Разумеется, эта цифра может быть и преувеличена. При Тимуре население города, по определению испанского посла Рюи Гонзалес де Клавиho, насчитывало около 150 тысяч жителей. (Жизнь и деятельность великого Тамерлана. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 г. Пер. с прим. И. И. Срезневского. Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук, XXVIII, № 1, СПб., 1881, стр. 328).

Древний Самарканд находился к северу от современного города. Место, которое он занимал, известно сейчас под названием Афрасиаб (площадь городища превышает 200 га)⁸, В X-XII вв. город уже не умещался на Афрасиабе, к югу от него располагались обширные части городской территории, обнесённые особой стеной. Именно здесь находились основные торгово-ремесленные кварталы. Погром, которому подвергся Самарканд во время монгольского нашествия, разрушение сложного гидротехнического сооружения – водопровода, снабжавшего водой Афрасиаб, нанесли страшный удар городу. Афрасиаб пустеет, и городская жизнь полностью переходит на территорию к югу от Афрасиаба, туда, где город располагался в последующее время.

Самарканд являлся столицей возникавших в Средней Азии государственных образований или крупных уделов. Наряду с массовым строительством в городе возводились великолепные монументальные постройки, в продолжение веков складывались поразительные по красоте архитектурные ансамбли. Многие из архитектурных памятников, являющихся шедеврами среднеазиатского и даже шире – восточного средневекового зодчества, сохранились в городе до сих пор. Они создали Самарканду заслуженную славу города-музея. Эти монументальные памятники не могли не оказывать воздействия на строительное и особенно декоративное искусство последующего времени.

С конца XVII в. на городской жизни Самарканда начинает сказываться усиление феодальной раздробленности и междоусобных войн, которые вместе с рядом других причин привели Среднюю Азию в первой половине XVIII в. к экономическому и культурному упадку⁹. Больше других городов пострадал от смут в XVIII в. Самарканд¹⁰ из-за разрушения плотины головного сооружения на большом канале Даргом, который орошал Самарканд. Результатом этого были засуха, голод, частые эпидемии. Население покидало город и уходило в Пенджикент, Ургут и другие места.

Автор "Самарии" Абу-Тахир-Ходжа, писавший в первой половине XIX в., называет то время "эпохой упадка Самаркандского вилайета" а В. Л. Вяткин в примечании к этому месту приводит следующие сведения о том времени, извлеченные им из источников: "В Самарканде наступила дороговизна и голод, и он, подобный раю, пришёл в такое разрушение и запустение, что в нем ни мужчин, ни женщин, никого, кроме Шох Джугз каляндара, не осталось... Затем по прошествии некоторого времени в Самаркандской цита-

⁸ В.А. Шишкин. *Кала и Афрасиаб*. В кн.: *Афрасиаб*, вып.1, стр.123.

⁹ *История народов Узбекистана*. Т. II. Ташкент, 1947, стр.81,114 и др.;

Б.Г. Гафуров. *История таджикского народа*. Т. I, изд.2. Госполитиздат, М., 1952, стр.350-353, 366-372; О.Д. Чехович. *К истории Узбекистана в XVIII в.* Тр. Ин-та востоковедения АН УЗССР, вып.3. Ташкент, 1954, стр.43-82.

¹⁰ В.В. Бартольд. *История культурной жизни Туркестана*. Л. .1927, сто.99.

¹¹ Абу-Тахир-Ходжа. *Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*. Пер. В. Л. Вяткина (В дальнейшем: Самария). *Справочная книжка Самаркандской области*, вып. VI. Самарканд, 1899, стр.171.

дели (арке) собралось около 200-300 семейств"¹².

Когда в 1740 году войска Надиршаха вступили в Самарканд, они нашли там всего около 1000 семейств, поселившихся в цитадели¹³.

При таком сильном упадке и запустении города априори следует допустить большое снижение уровня культуры и техники, в том числе и строительной. И действительно, это ясно видно на памятниках монументального зодчества этого времени и, несомненно, должно было проявляться и на объектах массового строительства, к сожалению, до нас не дошедших.

Около середины XVIII века власть в Бухаре захватила династия Мангытов, которой удалось положить начало некоторому политическому и экономическому укреплению страны: присоединить к Бухаре ряд областей, восстановить некоторые пришедшие в полный упадок города и т.д. В 1753 г. бухарский владетель Рахимбий восстановил плотину на Даргоме¹⁴, после чего в город вернулась часть покинувших его жителей и были переселены в Самарканд большие группы населения из других мест¹⁵. Следы этих переселений до сих пор сохранились в названиях гузаров (кварталов) города. Так, по нашим данным, имеется четыре гузара Тошканди - ташкентских, два гузара Хавоси - хавасских (по имени селения Хавас около ст. Урсатьевской Ташкентской жел. дор.), гузары Ходжанди, Шахрисабзи, Ёмини, Зомины, Дахбеди, Мотрид и др. По народному преданию, переселенцы образовали 24 новых квартала.

Народные предания связывают восстановление Самарканда с именем Шахмурада, который с середины 70-х годов XVIII в. был наместником Самарканда (с 1785 г. - эмиром Бухары). Он интересовался возведением и ремонтом построек преимущественно религиозного назначения. Из 70 мечетей, имевшихся в Самарканде после присоединения к России, около 50 считалось возведёнными или восстановленными им. Ему же приписывалась постройка трех медресе¹⁶. Эта демонстрация благочестия ложилась тяжелым бременем на на-

¹² **Абу-Тахир-Ходжа.** Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Пер. В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VI. Самарканд, 1899, стр. 236, 237; см. также: История Самарканда. Т. 1. Ташкент, 1969, стр. 264, 265.

¹³ **В. В. Бартольд.** Новые данные о самаркандских памятниках. Записки Восточного отделения русского археологического общества, т. XXXV, вып. 1-4. Пг., 1921, стр. 85; его же. История культурной жизни Туркестана, стр. 99.

¹⁴ История Самарканда. Т. 1. Ташкент, 1969, стр. 286; **В. В. Бартольд** К истории орошения Туркестана. Соч., т. 3. М., 1965, стр. 197.

¹⁵ Там же, стр. 283. Вопрос о заселении Самарканда в XVII-XIX вв. и численности его населения исследуется в настоящее время **О. А. Сухаревой.**

¹⁶ **А. Г. /Гребенкин/. Родословная Мангытской династии. "Туркест. ведом." 1871, 3 мая, № 14.**

селение, сами же постройки, по словам В. Л. Вяткина, «были крайне незначительные и жалкие»¹⁷.

Ф. Ефремов, бывавший в Самарканде во второй половине 70-х годов, называет его "разоренным" и "против прежнего в третью часть меньше". В своем описании он сообщает: "Окружность города версты две с небольшим. Вокруг всего настоящего Самарканда верст на девять находится множество земляных каменных развалин... Число домов, кои суть весьма обыкновенные мазанки, можно считать в городе до 2000, а число жителей до 5000"¹⁸. По сведениям, относящимся к 90-м годам XVIII в., "Самарканда ныне почти вся пуста" и эмир бухарский..., "всячески старается, однако ж, населить её по-прежнему, но кажется, что тщетен труд его"¹⁹.

Таким образом, процесс восстановления города проходил чрезвычайно медленно, ещё в начале 30-х годов XIX в., по данным А. Борнса, Самарканд "имеет только восемь или, по большей мере, десять тысяч жителей; сады и поля занимают место его прежних улиц и мечетей"²⁰. Но уже Н. Ханьков, посетивший его в 1841-1842 гг., - определяет количество населения города в 25-30 тысяч человек²¹. В начале XX в., как, несомненно, и раньше, большинство его составляли таджики²².

Ещё в начале второй половины XX в. облик города говорил о его бедности, а архитектура в большинстве случаев сохраняла очень примитивные формы. Даже монументальные памятники прошлых веков, например регистанские медресе, находились в запустении - в пустовавших худжрах можно было увидеть маслодавильню (**джувоз**) с большим деревянным пестом или что либо подобное. Еще отцы наших информаторов-стариков помнили регистанские медресе без дверей и ставен в худжрах²³.

¹⁷ *Примечания В.Л. Вяткина к переводу "Самарии". См.: Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VI. Самарканд, 1899, стр. 241.*

¹⁸ *Странствования Ф. Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии Тибете и Индии. Казань, 1811, стр. 98.*

¹⁹ *Хрисанфа, митрополита новопатрасского о Странах Средней Азии, посещённых им в 1790 годах. С введением и объяснениями В. В. Григорьева. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1861, вып. 1, стр. 13.*

²⁰ *А. Борнс. Путешествие в Бухару. 4.2. М., 1848, стр. 457.*

²¹ *Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 105.*

²² *И.И. Зарубин. Население Самаркандской области. Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л. 1926, стр. 23.*

²³ *Эти высказывания относятся, очевидно, к Ширдору и Тиллокори (или к одному из них), так как для главного фасада медресе Улугбека двери были изготовлены в 1814 г. (М.Е. Массон. Регистан и его медресе Ташкент, 1926, стр. 24-25).*

По словам плотника и резчика по дереву усто Абдухафиза Джалилова, родившегося в 1869 г., в 70-х годах прошлого столетия в Самарканде "было мало людей, мало воды, мало леса и мало построек. Люди ходили в грубой обуви - **чорук**. Часто бывали эпидемии, засуха, налеты саранчи на поля, голод".

В то время дома в Самарканде строились преимущественно глинобитные или из сырцового кирпича. Каркасных построек встречалось значительно меньше²⁴. Застройка была сравнительно редкой, и вследствие этого не было необходимости в возведении вторых этажей - их было мало. Богато отделанные ганчевыми декорациями дома также были редки. Чаще всего поверхность стен внутри жилищ отделялась глино-саманной штукатуркой.

Еще беднее проще были жилища за чертой города. Усто Турсун Исмаилов, родившийся в 1881 г. в пригородном селении Шурбои, помнит, что когда он был еще ребенком, жилые комнаты для сохранения тепла делались из битой глины, длинными и узкими и имели только одну маленькую дверь. В жилой комнате находился очаг, иногда в ней же хранилось топливо и даже содержались новорожденные ягнята и телята. Отопление в таких жилищах было курное²⁵.

После присоединения Средней Азии к России в результате проникновения в край торгового капитала, а также активно проводимой царским правительством политики превращения новых областей в сырьевую базу и в рынок сбыта для русских промышленных изделий возрастает торговое и частично промышленное значение среднеазиатских городов и начинается процесс их быстрого роста. Этому немало способствовало соединение Средней Азии с Россией железной дорогой, которая в 1888 г. была доведена до Самарканда.

В 1910 г. город насчитывал уже около 89700 жителей, 6185 домов, 28 караван-сараев, 105 мечетей²⁶. В это время туземная часть города являлась средоточием промышленности и торговли, как мелкой туземной, так и крупной, обороты которой были весьма значительны. Вместе с тем наблюдается классовое расслоение населения. По заявлению наших информаторов, "баев стало много", и они стали гораздо богаче, чем раньше²⁷. С другой стороны, растет мас-

²⁴ Сказанное относится только к XIX в. По-видимому, в периоды благосостояния и процветания города в нем имелось значительное количество построек с применением дерева, о чем говорят исторические и археологические данные (В.Л. Вяткин. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. /Самарканд-Ташкент/, стр.17). Истахри в своем описании Самарканда (1,318) говорит, что постройки его были из глины и дерева (В.В. Бартольд. Туркестан..., 1800, стр.93).

²⁵ Подобные примитивные курные жилища еще в конце XIX в. и даже в начале XX в. можно было встретить не только в кишлаках, но и в крупных населённых пунктах Средней Азии. Мною записаны сообщения о наличии таких жилищ в Коканде, Андижане и других городах Ферганской долины.

²⁶ В.И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913, стр.666,667.

²⁷ В.В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр.171.

са бедняков, пополняющаяся приходящими в город обезземеленными крестьянами и кустарями, разорившимися в результате проникновения на местные рынки изделий русской фабричной промышленности.

Процесс роста городов и резко возросшая классовая дифференциация городского населения нашли отражение и в архитектуре. Баи стремились затмить один другого богатством и красотой своих домов, применяя дорогостоящую роспись и резьбу по дереву и ганчу. Знакомство с русской техникой значительно расширило возможности к этому. Стены из жженого кирпича, железные кровли, остекленные окна, двери на шарнирах и многие другие нововведения и усовершенствования обильно применялись в возводимых ими в это время домах и квартальных мечетях.

Однако до самой революции круг применения подобных новшеств был очень невелик: ограничивался домами баев в городе и в самых больших кишлаках, а также некоторыми квартальными мечетями.

Только после революции все эти технические нововведения и усовершенствования вошли в обиход широких масс населения. Что касается резных и расписных декораций и интерьеров, то после революции применение их в домах резко сократилось, а в мечетях и совсем сошло на нет. Основная масса средств и усилий стала направляться на создание многочисленных монументальных сооружений общественного назначения - больниц, школ, дошкольных учреждений, институтов, клубов и т.п. Большое внимание уделяется созданию зеленых массивов - парков, скверов; водопровод заменил водоснабжение из хаузов, бывших очагами инфекции. Электричество вошло в быт горожан. Мощные к асфальтированные улицы и общественный транспорт довершают благоустройство города.

В заключение настоящего краткого введения представляется целесообразным привести накопившиеся в процессе работы над самаркандской массовой архитектурой сведения о самаркандских кварталах и квартальных мечетях. Эти данные собирались мной не специально, а лишь попутно, и, к сожалению, не представлялось возможности сверить публикуемые списки с какими-либо официальными списками в архивах, если они там имеются²⁸. Отсутствие в специальной литературе сколько-нибудь полных сведений о самаркандских кварталах и квартальных мечетях, которые часто носят одно и то же название, побуждает меня опубликовать то, что накопилось.

В основу списка легли сообщения жителя квартала Кози-Абдурасул Сузангаронской части усто Абдугани Латипова, род. в 1876 г. До революции он был мастером росписи, а после революции в течение ряда лет работал в финансовых и налоговых органах г. Самарканда. Записанные с его слов сведения проверялись потом у других лиц во всех местах, где мне приходилось бывать во время работы. Список мечетей Сиабской части был дополнен жителем квартала Муборак Сиабской части мастером Шамсиддином Гафуровым.

---

²⁸ В 1968 г. мне удалось сверить свой список кварталов с таким же списком, составленным по опросным данным **О.А. Сухаревой**, изучающей г. Самарканд. Подавляющее большинство названий оказалось одинаковым.

В дореволюционное время г. Самарканд делился на 4 части, называемые **даха** или **китъа**. В каждую из них входило около трех десятков кварталов, называемых в Самарканде, как и в Бухаре, **гузар**. Только квартал, в котором проживали местные (среднеазиатские) евреи, назывался "Махаллаи-Джугуто" вместо ожидаемого "Гузари-Джугуто" - "еврейский квартал"²⁹. Он считался самостоятельной частью, как и даха. Самаркандские "даха" или "китъа":

1. Хайробод или Поикабок, северо-западная
2. Сиоб или Каландархона, северо-восточная
3. Сузангарон, юго-восточная
4. Ходжа-Ахрор, юго-западная

I Квартальные мечети Хайрабадской или Поикабакской части.

1. Ходжа-Юсуф или Ходжа-Юсуфи-Хамадони
2. Янги-Хайробод или Навганда, или мачити-Дарвозаи-Поикабок
3. Ходжанди
4. Фатхобод или Кульобод
5. Ходжа-Зудмурод (по записям О.А. Сухаревой, Ходжа-Зулмурод)
6. Маддохи, или Маддохон, или Шо-Ориф
7. Ходжа-Джон-Ходжа³⁰
8. Кошхавз
9. Кокмачит
10. Юсуфбой
11. Кашкари
12. Шайхулислам³⁰
13. 1-я Боги-Майдон
14. 2-я Боги-Майдон
15. 3-я Боги-Майдон
16. Бустони-Хон
17. Абдулхайр или Таги-Шур
18. Дахбеди
19. Мотрид, или Дарвозаи-Арк, или Мачити-Арк, или Хаммоми-Арк
20. Ходжа-Рофи
21. Шайбонихон
22. 1-я Хавоси
23. 2-я Хавоси³¹

²⁹ В фергано-ташкентских узбекоязычных районах слово **махалла** употребляется для обозначения квартала, слово же **гузар** обозначает перекресток с несколькими торговыми лавочками, род небольшого уличного базарчика.

По сообщению Нуруллы Мирзокалонова, род. в 1870 г., незадолго до революции к городу была присоединена еще Богишамальская часть, бывшая до этого пригородом.

³⁰ По записям О.А. Сухаревой, Ходжа-Джон-Ходжа и Шайхулислам - варианты названия одного и того же квартала.

³¹ По записям О.А. Сухаревой, здесь находилось не две, а три квартальных мечети: Мачити-Бологузар, Мачити-Пастугузар и третья, название которой ей установить не удалось.

24. Суфи-Розик
25. Имом-Восе

II. Квартальные мечети Каландархонинской или Сиабской части.

1. Каландархона³²
2. Амиробод
3. Шохкаш
4. Гулакон
5. Чокарджизза или Шакарджизза
6. Джугутхона
7. Зомини
8. Халфа-Розик
9. Ялангбек
10. Факих-Абу-Лайс
11. Мирзо-Пулод
12. Кози-Гафур
13. Мир-Солехбой
14. Махдуми-Хоразм
15. Урметани
16. Шарбатдор
17. Козикалон
18. Чангаули, Чангоули
19. Карабой-Оксакол
20. Муборак
21. Биби-Хоним или Мадрасаи-Хоним
22. Каварзор³²
23. Кафтархона³²
24. Раджаб-Амин³²
25. Дари-Занджир или Культепа
26. Пистамазор (?)

III. Квартальные мечети Сузангаронской части³³.

1. Кафтархона
2. Раджаб-Амин
3. 1-я Мулиён
4. 2-я Мулиён
5. 3-я Мулиён
6. 1-я Намозго

---

³² Эти кварталы, где были пригородные сады горожан, находились за городом, вне городской стены.

³³ По записи О.А. Сухаревой, в этой части имеются ещё кварталы Ашур-Чиркин, Ваисулкаран и Ходжа-Камол.

7. 2-я Намозго
8. 1-я Каволо, или Кавола
9. 2-я Каволо
10. 1-я Ёмини
11. 2-я Ёмини
12. 1-я Тошканди или Тошканди-Орифджонбой
- 12-а. Мухамбирмачит (вторая мечеть в гузаре Тошканди-Орифджонбой)
13. 2-я Тошканди, или Тошканди-Домулло-Косим
14. 3-я Тошканди, или Тошканди-Халфа-Лаълбек, или Халфа-Лаълбек
(по записи О.А. Сухаревой, вариант Фони)
15. 1-я Ургути
16. 2-я Ургути, или 4-я Тошканди, или Тошканди-Баланд-Купрук
17. Шахрисабзи
18. Хавзи-Баланд
19. Хазрати-Умар или Умари-Абдулазиз
20. Боги-Баланд
21. Кози-Абдурасул
22. Хавзи-Сангин
23. Пули-Мирзо или Аллофи
24. Иброхим-Ходжа
25. Ходжа-Несбатдор
26. Хонако
27. Ходжа-Латиф или Ходжа-Абдулатиф
28. Каландархона

IV. Квартальные мечети Ходжаахрорской части,

1. Нуробод или Ходжа-Ахрор
2. 1-я Тали-Регак
3. 2-я Тали-Регак
4. 3-я Тали-Регак
5. 4-я Тали-Регак
6. Зингарон
7. Чакар
8. Юсуф-Харрот
9. Гури-Мир
10. Пули-Сафед
11. Хон-Саиц-Имом
12. Ходжа-Кишлок
13. Кургонча
14. Рухобод (по записи О. А. Сухаревой, вариант Саид-Бурхониддини-Клич)
15. Кулолон
16. Дегчабирьён
17. Луччакон

18. Ашур-Махмад
  19. Оксарой, или Мачити-Накшин
  20. Даниёрбек
  21. 1-я Мулло-Каландар
  22. 2-я Мулло-Каландар
  23. Эски-Каландархона³⁴
  24. Булбулак
  25. Кулба
  26. Мадрасаи-Сафед
  27. Шариф-Ходжа
  28. Лаби-Гор
-

³⁴ По записи *О.А. Сухаревой*, этот квартал относится к Сузангаронской части.

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЛЫХ ДОМОВ И КВАРТАЛЬНЫХ МЕЧЕТЕЙ САМАРКАНДА

Самаркандское жилище - это одна из разновидностей жилища среднеазиатского равнинного населения (таджиков и оседлых узбеков), которая имеет много черт, общих с жилищем других равнинных районов Таджикистана и Узбекистана, но отличается и рядом особенностей¹.

Выработка локальных форм жилища оседлого населения протекала в обстановке складывающегося на протяжении тысячелетий историко-культурного своеобразия отдельных областей Средней Азии, каждая из которых, несмотря на известную общность, имела свою историко-культурную традицию. За последние столетия формы среднеазиатского жилища во многом определялись социально-экономическими условиями Средней Азии эпохи позднего средневековья и развития здесь капиталистических отношений. Наконец, на сложение форм жилища народов Средней Азии влиял климат страны с его резко выраженной континентальностью - долгим жарким летом и короткой, но иногда суровой зимой. Это наложило на среднеазиатское жилище особый отпечаток и при устройстве его направило заботы его создателей - строителей и обитателей - по двум направлениям: сделать его удобным убежищем от жарких солнечных лучей и духоты долгих знойных дней и одновременно приспособить к проживанию в нем в холодные зимние месяцы.

В различных районах Средней Азии тот или иной момент имел большее значение и больше влиял на выработку традиционных местных форм жилища.

Так, в горных районах с их нередко очень долгой и суровой зимой и с очень несовершенными в прошлом способами обогрева жилища главное внимание было обращено на приспособление его к зимнему периоду. Такая тенденция прослеживалась, например, в традиционном жилище таджиков Припамирья, Дарваза и Каратегина², а также высокогорных районов бассейна верхнего течения

¹ Как известно, равнинные таджики и оседлые узбеки имеют в своей культуре, особенно в материальной, много общих черт, обусловленных общими историческими судьбами (История народов Узбекистана, т.1, Ташкент, 1950, стр. 11, 12; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, стр.3); так называемые в специальной литературе полукочевые узбеки, т.е. многочисленные племена узбеков - потомков дашти-кипчакских узбеков-кочевников, пришедших на территорию современного Узбекистана в конце XV в., сохранявшие почти до самой революции и даже в первые годы после нее полукочевой образ жизни, отличались и до сих пор отличаются от них многими чертами своего быта, в частности и устройством жилища, которым до революции у большинства этих племен служила юрта.

² О жилище этих районов, относящемся к так называемому припамирскому типу, см.: А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф. В кн.: М.С. Андреев. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад, 1958; А.А. Писарчик. Глава "Жилище" в кн.: Таджики Каратегинаи Дарваза. Вып. 2 Душанбе, 1970.

р.Зеравшан³. Горцы тщательно продумывали весь комплекс мероприятий, которые помогали им защитить свое жилище от холода. Прежде всего тщательно выбиралось место для будущего дома и определялась такая его ориентация, чтобы входная дверь не была обращена в сторону, откуда чаще всего дуют холодные зимние ветры; в местах с особенно колодным климатом перед основным жилым помещением строилась проходная передняя, сени, с целью предохранить жилье от непосредственного вторжения холодного воздуха. Часто помещения для скота, фуража и пр. строились рядом с жилым помещением, вдоль всех его стен, для утепления, а иногда эти помещения соединялись с жильем небольшой дверкой, позволяющей зимой достать фураж и дать его скоту, не выходя на холод. Пол жилого помещения более или менее углублялся в грунт, опять-таки для сохранения в доме тепла. Словом, здесь климатические и бытовые условия (отсутствие удовлетворительного отопления) влияли на выработку совершенно определенных форм жилища, сохранению которых затем способствовала и многовековая традиция.

В жилище равнин, где зима короче и не столь сурова, как в горах, главное внимание уделялось обеспечению прохлады, так как здесь больше досаждала людям жара. Это усугублялось также и устройством до революции среднеазиатских городов. Их узкие извилистые улицы были обычно покрыты толстым слоем пыли, поднимавшейся облаком от движения пешеходов, всадников и арб.

Характерной чертой ряда среднеазиатских городов, особенно в западной части Узбекистана, было еще отсутствие зелени на улицах и во дворах. Таковы, например, Хива и Бухара⁴. При этом отсутствие зелени не всегда было следствием невозможности вырастить древесные насаждения. По словам одного встреченного мной каршинца, в городе Карши раньше на улицах совсем не было зелени. Когда в 1929 г. начались работы по озеленению, то скептики из стариков даже подсмеивались над этим, предсказывая неудачу. Однако, к их удивлению и посрамлению, посадки прекрасно принялись. В городах восточной части Узбекистана - Самарканде, Ташкенте, в городах ферганской долины местами имеются древесные насаждения на улицах, а во дворах древесные насаждения и виноградники встречаются часто.

Равнинное жилище, особенно за последнее столетие - полтора, не имело таких резких различий, как жилище горных районов. Обычно оно состояло из одних и тех же элементов - комнаты или комнаты с передней и айвана. Однако в каждом районе вырабатывались свои характерные черты для каждого из

³ См.: **А.Н. Кондауров**. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.-Л., 1940; **М.С. Андреев**. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970; **А.С. Давыдов**. Гл. «Жилище» в кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973.

⁴ Из городов Кашка-Дарьинского оазиса лишенным зелени был, например, 20-род Карши, в то время как расположенный неподалеку от него Шахрисябз отличался обилием зелени, что отразилось и в его названии - "Зеленый город" (**В.Л. Воронина**. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. Среднеазиатский этнографический сборник. П. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVII, М.-Л., 1959).

образующих жилище элемента, а также их сочетания и характерные методы использования жилища.

В некоторых местностях вокруг города имелась полоса пригородных садов, и большая часть населения выезжала всей семьей на наиболее жаркие месяцы в эти сады. Так решалась летняя проблема, например, в Самарканде и Ташкенте⁵. Иное положение создавалось там, где таких садов не было и где, следовательно, население проживало в своих городских жилищах круглый год. Здесь задача была уже гораздо сложнее, так как жилище должно быть приспособлено и для летних и для зимних условий.

Классическое решение проблемы жилища, приспособленного к проживанию в нем во все времена года, было найдено в Бухаре. Здесь каждый, даже самый бедный и маленький дом состоял из двух ячеек - летней и зимней. Первая ориентирована строго на север, чтобы в летнюю жару быть всегда в тени, вторая расположена против первой и обращена на юг, чтобы низкое зимнее солнце возможно больше времени согревало ее своими лучами. Летняя комната всегда была выше, зимняя - ниже опять-таки для обеспечения в первой прохлады, а во второй тепла. Так как летняя комната была обращена на север и, следовательно, не только она, но и площадка перед ней находились почти весь день в тени, то здесь не чувствовалось такой нужды в айване, как в других местах, и айван в Бухаре в подавляющем большинстве домов отсутствовал.

В случае, если теснота участка не позволяла построить две комнаты, строилась только одна, летняя, обращенная на север, и в ней обитатели дома жили круглый год. Если же при такой летней комнате имелась передняя - **дахлез**, то зимой семья жила в ней, и она в таком случае называлась **дахлези зимистони** - "зимняя передняя". Небольшая по размеру и высоте такая передняя зимой бывала гораздо теплее большой высокой летней комнаты и успешно выполняла функции зимнего жилья⁶.

Иначе решалась задача приспособления жилища для проживания в нем летом в Хиве, где также не было обычая выезжать на лето из города в сады, а климат более жаркий и душный, чем даже в Бухаре, требовал еще больших забот об обеспечении прохлады. Здесь мы находим решение задачи с применением очень высокого портика - айвана⁷. Основная жилая комната - **сарой** имела небольшую высоту. Перед ней находился очень высокий, иногда чуть ли не вдвое выше её, до 7 м. и более высотой, айван (в хивинском произношении **эйван**), ориентированный, как и сарой, строго на север и в большинстве

⁵ В настоящее время - начале 70-х годов - в связи с разрастанием городов и рядом других факторов число пригородных садов у горожан значительно сократилось.

⁶ В жилище таджиков сел. Нурата, представляющем собой местный вариант бухарского жилища, жилая комната бывает обычно одна. Она ориентирована на север. Ввиду этого там среди женщин широко распространен обывай зимой в хорошую погоду выходить с работой на солнечное местечко на северной стороне двора, против дома. Иногда в этом месте двора пристраивался небольшой, обращенный на юг навес для зимнего дневного времяпровождения.

⁷ Подробнее о бухарском и хивинском жилище см. А.К. Писарчик. Жилой городской дом Бухары и Хивы. "Архитектура СССР", 1937, № 1.

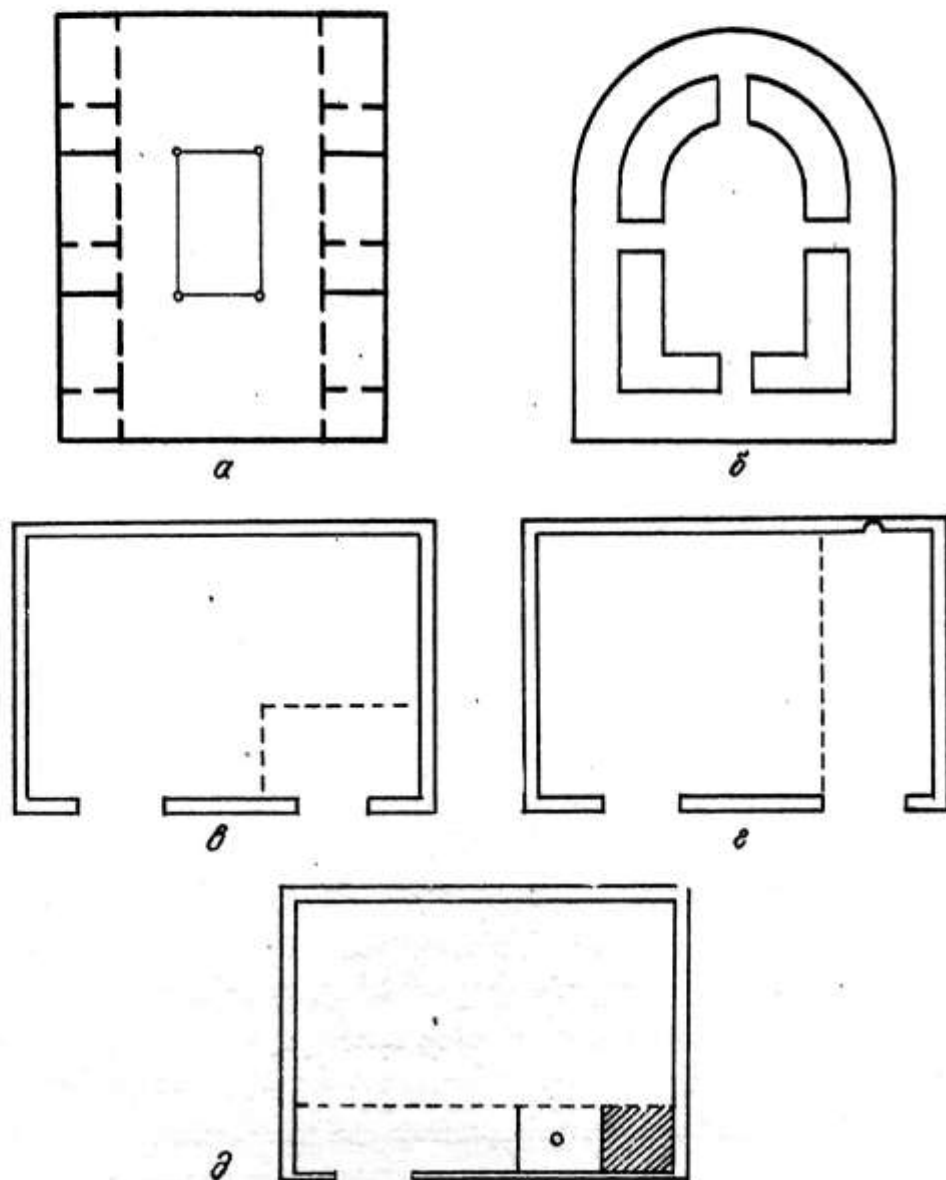
случаев значительно возвышавшийся над хозяйственными постройками и стенами, окружающими двор. Это обстоятельство наглядно выявляло ориентацию хивинского жилища. Если, встав на крышу какого-нибудь медресе или минарета, находящегося приблизительно в центре города, взглянуть на север, то можно было увидеть только задние глухие стены айванов (рис.7). При взгляде в противоположную сторону, на юг, картина менялась. В каждом дворе чернел большой проём айвана, подпертого обычно резной деревянной колонной (рис. 8). Этот айвай являлся своеобразным огромным респиратором, захватывающим прохладные токи воздуха, идущие с севера, и своей задней стенкой задерживающим их и заставляющим спускаться вниз, под айван.

Имелось и другое решение - это полное затенение двора от солнца. Оно осуществлялось двумя способами. Первый, зафиксированный архитектором Т.С. Страмцовой в ряде населенных пунктов Хорезма, - это затенение всего двора сплошным перекрытием⁸. Такие постройки в Хорезме называются *там* (крыша) в отличие от владений с открытым двором - *хеули* (дом, двор). С этим способом мне пришлось встретиться в городе Хиве, во владениях с небольшой площадью двора. Хозяйственный айван и прочие хозяйственные постройки, расположенные против главного айвана, а также стена, окружающая двор, делались здесь такой же высоты, как и главный айван. Оставшееся между главным айваном и находящимися напротив него постройками небольшое пространство двора затенялось легким перекрытием, приподнятым в виде фонаря на жердях на высоту около одного метра или более над крышами построек (рис.7, слева).

Затенение двора устраиваемым над ним перекрытием, приподнятым на стойках, применялось раньше и в некоторых других местах, например в Восточном Туркестане. По сообщению андижанского мастера Юсуф-Али Мусаева (род. в 1870 г. в сел. Шарихане, неподалеку от Андижана в Ферганской долине), когда он был мальчиком, один богатый кашгарец-эмигрант по имени Вахти-Охун по просьбе жены построил в Шарихане дом кашгарского типа, называемый *сарой*, отличающийся по своему устройству от обычных ферганских домов. План этого сароя, выполненный по моей просьбе Юсуф-Али (схема 1,а), дает картину совершенно замкнутого двора. С каждой вытянутой стороны двора было по три комнаты с небольшой передней перед каждой из них - помещения четырех жен Вахти-Охуна и их служанок. Над всей площадью двора было сооружено обычное балочное перекрытие, подпертое деревянными столбами, и свет попадал в него только через высоко поднятый на жердях фонарь -

⁸ Стенограмма доклада Т.С.Страмцовой "Архитектура Хорезма" на конференции по народному искусству в Ташкенте в мае 1941 г. (Институт искусствознания Уз.ССР в Ташкенте).

ПЛАНЫ: *а* - владенье Базти-Охуна с затенённым двором в Восточном Туркестане; *б* - сандали с жаровыми каналами под полом комнаты; *в, г, д* - типы пола в самаркандских домах.

СХЕМА 1

хашгъяк, устроенный над серединой двора» аналогичный описанному выше хивинскому (рис.7, слева). Вся площадь двора была вымощена кирпичом.

Участок Бахти-Охуна был большой. Все работники, а также скот помещались за пределами сароя. В описанном дворе сароя стояли большие кровати - **карт**, около 1 м высотой. Край кровати был огорожен невысокой деревянной решеткой – **такия-панджара** (букв, "решетка для опоры"), в середине же кровати имелся большой ящик, крышка которого закрывалась сверху. Заложив в ящик ценные вещи, его закрывали и на крышке стелили постель. В закрытый вечером двор, как выразился усто Юсуф-Али, не мог проникнуть никто, даже курица или собака.

Таким образом, жилище этого типа носит ясно выраженный оборонный характер.

В Ферганской долине жители городов в подавляющем большинстве, подобно бухарцам и хивинцам, не выезжали на лето в сады и также жили в своих городских домах круглый год. До революции выезды на лето всей семьей в пригородные сады не практиковались даже теми, сравнительно немногочисленными, людьми из среды богатых торговцев и земледельцев, у которых такие сады имелись.

То же самое наблюдалось, по-видимому, и в кишлаках. Например, в селении Шахимардан, где вверх и вниз, на север и на юг от селения расположены урюковые сады (называемые там **тала-хаули**, т.е. "полевые дворы" или просто **хаули** - "дворы" в отличие от дворов с постройками в самом селении, называемых **эшик**, букв, "дверь"), население выезжало в них только на время сбора и обработки) урожая.

Однако, во-первых, лето в Фергане не такое жаркое и душное, как в Бухаре и Хиве, во-вторых, при домах часто бывали сады или имелись древесные насаждения и виноградники, и жизнь выработала здесь другие формы жилища. Основная жилая ячейка в Фергане в большинстве случаев состояла из ориентированной на юг жилой комнаты, перед которой был расположен айван - **пеш-айвон**. Выгоды подобного устройства местные жители объясняли следующим образом. Находящийся перед домом айван летом защищает комнату от перегревания жаркими, почти отвесными лучами высоко стоящего летнего солнца, зимой же, когда солнце поднимается низко, он не препятствует косым лучам низко стоящего зимнего солнца доходить до комнаты и согреть её⁹.

В Ташкенте наиболее распространенным было жилище, состоявшее из комнаты с расположенным рядом с ней айваном или из двух комнат и айвана между ними. При этом солнце зимой беспрепятственно согревало наружные стены жилища и через открытые двери и ставни проникало в дом. Ориентация зимних городских жилищ в Ташкенте, по возможности, всегда южная. Что же касается

⁹ До революции ориентирование жилой комнаты на юг, с точки зрения мусульманского населения Средней Азии, считалось удобным еще и потому, что при обыкновении стелить на ночь постели ногами к входу в дом, т.е. к югу, а изголовьем - к северу, спящий, лежа на правом боку, был обращен лицом к Мекке, что считалось очень желательным.

летних жилищ находившихся в пригородных садах, то они часто бывали ориентированы на север¹⁰. Таким образом, мы и здесь имеем повторение схемы бухарского жилища, состоявшего из двух ячеек - зимней, ориентированной на юг, и летней, ориентированной на север. Но только в то время как в Бухаре обе эти части дома находились в пределах одного городского участка, в Ташкенте, как и в Самарканде, они были разделены - зимнее жилище находилось в городе, а летнее в пригородном саду.

В Ташкенте летние дачные жилища в садах состояли обычно из одного или двух айванов, рядом с которыми находилось небольшое помещение, называемое **худжа**, служащее для хранения в нем различного домашнего имущества.

Ещё несколько лет тому назад (запись 1936 г.) почти все также айваны были обращены своими открытыми сторонами на север. Но за последние годы ввиду того, что многие ташкентцы переселились на постоянное жительство из города в сады, жилища эти начали строиться более капитально и изменилась их ориентация. Так как в садах с густыми тенистыми деревьями, под которыми летом обитатели садов проводят большую часть дня, летняя проблема не стоит особенно остро, также постоянные жилища в ташкентских пригородных садах, как и зимние в городе, строятся обычно ориентированными на юг.

Нет нужды оговариваться, что приведенные выше для различных пунктов равнинной Средней Азии схемы жилища являлись лишь наиболее типическими и что от них бывали отклонения, вызываемые самыми разнообразными причинами. Однако характерно, что отклонения от излюбленных типических форм почти не встречались в местах с особенно жарким климатом, таких как Бухара и Хива, где выработанная веками схема жилища создавала наилучшие условия для перенесения длинного жаркого лета, в то время как в местах с более прохладным климатом, в особенности там, где население летом выезжало в пригородные сады, отклонения от нормы бывали более часты.

Последнее положение наблюдалось и в Самарканде, жилище которого разнообразно по планировке.

Помимо климата и наличия пригородных садов, на это, несомненно, оказало влияние и положение Самарканда на стыке двух больших групп районов - фергано-ташкентской и бухарской, каждая со своими сложившимися историко-культурными и эстетическими традициями, а также отмеченное выше сравнительно недавнее заселение города некоторым количеством выходцев из других мест, в том числе и мастерами-строителями.

Городское жилище

При всем разнообразии в Самарканде выделялось несколько типичных видов планировки жилых комплексов.

Наиболее распространенным в годы обследования, по моим данным, являлось сочетание комнаты и передней с айваном, расположенным под прямым

¹⁰ Сообщение ташкентского плотника усто Абдумалика Абдумажидова.

углом к ним (схема 2,а и рис.9)¹¹. Так как зимнее городское жилище в Самарканде, как и в большинстве других мест Средней Азии, предпочтительно делалось обращенным на юг, то эта схема плана обеспечивала зимой наилучшее обогревание его солнцем, чему не препятствовал расположенный сбоку айван.

Довольно часто встречалось также сочетание из двух комнат и айвана, расположенного между ними. При этом комнаты были либо обе жилые, либо одна жилая, а другая хозяйственная. К этому типу, являвшемуся наиболее характерным типом планировки жилища в Ташкенте, относится, например, схема идеального плана дома, выполненная по нашей просьбе старым самаркандским плотником-строителем усто Абдухафизом Джалиловым (схема 2,б). Подобный план в центре города встречался редко, но являлся преобладающим на окраинах и в пригородных садах при постройке в них летних жилищ, что, несомненно, определялось наличием там большей свободной площади, чем в маленьких владениях центральных кварталов города. По словам мастеров, это наиболее старая и самая удобная для всех схема плана жилья. Можно думать, что несколько десятилетий тому назад, когда еще не так чувствовалась теснота застройки, она была значительно более распространенной в Самарканде.

Третья схема близка к характерному ферганскому типу планировки. Жилище состояло из комнаты и передней, перед которыми расположен айван, так называемый **пешайвон** - "передний айван". Для Самарканда этот вид планировки не являлся характерным и в жилых помещениях семьи применялся сравнительно редко. Чаще так бывали спланированы помещения второго этажа, главным образом мехмонхоны.

По словам усто Акрама Умурова, родившегося в 1886 г., раньше планировка с пешайвоном не делалась совсем и появилась уже тогда, когда он был мастером, т.е. в первом десятилетии XX в. Однако, по-видимому, здесь можно говорить только о степени распространенности ее, так как среди обследованных мной самаркандских домов имелись и более старые дома с таким планом, например дом Маъруфа Саррофа в гузаре Аксарай, построенный в середине второй половины XIX в. Наличие такой планировки в некоторых старых домах подтверждается и свидетельством некоторых других мастеров, например усто Шамсиддина Гафурова¹².

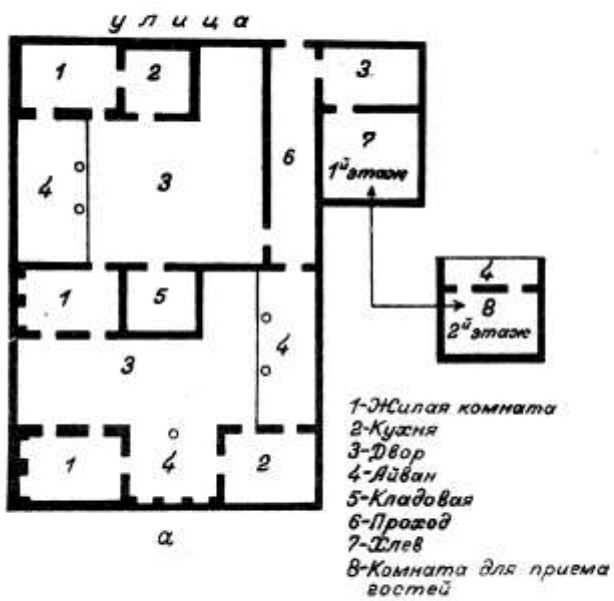
Наконец, нередко встречалась комната с передней или даже комната без передней, не имевшая айвана (рис.10).

Предпочтительной ориентацией городского жилища, как упоминалось, была ориентация на юг. Однако не всегда бывало удобно и возможно построить

¹¹ Таков и план самаркандского жилого дома в гузаре Кози-Абдурасул, помещенный в статье Н.С. Полупанова "Жилой дом в старом Самарканде" ("Архитектура СССР", 1937. №1) и план жилого дома в гузаре 2-й Ургуты, помещенный в статье А.Н. Арефьева "Старый жилой дом в Самарканде" ("Архитектура СССР". 1940, №12, стр.68).

¹² В 1973 г. я видела в к. Равак, в доме колхозника, комнату для молодежи с айваном перед ней, построенную за год или два до свадьбы (рис. 15).

*Владение Насырджона Мазокирова
в г. Самарканде
(Схематический план)*

СХЕМА
расположения строений на участке,
сделанная Усто-Абдухафизом

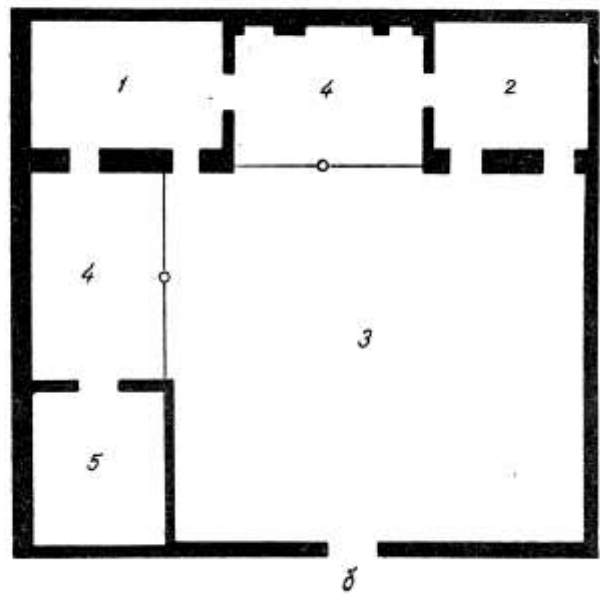

СХЕМА 2

жилой дом обращенным на юг. Иногда этому мешало другое не менее важное требование, а именно, чтобы жилое помещение было обращено фасадом ко входу во двор. Это требование чисто эстетического порядка, но ему повсюду в Средней Азии придавалось настолько большое значение, что нередко для его выполнения отказывались от наиболее благоприятной в бытовом отношении южной ориентации.

В Коканде, например, во владении мастера-плотника Милибая Баратова, расположенном на длинном вытянутом участке, вход на который находился в западном конце, построенный в 1946 г. жилой дом находился на восточной стороне владения, т.е. был обращен на запад - ориентация, считавшаяся наименее желательной. Бывало также, что южной ориентации препятствовала форма участка или то обстоятельство, что во дворе уже имелось одно жилище, ориентированное на юг, и требовалось построить другое. Тогда, в зависимости от имеющихся возможностей, старались обратить его либо на восток, либо на север. При последних ориентациях в жилище бывает темнее, чем при южной, а при северной вдобавок еще и сыро, но все же обе эти ориентации считались лучше западной. Местное население Самаркандской области, Ферганы и Ташкента считает, что хотя в жилище, обращенном на запад, и светлее, чем в ориентированном на восток или тем более на север, но так как западные ветры несут с собой часто осадки, то обращенное на запад жилище зимой бывает холодным (а в старину в него через раскрытые большей частью в течение дня зимой двери и ставни попадали дождь и снег), летом же в нем бывало жарко и душно.

Любопытно отметить перемены во взгляде местных жителей на наиболее благоприятную ориентацию жилища под влиянием новых условий современного быта. В Ташкенте, например, в старину северная ориентация городского жилища, как сказано, считалась одной из наименее желательных, так как хотя она и обеспечивала прохладу летом, но при ней зимой в комнате было темно и сыро¹³. За последние же годы, по словам ташкентского плотника-строителя усто Абдумалика Абдумаджидова, в домах учителей иногда специально строят жилые комнаты ориентированными на север: для того чтобы солнце не мешало заниматься. Следует учесть при этом, что остекление окон и применение печей европейского типа значительно ослабило зависимость температуры жилища от его ориентации.

Как известно, затворничество среднеазиатской женщины, особенно строго соблюдавшееся в городах, оказало глубокое влияние на облик местного жилья. Каждый городской дом в Самарканде обязательно делился на две части: внешнюю - **берун** и внутреннюю - **дарун**. В крупных владениях обе половины состояли из отдельных дворов с большим или меньшим комплексом жилых и хозяйственных построек в каждом из них; там же, где участок

¹³ По словам ташкентцев, в комнатах, ориентированных на север, заиндевевшие стекла в окнах не оттаивали иногда по неделям.

был мал и выделить отдельный двор не представлялось возможным, для приёма посторонних гостей-мужчин устраивалась только отдельная комната - **мехмонхона** с изолированным входом. В небогатых домах ремесленников обычно особой мехмонхоны не строили, ею служила мастерская, находившаяся во внешнем дворе.

В послереволюционные годы раскрепощение женщины явилось важным фактором, повлиявшим на изменение планировки владений. Постепенно изживается деление владения на два двора, сносится разделявшая оба двора стена и образуется один, часто удлиненный двор. Правда, особая комната для приема посторонних мужчин еще имеется почти в каждом доме, но она часто находится в общем дворе и не имеет отдельного входа с улицы, хотя вход в нее устроен всегда так, чтобы входящий не мог видеть внутренности двора.

Рассматривая планировку современных городских и сельских владений, необходимо учитывать тот факт, что значительная часть их в годы обследования являлась только фрагментом целого, а не самостоятельно задуманным и выполненным архитектурным комплексом. Это явление объясняется дроблением участков между сонаследниками, особенно усилившимся после революции. Поэтому очень важно при обследовании того или иного объекта установить его историю. Это дает возможность восстановить первоначальный план всего целого и попутно освещает условия развития города. Например, владение №27 в квартале Кози-Абдурасул, принадлежавшее Исомича Касимову, являлось всего лишь одной третью первоначального большого владения Хушкомилбая, сложившегося в 90-х годах XIX в., которое после смерти владельца было поделено между тремя его наследниками (схема 3, слева). Здесь мы видим типичный для Самарканда и других городов Средней Азии за последние десятилетия процесс дробления участков, являющийся результатом роста города, все возрастающей густоты застройки, а также процесса распада прежних больших семей.

Ознакомление с владением усто Абдурашида Джалилова в квартале Мирзо-Пулод №35 (схема 4 и рис.II) выявляет другой процесс - процесс многолетних стремлений и мероприятий, направленных на увеличение размера владения. Отец Абдурашида, усто Абдуджалил, приехав в 90-х годах прошлого столетия из Бухары в Самарканд, купил себе небольшой участок с постройками. Участок по размерам не обеспечивал нужд семьи, и усто Абдуджалил сразу же стал присматриваться к участку соседа, намечая приобрести его в будущем. Он рассчитывал на существовавший издавна обычай **шафиги**, согласно которому преимущественное право на покупку какого-либо продающегося участка при всех прочих равных условиях имел сосед. Между владельцами обоих участков неоднократно велись разговоры на эту тему. Через некоторое время сосед умер, и его наследник продал половину участка усто Абдуджалилу. Однако продать вторую половину он тогда не согласился, и она была приобретена в 30-х годах текущего столетия сыном усто Абдуджалила-усто Абдурашидом.

Таким образом, увеличение участка до задуманного размера удалось осуществить только через сорок лет и не самому усто Абдуджалилу, а только его

Бывшее владение Хушкомилбая,
разделенное между тремя его наследниками

Экспликация:

I-й б'в.в. внешн. двор	5- Мехмон хона
II-й б'в.в. внутр. двор	6- Полуподвальн.
1- Жил. комната	помещение
2- Передняя	7- Дарваза-хона
3- Диван	8- Кладовая
4- Хоз. айван	9- Проход

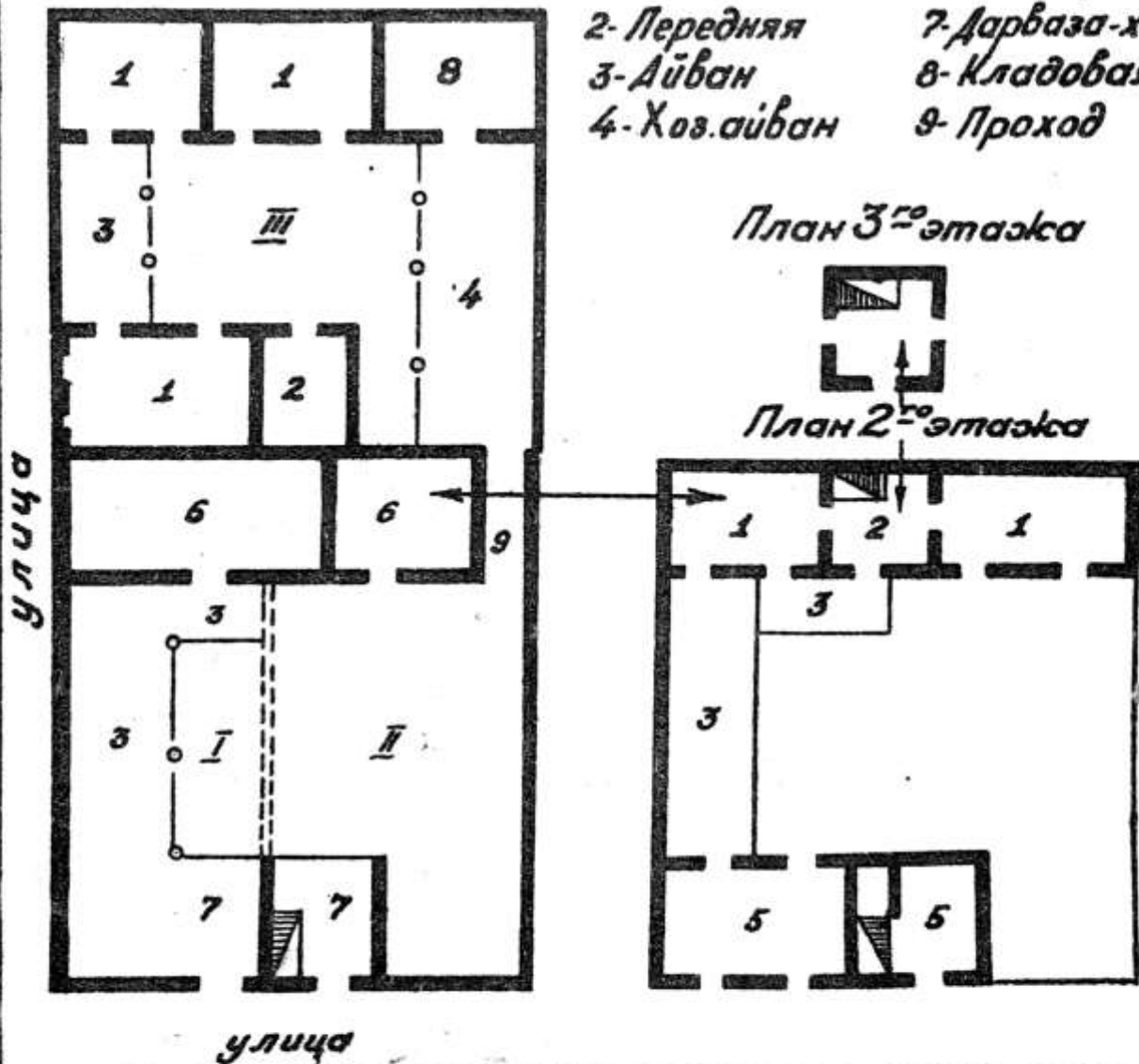
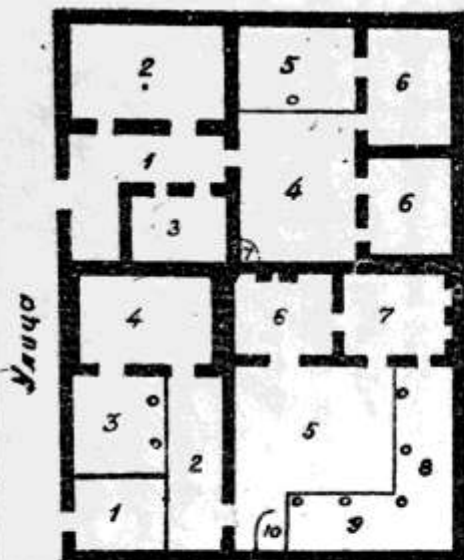

СХЕМА 3

Владение усто Абдурашида Абдуражалилова
в г. Самарканде
(Схематический план)

Застройка участка в 1890-1900 гг.
(участок принадлежал 2^{му} владельцу)

Экспликация:
Участок отца Абдурашида (внизу)
1- Дарвозахона
2- Наружный двор
3- Айван
4- Комната для гостей
5- Внутренний двор
6- Зимняя кухня
7- Жилая комната
8- Айван
9- Айван, летняя кухня
10- Уборная

Участок соседа (вверху)
1- Наружный двор
2- Мастерская
3- Амбар
4- Внутр. двор
5- Айван-кухня
6- Жилая комната
7- Уборная

Застройка участка в 1938 г.

Экспликация:
1- Дарвозахона
2- Проход
3- Айван
4- Двор
5- Жилые комнаты
6- Передняя
7- Уборная-кладовая (бывш. жил. комната)
8- Кладовая
9- Черный двор

Составила А.К. Писарчик

сыну. После смерти усто Абдуджалила принадлежавший ему участок перешел к его пяти наследникам, каждому из которых полагалось получить по равной доле. Чтобы остаться на месте, усто Абдурашид должен был откупить от прочих сонаследников их доли, выплачивая им в течение многих лет стоимость этих долей.

Идеальной планировкой участка, по представлению местных жителей, являются два двора (внутренний к внешний) с жилыми помещениями, расположенными в глубине участка против входа, а служебными - ближе к входу.

По местным эстетическим представлениям наиболее красивой считалась прямоугольная форма двора, с соотношением сторон 2 : 3. Такой прямоугольник назывался **китоби** - "книжный" и считался, как видно из его названия, наиболее соответствующим при оформлении книги¹⁴.

Неправильность участков, особенно маленьких, в центре города, заставляла прибегать к очень сложным комбинациям, чтобы добиться желательной формы двора. Очень показателен в этом отношении дом богатого торговца Усмона Бойбача (ул. Кош-Хауз, 3). Его маленький участок неправильной формы с протекавшим по двору арыком и находившимся через дорогу большим хаузом квартальной мечети был очень неудобен для постройки на нем двухэтажного каменного дома, требовавшего твердого грунта.

Для обеспечения необходимой прочности основанию постройки почти вся площадь участка на глубину трех метров была выложена жжёным кирпичом. На этом фундаменте было построено двухэтажное здание также из жженого кирпича, причем для восхождения на второй этаж была сделана витая лестница, так называемая **зинаи мунори** - "минаретная лестница" (обычно витые ступени устраиваются в минаретах), чтобы кирпичными ступенями или деревянной лестницей не загромождать и без того тесного двора.

Почти каждая стена этого дома имела в разных своих частях разную толщину, а каждый айван - разную глубину, отражая тщательно и последовательно проведенную тенденцию обеспечения наиболее красивой прямоугольной формы для двора и особенно для жилых комнат. С целью возможного увеличения площади последних они сделаны во втором этаже, который выпущен приблизительно на полметра над улицей, причем и этот выпуск, широкий с одной стороны и сходящий на нет с другой, имеет целью выпрямить комнату (рис. 12). По-видимому, именно стремлением увеличить полезную площадь комнат за счет улицы следует объяснить обилие в центре в богатых самаркандских домах конца XIX и начала XX вв. жилых комнат (чаще мехмонхона) с нависающими над улицей карнизами вторых этажей (рис. 13,14)¹⁵.

¹⁴ Такое соотношение сторон считалось наиболее гармоничным и во многих других случаях, например, при создании больших декоративных вышивок (отмечено в селении Нур-Ата).

¹⁵ Аналогичный прием встречался и в городской архитектуре некоторых других восточных и южных городов. См., например: Б.А. Куфтин. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Мемуары этнография, отдела Об-ва любителей естествозн., антропол. и этнографии. М., 1925.

О тесноте застройки среднеазиатских городов см, также: А.Д. Гребенкин. Таджики. В кн.: Русский Туркестан. Вып.2.М., 1872, стр.4.

Теснота участков и стремление максимально использовать имеющуюся площадь привели к созданию особого типа постройки, наиболее характерного для купеческих домов, особенно находящихся в центре города. Вся площадь внешнего двора обращалась в большую крытую конюшню, а над ней вторым этажом строились комнаты внешней половины, т.е., комнаты для приема гостей - мехмонхона. Обычно они были расположены по периметру или по двум или трем сторонам площадки таким образом, что середина площадки оставалась в виде небольшого внутреннего дворика второго этажа, Этот дворик был открытым, но иногда бывал перекрыт легкой двускатной или плоской крышей, приподнятой на жердях в виде фонаря.

В небольших владениях встречался и несколько иной вариант. Так, например, в загородном домике Махмудова, расположенном на косогоре по дороге из Самарканда на Сиаб, нижний этаж представлял собой открытые во двор хозяйственные навесы (конюшни?), а второй этаж - две комнаты для гостей, между которыми был расположен глубокий сквозной айван, открытый и на улицу и во двор. Потолок айвана посредине поддерживался деревянной фигурной резной колонкой, стены были покрыты ганчевыми **резьбами** панно и плоскими нишами¹⁶. Встречались и дома, где во внешней, мужской половине имелся открытый дворик, но он был так мал, что походил на глубокий, в два этажа колодец. Внизу по его периметру расположены хозяйственные постройки, вверху - мехмонхоны и перед ними узенькие айваны, огражденные по краям балюстрадой. Последние проходили перед всеми помещениями не только со стороны двора, но и с улицы, нависая над ней и опираясь на тонкие колонки.

В центре города, тоже преимущественно в греческих домах, делались полуподвальные помещения, называемые **тула**¹⁷ или **тагтула**, служившие обыкновенно складом для хранения топлива и пр. Это вызывало необходимость сооружения высокого цоколя.

В последние десятилетия перед революцией полуподвалы **тула** в центре города, где теснота застройки чувствовалась особенно остро, делались в зажиточных домах очень часто. В XIX в. их было значительно меньше.

Из наиболее старых известных мастерам случаев применения подвалов в Самарканде называли построенный до прихода русских в гузаре Камол-Ход-

¹⁶ Этот дом был обследован в 1940 г. Б.Н. Засыпкиным и А.Н. Арефьевым. Фото хранятся в фототеке управления по делам архитектуры при СМ УзССР.

¹⁷ Термин **тула** в значении полуподвального помещения, по-видимому, употреблялся и во многих других местах Средней Азии. В Фергане, в форме **ертула**, он обозначает, как и в Самарканде, полуподвальное помещение под жилым домом и, кроме того, также вырытый во дворе для хозяйственных нужд полуподвальный погреб. В Кара-Калпакии, в форме **джертула**, он обозначает врытую в землю зимнюю конюшню (любезно сообщено А.С. Морозовой). В Бухаре этот термин, насколько известно, не употреблялся. Очень распространенные в богатых бухарских домах полуподвальные помещения под жилыми комнатами, аналогичные самаркандским, назывались там **таг-хона**, т.е. "нижняя комната", подвал.

жа дом Мир-Солахбая, бывшего крупного чиновника бухарского эмира Музафара. При этом в XIX в. полуподвальные помещения бывали врыты большей своей частью в землю, выступая над ней всего только на один гяз (около 83 см). Позднее, в связи с общей для городов Средней Азии тенденцией к поднятию дома выше¹⁸, подвалы также поднимаются и наиболее поздние из них бывали мало углублены в землю.

Тенденция строить дома на цоколе с полуподвалом - тула, таг-тула в Самарканде за последние годы распространяется и в пригородах, в 1973 г. я видела жилище такого типа, построенное к женитьбе сына колхозником к. Равонак Асрором Саъдуллаевым (рис, 15), Перед домом имеется айван с высокой суфой.

Выделяются из общей массы большие дома, особенно разбогатевших купцов, построенные в 90-х годах XIX в, и в первых десятилетиях XX в. под большим влиянием русской строительной техники и оформительного искусства, по русскому образцу, но все же сохранившие частично и местные национальные черты.

Первым таким домом был, по сообщению мастеров, жилой дом богатого торговца Мир-Вафобая (Комсомольская улица, №50. бывший гузар Суфи-Розик), построенный из заводского жёного кирпича и огороженный стеной, сделанной тоже из жёного кирпича, с большой полукруглой аркой над входом во двор. Комнаты имели окна и двери русского типа и оштукатуренный потолок, украшенный, однако, местной декорацией - резьбой по ганчу. Планировка комнат в этом доме местная: комнаты расположены в ряд и перед ними имеется айван с многочисленными колоннами. Ряд деталей отделки носит тоже национальный характер. Однако таким образом строили преимущественно помещения во внешнем дворе, служившие для приема гостей. Мир-Вафобай не ограничился возведением большого жилого дома из жженого кирпича для себя, он выстроил несколько таких же домов на территории так называемого нового города (здания, занятые в 1940 г. междугородной телефонной станцией и складами пищеторга) и получал большой доход от сдачи их в аренду.

К домам этого типа относится также дом богатого среднеазиатского еврея Абрама Калама, построенный на территории нового города (Советская ул., №51), в котором в настоящее время помещается Самаркандский музей.

Говоря о различных возможных способах устройства жилища, необходимо отметить, что в Самарканде, как и в других городах и больших селениях, даже при поверхностном ознакомлении с городом, бросается в глаза различие между архитектурой центра города и окраин. Более спокойное и свободное расположение строений с преобладанием вытянутых горизонталей на сравнительно просторных участках окраин сменяется при приближении к центру точнейшим учетом каждого самого маленького клочка свободного пространства для его более рационального использования, - нагромождением помещений

¹⁸ См.: А.К. Писарчик. *Жилой городской дом Бухары и Хивы...*, стр.40.

друг на друга в два и даже три этажа, - преобладанием, если можно так выразиться, вертикальной тенденции.

Помимо этого, до революции на окраинах в области жилища, так же как и в любой другой области быта, всегда, сохранялись более архаические черты, центральные же кварталы, населенные представителями купечества и расположенные близко к базару с его массой иногородних посетителей, приносящих новые моды, вкусы и интересы, первыми усваивали все новинки. В области жилища это проявлялось в изменении планировки, применении новых строительных материалов, приёмов декорации, орнамента и т.п.

Мы не будем подробно останавливаться на описании всех помещений самаркандского дома, ограничимся только перечислением главных из них. Во внешнем дворе обычно строилось сооружение над входной калиткой или воротами-дарвозахона. Под дарвозахоной часто бывала завалинка для сиденья - суфа. В пригородных жилищах, если дарвозахона велика, ставилась большая деревянная (позднее железная) кровать - каравот, на которой принимают гостей, а когда их нет, нередко сидит семья, пользуясь прохладой и тенью. Во внешнем дворе всегда была комната или комнаты для гостей мехмонхона, айваны различного назначения: жилые - айвон и хозяйственные - бостурма, подвалы - тагхона, ертула для хранения запасов. Если дом из жжёного кирпича на высоком цоколе, то нередко в большом подвале находились мастерские. Если в хозяйстве была лошадь и скот, то тут же находилась конюшня - саисхона и хлев - огил. Во внутреннем дворе располагались жилые помещения, айваны, зимняя и летняя кухня - ошхона (если это был навес с очагами для приготовления большого количества пищи, то иногда к нему применялось название оштонхона). В кухне находилось два очага для приготовления пищи - оштони ошпази и печь - танур для выпечки лепешек. Иногда был еще небольшой очаг для кипячения чая. В нём в верхней половине в стенку вмазывался поперечный металлический прут, на который опиралось дно кувшина. Очаги обычно устраивались так, чтобы по их краям оставались небольшие площадки - кифти оштон (букв. плечи очага), на которые ставили различные предметы при приготовлении пищи. Если под котлом в очаге горит сильный огонь и пламя вырывается по бокам котла, то тут же на кифти оштоне ставится кувшин с водой, которая в таком случае кипятится без затраты дополнительного топлива. Иногда с наружного края очага (рис.16, справа) делается сверху перемячка - лаби оштон. Назначение её - укрепить края очага и удерживать в устойчивом положении котел. В старину, когда топливом чаще всего служила колючка - хор, а также неразрубленные толстые ветки и стволы деревьев¹⁹, которые по мере сгорания пододвигали в очаг, края его часто

¹⁹ По сообщению О. Муродова, в старину и даже еще в тридцатых годах текущего столетия, в года его детства в пригородах Самарканда ощущался недостаток топоров и особенно больших колунов. По воспоминаниям стариков, раньше их бывало всего несколько на весь кишлак. Сжигание неразрубленных стволов и веток практиковалось часто. Для рубки дров приглашали специалистов-дровосеков, которые приносили с собой и орудия труда. Дровосеки очень почтительно относились к ним, считалось, что непочтительное отношение к топору могло вызвать болезнь.

разрушались, отчего котел съезжал вперед.

Обычно танур устанавливался в горизонтальном положении в одном из углов кухни на специальном помосте на такой высоте, чтобы его отверстие приходилось против груди пекущей хлеб женщины. Для улучшения тяги в прилегающем к стене крае танура сбоку устраивалось отверстие - **дудбаро, дудбуру**. Под тануром часто устраивался небольшой курятник - **катак**. Крыша над той частью кухни, в которой находился танур, бывала приподнятой, и под потолком в стене устраивались щелевидные **вертикальные** отверстия - **мури** для выхода дыма (рис. 17).

Нередко во дворе устраивали еще очаги и под открытым небом для приготовления пищи в теплое время года (рис.18).

Обязательным элементом каждого дома в Самарканде была уборная - **бадраф, халоджой**, поглощающий колодец для которой рыли очень глубоким, в несколько метров. Такой глубокий колодец не переполнялся очень долго, - как говорили информаторы, до пятидесяти лет. Содержимое уборных, как правило, не извлекалось²⁰.

Мы видим здесь, следовательно, совсем иное положение, чем зафиксированное мной в Бухаре, Нур-Ата и в самаркандских пригородных владениях. Там уборные сооружались так, чтобы их содержимое было удобно периодически извлекать, чтобы использовать в качестве удобрения. В Бухаре этим занимались крестьяне окрестных селений, приезжавшие в город специально на поиски удобрений. Хозяин дома не платил ничего за очистку уборных, наоборот, получившие удобрение для своих земель крестьяне привозили ему обычно в подарок плоды своих садов.

Уборную старались расположить в незаметном месте. Если во владении имелся подвал - **тула**, то уборную устраивали в дальнем углу его, если подвала не было - где-нибудь под хозяйственным навесом или в каком-либо из хозяйственных помещений. В пригородных усадьбах, где площади были больше, уборную располагали в удаленной от входа части двора.

Для сбрасывания мелкого мусора (от подметания двора и т.п.) и для сливания грязной воды, например от стирки, в больших владениях посредине двора рыли колодец - **кудук**, в крышке которого (часто деревянной) делалось небольшое отверстие. Старшие самаркандцы вспоминают, как детей в случае непослушания или проказ пугали тем, что их бросят в такой колодец.

Для накопившегося большого количества мусора в городах бывали общие свалки - **порухона** (от **пору** - мусор, удобрение).

В пригородных владениях содержимое уборных периодически извлекалось и присоединялось к компостным кучам - **порухона**, куда высыпалась зола и всякий "нечистый" мусор. Сверху кучу посыпали землей и обкладывали накапливающимся навозом домашнего скота.

²⁰ Также глубокими делаются поглощающие колодцы уборных в сел. Кыстакоз неподалеку от Ленинабада (Н.Н. Еришов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Русайкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.-Л., 1954, стр.127).

По старой устойчивой традиции в эти компостные кучи не полагалось бросать остатки съедобных продуктов, даже недавно появившегося картофеля или огурцов, а уж тем более таких почитаемых плодов и овощей, как дыня, тыква, репчатый лук, виноград, яблоки, анджир и др. Все отходы таких плодов - корки дынь, гранатов, плодородки виноградных кистей, очищенных от ягод, кожурки яблок - скармливались скоту, а если его не было у себя или у соседей, то складывались в каком-либо "чистом" месте, в сторонке, чтобы на них никто не наступил или как-нибудь не осквернил, и они сами сгнивали и превращались в прах. Корки арбуза скармливали ослу, но корки дынь или плодородки виноградных кистей и ослу давать не полагалось, это тоже было бы их осквернением. Во всех этих запретах отражены местные земледельческие традиции, уходящие корнями далеко в глубь веков, воспоминания народа о древности ряда культур и их почитании²¹.

Жилая комната самаркандского дома -хона всегда имеет прямоугольную форму, чаще всего с соотношением сторон 2:3.²²

Наиболее распространенным определением размера комнаты в Самарканде, как и вообще среди равнинного оседлого населения Средней Азии, служило указание на число балок ее перекрытия. В зависимости от числа балок комната в Самарканде характеризовалась обычно следующими данными:

²¹ О почитании ряда сельскохозяйственных культур земледельцами Куляба см.: А.К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. Изв. ТФАН СССР, №15, Сталинабад, 1949, стр.90,91. Имеются такие же представления и у таджиков ряда других районов, например Каратегина и Дарваза (см.: Н.Н. Еришов, Гл. "Пища", в кн.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып.2. Душанбе, 1970. стр.248).

²² В Самарканде мне не удалось выявить бытования в годы обследования или в прошлом больших квадратных или близких к квадратным помещений "зального типа" с двумя перекрещивающимися матицами и поддерживающей их в месте пересечения колонной (конструктивно сходных с помещениями небольших мечетей), какие встречались мне в Фергане, в частности в Коканде в 1938-1939 гг. По словам ташкентского резчика по ганчу усто Икрама (запись 1944 г.), такие жилища он видел раньше в районе Сайрама к северу от Ташкента. По периметру стен в них, как и в жилищах припамирских и каратегинских таджиков, были устроены глинобитные нары. Это сообщение недавно было подтверждено материалами, собранными А.Н.Жилиной в 1970 и 1972 гг. на территории Южного Казахстана и Ташкентского оазиса, где ею выявлено бытование в недавнем прошлом жилища со светодымовым отверстием в крыше, оформленным в виде ступенчатого сруба и колоннами (одной или четырьмя неясно.- А.П.) в центре жилого помещения (А.Н. Жилина. О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Ср.Азии. Всесоюзн. археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии, Ташкент, 1973, стр.54,55).

Количество балок перекрытия	Количество дверей и окон-ставней	Длина	Ширина	Высота	Количество сырца, необходимого для постройки
		В гязах ²³			
7	2	4,5-5	3,75-4	3	3,5-4 тыс.
9	2	5,75-6	3,75-4	3-3,5	5,5 тыс.
11	3	7,5-8,5	4,5 ²⁴		10,5 тыс. ²⁵

Как видно из приведенных цифр, высота комнаты в Самарканде обычно бывала ниже ее ширины. Исключением являлись только самые большие одиннадцатипяти- и тринадцатипятибалочные комнаты, а также жилища среднеазиатских евреев. Жилые комнаты и айваны в них строились обычно выше, чем у окружающего местного населения²⁶. Комнаты, в которых высота равна ширине, называемые **каду бар**, считавшиеся в ряде других мест (Ферганская долина) наиболее гармоничными по своим пропорциям, здесь делались редко.

Если комната не имела передней **дахлез**, то в ней непосредственно при входе бывало прямоугольное или квадратное углубление - **пойга**, в котором входящие оставляли свою обувь и в котором находился сток для воды - **ташнау**: с поглощающим колодцем **кудук** под ним. Если перед комнатой была передняя, то **пойга** и **ташнау** делались в ней. Кудук роется около 1 м глубиной. На дно его набрасывают слой битого кирпича, а на него ставят кувшин (реже хум), в дне и стенках которого проделано несколько отверстий. Вокруг кувшина насыпают обломки жженого кирпича, чтобы отверстия не залегли глиной. Поверх отверстия кувшина или хума укладывается камень или мраморная плита (иногда с нанесенным на нее орнаментом) с отверстием посередине, а все пространство вокруг засыпается

²³ Гяз самаркандских и бухарских мастеров-строителей равен приблизительно 83 см.

²⁴ Эта ширина для комнат с земляной кровлей была предельной. Шире делались только комнаты под железной крышей.

²⁵ Сравнительно большой расход кирпича в данном случае объясняется тем, что комнаты в одиннадцать балок делались выше обычных, чтобы при большем размере не производили впечатление заниженных.

²⁶ По-видимому, это характерная этническая черта. Подобное явление нам приходилось наблюдать в домах среднеазиатских евреев и в других местах, например в Бухаре, в городах Ферганы. По словам ферганских мастеров, евреи строят комнаты такими высокими в качестве магической меры, чтобы дети их выросли высокими (*балаларим навча булсун деб*).

землей²⁷. Такой поглощающий колодец стоит, не переполняясь, 5-6 лет и более.

В наиболее старых из обследованных домов **пойга** имело форму прямоугольника, прилегающего своей длинной стороной к длинной стене комнаты, примерно на половину её (схема I, в)²⁸, в более поздних комнатах оно имело либо квадратную форму, либо вытянутую прямоугольную, прилегая в последнем случае к двери своей короткой стороной (схема I, г). Нередко при этом оно бывало настолько длинно, что доходило до противоположной стены комнаты. Бросается в глаза, что старые пойга были менее углублены, чем более поздние, уровень пола в старых домах находился почти на одной плоскости с уровнем двора, в домах же XX в. он довольно значительно приподнят.

По рассказам стариков, в середине и начале второй половины XIX в. очень распространены были дома без передней. При этом нередко в жилой комнате, в длинной стене против входа, находился очаг для варки пищи (схема I, г), оформленный в виде камина-мури с дымоходом над ним. По-видимому, именно такое устройство очага против двери определило форму описанного выше длинного узкого пойга, тянущегося от входной двери до противоположной стены. В домах, где имелась передняя, очаг находился в ней и она служила одновременно и кухней. В конце XIX и начале XX в. кухня обычно помещается во дворе, в особом помещении, где находится также танур, а передняя, почти всегда именуемая при жилой комнате, является только проходной комнатой, ведущей в жилое помещение.

За последние годы наблюдается изменение размеров и функций передней. Она делается большей, чем прежде, имея вместо пятибалочного потолка семибалочный, т.е. размеры 4x4 или 4x3,5 гяза, и в ней делается, помимо двери, еще застекленное окно, у которого зимой помещается **сандали**. Такая увеличенного размера передняя сохраняет еще свое прежнее название **дахлез**, но фактически несет функции основной жилой комнаты, где помещается вся семья, большая же комната превращается в "чис-

²⁷ Такой тип поглощающего колодца известен по археологическим данным еще с X в. См.: **Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович**. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1955 г. Докл. АН Тадж.ССР, вып.2. Сталинабад, 1954, стр.49 (ташнау в Хульбуке); **В.А. Ш и ш к и н**. "Курган" и мечеть Чор-Сутун в названиях строго Термеза. Термезская археологическая экспедиция, т.2. Тр. АН УзССР, серия I, история, археология, Ташкент, 1945, стр. 118, рис.22, 23 на стр.120 (ташнау в Термезе); встречены ташнау такого типа и при раскопках Шехр-Ислама-Языра (сообщение Б.А. Литвинского).

²⁸ В 1973 г. в одном из домов к.Кулбаи-Поён я видела помещение, в 1970г. переделанное из айвана, находившегося рядом с комнатой. Передняя сторона его была забрана застекленными рамами, поэтому оно называлось уже не айвон, а терраска. Вдоль всей передней стены этого помещения тянулось неглубокое и неширокое пойга. В удаленном от входной двери конце его, у стены, находился большой квадратный камень (для мыла и пр.), а около него был устроен водосток ташнау (схема I. д).

тую" комнату - в ней принимают женщин-гостей и т.п. Так, например, построил свой дом при его перестройке несколько лет тому назад усто Абдурашид Джалилов (см. два крайние южные помещения на схеме 4 и рис. II, справа)²⁹.

Комната для приема гостей-мужчин - мехмонхона обычно имеет небольшую переднюю. Пропорции мехмонхоны таковы же, как и жилой комнаты.

Если мехмонхона находится на первом этаже, во дворе, - что чаще всего бывает во владениях с большим участком, - то она обычно располагается против входа во двор. Но даже когда такая мехмонхона первого этажа прилегает стеной к улице, в ней никогда не бывает окон, выходящих на улицу. Этого не делали даже в годы моего обследования и тем более до революции. Но если мехмонхона располагалась на втором этаже, что бывало и бывает очень часто, особенно в небольших владениях, и выходила одной стеной на улицу, то она даже в старину чаще всего открывалась окнами-ставнями (рис. 19), а в богатых купеческих домах, построенных в XX в., часто и айванами, на улицу. Однако стены мехмонхоны второго этажа, выходящие на улицу, бывали и глухими, с небольшими горизонтально вытянутыми проемами, забранными узорными ганчевыми решетками, пропускавшими немного света и воздуха. В домах с айванами на втором этаже наружные стены комнат, выходящие на айван, покрывались декорациями - росписями и резьбой, особенно если этот айван, как это нередко бывало в XX в., по своей конструкции походил на балкон европейского типа.

В богатых купеческих домах в мехмонхонах нередко встречались еще так называемые **шахнишины** - буквально "царское место"³⁰, очень пространственные в хорошо отделанных бухарских домах и, по-видимому, заимствованные в Самарканде из Бухары, так как восточнее, в Фергане и Ташкенте, они очень редки. При обследовании в 1935-1936 гг. М.С. Андреевым и мной в Ташкенте многих старых жилищ шахнишин над передней, выходящий открытой стеной в комнату, был встречен только раз, и то он был отделен от комнаты наборной деревянной решеткой, чтобы, как говорили информаторы занимающиеся там приготовлением пищи женщины могли видеть, что происходит в комнате, но сами оставались невидимыми.

²⁹ Возможно, что здесь мы имеем проявление влияния бухарского строительства, где в тех случаях, когда теснота участка не давала возможность построить во дворе обычную зимнюю комнату, зимой для проживания семьи использовалась передняя при летней комнате (см.: А.К. Писарчик. Жилой дом Бухары и Хивы). Дело в том, что отец усто приехал в Самарканд из Бухары и связи этой семьи с Бухарой были сильны (жена усто Абдурашвда была тоже родом из Бухары).

³⁰ Возможно, что слово *ша*, *шах* в термине *шахнишин* следует понимать не в буквальном смысле - "царь", "шах", а в переносном - как жених в таджикской свадьбе, подобно жениху в русской свадьбе называется "князь", "государь" (М.С. Андреев. Таджики долины Хуф. Т.1, Тр. АН Тадж.ССР, т.7. Сталинабад, 1953, стр. 141, прим. 2) Что это так, видно из того, что в жилище старого типа припамирских, народностей и таджиков Дарваза одно из отделений нар. в доме называлось *шахин* и объяснялось, как место, занимаемое во время свадьбы женихом, хотя в настоящее время жених во время свадьбы часто сидит уже не в этом, а в другом отделении нар.

Шахнишины в Самарканде бывали двух видов – на первом и на втором этаже. В первом случае это чаще всего приподнятая над уровнем пола на 40-50 см наподобие сцены часть комнаты в удаленном от входа "верхнем", наиболее почетном ее конце, называемом **пешга** (букв. "переднее место"). Такой шахнишин целиком бывал открыт в комнату и ничем от нее не отделялся. Только иногда по краям образующей его приподнятой площадки стоит по колонне - в виденных случаях круглой, покрытой ганчевой штукатуркой, а по ней - резьбой и росписью. Так оформлен, например, шахнишин в большом зале в упоминавшемся выше доме Абрама Калама (Самаркандский музей). Только раз нами был встречен шахнишин в виде описанной приподнятой площадки пола комнаты, оформленной иначе: он был отделен от комнаты легкой деревянной перегородкой, верхняя часть которой состояла из остекленных рам (дом Узак-бая в гузаре Сари-Гор, Сузангаронской части). Шахнишин второго типа - это комната второго этажа над очень низкой передней перед мехмонхоной или между двумя мехмонхонами. Такой шахнишин низким, сделанным у самого пола окном открывается в смежную мехмонхону, давая возможность общаться между собой людям, находящимся внизу, в мехмонхоне, и наверху, в шахнишине.

При устройстве шахнишина на втором этаже над передней прилегающая мехмонхона бывает по высоте равна высоте передней с шахнишином над ней. Иногда шахнишин второго этажа открывается в две мехмонхоны, расположенные по обеим его сторонам. Таково, например, устройство комнат в мехмонхоне б. дома Хушкомилбая (схема 3 помещения второго этажа). В этом доме, как и в некоторых других, под передней имеется полуподвальное помещение **тагхона** и, следовательно, шахнишин фактически находится не на втором, а на третьем этаже.

В наиболее богатых домах иногда в мехмонхоне устраивались одновременно шахнишины обоих типов - в виде приподнятой части пола в самой комнате и на втором этаже над передней, ведущей в мехмонхону.

Если мехмонхона с шахнишином находилась на втором этаже, то под шахнишином часто помещали входные ворота (рис.13).

В старых домах шахнишины не встречались; по словам мастеров, они появились в самом конце XIX в.

В отличие от бухарских мехмонхона, которые, как правило, отделялись более скромно, чем комнаты, занимаемые семьей, в Самарканде главное внимание бывало обращено на отделку и украшение комнат для гостей, жильё же комнаты семьи оформлялись очень скромно.

В некоторых богатых домах, где позволял участок, устраивали мехмонхоны с большими расположенными друг против друга проёмами в обеих длинных стенах. В жаркое время года, когда открывались все двери-ставни, в комнате возникали сквозные токи воздуха, обеспечивающие прохладу (рис.20). Такие помещения со сквозной вентиляцией между двусторонними проемами назывались самаркандцами **дудара, чагдар**.

В годы обследования самаркандцы согревались в холодное время года главным образом посредством сандали - деревянного табурета, постав-

ленного над вырытым в полу комнаты углублением, наполняемым горячими углями. Сандали сверху покрывается большим стеганым одеялом, под края которого садятся обитатели дома, ставя ноги на перекладыны табурета и грея их над жаром. Иногда, пока еще нет больших холодов, ограничиваются высыпанием под сандали жара, остающегося в очаге после приготовления в нем пищи, в холодное же время угли заранее разжигают, чтобы от них в комнате не было угара. Зимой основным топливом для сандали является уголь. До революции это был чаще всего древесный уголь, выжигаемый казахами из саксаула. Он был очень удобен, так как его прямо подсыпали по мере надобности в ямку под сандали называемую **алоухона**, и он разгорался без дыма и угара. За последние годы (запись 1938 г.) подвоз казахами этого угля очень сократился и его заменили каменным углем. Последний гораздо менее удобен: его приходится заранее разжигать снаружи и только после прогорания засыпать в алоухона, при этом все же нередки случаи угара.

Среди стариков сохранились воспоминания о существовании в Самарканде еще в начале последней четверти прошлого столетия очень примитивного отопления, которое только условно можно назвать сандали. Самой основной частью последнего, табурета, собственно и называемого сандали, в нем не было. Посередине комнаты выкапывалось небольшое прямоугольное или квадратное углубление, на небольшом расстоянии от чего вбивались четыре кола. Когда огонь прогорал, на этих кольях помещали плоскую плетеную корзину (на которой обычно раскладывались хлебные лепешки перед помещением их в печь, чтобы дать им подойти) и накрывали её, как и современный сандали, большим квадратным стеганым одеялом, под края которого садились обитатели дома. Иногда же просто люди сидели у разведенного в комнате костра и потом, не накрывая его ничем, укладывались вокруг него спать. Таким образом, это были переходные формы от костра к сандали, причем отопление являлось, по существу, еще курным, и для выхода дыма в крыше имелось специальное отверстие - **туйнук**.

Можно отметить еще одну разновидность сандали, более усовершенствованную, встречающуюся не слишком часто и только в домах богатых людей.

Это сандали с окружавшими его под полом жаровыми каналами, обогревавшими часть пола, на котором помещались сидевшие у сандали люди. Устройство его изображено на прилагаемой схеме (схема I, б), выполненной по моей просьбе сообщившим эти сведения мастером усто Абдурашидом Джалиловым.

На месте, где намечали строить сандали, в полу комнаты рыли обычное прямоугольное углубление - **алоухона**. В одном конце оно, как и в обычном сандали, было закруглено, чтобы удобно было ставить здесь сосуд с водой. В четырех стенках алоухона, в верхней их части, дела-

³¹ Так как мусульмане обязаны после супружеских сношений произвести полное ритуальное омовение всего тела - **гусл**, то для того, чтобы иметь в нужный момент теплую воду, под сандали в жар с вечера помещался кувшин с водой.

лись небольшие проходы, соединявшиеся с окружающими алоухона миниатюрными жаровыми каналами **гулбадоу**³². Эти каналы имели ширину, равную "одному кирпичу", т.е. около 25 см, а высоту - в толщину одного или двух кирпичей, т.е. около 5–8 см. Сверху эти жаровые каналы перекрывались положенными плашмя кирпичами пола, которые и согревались горячим воздухом, проникающим в жаровые каналы из алоухона через упомянутые отверстия-проходы.

Думается, что в устройстве сандали с жаровыми каналами проявляется влияние печей с дымоходными трубами, проходящими под полом и обогревающими его, которые встречались в районах Средней Азии, расположенных восточнее и северо-восточнее Самарканда, в частности в городах Ферганской долины, где мне сообщали о них в 1938 г.

Кроме сандали, в Самарканде в старину функционировал камин - **мури**, представлявший собой сделанный в углублении в стене комнаты очаг - **оштон**, с выведенной в стене дымоходной трубой, собственно и называемой мури. Нижний проем камина, обращенный в комнату, оформлялся в виде стрельчатой арки, называвшейся **мехроб** (по ее сходству с оформляемым всегда в виде стрельчатой арки михрабом мечети). Как упоминалось выше, камин иногда делался в жилой комнате, не имеющей передней, в "нижней" ее части, расположенной напротив входной двери. В таком случае камин служил одновременно и для обогрева и для приготовления пищи, как это широко распространено до последнего времени в Ферганской долине. Чаше, однако, жилая комната имела переднюю, и камин-очаг, служивший для приготовления пищи, устраивался в ней. В таком случае передняя фактически выполняла функции кухни, которая при этом во дворе большей частью уже не делалась.

Дома с передними-кухнями, имеющими камин с очагом для приготовления пищи, строились в Самарканде до конца XIX в. и даже иногда в первом десятилетии XX в. В конце первого десятилетия камины в Самарканде совсем перестали делать, и в настоящее время многие самаркандцы средних лет даже не знают о их бытовании в прошлом. Только в худжрах медресе камины были наиболее распространенным способом отопления и бытовали до тех пор, пока функционировали медресе.

Самаркандский резчик по ганчу усто Турсун рассказал мне о существовании в Самарканде еще в двадцатых годах переносного очага, называвшегося, как кухонный очаг, **оштон**, или, как маленькая печь для выпекания хлебных лепешек, **танурча**.

Танурча представлял собой сделанную специалистом **танурсоз** корчагу без дна, сходную с аналогичной формы печью **танур**, служащей

³² Термин **гулбадоу** применяется обычно в банях местного типа - **хаммом** для обозначения узких проходов между широкими подземными жаровыми каналами.

для выпекания лепешек³³. Однако танурча был гораздо меньше по размеру и устанавливался вертикально, в то время как танур в Самарканде укладывался набок, вплотную прилегая открытым дном к стенке кухни, где он обычно помещался. Топливо в танур закладывалось через основное отверстие "корчаги".

В стоящем вертикально очаге танурча основное отверстие приходилось сверху и обычно бывало закрыто котлом. Для закладки топлива делалось отверстие сбоку, в стенке.

Летом танурча стоял во дворе, выполняя функции только кухонного очага, зимой его переносили в комнату и здесь использовали и в качестве кухонного очага для приготовления пищи, ставя котел на верхнее отверстие, и в качестве танура для выпекания в нем небольшого количества хлеба, прилепляя хлебные лепешки к накалившимся стенкам, а кроме того, также и в качестве печки для обогрева жилища. Иногда такой очаг устанавливался на деревянных носилках, выстланных кирпичом, и тогда переноска его осуществлялась совсем просто.

Упоминание о переносных очагах впервые встретилось мне в Самарканде. Позднее мне рассказывали о наличии их в прошлом в Ташкенте и Коканде, где в них иногда пекли небольшое количество хлеба, пирожки во время ночных трапез в месяце Рамазан и пр. Встречаются они местами и в горном Таджикистане³⁴.

Для послереволюционного периода характерно все большее проникновение в современное культурное самаркандское жилище, имеющее плотно закрывающиеся двери на шарнирах и застекленные оконные рамы, более совершенного вида отопления - печей. До революции голландские печи лишь изредка применялись

³³ О способе изготовления среднеазиатских тануров см.: **М.В. Воеводский**.

К истории гончарной техники народов СССР. "Советская этнография", 1930, № 4, стр.63 и сл.

³⁴ См.: **Н.Н. Еришов**. Домашние промыслы и ремесла. В кн.: *Таджики Каратегина и Дарваза*, вып.1. Душанбе, 1966, стр.255-267.

Областью широкого применения глиняных переносных очагов являлась Южная Индия (устное сообщение М.С.Андреева). Они бытовали там не только в среде местного населения, но также применялись для приготовления пищи и в кухнях у проживающих в Индии европейцев. Соответственно количеству одновременно приготавливаемых блюд число их бывает довольно значительно. Индийские переносные очажки меньше размером чем самаркандские и сходные с ними по форме каратегинские переносные очаги.

Как известно, переносные очажки, нередко орнаментированные часто встречаются в археологических находках в Самарканде и его окрестностях (В.Л. Вяткин. Афрасиаб - городище бывшего Самакканда. Самарканд, 1926, стр.52 и сл.), в Ташкентской области (Г.А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Мат-лы по археологии и этнографии Узбекистана, т.2. Тр. Ин-та истории и археол. УзССР, Ташкент, 1950, стр. 13, прим.), в замке Мунчактепе на Фархаде (В.Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. КСИИМК, вып. XIV. М.-Л., 1947, стр.107 в Центральном Таджикистане (Е.Д. Салтовская. Археологические памятники близ кишлака Рохаты. В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. Сталинабад, 1956, стр.102-105).

в описанных выше домах богатых торговцев, после революции же печи или плиты с обогревателем проникли и в жилища широких слоев местного населения, особенно в жилища местной интеллигенции.

Из типов жилищ, не встречающихся в настоящее время, но, по воспоминаниям стариков, бытовавших во второй половине XIX в., можно отметить следующие.

По словам каменщика усто Назрулло Турсунова, родившегося в 1869 г., в старину в Самарканде делали круглые в плане дома из битой глины, называвшиеся **хонаи давра** или **давра уй**, т.е. "круглый дом". Иногда их называли еще чордара, т.е. "имеющий четыре двери"³⁵.

В землю вбивали кол и к нему привязывали веревку длиной в три аршина (**се олчин**)³⁶ которой на земле описывали окружность, ограничивающую внутренность будущего жилья. За чертой начинали возводить стену, толщина которой равнялась одному аршину. Высота жилища от пола до верхней точки купола должна была равняться его диаметру, т.е. шести аршинам. При этом на стены отводилось 3,5 аршина, а на купол - оставшиеся 2,5. Такой дом имел обычно четыре дверных проема, откуда и название чордара. Зимой три двери наглухо закрывались и завешивались кошмами, открытой оставлялась только одна, четвертая; летом же все четыре двери бывали открыты и в комнате всегда был сквозняк и прохлада. По словам усто Назрулло, купол в этих домах выкладывался из жжёного кирпича на ганчевом растворе. Если он выкладывался толщиной в один кирпич, то кирпич укладывали обычным образом, все ряды одинаково, если же решали делать толщиной в два кирпича, то один ряд клался из двух положенных рядом целых кирпичей, а второй - из одного целого посредине и двух половинок - **нимтах** по бокам.

По словам усто Назрулло (1869 г.р.), он видел в молодости несколько таких домов в гузарах Зомини, Пастгузар, Хавоси, на Бозори-Ка (саманном базаре), его же отец сам строил 2-3 таких дома. Наличие в Самарканде в старину домов типа **хонаи давра** подтверждается и сообщениями других мастеров (усто Акрама Умурова, усто Абдугани Латипова, усто Кули Джалилова и др.). Хонаи давра перестали строиться в Самарканде в конце XIX в. Круглые в плане комнаты с купольным перекрытием при глинобитных стенах были обнаружены при раскопках В.Л. Вяткиным на территории древнего Афрасиаба³⁷.

³⁵ Термин чордара в значении помещения второго этажа, имеющего во всех четырех (иногда в трех или даже двух) стенах двери и ставни зафиксирован нами в самаркандо-бухарских районах, в том числе и в сел. Нур-Ата, а также в Дарвазе (Таджики Каратегина и Дарваза. Вып 2, стр.88 и 280) и в Припамирье.

³⁶ На вопрос: "Не был ли радиус равен трем гязам, а не аршинам?" усто Назрулло ответил, что при таком радиусе размер комнаты получился бы слишком большим и что считали именно на аршины.

³⁷ В.Л. Вяткин. Афрасиаб..., стр. 17; В.А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе (Раскопки В.Л. Вяткина в мае-июле 1925 г.) Изв. Узбекистанского филиала АН СССР, 1960, 12, стр.67

Самаркандские мастера говорили мне, что дома типа самаркандских старых хонаи давра сохранялись до последнего времени в Каршинском районе. Это указание подтверждается сообщением встреченного мной каршинца, родившегося ок. 1898 г., о том, что он видел круглые в плане дома с купольным перекрытием и четырьмя проемами в стенах в окрестностях к. Керкинчак Каршинского района. Жили в них узбеки и туркмены.

Возможно, что это были туркменские жилища, т.к. ныне покойная В.Г. Мошкова сообщала нам о круглых в плане домах с купольным перекрытием у туркмен и показывала фотографии таких домов³⁸. Однако в самом городе Карши подобные постройки, насколько мне известно, не делались ни за последние десятилетия ни раньше; о них ничего не говорят мастера, в сохранившемся же свидетельстве Бориса о городе Карши, относящемся к 1832 г., определенно говорится, что "все дома в нем с плоскими крышами"³⁹.

Что касается купольных или сводчатых перекрытий над прямоугольными глинобитными или сырцовыми помещениями, то о них имеется сведений больше, хотя они относятся не к Самарканду.

В 1951 г. мною было обследовано несколько построек такого типа в районном центре Микоянабаде (б. Кабадиане). Там, во дворе на территории Дорожного участка, в б. доме казия, сохранились остатки расположенных в ряд сводчатых помещений из сырцового кирпича. Размер их 4 x 4,5 м. Стены толщиной в 80 см перекрыты сводами типа **балхипуш**,⁴⁰ выложенных из прямоугольного сырцового кирпича старого типа. Стыки частей свода, выкладываемых от углов, приходятся на середину стен. В стенах много ниш, оформленных в виде арок разнообразной форм - стрельчатых и циркульных очень низкого подъема. В середине стен имелись глубокие (40 см) стрельчатые ниши, доходившие до пола, а по бокам их - более мелкие ниши, не доходившие до пола. Вся внутренняя поверхность стен и сводов была покрыта глино-саманной штукатуркой, которая в верхней части сводов отпала.

В Кабадиане такие же помещения были нами обнаружены еще в даруне (женской половине) б. дома туксабо Мулло-Вали, расположенного около Военкомата.

Имеются данные о бытовании прямоугольных жилищ с сырцовыми сводами в Туркмении - у туркмен и джемшидов⁴¹. Областью широкого применения сырцовых купольных перекрытий в жилом строительстве был до последнего времени

³⁸ Круглые в плане глинобитные дома иногда встречаются у локайцев в Южном Таджикистане. Отличие локайских домов, называемых "лойкапа", от самаркандских хонаи давра состоит в том, что перекрыты они камышом, сплетенным в виде шатра или купола.

³⁹ А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч.2. М., 1848, стр.374.

⁴⁰ См.: А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приёмы..., стр. 279, 280.

⁴¹ В.А. Левина, Д.М. Овезов, Г.А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. Тр. ЮТАКЭ, т.3. М., 1953, рис.27 и 57; А.З. Розенфельд. Qal`a (KaLa) - тип укрепленного иранского поселения. "Советская этнография", 1951, №1.

Афганистан⁴². В литературе встречаются многочисленные упоминания о сырцовых сводах в Иране⁴³.

Со слов самаркандского плотника-строителя усто Абдухафиза мной зарегистрирован еще один тип купольного жилого помещения, а именно - отрывое в лёссе купольное помещение пещерного типа. Усто Абдухафиз помнит, что когда он был еще подростком, т.е. в конце третьей четверти XIX в., его сосед по саду в пригородном кишлаке Ходжа-Гулом вырыл себе купольное пещерное жилище в прилегавшем к его участку склоне холма, а перед ним построил комнату из сырцового кирпича. Позднее подобное сооружение встретилось в окрестностях Самарканда и мне.

В январе 1940 г, мною и художником Р.А. Акбальяном в обресе кладбища около пригородного селения Махау-кишлак были обнаружены остатки вырытого в лёссе купольного сооружения неустановленного назначения (рис,21), обнажившегося при выборке грунта для расположенного рядом кирпичного завода. Свод выбивался в лёссе каким-то острым орудием» оставившем следы на его внутренней поверхности. Ни копоти, ни других явных следов жизни человека в склепе не было видно. Это сооружение, судя по характеру его ячеистых парусов, довольно архаично и, по определению архитектора Б.Н. Засыпкина, может быть отнесено к XII-XIII вв.

По словам многих самаркандцев, вырытые в холмах пещерные сводчатые сооружения имелись, частично и до сих пор имеются, в окрестностях Самарканда в большом количестве (одно из них, например, по словам моих информаторов, сохранилось до настоящего времени около так называемой могилы святого Данияра)⁴⁵, За последние десятилетия перед революцией такие пещерные помещения нередко использовались в качестве **чилла-хона** – мест

⁴² *Посетивший в начале текущего столетия афганский Мазари Шериф мой информатор самаркандский мастер усто Абдурашид Джалилов был поражен обилием там построек со стенами из битой глины и купольными сводами из сырцового кирпича. Проезжавшие через Северный Афганистан в первой половине прошлого столетия путешественники (Борне, Муркрофт) отмечали наличие купольных перекрытий, кроме Мазари Шерифа, также в жилых домах в Хульме и Хейбаке. Дома в Хейбаке "вместо террас имеют куполы и вместо трубы отверстие в крыше", говорит относительно Хейбака Борне (Указ, соч., ч.II, стр.297). Совершенно так же описывает сырцовые своды вырытых в земле сейстанских жилищ майор Ловетт, посетивший в 1872 г. сейстанское селение Дедех. "Селение это, - пишет он, - как почти все сейстанские села, было собранием земляных ям, покрытых сводами сырцового кирпича, с отверстием в центре свода, заменявшим дымовую трубу" (К. Риттер. Иран, СПб., 1874, дополнения Н. Ханькова, стр.640).*

Фото жилищ с сырцовыми купольными сводами в Нусретабаде (Сейстан) см. в кн.: А. Hamilton. Afghanistan. London, 1906, p. 87-90.

⁴³ *Изображения таких сводов в жилых домах Ирана см. в статье А.З. Розенфельд "Qal`a" (KaLa) - тип укрепленного иранского поселения".*

⁴⁴ *В этом же обресе кладбища, в стороне, виднелись следы какого-то тоже вырытого в лёссе сооружения небольшого размера с оформлением потолка в виде двускатной крыши невысокого подъема. Ввиду того, что подойти к нему не было возможности, оно осталось необследованным.*

⁴⁵ *Ср.: Абу-Тахир-Ходжа. Самария. Глава седьмая: "О пещерах и подземельях, известных своими качествами и свойствами", стр.166,167,*

совершения **чилла** - сорокадневного религиозного уединения благочестивых людей, желавших удалиться от всего мирского.

Сведения о наличии подобных отрывков в лёссе пещерных помещений в Самаркандском и соседнем Катта-Курганском районах приводятся также этнографами. О бытовании среди узбеков в местности Хон-Чарбог под Самаркандом отрывков в лёссе сводчатых сооружений, используемых в качестве сезонных жилищ, пишет Г.В. Григорьев⁴⁶. Наличие купольных помещений пещерного типа зафиксировано в 1921-1922 гг. в окрестностях к. Чоршамбе Катта-Курганского района М. С. Андреевым⁴⁷.

На территории Таджикистана отрывки в лёссе пещеры с купольным сводом обследованы в 1951 г. Н.Н. Ершовым в Московском (б. Чубекском) районе⁴⁸, а в 1953 г. - Б.Х. Кармьшевой в Дагана-Киикском районе в горах Рангин-тау (на восточном склоне, в долине р. Караманди-су, к югу от к. Фахрабада). Внутренняя поверхность стен и свода облицована толстой глиняной штукатуркой. Внутри помещения сделаны из глины кормушки-ясли⁴⁹. Целый "пещерный город" имеется в Южной Туркмении на правом берегу Мургаба⁵⁰, а также в Вахане

⁴⁶ Г.В. Григорьев. *Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 18, В этой же работе Г.В. Григорьев приводит собранные им археологические данные, на основании которых предполагает, что отрывки в лёссе сводчатые жилища пещерного типа являются наиболее древним видом жилища первобытных обитателей Средней Азии (Указ. соч., стр. 17, 18 и 25). Это предположение подтвердилось дальнейшими археологическими работами (см.: Г.В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 году. Ташкент, 1935, стр.36-38).*

⁴⁷ Личное сообщение М.С. Андреева. См. также: М.С. Андреев. *Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. Изв. Турк. Отдел. Русск. географич. общества, т.17. Ташкент, 1925, где на стр. 138 он пишет об отрывке в холме подземном пещерном помещении "с конической формы потолком, высотой приблизительно около 5 аршин".*

⁴⁸ Н.Н. Ершов. *Результаты обследования пещер в окрестностях Куляба. Докл. АН Тадж.ССР, №1. Сталинабад, 1951, Стр.49. Одно помещение, по словам Я.Н. Ершова, имело потолок "в виде неправильного шатра", а "куполообразный потолок" второй пещеры имеет форму, носящую название "пушти махи".*

К сожалению, до сих пор остаётся необследованным "подземный город", вырытый в лёссе, близ к. Бадамту (в 16-18 км на юго-восток от Куляба) ведения о котором в свое время сообщил М.А. Варыгин в статье: "Опыт описания Кулябского бекства", Изв. РГО, т.52, вып.10, Пг., 1916, стр.742. (Прим.ред.).

⁴⁹ Выражаю благодарность Б.Х. Кармьшевой за разрешение опубликовать приведенное сообщение.

⁵⁰ Об исследовании этих пещер de Laessoë см.: В.В. Бартольд. *Историко-географический обзор Ирана. Издания факультета восточных языков С.-Петербургского университета, №9, СПб., 1903, стр.26. В русской литературе они описывались многократно, см., например:*

В.В. Обручев. *По горам пустыням Средней Азии. М.-Л., 1948, стр.42-44, Об археологическом обследовании 1940 г., впрочем не давшем определенного результата в части выяснения назначения и датировки этих пещер, сообщается в статье С.А. Ершова "Археология в ТССР за 20 лет". Известия Туркестанского филиала АН СССР. 1944, 2-3. стр.33, 34.*

За последние годы раннесредневековые и средневековые постройки пещерного типа открыты в разных местах Южного Таджикистана, в частности близ Айваджа, у Султанабада, Нурека и др. (Прим. ред.).

(Припамирье)⁵¹.

Усто Абдухафиз сообщил мне еще об одном архаическом виде жилища, встречавшемся в годы его детства и юности в самаркандских пригородных садах. Это полуземлянки - жилища, врытые в землю на глубину "от одного гяза (ок. 83 см) до одного кулоча (маховая сажень, ок. 270 см)", спускаться в них приходилось по ступенькам. По-видимому, они были распространены в Средней Азии в XIX в. довольно широко, так как, кроме Самарканда, наличие их в старину зарегистрировано было со слов старых мастеров М.С. Андреевым в Ташкенте (личное сообщение), мной - в городах Ферганы - Коканде и Андижане, а также в селении Брич-Мулла (Казахская ССР), где они встречались еще в последние годы XI столетия⁵².

Квартальные мечети

Квартальные мечети Самарканда, как и мечети других городов Средней Азии, играли в прошлом в жизни населения значительную роль.

Прежде всего, мечеть являлась местом отправления религиозного культа, и в ней, в соответствии с требованиями ислама, пять раз в сутки собирались верующие данного прихода для совместного совершения намаза.

Причт мечети состоял обычно из двух лиц - имама и суфи, которые приглашались приходом (мусульманское духовенство нерукоположное, и обязанности имама мог выполнять любой грамотный человек, знающий необходимые молитвы и не имеющий физических недостатков). Имам предстоял на совершаемых в мечетях намазах, читая вслух положенные молитвы, а также отправлял все требы своих прихожан: совершал свадебный обряд **никох** (для этого всегда приглашали имама квартальной мечети, прихожанами которой была семья девушки), принимал участие в чтении Корана при совершении обрезания, прочитывал над умершим молитву **джаноза** (для чего покойника, вынесенного из дома, заносили во двор мечети), а потом провожал его на кладбище и там прочитывал соответствующие молитвы. За каждую совершенную требу имам получал особое вознаграждение деньгами и натурой. При праздновании таких семейных событий, как обрезание, свадьба, кроме прочего вознаграждения, ему еще давали халат, надеваемый на него во время праздничного пиршества, на котором он и суфи всегда присутствовали.

Главной обязанностью суфи было перед каждой молитвой выкрикивать призыв на молитву - **азон**. Кроме того, он должен был содержать в чистоте помещение самой мечети и двора. Обычно суфи обучал детей, посещающих начальную школу мактаб (в других городах эта обязанность чаще лежала на имаме мечети).

⁵¹ *O. Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir expedition. Vakhán and Garan. London, 1904, стр.87-90.*

⁵² *Жилища-землянки были отмечены в 1832 г. А. Борнсом в Афганистане у хезарейцев ("наполовину врытая в землю хижина") и неподалеку от Пешавера в сел. Джагдалак, "где люди живут не в хижинах, а в землянках" (А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч.2. стр.188 и 260).*

В Средней Азии полуземлянки известны с эпохи бронзового века (см.: В.И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. Раскопки 1953 года. "Сов. этногр.", 1954, №3, стр.72-78. (Прим. ред.).

Мактабы были при большинстве квартальных мечетей. Обучались в них мальчики начиная лет с шести (девочек учили женщины-учительницы, содержащие школы в своих домах). Первым долгом они зазубривали наизусть сборник наиболее употребительных сур Корана на арабском языке, называемый Хафтияк и составляющий, как это видно из названия, одну седьмую часть Корана.

После Хафтияка проходили таким же образом Чоркитоб - книгу на таджикском языке, в которой излагались все религиозные обязанности мусульманина, в том числе и текст молитв, прочитываемых во время намаза. К 14 годам, т.е. к возрасту, считавшемуся временем достижения мальчиками совершеннолетия, ученики уже выучивали необходимые молитвы и начинали ходить в мечеть, хотя до появления растительности на лице их места были в задних рядах молящихся. В передних рядах молились старики и наиболее уважаемые жители гузара.

На содержание имама и суфи со всех жителей гузара собирались деньги - **имомона**, большая часть которых отдавалась имаму, а меньшая - суфи.

Кроме того, нередко мечеть имела свой вакф, т.е. имущество, приносящее доход, завещанное мечети ее **бони**, т.е. человеком, давшим средства на ее постройку⁵³, с тем чтобы этот доход был использован для дополнительного обеспечения причта мечети. Иногда какой-либо из прихожан, умирая без наследников, завещал свое имущество с этой целью мечети. Например, вакф самаркандской мечети Кулло-Каландар в гузаре того же названия состоял из одного владения - двора с жильми постройками, который сдавался в аренду, небольшой лавки в торговых рядах и квартальной чайханы⁵⁴.

Обычно при мечети, во дворе, строили две небольшие комнаты - **худжра** для имама и суфи. В некоторых мечетях, помимо этого, строили еще дополнительные худжры, в которых жили бедные студенты медресе. В таком случае строитель мечети или человек, давший средства на постройку этих худжр (всякие такие сооружения считались богоугодным делом), обязательно завещал в вакф какое-либо имущество, доход с которого шел на содержание обитателей этих худжр. Например, по сообщению усто Абдугани Латипова, некий бай, по имени Усмон, выстроил две худжры во дворе мечети, находящейся при известном самаркандском мавзолее Ходжа-Абди-Дарун, и купил в вакф две торговые лавки, доход от которых шел на содержание этих худжр.

Если при мечети бывало более двух обитаемых студентами худжр, то

⁵³ Фактически часто вносимая бони сумма совсем не соответствовала его славе строителя, так как, начиная такую постройку, бони обычно широко привлекал средства жителей данного и других кварталов. Иногда приток средств был настолько велик, что намного превосходил затраты и недобросовестные бони извлекали из собранных денег пользу лично для себя.

⁵⁴ Сообщение А.Хамиджанова.

она уже считалась не мечетью, а медресе⁵⁵.

Если при мечети была тахоратхона помещение для совершения предмолитвенных омовений, род небольшой бани с горячей водой, - то строитель ее должен был сразу назначить вакф на ее содержание.

В приход одной мечети входило от нескольких десятков до сотни и более дворов. Так, в приходе мечети гузара Мулло-Каландар в Самарканде до революции, по словам местных жителей, было около сотни дворов, а в Бухаре в приходе большой мечети гузара Шо-Ахси - 360 дворов⁵⁶.

Обычно квартальные мечети состояли из зимнего помещения и айвана-террасы при нем. Часто во дворе мечети или рядом с ней находился водоем - хавз, бывали насажены деревья. Вход во двор мечети часто оформлялся проходным помещением - **дарвозахона**, на завалинках которого сидели старики в ожидании очередного намаза (вечером между двумя быстро следующими один за другим намазами - **шом** и **хуфтан** старики обычно не уходили домой, а проводили время около мечети).

В отношении планировки квартальные мечети Самарканда довольно разнообразны. Мною зарегистрировано четыре основные схемы их плана.

I. Зимнее помещение (квадратное или прямоугольное в плане) с однорядным или двухрядным айваном, служащим летней мечетью и расположенным с одной стороны помещения. Чаще всего в этом случае айван расположен с восточной стороны, т.е. перед помещением (схема 5, а)⁵⁷. Это самая распространенная схема плана небольшой квартальной мечети как в Самарканде, так и во многих других местах. Из осмотренных мною самаркандских мечетей такой план имели мечети в кварталах Эски-Каландархона, Кулолон, Хон-Саид-Имом, Боги-Баланд, 2-я Боги-Майдон, Абдулхайр, Накшин, Хавзи-Баланд,

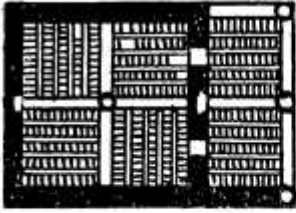
⁵⁵ По словам много бывавшего в Бухаре усто Акрама Умурова, там имелось много маленьких медресе всего с несколькими худжрами. Они назывались шутиливым ироническим прозвищем **мадрасаи машкоб** - "медресе водоноса" или **мадрасаи фаррош** - "медресе прислужника-подметальщика", т.е. медресе, якобы выстроенные на средства одного из представителей этих беднейших слоев бухарского населения. Весь вакф таких медресе состоял нередко из одной маленькой лавки на базаре, называемой **дукони сандуканок**, т.е. лавки, по своим размерам немного отличающейся от сундука, приспособленной для торговли в ней одного человека. Доход от такой лавки бывал самый мизерный.

⁵⁶ Сообщение С.Таджиддинова.

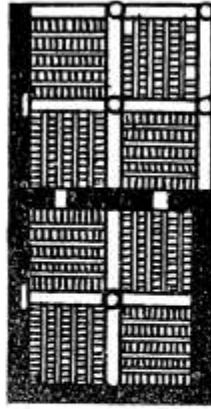
⁵⁷ Как известно, мусульманские мечети бывают обращены стеной, в которой находится молитвенная ниша мехроб, к которой обращаются лицом верующие во время молитвы, в сторону Мекки. Душ Самарканда, так же как и для большинства других городов Узбекистана, это направление является юго-западным. Фактически задние стороны мечетей в фергано-ташкентских и самаркандо-бухарских районах обращены почти точно на запад или юго-запад - запад. Любопытно сообщение Бабура о том, что между киблой медресе Улугбека и киблой мечети Мукатта, построенной им же к югу от медресе, имеется большое расхождение. "Вероятно, - пишет он, - направление киблы мечети определяли по звездам" (**Бабур Захириддин**. Бабур-намэ. Перев. М. Салье. Ташкент, 1948, стр.61).

В Хиве направлением на Мекку считается южное, и мечети там обычно ориентированы точно на юг или же на юго-юго-запад.

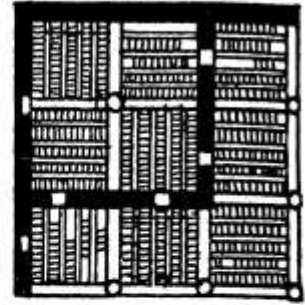
ПЛАНЫ КВАРТАЛЬНЫХ МЕЧЕТЕЙ

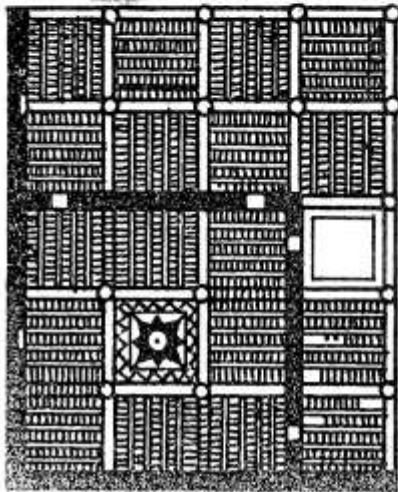
а

б

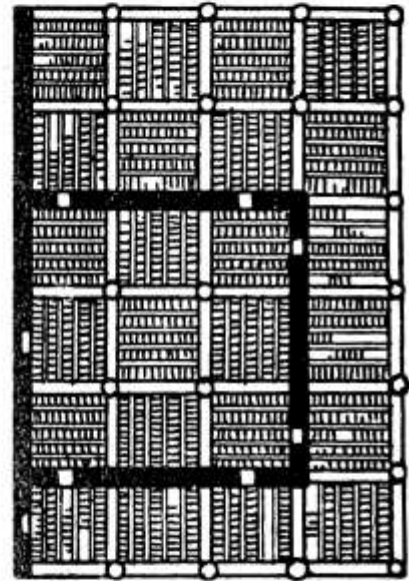
в

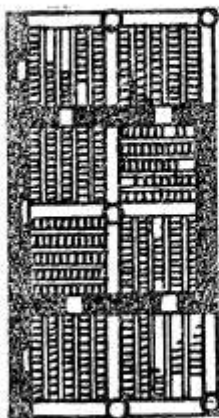
г

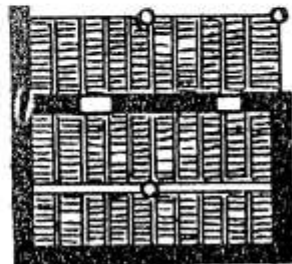
д

е

ж

з

и

СХЕМА 5

Гури-Мир, Махдуми-Хоразм, Ходжа-Джон-Ходжа, Халлофи или Пули-Мирзо, Кургонча и Зомини, а также ныне не существующая небольшая мечеть Магок около Регистана, находившаяся в углу между восточным фасадом медресе Тиллукори и северным фасадом медресе Ширдор. Реже айван располагается рядом с зимним помещением - с юга, как, например, в мечетях Каландархона, Мирзо-Пулод, Каварзор, Ходжа-Несбатдор (рис.22), или с севера (схема 5, б), как в мечетях Бустони-Хон, Шакар-Джизза, Кози-Абдурасул⁵⁸.

2. Зимнее помещение и айван, расположенный под углом с двух сторон помещения. Чаще в этом случае айваны расположены с востока и севера, как, например, в Мечетях Кашкари, Ходжа-Рофи, Юсуфбой, 2-я Мулло-Каландар, Карабой-Оксакол, Кошхавз, Рухобод, а также в пригородной мечети Даштак и в мечети при мавзолее Ходжа-Абди-Дарун, но нередко также с востока и юга (схема 5, в), как, например, в мечетях Янги-Хайробод, Шайхулислом (в последней сначала был построен айван только с юга, позднее пристроен еще и с востока), Мачити-Арк (или Дарвозаи-Арк, или Хаммоми-Арк) (рис.23), Абдулатиф, Ходжанди, Хавзи-Сангин, Хазрати-Хизр. В больших мечетях иногда с одной из сторон айван делался двухрядным, как, например, в мечети Кошхавз, Рухобод (схема 5, г).

3. Зимнее помещение и айван, охватывающий его с трех сторон. По этой схеме построена самаркандская соборная мечеть Ходжа-Зудмурад (схема 5, д)⁵⁹ Эта схема плана, иногда с большим развитием айванов, особенно боковых, поддерживаемых многими рядами колонн, характерна для пятничных мечетей городов Ферганы (кокандская, андижанская, старая маргеланская мечеть Джамии)⁶⁰.

4. Зимнее помещение и два айвана, расположенные по двум сторонам его, - северной и южной. Это странное расположение айванов, встреченное всего лишь в одном случае, в мечети 1-я Мулло-Каландар (схема 5, е), вызвало предположение о существовании в первоначальной постройке третьего айвана с восточной стороны. Однако проведенными расспросами это предположение пока не подтвердилось.

Зимнее помещение мечети называется в Самарканде, как и в фергано-ташкентских районах, **хонако**⁶¹. Большей частью оно бывает квадратным в плане, с одной или четырьмя колоннами, поддерживающими потолок, иногда же имеет вытянутую прямоугольную форму. В последнем случае потолок поддерживается двумя колоннами, реже одной (схема 5, ж, з).

⁵⁸ Такая планировка мечетей - расположение рядом зимнего помещения и айвана - часто применялась в городах Ферганы.

⁵⁹ Такой же план имеет соборная мечеть в селении Агальк, неподалеку от Самарканда.

⁶⁰ А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы..., стр.272.

⁶¹ В Бухаре этот термин в таком значении не употребляется. Там зимнее помещение называют **даруни мачит** - "внутренность мечети", а летнее - **айвон-мачит** - "мечеть-айван". По словам бухарского мастера усто Ширина Мурадова, зимнее помещение квартальной мечети, имеющее купольное перекрытие, можно назвать **хонако**, имеющее же балочное перекрытие - **нельзя**.

В Самарканде встречалось еще перекрытие куполом прямоугольного в плане помещения хонако. В нем по обе стороны очень глубокой ниши михраба расположены два небольшие помещения, выходящие дверями в мечеть (схема б), называемые **худжа** – келья, комната или **чиллахона** – помещение для совершения **чилла**.⁶² Если в них не совершается чилла, то иногда в них живут бедные студенты медресе, а то и просто хранится всякий инвентарь мечети. Кроме Самарканда, мечети с чиллахона были нами встречены в Кермине и Нур-Ата, где они относятся к концу XVIII – началу XIX в.⁶³; их много также в Бухаре. В Самарканде этот тип мечети имеется как в законченном виде (мечети Ходжа–Джон–Ходжа, 2–я Боги–Майдон, Хазрати–Хизр и мечеть в медресе Тиллокори)» где чиллахона архитектурно оформлены, имеют потолок, оштукатуренные стены и проч., так и в недооформленном (мечети Каландархона и Шарбатдор). В последнем случае боковые помещения представляют собой высокие узкие клетки, архитектурно не оформленные; в середине их видны балки креплений, стены не оштукатурены. Таким образом, эти чиллахона имеют исключительно конструктивное значение; дают возможность построить глубокую нишу михраба.

Говоря о самаркандских мечетях, следует упомянуть о наличии в Самарканде мечетей с углубленным в землю зимним помещением. Такие мечети население называет **магок** (букв. яма, углубленное место). В Самарканде таких мечетей было две. Одна, мечеть Хазрати–Умар, находилась напротив медресе Тиллокори и была разобрана в 1937 г. при разбивке на этом места парка, углубленное хонако в этой мечети существовало до последнего десятилетия XIX в., когда производилась ее перестройка и пол в хонако был поднят до нормального уровня (до того он был ниже уровня двора примерно на 1,5 м). Можно считать установленным, что мечеть Хазрати–Умар (или Масджиди–Кабуд – "Голубая мечеть"), связывавшаяся духовенством с деятельностью Абдуллы, сына халифа Умара получила это наименование, как и истолкование своего происхождения, только впоследствии. В действительности она была возведена на этом месте в правление Улугбека и именовалась в XV в. Масджиди–Мукатта (**мукаттаъ** – разрезанный на куски), т.к. она была декорирована орнаментами "ислим"⁶⁵ и "хитой", выложенными из отдельных вырезанных кусочков дерева⁶⁶. Мечеть неоднократно переделывалась заново, изменилось и

⁶² Сорокадневное уединение для молитв и религиозных благочестивых размышлений.

⁶³ А.К. Писарчик. Памятники Кермине. Материалы по истории архитектуры народов СССР. Сообщ. Ин-та теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. вып.4. М., 1944.

⁶⁴ В. В. Бартольд. Улуг-бек и его время. Записки Российской академии наук, VIII сер. По истор.-филол. отд., Т.13, №5. Пг., 1918. Стр.101. 102; М.Е Массон. Самаркандский Регистан, Труды САГУ. Нов. сер., вып. II. Гуманитарные науки, кн.3. Ташкент. 1950. стр.81-83.

⁶⁵ Современные мастера термином **ислими** обозначают орнамент из округлых линий.

⁶⁶ Бабур Захириддин, Бабур-намэ. Перев. М.Салье. Ташкент, 1948, стр.61.

МЕЧЕТЬ 2-Я БОГИ-МАЙДОН

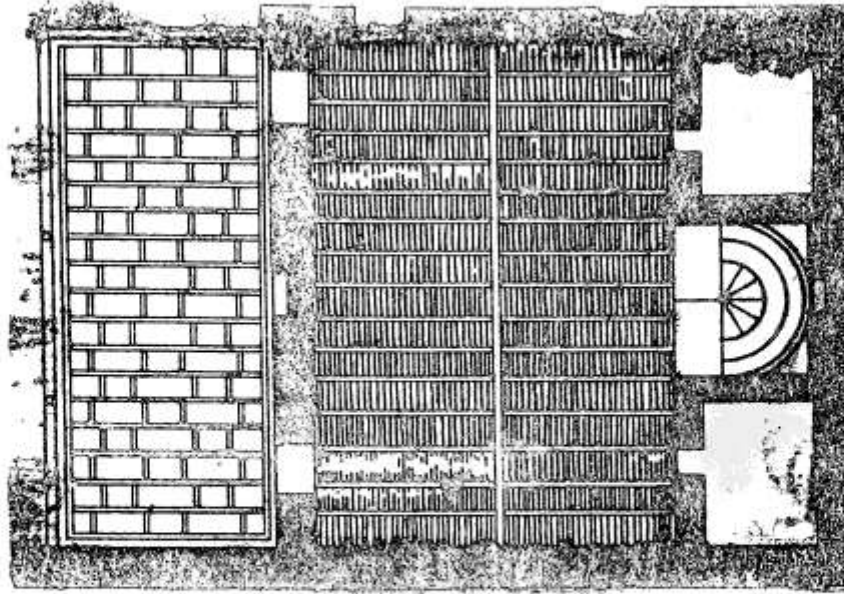

СХЕМА 6

МЕЧЕТЬ МАГОК ОКОЛО РЕГИСТАНА

разрез по АБ

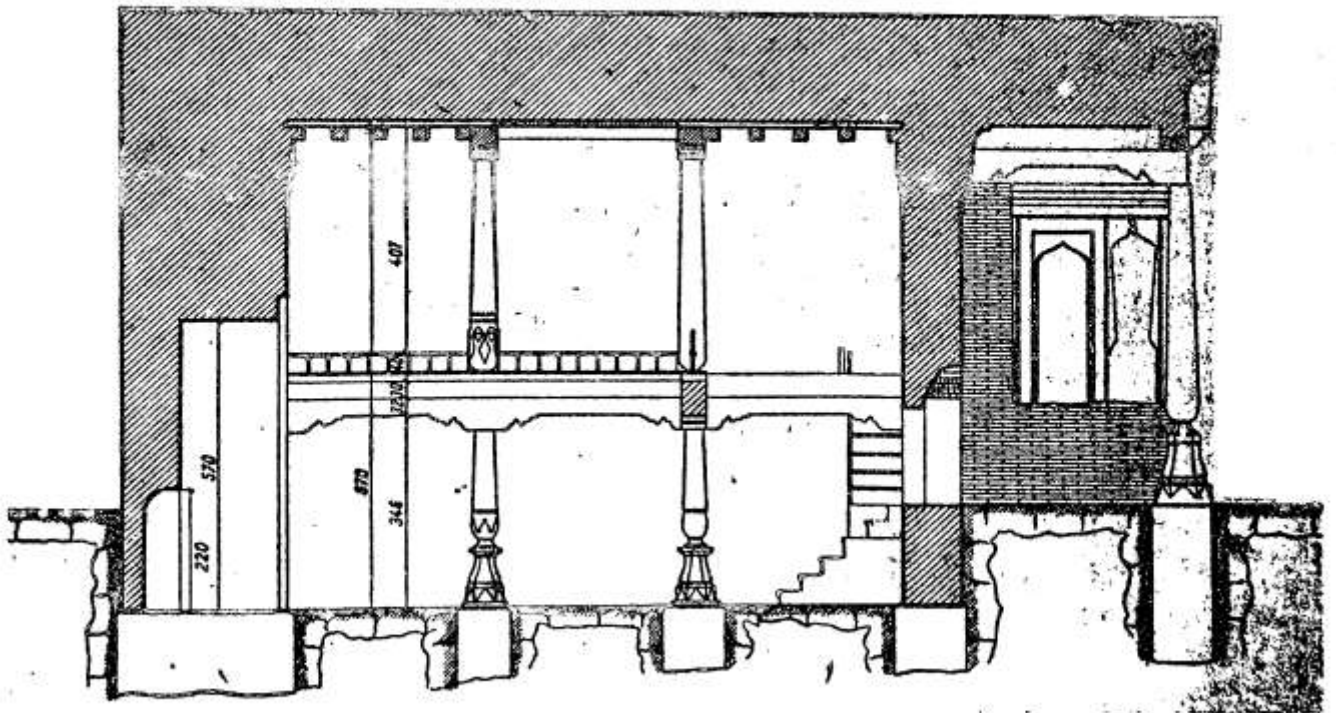

СХЕМА 7

ее название. Пол хонако мечети Хазрати–Умар соответствовал уровню пола Масджиди-Мукатта.

Вторая самаркандская мечеть типа **магок** находилась рядом с Чорсу, к северо-востоку от площади Регистан, в углу, образуемом боковыми фасадами медресе Тиллокори и Ширдор (схема 7). Ив этой мечети пол был углублён по сравнению с уровнем окружающей местности на 1,5 - 2 м. Разобрана в 1939 г., когда на ее месте был построен кинотеатр⁶⁷. Мечети подобного типа и названия, как известно, имелись в Бухаре - Магоки-Аттори и Магоки-Курпа⁶⁸.

В XX в. при мечетях довольно часто строились минареты, называемые в Самарканде **муаззинхона**, а в фергано-ташкентских районах – **мезана**. Они выкладывались из жжёного кирпича и бывали восьмигранными, шестигранными или круглыми в плане. Высота их достигала 8-11 гязов. Так, например, по словам усто Шамсиддина Гафурова, минарет при мечети Карабой-Оксакол (рис.24) имел высоту 9 гязов (около 7,5 м), минарет при мечети Муборак - 10 гязов (8,3 м), а облицованный изразцами минарет при мечети Кошхавз работы знаменитого самаркандского мастера усто Абдукадыра - 11 гязов (9,13 м) (рис.25). Фундамент под них закладывался, по словам мастеров, на высоту человеческого роста и большего радиуса, чем минарет, выступая на четверть вокруг его основания.

В XIX в. минареты строились в Самарканде далеко не при каждой мечети, имели в большинстве случаев круглую форму, бывали проще по оформлению, как, например, при мечети Ёмини (рис.26), и значительно ниже – по объяснению местных жителей, для того, чтобы муаззин, призывающий с минарета верующих к молитве, не мог видеть внутренних дворов домов и находящихся в них женщин. Только минарет соборной мечети должен был быть достаточно высок, чтобы праздничный азан был услышан всеми муаззинами квартальных мечетей города. Такой высокий минарет в отличие от обычных называется **мунор**⁶⁹.

⁶⁷ Перед разборкой была обмерена и сфотографирована Узкомстарисом. Прилагаемый чертеж (рис.28) заимствован из этих материалов.

М.Е. Массон высказал мнение, что эта мечеть более поздняя, чем описанная выше первая мечеть типа магок (см.: М.Е. Массон. Самаркандский Регистан, стр.83). (Прим.ред.).

⁶⁸ См.: В.А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр.42 и 78; он же. Мечеть Магаки-Аттари в Бухаре. Материалы по археологии Узбекистана, т.1. Ташкент, 1948.

Существует местное предание относительно появления мечетей подобного типа. Согласно этому преданию, когда Мухаммед получил от бога указание на необходимость совершения намаза, он еще не был признан большинством населения, которое, видя его за молитвой, глумилось над ним, бросало в него камни и т.д. Чтобы избавиться от этого, пророк вырыл себе пещеру, в которую и удалялся, чтобы совершать намаз без помехи.

⁶⁹ Так же объясняют незначительную высоту минаретов и в других местах, например в к. Наугилем Исфаринского района. (прим. ред.).

А. Борнс (Путешествие в Бухару, ч.2, стр.427), описывая бухарский минарет Калян, говорит, что «на вершину его никому не дозволять всходить, кроме главного муллы, и то только по пятнице для призыва правоверных к молитве. Запрещение это сделано для того, чтобы любопытные не заглядывали с него на женские половины домов в городе».

Одной из особенностей самаркандских мечетей, отличающей их от мечетей фергано-ташкентских районов и сближающих с мечетями Бухары, является наличие при многих из них **тахоратхона** (рис. 27) - специальных помещений для совершения предмолитвенных ритуальных омовений **тахорат**, построенных по типу небольших туземных бань **хаммом** с обычным для последних подземным отоплением и резервуарами с горячей водой⁷⁰. нередко со сводчатым перекрытием (рис, 28 и 29). Тахоратхона обычно состоят из квадратного помещения, в котором раздеваются, и небольших кабин - **гуслхона** для полного ритуального омовения.

Квартальные мечети в районах пригородных садов в XX в. по плану, а в отдельных случаях и по богатству отделки, часто не отличались от городских. Раньше, во второй половине и даже в конце XIX в., они бывали гораздо проще городских мечетей и часто состояли из одного только айвана, без Хонако. Например, по рассказам усто Абдухафиза, здание пригородной мечети Нурабад, в настоящее время мало отличающейся от городских мечетей, до перестройки представляло собой сооружение из трех стен в виде открытого с одной стороны айвана размером 4x4 гяза, с перекрытием в 7 балок, высотой в 3 гяза. Стены были пахсовые (из битой глины), а балки перекрытия неотесанные. Насколько известно, также простые, грубо отделанные мечети до последних десятилетий встречались и в пригородах Ташкента.

---

⁷⁰ В Бухаре тахоратхона описанного типа строились при мечетях даже чаще, чем в Самарканде. В Фергане и Ташкенте же они горячей водой не снабжались. Сплошь и рядом они представляли собой разделенные на кабины легкие деревянные сооружения, устроенные над протекающими около мечетей арыками. Самыми восточными известными нам в Узбекистане пунктами наличия при мечетях тахоратхона с подземными жаровыми каналами являются Ходжент (Ленинабад) и Канибадам. В Коканде и в городах, расположенных к востоку от него, их уже нет.

ГЛАВА II

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРИЁМЫ

Материалы

Большинство строительных материалов, применяющихся в самаркандском народном массовом строительстве, те же, что и в остальных местах Средней Азии¹. Основным строительным материалом в массовой архитектуре являлся и до сих пор является лёсс. В виде битой глины (пахса) он в старину употреблялся в жилом строительстве очень широко не только в кишлаках, но и в самом Самарканде. Ещё в семидесятых годах XIX в. большинство жилых домов в нем было из битой глины и даже дома русских первое время строились именно такими². За последние десятилетия битая глина в городе для жилых строений почти не находит применения (за исключением дворовых стен), в кишлаках же продолжают еще строить жилые помещения из битой глины, хотя и здесь ее сменяет каркас.

Комки сухой глины неправильной формы, называемые в самаркандо-бухарских районах **кулух**, в городском строительстве Самарканда в настоящее время почти совсем не применяются ни для кладки стен, ни для заполнения каркаса, хотя, по сообщению мастеров, они бытуют в кишлаках Самаркандской области, населенных узбеками. В старину, по-видимому, кулухи использовались широко и в Самарканде как для кладки стен, так и для заполнения каркаса. Об этом мы можем судить по терминологии. В самаркандо-бухарских районах для обеспечения процесса заполнения каркаса до сих пор применяется термин **кулухчин кардан**, что значит буквально "укладывать кулухи", хотя и в Самарканде и в Бухаре в настоящее время каркас заполняется не высушенными комками глины (правильной или неправильной формы), а сырцовыми кирпичами³.

Специально изготовленные из глины комки овальной формы, называемые в фергано-ташкентских районах **гувала** или **гувалак** и применяемые до последнего времени очень широко в кишлачном и в городском строительстве Ферганской долины, в самаркандском городском строительстве отсутствуют совсем и лишь изредка применяются в пригородах и окрестных кишлаках. Называются они в Самарканде, так же как и в Бухаре, **кулол**.

¹ См.: **А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приёмы...**

² Личное сообщение проф. М.Е. Массона.

³ Аналогичная устойчивость старой терминологии наблюдается и в ферганском термине **кесак-девол**. В настоящее время он обозначает стены, сделанные из высушенных овальных комков глины - **гувала**, а иногда применяется и для обозначения стен из сырцового кирпича, в время как основное значение слова **кесак** - кусок сухой глины, обломок глинобитной стены (**А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приёмы...**, стр.227, текст и прим. 2).

Пласты дёрна **чим**, использовавшиеся в некоторых местностях Средней Азии, например в некоторых селениях Ферганы, для выкладки стен, в Самарканде совершенно не используются.

Кирпич, как сырцовый, так и обожжённый, в самаркандском строительстве распространён издавна. Общее название кирпича **хишт**. Сырцовый кирпич **хишти хом** (букв. сырой, необожжённый кирпич) в Самарканде, как и повсюду в Средней Азии, бывал двух видов: квадратный и прямоугольный. До прихода русских сырцовый кирпич делали обычно квадратной формы. Поэтому позже население называло такой квадратный кирпич **хишти мусулмони** - "мусульманский кирпич" в отличие от прямоугольного сырцового кирпича, вошедшего в строительный обиход с приходом русских и называемого **саллот хишт** - "солдатский кирпич". Квадратный сырцовый кирпич назывался еще **хишти хасак** - "простой кирпич", или **хишти оби** - "водяной кирпич". Последние названия связаны с техникой изготовления этого кирпича⁴.

Размер стороны квадратного сырцового кирпича был равен 22-24 см при толщине 5-6 см. Процесс изготовления кирпича обозначался термином **хишт рехтан**, **хиштрези**, что значит "отливание кирпича".

Летом кирпич сохнет быстро. Поэтому на площадке около ямы для приготовления глины он лежал плашмя только сутки. На второй день его уже ставили на ребро, что называлось **рост кардан**, а еще через день укладывали клетками по двадцать пять штук, что называлось **саллоти кардан** - "делать по-солдатски". Сам термин указывает на заимствование этого способа просушки кирпича от русских солдат.

Этот же термин **саллоти** - "солдатский" применялся к прямоугольному сырцовому кирпичу, который делался толще квадратного, "мусульманского", кирпича и приготавливался в других формах, называвшихся **колиби хумдон**, т.е. "формы обжигательных печей". Эти формы имели дно, не имели ручек и состояли из нескольких прямоугольных ячеек, предназначенных для одновременного изготовления двух, трех и более кирпичей, для предохранения от прилипания глины их стенки не смачивались водой, а обсыпались песком.

Прямоугольный кирпич шел главным образом на сплошную кирпичную кладку стен, более же тонкий, квадратный, был удобнее для заполнения каркаса.

При этом его ставили в слегка наклонном положении, под небольшим углом.

Для обозначения такого наклонного, промежуточного между вертикальным и горизонтальным положения кирпича и в Самарканде и в других местах употребляется термин **хара**, **хара мондан**.

Жжёный кирпич, применявшийся в самаркандских постройках последнего столетия, отличался большим разнообразием размера. Дело в том, что население Самарканда, как и население других мест Средней Азии, часто использо-

⁴ См.: А.К. Писарчик. *Строительные материалы и конструктивные приёмы...*, стр.229.

вало в строительстве подходящие целые жжёные кирпичи из многочисленных разрушившихся монументальных памятников прошлого. Старые кирпичи самых разнообразных форм и размеров встречались до последнего времени в фундаментах жилых домов, в выстилке полов комнат и дворов, использованными при изготовлении поглощающих колодцев и т.п.⁵

Старый кирпич использовался не только в бытовом строительстве, из него соорудались и постройки общественного пользования. Так, например, по словам мастеров, из кирпича, разобранного в конце XIX в. угрожавшего падением минарета мечети Биби-Хоним была построена квартальная мечеть⁶.

В сознании населения живо сохранилось представление о древности употребляемых им кирпичей. Во-первых, хозяину часто бывает известно происхождение использованных в его постройке кирпичей, во-вторых, он это определяет по их форме и размеру. Широко распространенное в Самарканде название **хишти султони санджари** - "кирпич султана Санджара" прилагается одними к жёным прямоугольным тонким кирпичам с городища Афрасиаб, другими - к большим квадратным кирпичам⁷. Местное предание следующим

⁵ *Изучение формы и размера кирпичей, относящихся к определенным периодам и памятникам, является самостоятельной, очень интересной задачей. Не ставя перед собой такой задачи и не занимаясь систематическим сбором материала по кирпичам, я все же попутно, когда предоставлялась возможность, производила измерение встречавшихся кирпичей. В результате подобраны некоторые данные. Старые самаркандские обожжённые кирпичи бывают двух видов: квадратные (или близкие к квадратным) и прямоугольные.*

Размеры измеренных нами квадратных кирпичей:

24 x 24 см

26-25 см x 4,5 см

Из мечети Биби-Хоним, из 4-5 метров уцелевшей верхней части кладки

25 x 25 см x 6 см

26 x 26 x 5 см

Из Гури-Мира

28,5 x 26 x 6 см

Из мечети Биби-Хоним, кладка внизу

36 см x 36 см x 6,5-7 см

Размеры измеренных прямоугольных кирпичей:

39-38 см x 20 см x 7-6,5

Кирпичи, взятые, по словам населения, с Афрасиаба (старое домонгольское городище)

39 x 22 x 6 см

35-34 x 18 x 5,5 см

43-42 x 27-26 x 9

Остатки фундамента старых ворот по Ташкенкой улице

42 x 36 x 9 см

⁶ *По мнению ознакомившегося с данной записью проф. М.Е. Массона, это сообщение неточное, т.к. в 1897 г. была разобрана только верхняя часть минарета Биби-Хоним, что могло дать слишком незначительное (порядка нескольких сотен) количества кирпича, годного для строительства. Вероятно, правильнее полагать, что при постройке упомянутой квартальной мечети брали кирпич из руин мечети Биби-Хоним, в том числе и с развалившейся верхушки до сих пор стоящего ее углового минарета.*

⁷ *Ср.: В.Л. Вяткин. Отчёт о раскопках, произведенных в сентябре 1904 г. в местности Намазгох близ Самарканда. Изв. Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. №7, СПб., 1907, стр.15. В примечаниях к Самарии В. Л. Вяткин говорит о приложении названия "санджари" к большим сырцовым кирпичам, из которых был сложен верх стены, окружающей городище Афрасиаб (Абу-Тахир-Ходжа. Самария... , стр.225, прим.)*

образом объясняет происхождение этого названия.

У султана Санджара было несколько жен, но ни от одной из них он не имел сына. Отсутствие детей глубоко печалило царя. Однажды он сидел у себя грустнее обычного. Визирь спросил его, о чем он грустит. Он ответил: "Бог не дал мне детей, и не останется от меня на свете никакой памяти". Визирь подумал, посоветовался и предложил ему построить громадный хумдон (печь для обжига кирпича), в котором можно было бы обжигать такие большие кирпичи, каких никто никогда не делал. Эти кирпичи и останутся на память после него. Султан Санджар согласился, хумдон был построен, и в нем изготовляли кирпичи, которые и получили название "кирпичи султана Санджара"⁸.

В Самарканде, как и в других городах Средней Азии, жжёный кирпич в первой и начале второй половины XIX в. выделялся исключительно квадратной формы и применялся сравнительно мало, хотя все же значительно больше, чем в городах Ферганы и Ташкента. Из него строились только медресе, бани и подобные им капитальные постройки, а также самые богатые квартальные мечети. В жилых домах квадратный жжёный кирпич и в это время и позже использовался только на фундамент, а в богатых домах еще на выстилку полов.

Начиная с конца XIX в. с введением в строительный обиход заимствованного от русских жёного кирпича прямоугольной формы стандартного размера область применения жёного кирпича значительно расширилась. Из него стали строить в большом количестве квартальные мечети, а также и частные дома, чего раньше почти совсем не практиковалось. Такому распространению жёного кирпича, по-видимому, способствовал, с одной стороны, происходивший в это время процесс обогащения городской буржуазии, с другой - введение заводских кирпичных печей опрокидного пламени, значительно упростивших, ускоривших и удешевивших производство этого кирпича.

До прихода русских обжиг кирпича производился в печах местного типа - **хумдон**, которые бывали рассчитаны на изготовление 20, 30 и 40 тысяч кирпича и соответственно назывались **бистхазори**, **сихазор** и **чилхазори**⁹.

Кирпичные заводы опрокидного пламени на жидком топливе начали строиться в Самарканде в самом конце XIX, в. Их называли **шайтон хумдон**, т.е. "чертовы хумдоны". Любопытно, что в Самарканде первый такой завод был, по словам стариков, выстроен местным жителем, известным самаркандским мастером каменщиком усто Абдукадыром. Этот хумдон находился неподалеку от Куна-Намазга (Старой Намазга), около здания, где в годы

⁸ Ср.: Н.И. Веселовский. *Существуют ли в Средней Азии подделки древностей? Зап. Восточного отд. Русского археол. об-ва, т.1, вып. I. СПб., 1886, стр.112; В.В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр.51. (Прим.ред.).*

⁹ *Подробное описание хумдонов см.: А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы..., стр. 231 и сл.*

обследования находилась республиканская больница.

Несмотря на то что в XX в. кирпичных заводов в Самарканде было построено много, они всё же не удовлетворяли полностью возросшей потребности в жённом кирпиче и наряду с ними продолжали функционировать и старые местные хумдоны.

Топливом при обжиге кирпича в местных хумдонах служила чаще всего полынь или верблюжья колючка. Последняя предпочиталась, и кирпич, обожжённый на ней, считался лучшим. Изредка применялось древесное топливо.

Огонь поддерживался в течение 2 - 2,5 суток. Топливо забрасывалось при помощи длинных железных палок – кашак. Когда предполагали, что кирпич готов, в замурованных проемах печи делали небольшое отверстие и особыми клещами **амбур** вынимали несколько кирпичей для проверки.

Поверхность стен, сложенных из битой глины или из сырцового кирпича, обычно в небогатых жилых домах и в хозяйственных постройках оштукатуривалась лёссом, к которому иногда добавлялись керамические глины (**гилмоя**, **кзылкесак** и др.). Глиняная штукатурка за последние десятилетия делается всегда с саманом. В сохранившихся богатых домах и хорошо отделанных старых мечетях начала второй половины XIX в. и более ранних встречается глиняная штукатурка, в которую вместо самана для связи примешан камышовый пух, пух рагозы – **тузгок**, добавляющийся до сих пор местными гончарами к глине, из которой выделяется мелкая посуда¹⁰. Такая штукатурка с примесью тузгока называется **тузгоккори**.

По словам самаркандского мастера усто Акрама, для приготовления штукатурки тузгоккори брали пуд "красной земли" – **хоки сурх** (по-видимому, лёсса), 10 фунтов гончарной глины **гилмоя** и 1 фунт камышового пуха **тузгок**. Постройки с такой штукатуркой встречались нам в Самарканде и в Ургуте. Во всех виденных случаях по штукатурке штампом был выдавлен орнамент. По-видимому, замена самана тузгоком связана именно с техникой орнаментации: на грубую саманную штукатурку невозможно было бы нанести тисненый штампом орнамент, тонкая же тузгоковая штукатурка для этого вполне пригодна.

Более широко для оштукатуривания стен богатых построек как в XIX., так и в XX в. применялся местный алебастр различных сортов, называемый в Самарканде, как и в бухарских районах, **гач** или **ганч**.

По словам усто Кули Джалилова, свой местный ганч имеется в Самарканде только в одном месте – на холмах Чулан-Ата¹¹. Ганч здесь залегают вместе с гончарной глиной **гилмоя**, местами сплошными пластами,

¹⁰ *Е.М. Пещерева. Гончарное производство Ср.Азии. Л., 1959, стр. 158*

¹¹ *Холмы Чупан-Ата, называвшиеся еще в XV в. Кухак ("горка"), по сообщению Истахри, уже в X в. служили местом, откуда брали камни для городских построек и глину для выделки сосудов и других предметов (В.В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, П. СПб., 1900, стр.88).*

местами вперемешку с глиной, так что при добычании приходится их разделять. Чупанатинский ганч неплохого качества, но имеет после обжига красноватый оттенок, получающийся от примеси глины и лёсса. При добычании его сначала отбивали рыхлую породу киркой - **метин**, а потом выгребали её лопатой - **бел** или кетменем - **каланд**.

Ганч в Чупан-Ата залегает глубоко, и чтобы добраться до него, приходилось предварительно рыть проходы-штольни. Во время работ по добычанию ганча рыхлая порода иногда обваливалась, хороня под собой работавших. Это послужило причиной запрещения добычи здесь ганча около начала XX столетия, после чего нужды населения удовлетворялись исключительно привозным ганчем, главным образом ганчем из Пенджикента. В Пенджикенте имеются залежи ганча нескольких сортов:

1. **Гачи регак**, т.е. "песочный ганч", "ганч в виде песка". Залежи этого ганча имеются в окрестностях кишлака Гарибак, прямо на поверхности земли. Добыча его сводится к сгребанию его кетменём. Гачи регак обжигается очень быстро. Его насыпают в большой котел и нагревают, мешая лопатой, до тех пор, пока из него не начнут выделяться пузырьки газов, т.е., как говорят мастера, до тех пор, пока он "закипит". Этот ганч настолько мелок, что дробить его нет нужды. После обжига его просеивают через крупное решето и продают. Качество гачи регака посредственное.

2. **Гачи тунук** = "тонкий ганч". Он залегает тонкими пластами в местности Амондара. Его разворачивают киркой (**метин**) и ломом (**мисрон**) и собирают кетменем. По качеству этот ганч лучше, чем чупанатинский ганч или пенджикентский гачи регак.

3. **Гачи ёри**, называемый так по названию гор, в которых он залегает сплошной каменной глыбой, неподалеку от большого селения Ёри на правом берегу Зеравшана. При добычании приходилось взрывать его порохом. Ганч **ёри** очень хорошего качества, он не уступает ганчу из местности Чет-Арык около г.Кагана и касанскому ганчу. В обоих местах ганч тоже залегает каменными массивами и добывается при помощи взрывания.

Добычанием и обжигом ганча занимались специалисты, называвшиеся **гачпаз**.

Местная печь для обжига ганча называется, так же как и печь для обжига кирпича и гончарная печь, **хумдон**. Она состоит из ямы, называемой **чукурии хумдон**, глубиной в один метр и диаметром около двух метров. Сначала, до высоты полуметра, она копается меньшего радиуса, потом оставляется полочка (**рафак**) шириной около 40 см и дальше, до поверхности земли, копается уже увеличенным на 40 см радиусом. Выше строится стенка толщиной в один кирпич. Вся внутренняя поверхность вырытой ямы выкладывается сырцовым или лучше жённым кирпичом в полтора кирпича, в самой нижней части ямы имеется отверстие - **гулах** для закладки топлива, а перед ним роется проход, род пандуса, для человека, поддерживающего огонь в топке.

Куски обжигаемого ганча укладываются над топкой в виде купольного свода. Поверх получившегося свода насыпают ганчевую мелочь, чтобы через крупные отверстия не выходило слишком много огня. Топят дровами, поленью или верблюжьей колючкой в течение пяти-шести часов. Каменный уголь не годится, так как дает слишком высокую температуру и короткое пламя и ганч перегорает.

В хумдоне диаметром около 2 м за один обжиг можно получить 3-4 тонны ганча.

После того как кончали топить хумдон, все дымоходы и топку замазывали, ганч оставался в неразобранном виде до полного остывания - зимой в течение шести часов, летом больше. Разбирая содержимое хумдона, обычно откладывали отдельно незакопченные куски, которые получались главным образом в средней части уложенного свода из камней средней величины. От больших кусков, уложенных на верху свода, которые были закопчены больше всего, брали только середину (**магз**), соскабливая ножом верхний закопченный слой. Закопченный ганч шел на изготовление **тезгач**, а белый, на **гулгач**.

Ганч дробился на специальных площадках, называвшихся **почол**, ударами по разложенным кускам ганча железной гири - **охан**, привязанной к полутораметровой бечевке. Для площадок выбиралось твердое место, чтобы ганч не пачкался, смешиваясь с землей. В Бухаре некоторые владельцы хумдонов, особенно заботливо относившиеся к качеству своей продукции, вымащивали площадки для дробления ганча крупным бульжником, чтобы ганч задерживался в имеющихся между камнями крупных гнездах и не разлетался. Если особенно были заинтересованы в чистоте и тонкости ганча (например, при приготовлении его для резных панно, сталактитов и т.п. то ганч для приготовления гулгача размельчали в особых ступах **угур**, выдолбленных в деревянных колодах, деревянным пестом **даста** с набитыми на конец его толстыми гвоздями с большими головками.

Размельченный ганч просеивался гачпазами через особое решето **чошгалбер** с отверстиями около квадратного сантиметра. Перед работой мастер просеивал ганч второй раз через решето с меньшими отверстиями - **дастгалбер**, а гулгач, идущий на тонкие работы, просеивали еще через сито **элак**.

Недообожженные частицы ганча отличаются от нормального ганча большей твердостью. Поэтому при дроблении они не рассыпаются в порошок, а остаются в виде кусочков **чор**, которые отделяются при просеивании ганча через решето. Из них в смеси с землей (полтора ведра земли на ведро ганча) готовили состав, называемый **гачхок** или **шулагач**, употребляемый на грубые, но требующие прочности работы, например на нижний слой штукатурки и т.п.

Как указывает специалист по строительным материалам Н. С. Гражданкина, добавка просеянного грунта приводила к повышению пластических свойств сырого ганчевого раствора. По ее данным, гачхок, применявшийся как связы-

вавший раствор в кладке самаркандского медресе Улугбека содержит от одной трети до двух третей лёсса (по объему), а кладка Чупан-Аты велась на гачхоке, содержащем до половины (по объему) "...естественной или искусственной примеси чупанатинской глины и лёсса"¹².

Более грязный, с примесью копоты ганч шел на изготовление ганчевых досок, образующих мелкие ниши в стенах, на доски, помещаемые между рядами сталактитов, на грубую штукатурку и т.п. Гулгач шел на верхний слой штукатурки, на отделочные работы - резные и расписные панно, решетки, бордюры, сталактиты и проч.

Нормально разведенный раствор **тезгач** обладает способностью очень быстро схватываться. Поэтому его разводили в процессе работы, понемногу, в небольшой посуде, например в большой чашке **шокоса** (диаметром около 20 см)¹³. Для разведения ганча назначался специальный человек - **гачсоз**, обязанность которого заключалась в том, чтобы понемногу разводить водой ганч и подавать его по мере надобности работающему мастеру.

Для замедления застывания тезгача в него добавляли местный клей - ширеш¹⁴. Это давало возможность лучше выгладить штукатурку на больших плоскостях, пока она еще не совсем затвердела. Таким образом замедлялось застывание ганча при выполнении ганчевой мозаики **кърма**, т.е. при нанесении окрашенного в разные цвета ганча в углубленные места, из которых предварительно по рисунку выбран грунт.

Однако для выполнения резных работ такой способ замедления застывания ганча не годился, так как, во-первых, замедление застывания все же было недостаточно, во-вторых, ганч с примесью клея после застывания становился тверже, чем нормальный ганч, и никакие поправки в работу уже не могли быть внесены. Существовал поэтому другой способ приготовления специального медленно застывающего состава ганча для резьбы. Ганч разводили более жидко, чем на тезгач, и употребляли его в работе после того, как он постоял минут пять-десять нетронутым. Отсюда название этого состава ганча - **хобонда**, разг. **ховонда** (букв, положенный, оставленный). Очень ценным для резьбы качеством ховонда является его свойство после смачивания вновь становиться мягким.

¹² Н.С.Гражданкина. Древние строительные материалы Узбекистана. В сб.: "Строительные материалы Узбекистана". Ташкент, 1951, стр.28.

¹³ При раскопках обсерватории Улугбека были обнаружены служившие для передачи раствора каменщику чаши диаметром 38-40 см, высотой около 10 см, покрытие обычно внутри темно-зеленой поливой. См.: В.А. Шлиш - кин. Обсерватория Улугбека и ее исследование. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1953, стр.32, 56; В.А. Нильсен. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде. Там же, стр. ПЮ. (Прим. ред.).

¹⁴ По сведениям современных авторов, добавка ширеша даже в небольших дозах - 0,5 - 1,0% повышает прочность и водостойчивость раствора. (Н.С. Гражданкина. Древние строительные материалы Узбекистана, стр. 29).

В Самарканде, как и в других местах Средней Азии, до знакомства с русской техникой местные мастера в качестве водонепроницаемого раствора применяли особый состав из извести, камышовой золы и виноградной патоки, называемый **кыр**¹⁵. Главным местом его применения были бани, где им оштукатуривали внутреннюю поверхность стен резервуаров с водой, пол и нижнюю часть стен помещений для купанья. По сообщению усто Кули Джалилова, кыр иногда употреблялся в местах, подверженных действию сырости, например при выкладке нижних частей стен в банях, в качестве цементирующего раствора при кирпичной кладке. О таком же использовании кыра сообщает и В.Л. Вяткин, упоминая в одной из своих работ о выкладке фундамента минарета на кыре¹⁶. Ввиду большой сложности изготовления этого состава, местные мастера, познакомившись со свойствами и способом изготовления гидравлического цемента, начали применять вместо кыра его.

Лес для деревянных конструкций употреблялся в конце XIX - начале XX в. главным образом тополевым и частично таловым, а также привозной сосновым. Лучшим строевым лесом, как и всюду в Средней Азии, считался тополь (*Populus*). Из него делались самые ответственные части сооружений: нижняя и верхняя обвязка каркаса, стойки стен, балки перекрытий. Кроме того, он шел также на двери, ставни-окна и детали потолка. Из тала (*Salix*) выделялись преимущественно детали, так как для основных конструкций он недостаточно прочен.

В начале и середине XIX в. весь каркас в самаркандских домах, так же как и в ферганских, делался из арчи, источником которой для всей Зеравшанской долины и даже для Бухары были горные арчовые леса Кштута¹⁷. Вследствие резкого уменьшения арчовых лесов в результате хищнических порубок их русская администрация в 1879 г. запретила порубки арчи в горных лесах, и арча в строительстве Самарканда сменилась топодем¹⁸. На мелкие поделки и на изготовление наружных частей арча не годится вследствие неоднородности древесины.

Для ценных деталей и декорируемых наружных частей наилучшим считалось ореховое - **чамок** и чинаровое - **чанор** дерево. По определению резчика по дереву усто Нуруллы, "орех - золото, чинар - серебро". Они шли на изготовление дорогих дверей и ставен, а также деревянных решеток; основные конструкции из ореха и чинара не делали вследствие их дороговизны и редкости длинных ровных столбов. При наличии последних из чинара иногда делались колонны. Вяз (**кайрогоч**) на мелкие резные поделки не годится, так как имеет слишком волокнистую древесину; он употреблялся глав-

-----

¹⁵ См.: А.К. Писарчик. *Строительные материалы и конструктивные приемы...*, стр.241 и сл.; Н.С. Гражданкина. *Древние строительные материалы Узбекистана*, стр.30, 31.

¹⁶ В.Д. Вяткин. *Самаркандская археологическая хроника. Известия Средазкомстариса*, вып.3. Ташкент; 1928, стр.276.

¹⁷ Г.А. Арандаренко. *Лесной вопрос. В кн.: Досуги в Туркестане*. СПб.. 1889, стр.588.

¹⁸ О хищнических порубках горных арчовых лесов см.: А.К. Писарчик. *Строительные материалы и конструктивные приемы...*, стр.243 и сл. Там же приведена и библиография.

ным образом на гладкие без резьбы колонны. Также непригодны для резьбы тут и акация, древесина которых неровна и имеет пустоты.

Тутовое дерево, ввиду его устойчивости против гниения употреблялось для деревянных подушек, подкладываемых под основание колонны, и в некоторых других случаях, где требовалась устойчивость против сырости.

Очень хорошим по своей твердости и прочности считается урюковое дерево, но недостаток его в том, что, высыхая, оно трескается. Поэтому для резьбы его можно употреблять только после долгого предварительного вымачивания в воде²⁰.

Самым прочным из всех видов дерева считается растущий в горах клен, называемый местным населением **заранг**. Для резьбы он не употребляется по причине своей твердости. Из него делались инструменты мастеров, деревянные молотки - **кудунг** для лошльщиков тканей - **кудунгар**, отбивающих их для придания им гладкости и блеска, а позднее - русские дуги и тому подобное.

Из материалов, вошедших в обиход местных мастеров под влиянием знакомства с русской техникой, следует отметить известь, цемент, железо и стекло.

Известь - **охак**, по словам как самаркандских, так и других мастеров, в XIX в., до знакомства с русскими строительными материалами и составами, употреблялась почти исключительно для изготовления упомянутого выше водонепроницаемого состава кыр. С применением ее в смеси с песком в качестве цементующего раствора при кладке мастера познакомились только через русских²¹.

¹⁹ Отношение к тутовому дереву у оседлых народов Средней Азии как в горах, так и на равнинах двойственное. Плоды его являлись в старом быту не только лакомством, но в ряде мест и заменой недостающего хлеба и очень почитались. Вместе с тем само дерево считалось "нечистым", даже листья его нельзя было брать в рот, еще более "нечистой" считалась древесина. Связывалось это во многих районах Средней Азии с преданием о том, что какой-то пророк, преследуемый неверными, укрылся от них в тутовом дереве, которое расступилось, а потом опять сомкнулось. Кто-то выдал пророка преследователям, дерево срубили, пророка убили, и его кровь окрасила древесину в красный цвет, выдавший пророка чело-век был в наказание превращён, по самаркандскому варианту этой легенды, в сороку - **акка** (по припамирскому варианту - в дятла - **кофрак**, от **кофар** - язычник), а древесина тута с тех пор считается ритуально нечистой - харом, и из нее не изготавливают никакую посуду. Е.М. Пещеревой и Г.П. Снесаревым зафиксирован в Фергане и Хорезме запрет на срубание тутового дерева, связываемый также с этой легендой (Е.М. Пещерева. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине. Иранск, сборн. М., 1963, стр.217; Г.П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр.200, 201).

²⁰ О вымачивании сырого строительного леса в фергано-ташкентских районах см.: А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы ... стр.247.

²¹ В.Л. Вяткин в "Отчете о раскопках обсерватории Мирза Улугбека в 1908 и 1909 гг." (Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 11, стр.11, СПб., 1912, стр.77, 79, 83) пишет, что обсерватория Улугбека была выложена на известковом цементе и что для покрытия пола употреблялась смазка, особо приготовленная из извести с песком. Однако, как сообщил нам Б.Н. Засыпкин, позднее В.Л. Вяткин решил, что раствор на обсерватории был ганчевый, и в своих экземплярах

с начала XX в. известь вошла в обиход местных мастеров очень широко применяясь главным образом как связующий раствор в постройках из жжёного кирпича жилых и торговых зданий, квартальных мечетей, минаретов и проч.

Кровельное железо - **туника** - начало применяться с последнего десятилетия прошлого столетия. Как и в других городах, применение его в Самарканде сосредоточивалось главным образом в центре города в купеческих домах.

Строительный сезон в Самарканде теоретически начинался с месяца шаабана соответствующего второй половине марта и первой половине апреля. Однако в это время начинали строить немногие, большинство же построек возводилось летом, во время поспевания фруктов, и осенью. Среднего размера жилая комната из двойного каркаса сооружалась в нормальных условиях две недели.

Фундамент

Нивелировка строительной площадки производилась в Самарканде теми же способами, что в Фергане и Бухаре²².

До применения угольника прямой угол в натуре определяли измерением диагоналей или по квадратному кирпичу, помещаемому в углах возводимых помещений, натягивая бечевку по его сторонам. Так, например, работал отец выдающегося самаркандского мастера-строителя конца XIX и начала XX в. усто Абдукадыра.

В старых самаркандских домах, особенно пахсовых, глинобитных фундамент - **тагкурси** - часто отсутствовал. Когда место под стены уплотнялось особой трамбовкой, причем, если грунт был недостаточно плотен, его перед трамбованием предварительно поливали в старину практиковался также способ уплотнения грунта под стену прогонкой по этому месту лошадей. Лошади в количестве 5-10 голов брали у родных и соседей и гоняли в течение нескольких дней по основанию будущих стен.

Стены, выложенные из сырцового кирпича без стоек, называемые **хишткори**, всегда возводились на фундаменте из нескольких рядов жжёного кир-

отчета слово "известь" исправил на "ганч". Фактически каменный фундамент обсерватории был выложен на кыре (**В.А. Шишкин**. Обсерватория Улугбека и ее исследование, стр.46. 47; **Б.А. Нильсен**. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде, стр. 106). При раскопках 1948 г. в помещении №4 была обнаружена печь, наполненная камышовой золой, по предположению В.А.Шишкина, специально предназначенная для сжигания камыша, зола которого употреблялась потом при приготовлении кыра (**В.А. Шишкин**. Обсерватория Улугбека и ее исследование, стр.60). По данным Н.С. Гражданкиной, кыр содержал по объёму на одну часть извести полторы части золы (Н.С. Гражданкина. Древние строительные материалы Узбекистана, стр. 31). Пол же обсерватории состоял из трёх рядов кирпичной выстилки на ганчхоке (**В.А. Нильсен**. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде, стр.109).

²² **А.К. Писарчик**. Строительные материалы и конструктивные приемы .. стр. 252.

пича. По словам усто Кули Джалилова, в старых домах между фундаментом и стеной клались деревянные, чаще всего арчовые балки. Это делалось для того, чтобы "сырость не проходила из жжёного кирпича в сырцовый" (*руту-баты хишти пухта ба хишти хом нарасад гуфта*).

Каркасные стены также выкладывались обязательно на фундаменте. Нужно отметить, однако, что почвенные условия в Самарканде очень хороши - нет близких грунтовых вод и, следовательно, почва не засолена, поэтому не было необходимости, особенно в одноэтажных домах, делать фундамент капитальным. В богатых домах он состоял из 3-4 рядов жжёного кирпича, иногда крупного кирпича санджари, чаще же всего из 1-2 рядов. В бедных домах на фундамент брали даже не целые кирпичи, а обломки или же кирпичи укладывали не плотно, а на некотором расстоянии один от другого.

По сообщению усто Шамси Гафурова, в старину, в случае если нижняя обвязка делалась не из арчи, а из другого, более подверженного разрушительному действию сырости дерева, принято было на фундамент накладывать камышовую прокладку. За последние десятилетия этот прием совсем не применялся, так как в Самарканде стены и без прокладки не разрушаются в течение достаточно длительного времени.

В конце XIX в. в Самарканде, как и в других городах Средней Азии, наблюдается увеличение высоты фундамента и появление отсутствовавшего раньше даже в богатых домах цоколя. Причин, обусловивших это явление, было несколько. Во-первых, разрыхление почвы вследствие частых перестроек на одном месте, в результате чего при закладке фундамента, чтобы дойти до твердого грунта, оказывалось необходимым рыть все более глубокие котлованы; во-вторых, появление зданий из жженого кирпича, нередко двухэтажных, естественно требовало более основательных фундаментов, чем одноэтажные каркасные постройки; в-третьих, все большее распространение построек с полуподвальными помещениями заставляло возводить крепкие стены, так как они являлись фундаментом для находящихся над ними построек: наконец, немаловажным фактором явилось проявляющееся в конце XIX и начале XX в. стремление придать жилищу возможно более богатый, импонирующий своими размерами вид.

Полы в старом местном жилище большей частью бывали земляные. Изредка земля покрывалась глино-саманной штукатуркой, еще реже - гачхоком. В Самарканде ганч был главным образом привозной, и его экономили. Иногда пол выстилали жжёным кирпичом. На выстилку полов даже после широкого распространения прямоугольного заводского кирпича в XX в. употреблялся тонкий кирпич старой квадратной формы, изготовлявшийся для этого специально по заказу. Выстланный кирпичом пол называется *хиштфарч*²³.

²³ *Выстилка полов жилищ жжёным кирпичом имеет в Самарканде давность (В.Л. Вяткин, Афрасиаб..., стр.17; Б.А. Шижкин. Из археологических работ, стр.85;.*

Чаще всего он делался в помещениях второго этажа. В Бухаре, где уровень грунтовых вод высок, в жилищах во втором этаже иногда выкладывали пол сырцовым кирпичом, покрытым сверху гачкоковой штукатуркой. Деревянные полы до революции применялись только в самых богатых купеческих домах, позже революции они постепенно получают широкое распространение в домах местной интеллигенции и служащих, а также проникают в дома передовых колхозников.

Стены

В самаркандском жилищном строительстве с древнейших времен стены - **девол** применялись трех видов: глинобитные (пахсовые), стены из сырцового кирпича без стоек и каркасные стены²⁴. Только для XIX в. сообщения мастеров, возводивших новые постройки и разбиравших старые, дают возможность проследить смену форм в конструкциях стен. До знакомства с русской строительной техникой в самаркандских жилых домах преобладали стены без стоек, вылепленные из нескольких слоев битой глины. Местное население считало постройки из битой глины лучше построек с применением леса как по прочности, так и по их способности сохранять тепло зимой и прохладу летом. Несколько меньше, чем пахсовых, было построек со стенами из сырцового кирпича без стоек и еще меньше - каркасных.

Постройки из сырцового кирпича без стоек называются **хишкори**. Они целиком выкладывались из сырцового кирпича, даже промежутки (дорожки между нишами) бывали в них в старину не из дерева, а из кирпича. Только над нишами клали сверху деревянную балку, называемую, как и верхняя балка дверной коробки, **болодари**. Поверх таких кирпичных и глинобитных стен иногда укладывалась верхняя обвязка, называемая **забаррав** (разг. **заваррав**). Она представляет собой прямоугольник из балок, на который опирались концы открытых балок потолка - **болол** (из **болор**). Как и в Фергане, в бедных домах иногда из экономии верхней обвязки не делали, а концы балок клали непосредственно на верх стены. Во избежание разрушения стены от сильного давления концов балок под них подкладывали обожженные кирпичи или короткие куски дерева²⁵.

Основным цементирующим раствором, на котором выкладывался сырцовый кирпич, был глиняный раствор. На нем же делались фундаменты небольших зданий, а иногда даже и большие постройки из жёного кирпича, с заделкой наружного края кладки ганчем. Монументальные здания из жёного кирпича до знакомства с русской строительной техникой выкладывались на ганчевом

²⁴ Б.Л. Вяткин. *Афрасиаб...* стр.17.

²⁵ В помещениях цитадели Колхозабадской Кафыр-Кары (VII – начало VIII в. в стены были утоплены вертикальные деревянные стойки заподлицо с внутренней поверхностью стен. Их вероятное назначение - укреплять стену, предохраняя ее край от обрушения при укладке верхней обвязки (прим. Ред.)

или глиняном растворе, позднее его сменил известковый раствор в народном произношении **сеонка** - от русск. "цемянка". Ганчевый раствор, по словам мастеров, хорош только для сухих мест, сырость он переносит плохо.

В отличие от Бухары и некоторых городов Ферганы, например Коканда, где стены кверху довольно заметно суживаются, в Самарканде они делаются и с внутренней и с наружной стороны строго по отвесу, исключением являются только стены из битой глины. Кроме того, по словам мастеров, суживание кладки кверху применялось иногда в фундаментах, если они имели большую высоту. Размер сужения в них равнялся половине вершка на каждый аршин кладки.

С конца XIX в. оба вида стен без стоек - из битой глины и из сырцового кирпича - постепенно перестают применяться в строительстве жилых помещений. Они остаются еще в хозяйственных помещениях, но и там чаще применяются стены из одинарного каркаса.

В богатых, главным образом купеческих домах с конца 90-х годов XIX в. начинают в сравнительно большом количестве возводиться стены из жжёного кирпича. Однако ввиду дороговизны они не могли получить массового распространения, и преобладающей конструкцией стен в жилой архитектуре Самарканды в последние десятилетия XIX и начале XX в. являются каркасные.

По объяснению мастеров, на большое распространение каркасных конструкций в конце XIX и начале XX в. повлияло, с одной стороны, возросшее материальное благосостояние самаркандцев, с другой - завоз в Среднюю Азию строительного леса, главным образом соснового, из России. Интересное само по себе как показатель оценки роли русского импорта строевого леса в Среднюю Азию это мнение не вполне верно. В действительности, как можно думать, существенным фактором, повлиявшим на увеличение ресурсов строевого леса, были усиленные искусственные посадки, начатые местным населением тотчас по приходе в край русских и особенно расширившиеся после отмены в 1877 г. взимаемой еще ханом, а затем и русской администрацией высокой пошлины (в 30% стоимости) со строевого тополя в долине²⁶.

Каркасные конструкции Самарканды отличаются большой легкостью. Стойки делаются сравнительно тонкими, а заполнение каркаса производится половинками квадратных сырцовых кирпичей. Если мы сравним эту конструкцию с бухарской каркасной стеной, то увидим, что там стойки каркаса обычно берутся гораздо толще и на заполнение каркаса идет целый квадратный сырцовый кирпич.

Необходимость более прочных конструкций в Бухаре объяснялась близостью грунтовых вод и засоленностью почвы. Мастера считают, что если бы самаркандцы строили свои дома по типу бухарских, то такие дома в благоприятных самаркандских условиях стояли бы "по тысяче лет".

---

²⁶ *Г.А. Арандаренко. Лесной вопрос. В кн.: Досуги в Туркестане. СПб., 1889, стр.596, 805 и др.*

Вынужденные из-за условий местности делать толстые стойки бухарцы относились к ним очень бережно и даже не стесывали их перед установкой. По словам самаркандского плотника усто Абдухафиза, они объясняли это желанием, чтобы те же балки потом могли быть использованы для последующих построек их детьми, а может быть, даже и внуками.

Такое отношение к строительному лесу в Бухаре являлось следствием дороговизны последнего. Своего местного строительного леса там в достаточном количестве не было, и почти весь строевой лес был привозным. Главным источником его для Бухары были леса в верховьях Зеравшана» откуда бревна, связанные десятками в плоты, сплавлялись вниз по реке в сопровождении 1-2 человек²⁷.

Следствием разницы в толщине стоек и в толщине каркасного заполнения (половинками кирпичей в Самарканде и целыми кирпичами в Бухаре) является отличие в способе установки стоек, отражающееся на внешнем оформлении стены. В Самарканде стойки ставятся на нижней обвязке так, чтобы со стороны комнаты часть нижней обвязки оставалась свободной. Оставленная дорожка настолько широка, что после нанесения на стену штукатурки нижняя обвязка всё еще выступает перед стеной на 1,5 см, образуя ступеньку - **пасафтод**. В Бухаре толстая стойка ставится на нижнюю обвязку вровень с ее краем со стороны комнаты, а каркас заполняется целым кирпичом и немного выступает за края стоек²⁸. Поэтому после покрытия стены штукатуркой последняя нависает над западающей нижней обвязкой.

Система каркаса в Самарканде, по существу, не отличается от системы каркаса других городов Средней Азш. Основными составными элементами являются нижняя и верхняя обвязки, стойки ж подкосы (схема 8,а). Нижняя обвязка носит название **чорчуб**²⁹ или чаще **тагсиндж**, внутренняя нижняя рама - **тагсинджи дарун**, наружная - **тагсинджи берун**, верхняя обвязка - **забаррав**, угловые стойки - **сутумгуша**, подкосы **ховон** (от **хобон** - наклонный), поперечные распорки между подкосом и соседней стойкой **пуштак** или **чармак**, палочки, упирающиеся сверху и снизу в эти распорки и держащие их - **бачки** (от **бачаги** - мелочь). Промежуточные стойки называются общим именем - **калама**, стойки же внутреннего ряда стены из двойного каркаса - **пешкалама**. Поперечная балочка, укрепляемая между двумя стойками дверного проема и являющаяся верхней частью дверной коробки, называется **сардари** или **болодари**, а находящаяся выше параллельная ей балочка, образующая вместе с ней коробку для надоконного проема - **тобадон**, куда вставлялись деревянные или алебастровые решетки, называется **рафитокча**, т.е. полки ниши.

²⁷ *Н. Ханьков. Описание бухарского ханства. СПб., 1843, стр.31;*

Г.А. Арандаренко. Лесной вопрос, стр,582.

²⁸ *Ср.: А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы ..., стр.264.*

²⁹ *Так называется вообще всякий квадрат или прямоугольник из четырех балок, например обкладка углубления для костра в ферганских мехмонхонах.*

ВИДЫ КАРКАСОВ

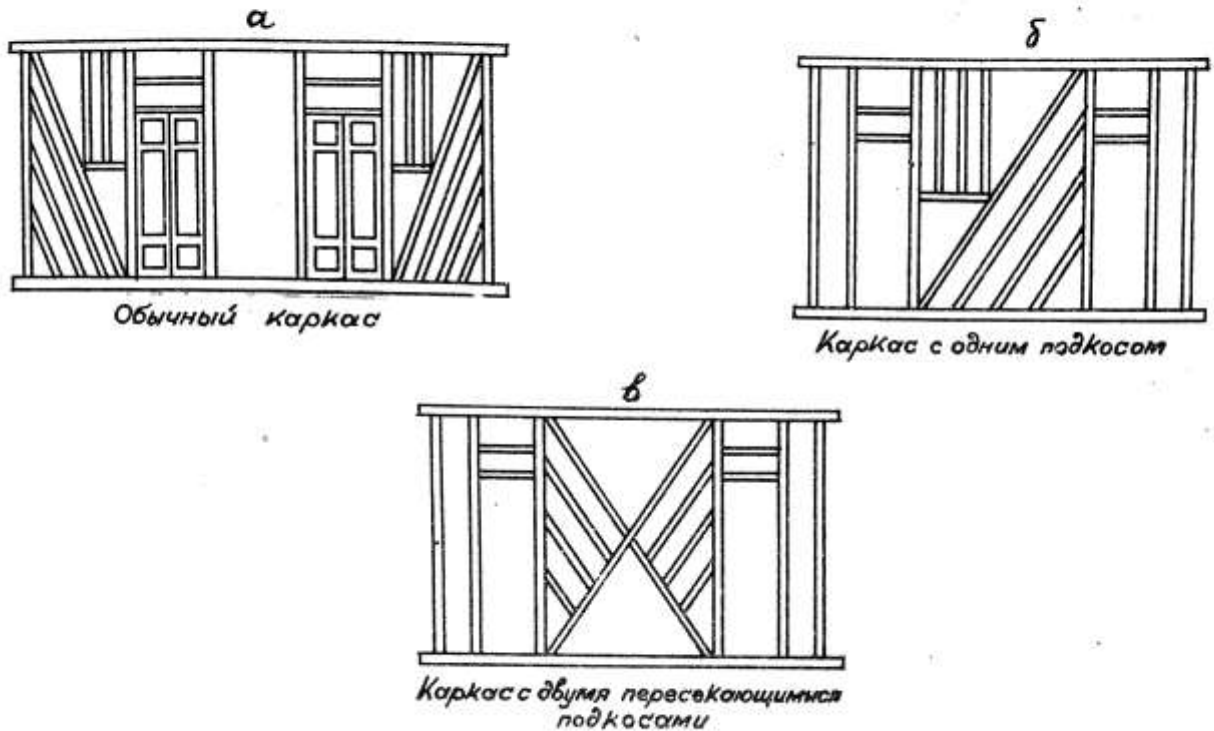

СХЕМА 8

Главных подкосов - **ховон** в Самарканде делается в комнате восемь, по два с края каждой стены. Некоторые мастера в торцовых стенах подкосов не делают, тогда на всю комнату их требуется всего четыре.

Главные подкосы обычно устанавливаются от вершины угловой стойки к основанию соседней, находящейся около дверного (или оконного) проема. Но в случаях, когда под стеной нет прочного фундамента, например если под сооружаемой постройкой находится подвал, то, по словам мастеров, для придания большей прочности каркасу подкосы устанавливаются от основания угловой стойки к вершине соседней.

В некоторых случаях, например если стена была мала и места для установки нормальных подкосов было недостаточно, в промежуток между дверными (оконными) проемами ставился один (схема 8, б) или иногда два подкоса, пересекающиеся в виде креста (схема 8, в). Такие подкосы, называемые в Самарканде **ховони чапу рост** - "подкосы справа и слева", делались и в Ташкенте, но ни там ни здесь они не имели широкого применения, так как конструктивно невыгодны.

Как и в других городах Узбекистана, в Самарканде в жилой комнате мы находим большей частью комбинацию стен из двойного и одинарного каркаса. Однако в то время как в Маргелане, Коканде и Ташкенте в большинстве случаев задняя стена жилой комнаты имела ниши и для вмещения их обязательно была из двойного каркаса, в Самарканде, как правило, глубокие большие ни-

ши, разделенные гладкими ганчевыми досками на четыре части, или более мелкие, но глубокие ниши делались в передней стене, которая поэтому всегда бывала из двойного каркаса, задняя же - большей частью из одинарного. В передней - **дахлез** ниши помещались почти всегда в задней стене, которая в таком случае состояла из двухрядного каркаса. Возможно, что на такой конструкции задней стены передней отразилась ее первоначальная функция кухни. Очаг в ней тогда помещался как раз в задней стене, и она для вмещения его и прилегающих к нему с обеих сторон ниш с полками для разной хозяйственной утвари должна была состоять из двухрядного каркаса. За последние послевоенные десятилетия очаги чаще находились в особом помещении кухни во дворе.

П Е Р Е К Р Ы Т И Е

Преобладающим типом перекрытия - **пушиш** - в самаркандских жилых домах и квартальных мечетях являлось деревянное балочное перекрытие с земляным настилом, называемое **хокпуш** - "покрытое землей".

Это перекрытие делалось, как обычно почти всюду на равнинах: на балки верхней обвязки клали открытые балки потолка - **болол**. Поверх них, поперек, настилали **васа**, представляющие из себя горбыльки - половинки или трети разрубленных жердочек, длина которых равняется в среднем 12-13 вершкам, т.е. 53-57,5 см³⁰.

Обычно в жилых домах **васа** укладываются плотно, одна около другой.

Это так называемые **васаджуфт** (джуфт - пара). В хозяйственных же помещениях, а также в бедных жилых домах **васа** кладутся на довольно большом расстоянии одна от другой. Такое оформление потолка называется **васа-буйро**, так как в этом случае поверх **васа** настилается камышовая плетенка - **буйро**, которая видна сквозь промежутки между **васа**. В богатых домах даже на **васаджуфт** настилалась камышовая плетенка и на нее укладывался камыш, в менее же состоятельных домах в потолках **васаджуфт** камыш укладывали непосредственно на **васа**.

Камыш настилался в толщину целых снопов камыша, которые укладывались один подле другого, образуя слой в 30-35 см, в богатых домах по камышу разбрасывали слой колючки, известной в Самарканде под названием **чучка** - **ёли** - "грива свиньи (кабана)". Ее назначение - предохранить камыш от мышей, которые, бегая по нему, портят крышу. На камыш насыпался слой **гурагил** - сырой земли, увлажненной настолько, чтобы она не просыпалась через камыш, а на него - сухая земля - **хок**. Раньше слой сухой земли бывал равен одной четверти и более, за последнее время - 4 вершкам³¹. Наконец, поверхность крыши покрывалась глино-саманной смазкой

³⁰ По словам усто Абдухафиза, бухарские **васа** были толще и длиннее самаркандских, имея 14 вершков в длину.

³¹ Мера четыре вершка заимствована местными мастерами от русских. В таджикоязычном Самарканде она употребляется в узбекской форме **тур вершук**; длина ее отмеряется местными мастерами расстоянием между растянутыми большим и указательным пальцем.

называемой **бом-андова**³². Этой смазке давали постоять некоторое время (от нескольких дней до месяца), а затем смазывали крышу еще раз. Каждый год осенью производится новая смазка крыши.

При сооружении крыши ей придаётся легкий наклон для стока воды к лоткам, сделанным из гончарных труб или из дерева.

Самаркандская крыша, как и бухарская, делается обычно вровень со стенами. Выпуска концов балок с лежащим на них перекрытием под стеной, характерного например для Ташкента, здесь, как правило, нет, и он встречается только в отдельных случаях. Называется такой выпуск крыши над стеной в Самарканде одними мастерами **миджмол**, другими – **парда**.

Размер балочного перекрытия и перекрываемого им помещения, как упоминалось, определяется местным населением указанием на количество балок перекрытия: для жилой комнаты это 7,9,11, для передней - 3,5,7. По широко распространенному в Средней Азии обычаю число их принято было делать нечетным.

По сообщению самаркандских мастеров, балки потолка в состоянии нести нагрузку земляной крыши, если длина их не более 4,5 гязов, т.е. около 3,75 м длины. Следовательно, предельная ширина комнаты также равна 3,75 м, что обуславливает собой и предельную длину жилой комнаты вообще, так как непомерно вытянутой комнаты по эстетическим канонам быть не должно. Это положение подтверждается сравнительно малыми размерами комнат даже в очень богатых старых домах и наличием больших комнат - **зол** (от русского "зал") в домах нового типа, с железным перекрытием, допускающим возможность значительного увеличения размеров в первую очередь "ширины комнат". Ширина в 4,5 гяза является предельной и для однорядных айванов мечети, квадраты же зимнего помещения хонако обычно бывали несколько меньше. Во всех случаях, когда требовались большие размеры перекрытия, являлась необходимость дополнительных подпор. Поэтому всякого рода мастерские, чайханы и другие помещения, а также зимние помещения и двухрядные айваны мечетей, в зависимости от размера имеют внутри помещения большее или меньшее количество колонн, поддерживающих главные балки.

В мечетях чаще всего делалось перекрытие с пересекающимися главными балками (матицами) - **шопул** (от **шохпул**, букв. "царская балка"), поддерживаемыми в местах пересечений колоннами (схема 5, а-е). Главные балки разбивали все перекрытие на квадраты, наиболее распространенный размер стороны которых был равен 4 гязам, т.е. 3,32 м иногда 3,5 и до

³² *Считается, что только после покрытия слоем глино-саманной смазки крыша оказывает нужное давление, под действием которого верхняя обвязка оседает и плотно прижимается к стойкам, выступы которых до конца входят в выдолбленные для них гнезда. Это обеспечивает постройке прочность.*

³³ *Например, комната типа зол в упоминавшемся доме Абрама Калама, по словам усто Абдухафиза, имеет 15 аршин в длину и 8 в ширину. Чрезмерная на первый взгляд длина комнаты объясняется наличием в верхнем, удаленном от входа ее конце большого шахнишина в виде приподнятой площадки, сцены, на которую ведут широкие ступени. Шахнишин отделен колоннами от остальной части комнаты, пропорции которой соответствуют общепринятым.*

4,5 газа. Размер мечети обычно определялся числом квадратов потолка и колонн.

Мы уже видели при рассмотрении планировки мечетей, что наиболее распространенным перекрытием квадратных помещений мечетей являлось открытое балочное, состоящее из двух пересекающихся главных балок - **шопул**, делящих потолок на четыре квадрата, с одной колонной в месте пересечения балок. В больших помещениях потолок часто состоял из пересекающихся балок, делящих его пространство на девять квадратов, поддерживаемых четырьмя колоннами.

Как и в Фергане, в Самарканде перекрытие, поддерживаемое четырьмя колоннами, строилось иногда иначе: главные балки пересекали лежащие под углом к ним балки только на протяжении двух третей помещения. В результате потолок получался состоящим из центрального квадрата, окруженного расположенными вокруг него прямоугольниками (схема 5, г). Этим достигалась, с одной стороны, некоторая экономия крупного леса для главных балок, с другой - оригинальность формы. Центральный квадрат потолка или иногда квадрат перед михрабом, так же как и угловой квадрат на стыке двух айванов, часто бывал приподнят.

Перекрытия вытянутых прямоугольных помещений мечетей состояли обычно из одной продольной главной балки, пересеченной двумя (например, мечеть Боги-Баланд, схема 5, ж) или тремя (мечеть Янги-Хайробод) более короткими толстыми балками, делящими потолок на шесть или восемь квадратов. Места пересечения подпирались двумя или тремя колоннами.

Иногда, опять-таки с целью экономии леса, поперечные балки не клали, и тогда потолок состоял не из квадратов, а из двух перекрытых балочками **болол**, вытянутых прямоугольников, разделенных матицей **шопул**, поддерживаемой двумя колоннами (например, мечеть 2-я Боги-Майдон, схема 6). Если стремление к экономии леса шло еще дальше, то вместо двух колонн, поддерживающих продольную главную балку перекрытия, ставилась одна, поддерживающая место стыка двух главных балок, которые в этом случае имеют длину полутора квадратов потолка (схема 5, з), в то время как обычно эти балки имеют длину целых квадратов, чаще всего двух. В хонако мечети Кози-Абду-расул на две колонны опирались две матицы, а образовавшиеся три пролета были перекрыты рядами открытых балочек (схема 5, и). Встречались и другие варианты оформления балочного потолка.

Высота мечетей зависела от их размера. Если мечеть была небольшая, с перекрытием, состоящим из четырех квадратов (по 3,5 гяза каждый), поддерживаемых одной колонной, то высота ее равнялась 5 гязам. Мечети с перекрытием, состоящим из девяти квадратов (по 4 гяза), делались высотой в 6 и не ниже 5 газов. Несколько мечетей в Самарканде были построены еще более высокими - в 7 гязов высотой. Такова была, например, мечеть Ходжа-Юсуф (в настоящее время несуществующая), мечеть Ходжа-Ахрар, мечеть Ход-

жа-Рофи³⁴, мечеть Абдулхайр и др.

Большинство самаркандских мечетей, по мнению усто Абдухафиза, выше бухарских. Наряду с этим отдельные мечети Бухары бывали выше самаркандских, например известная высотой своего айвана мечеть Болохавз, напротив бухарского арка.

Значительно меньше было в Самарканде мечетей с купольным перекрытием (рис. 30 и 31). Из 50 обследованных мечетей, перекрытых куполом, выявилось всего пять (в том числе Хазрати-Хизр, Кургонча, Каландархона, Ёмини), причем все они были построены в XIX в. Последняя купольная мечеть - Шарбатдор (по Ташкентской улице) была построена в 1892 г. ("в год эпидемии холеры"). Эта постройка оказалась очень неудачной, фундамент был сооружен недостаточно основательно, сырость от находившегося при мечети хауза размягчила основание постройки. Вследствие этого через несколько лет по окончании строительства купол дал трещину. Чтобы предотвратить опасность неожиданного падения, его разобрали и заменили дощатым перекрытием. Возможно, что сходны были причины, определившие облик некоторых других мечетей, имевших во время обследования глубокую нишу михраба и две чиллахоны по ее бокам в сочетании с деревянным открытым балочным потолком (например, мечеть 2-я Боги-Майдон, схема б), хотя чаще мечети такого плана имели купольное перекрытие (см. выше, стр. 52). Из других купольных мечетей самая поздняя была построена в 1866 г.

Таким образом, мы можем констатировать, что в конце XIX и в XX в. в Самарканде совсем перестали сооружать купольные перекрытия в мечетях. Местные мастера объясняли это тем, что купольные перекрытия последних столетий были слишком просты, не имели декораций и поэтому не отвечали вкусам строителей XX в., предпочитавших заменять их деревянными, которые можно было орнаментировать. К этому мнению можно добавить следующее предположение. С увеличением населения Самарканда и ростом кварталов увеличивалось число молящихся отдельных приходов, и помещение, которое мастера последних десятилетий были в состоянии перекрыть куполом, не удовлетворяло предъявляемым требованиям по своим размерам. Возведение же куполов большого диаметра, как показал опыт строительства мечети Шарбатдор, было для самаркандских мастеров конца XIX и начала XX в. слишком трудной задачей и обходилось дорого³⁵.

³⁴ Мечеть Ходжа-Рофи за свою непомерную высоту получила шуточное народное прозвище Гузи-Фалак (громкий ветер в небо).

³⁵ При сравнении количества купольных мечетей в Самарканде и других городах Узбекистана, по нашим данным, выявляется, что в Бухаре купольные мечети встречались чаще, чем в Самарканде; в городах же Ферганы их почти совсем не было, если не считать соборных мечетей Маргелана и Намангана, построенных в XX в. Думается, что отсутствие в Фергане купольных мечетей следует объяснить большим применением дерева, что достигло именно в области оформления перекрытий и потолков очень высокого уровня и, по-видимому, в гораздо большей степени могло удовлетворить вкусы населения, чем простые купольные перекрытия. Если бы, однако, мы захотели сделать заключение об уменьшении применения купольных перекрытий в мечетях по направлению от Бухары к Фергане, то исключением явился бы Ташкент, где таких мечетей имелось гораздо больше, чем в Самарканде.

Однако в тахоратхона - тип бань при мечетях - как раз в это время они получают более широкое распространение. По словам усто Шамсиддина Гафурова, в XIX в. основное помещение тахоратхона имело в большинстве случаев плоскую земляную кровлю и только над резервуарами с водой и над кабинами для мытья делались простые низкие свода типа **балхи** (балхские);³⁶ в XX в. все помещения вновь построенных тахоратхона в большинстве случаев имели купольное перекрытие (рис.28,29). Объясняется это тем, что в тахоратхона деревянное балочное перекрытие разрушается под влиянием сырости гораздо быстрее сводчатого кирпичного и поэтому естественно, что богатые строители тахоратхона конца XIX и начала XX в., будучи менее связанными в отношении средств, предпочитали сводчатое перекрытие.

---

³⁶ *Балхи* - разновидность сомкнутого висячего свода, выкладываемого по дугам над углами помещения (А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы ..., стр.279.280).

Г Л А В А III

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ДЕКОРАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ

Детали**и декоративная отделка потолка**

В жилищном строительстве Самарканда XX в. отделке потолков уделялось меньше внимания, чем в восточных областях Узбекистана (Фергана, Ташкент), но больше, чем в Бухаре, где нередко можно было видеть некрашенные, лишь немного отделанные резьбой потолки даже в очень богатых домах, стены которых были покрыты сплошной орнаментацией. Такое же промежуточное положение занимали потолки Самарканда и в отношении многообразия форм. Будучи, несомненно, более сложными и разнообразными, чем бухарские потолки соответствующего периода, они все же уступали в этом отношении ташкентским или ферганским, и сама обработка их носила иной характер. В Самарканде, например, не делались и считались некрасивыми потолки со срезанными углами, косыми дощечками и прочими фигурными украшениями, очень высоко ценимые в Фергане и Ташкенте. Таких потолков, сооруженных в XX в., в городе имелось немного и ознакомление с историей их изготовления, когда это представлялось возможным, только подчеркивает их случайность.

Все старые самаркандские мастера помнили случай, происшедший в начале второго десятилетия текущего столетия при постройке большого зала в доме Абрама Калама (в котором находится теперь Самаркандский музей). Этот богатый еврей решил построить себе дом со всей возможной роскошью. Большая часть дома была выполнена под влиянием русской строительной техники и отделана в русском стиле. Отделку же нескольких комнат он решил поручить местным национальным мастерам. Денег он не жалел. Узнав о том, что ташкентский богатый купец, тоже среднеазиатский еврей, Юсуф Давыдов только что выстроил себе в Ташкенте замечательный дом, о котором много говорили, Абрам Калам послал туда лучшего самаркандского плотника-строителя усто Абдухафиза Джалилова с заданием осмотреть этот дом, узнать, какие мастера его отделявали, и привезти их, чтобы они у Абрама Калама сделали потолки "еще лучше". Усто Абдухафиз осмотрел дом Юсуфа Давыдова, узнал, что делали его мастера-наманганцы, отправился в Наманган и привез оттуда плотника усто Мансура с учеником. Усто Мансур сделал потолок в шахнишине, примыкающем к большому залу, и начал делать деревянный сталактитовый фриз потолка самого зала. Он не хотел советоваться с самаркандскими мастерами. По словам усто Абдухафиза, они разделили работу следующим образом: усто Мансур делал первый ряд сталактитов, а усто Абдухафиз - второй. Даже в этой детали разница в эстетических взглядах-

дах и требованиях наманганцев и самаркандцев оказалась очень большой. Самаркандские мастера и ценители так неодобрительно отозвались о работе усто Мансура, что он тотчас уехал, оставив своего ученика заканчивать работу.

Все же оформление самаркандских потолков в деталях довольно разнообразно. Основная часть наиболее распространенного открытого балочного потолка типа **бололу васаджуфт** - открытые балки (болол) бывают трех видов: круглого, прямоугольного и килевидного сечения. Наиболее старым видом балок, по словам мастеров, являются балки круглого сечения - **болולי лула** (рис.32). Их делали в небогатых домах, в худжах медресе и в хозяйственных постройках. За последние десятилетия в жилых домах они совсем не применялись. Болולי лула ни резьбой, ни росписью не украшались.

Балки квадратного или прямоугольного сечения в наиболее скромных постройках бывали совершенно ровные, без всяких украшений, но чаще они служили местом для нанесения резьбы и росписи. Поверхность этих балок в Самарканде никогда, на памяти населения, не покрывалась целиком резьбой, как это имело место, например, в домах, построенных в середине XIX в., в Маргелане или Ташкенте. Резьба применялась на них только в определенном месте. Обычно в балках прямоугольного сечения выделялась середина **миёни болол**. Прежде всего она имела отличную от концов балок форму - круглую или килевидную. Переходы от прямоугольных концов балок к круглой или килевидной середине оформлялись фигурным срезанием ребер в месте перехода (рис.33, 34), причем часто плоскость среза образовывала трехлопастную фигуру, называемую **мадохил** (рис.35)¹. Реже встречались совершенно гладкие по всей длине расписанные балки.

Сравнивая балки всех обследованных потолков, можно видеть большое разнообразие в оформлении среза ребра, являющегося, как часто и другие детали, характерным для определения времени постройки: от очень простых плоского рельефа срезов на старых балках, когда в некоторых случаях переход этот бывал с трудом различимым и выявлялся главным образом по различиям в росписи (рис.34), до очень рельефных срезов в богатых домах первых десятилетий XX в., где они иногда оформлялись пышными многорядными сталактитами, приближаясь в этом отношении по форме к бухарским балкам; середина балки, находящаяся между двумя срезами ребер, в расписных потолках выделена еще и нанесенным на нее другим орнаментом. Во второй половине XIX в., например, можно встретить белые балки с узенькой синей полоской по краю, на которой тонкой линией нанесен мелкий узор: середина балок бывала в таком случае окрашена в синий цвет и покрыта густым орнаментом, нанесенным такими же тонкими белыми линиями. Так была оформлена середина, очень четко выделяющаяся на белом фоне всей балки, в некоторых квадратах хонако мечети Ходжа-Джон-Ходжа.

¹ Эта фигура является чрезвычайно распространенной в орнаментике Средней Азии мусульманского периода, встречаясь в самых разнообразных формах.

Балки килевидного сечения, называемые **пушти махи** (разг. **пушти май**, букв. "спина рыбы")², по сообщениям мастеров, появились в Самарканде около 1870 г. и быстро получили широкое распространение. Происхождения их никто из опрашиваемых мной мастеров указать не сумел. Это - характерная самаркандская форма балки последних десятилетий, не встретившаяся мне ни в Ташкенте, ни в Фергане, ни в Бухаре. Балки пушти махи были гладкие, никогда не украшались резьбой, на них была только роспись, которая чаще всего состояла из одного фигурного ромбовидного медальона - **турундж** посередине и двух половинок медальонов по концам, нанесенных на балку, окрашенную каким-либо одним цветом (большей частью красным или зеленым). Иногда в промежутках между медальонами наносились небольшие узоры растительного характера (рис.36).

Настилаемые на балки потолка жёрдочки-горбыльки - **васа** за исследуемый период постепенно изменялись в своих пропорциях. В старых потолках они гораздо **уже**, чем в более поздних. Ширина их в середине XIX в. и даже позднее бывала 3-4 см, в то время как в XX в. она доходила до 7-8 см. По словам мастеров, в 70-80-х годах XIX в. на перекрытие потолка средней по размеру девятибалочной комнаты требовалось 550-600 узких васа старой форма, в начале же XX в. на перекрытие такого же потолка достаточно было 350 толстых васа нового типа. Имелась разница и в длине васа, относящихся к разному времени, но установить ее точно нам не удалось за недостаточностью собранного материала.

В наиболее старых потолках Самарканда и Ургута, относящихся к первой, половине XIX в., встречались васа, называемые **пилтаваса** (букв. "васа в виде фителей"), или **дугваса** ("васа в форме веретена для прядки"), или **чигваса** ("васа в виде чия")³.

Это были дощечки шириной около 8-10 см и длиной, соответствующей обычным васа, т.е. около 53-58 см, поверхность которых особым рубанком с волнистым лезвием оформлялась в виде полуваликов шириной около 2-3 см каждый, имитируя очень тонкие палочки васа⁴. Иногда весь потолок состоял только из таких дощечек, уложенных плотно друг подле друга. Иной раз каждая дощечка отделялась от другой двумя широкими васа, приближающимися по

² Термин "спина рыбы" употребляется в Узбекистане для обозначения верха смыкающихся под тупым углом поверхностей довольно часто. Помимо называния им самаркандских балок килевидного сечения, известно его употребление в Бухаре для обозначения одного вида васа (см. ниже), а также в Фергане, где этим термином, употребляемым в тюркской форме **балик сирт**, определяют, например, наклонную боковую поверхность ирригационного канала, которая с поверхностью земли образует тупой угол, напоминая своей формой спину рыбы.

³ Словом **чир**, **чий** в Средней Азии обозначаются тростник, камыш, а также мягкие свертывающиеся циновки, состоящие из привязанных один к другому стеблей камыша.

⁴ Такие дощечки с полуваликами применялись вместо васа в начале XX в. в богатых домах (и мечетях) многих городов Узбекистана - Бухары, Гиждувана, Нур-Ата, городов Ферганской долины. В Бухаре они назывались **тахта-майча**, т.е. "дощечки-рыбки", дощечки в форме рыбьих спинок, а в Фергане, как и в Самарканде, - **пилтаваса** или **чигваса**.

размеру к васа XX в., или квадраты из таких дощечек чередовались с квадратами из гладких досок, украшенными росписью (рис.37)⁵,

Иногда вместо дощечек с нанесенными на них **пилтаваса** балки потолка перекрывались настилаемыми поперек них небольшими дощечками, называемыми **тахта-мунаббат** (рис.38).

В некоторых случаях балки в потолках первой и начала второй половине, XIX в. перекрывались гладкими расписными дощечками, уложенными по несколько штук так, чтобы из них получились прямоугольники большего и меньшего размера и квадраты, отделенные один от другого посредством васа высокого рельефа (рис.39). Такой потолок, кроме Самарканда, был встречен мной и в старых мечетях Бухары, где он известен под названием **тахта-норбона** - "лестничный потолок", "потолок в виде лестницы".

В богатых домах и мечетях иногда делался потолок, называемый в Самарканде **кушкабзи** (в Бухаре, где он также встречается в старых постройках, - **давра хошия** - "круглая кайма", потолок с каймой вокруг). Он состоит из выложенных по периметру потолка, вровень с нижней поверхностью балок, двух рядов дощечек - **кабзи** (отсюда и название **кушкабзи** - двойные кабзи), которые образуют вокруг потолка кайму, равную по ширине расстоянию между балками потолка. Дополнительными поперечными полосами по кабзи эта кайма разделена на квадраты, середина которых чаще всего делается из гладких досок, покрытых, как и кабзи, росписью (рис.40). Этот прием оформления балочного потолка, распространенный в фергано-ташкентских районах, в Самарканде встречался гораздо реже. В жилых домах я его встретила лишь раз в доме Мир-Азиза в гузаре Кургонча. При этом как-то неуверенно сообщалось, что он был сделан не в Самарканде, а привезен откуда-то. Встречался он иногда в мечетях (рис.41).

Некоторые декоративные части потолка получили значительное развитие в более позднее время. В качестве примера можно указать на идущий под потолком по периметру стен комнаты фриз - **арак**, состоящей из доски, набитой на верхнюю обвязку - **заваррав** и специально предназначенной для нанесения на нее орнамента. В то время как эти фризы в старину даже в богатых мечетях были узки, всего около 30-35 см., в мечетях XX в. ширина их значительно больше - увеличилась в некоторых случаях вдвое и достигла 72 см. Очень наглядно видна эта разница в оформлении потолков восточного и северного айванов мечети при мавзолее Ходжа-Абди-Дарун (рис. 42,43), из которых первый остался от старой постройки и, судя по характеру росписи и по сообщениям мастеров, относится к началу 70-х годов XIX в., второй же перестраивался в 1328 г.х., т.е. в 1910 г.⁶ В то время как ширина ара-

⁵ Это фото сделано в старом жилом доме в Гиждуване экспедицией Музея искусств УзССР в 1936 г. (Фототека УзМИ).

⁶ Детальное сравнительное изучение росписи обоих айванов этой мечети может дать чрезвычайно интересный материал для характеристики изменений, происшедших в искусстве национальной художественной росписи Самарканда как в отношении техники, так и в отношении характера орнамента, его стиля. То обстоятельство, что мечеть эта находится при мавзолее состоящем на государственном учёте под охраной, дает основание надеяться что такое изучение рано или поздно будет осуществляться.

ка восточного (старого) айвана равна восьми вершкам (36 см), ширина арака северного айвана равна шестнадцати вершкам,⁷ т.е. ровно в два раза больше. Соответственно, если не больше, увеличились и элементы росписи. По сообщению усто Акрама, фризы арак начали широко распространяться в Самарканде с появлением импортного русского леса.

Гладкие дощатые потолки, состоящие из подбитых к нижней поверхности открытых балок потолка досок, покрытых росписью, в старых постройках Самарканда нами встречены не были, но в более поздних их можно было видеть. Чаще всего такие гладкие дощатые расписные потолки делались в центральных квадратах девятиквдратных потолков зимнего помещения мечети или в угловых квадратах на стыке охватывающих хонако с двух сторон айванов, например в мечети Карабай-Оксакол и в мечети при мавзолее Ходжа-Абди-Дарун (рис.44), причем иногда в центре их помещаются небольшие сталактитовые кессоны - хавзак (рис.41).

Описываемые гладкие дощатые потолки иногда были орнаментированы рельефными многоугольными геометрическими фигурами из накладных кусочков дерева. В ячейках этого геометрического орнамента бывали вписаны фигуры растительного орнамента или орнамента ислими, состоящего из комбинаций и переплетения закругленных линий (отрезков окружности). Такой прием орнаментирования, по-видимому, имеет большую давность. Он применялся в старых мечетях Бухары для оформления фриза арак. В Самарканде таким приемом декорирован арак на старой части айвана мечети Ходжа-Ахрара (около медресе Надир-Девонбеги).

Наконец, в жилых домах конца XIX и начала XX в, появляются гладкие дощатые потолки, окрашенные масляной краской в один цвет, иногда с изобразительным очень несложным рисунком русского типа, а также заимствованные после прихода русских штукатурные потолки с лепной декорацией. Любопытен один из первых потолков этого типа в большой комнате зол в упоминавшемся доме Мир-Вафобая - одном из первых домов русского типа, выстроенных местными мастерами для местного же заказчика (рис.45), В нем ясно видна крепкая еще связь со старыми традициями в декоративном искусстве, несмотря на применение новых, необычных для старого строительного искусства приемов.

Говоря о приемах декорирования потолков, следует остановиться еще на отделке их способом **кундал**, сведения о котором записаны нами со слов усто Абдугани Латипова⁸.

Потолки типа **тахтакундал** собирались всегда внизу, так как требовали хорошей просушки. Вообще расписывать потолки наверху можно было только яичными красками.

⁷ Сообщение мастера Абдугани Латипова.

⁸ Ср.: И.К. Мрачковский. Живопись мазара Ак-Сарай в Самарканде, Сб. Московской секции ГАИМК, вып.1. М., 1928; А.С. Морозова и М.К. Рахимов. Роспись по ганчу и дереву. В кн.,: Резьба и роспись по ганчу и дереву. Ташкент, 1962, стр.107.

Чтобы приготовить доску для кундаля, ее прежде всего хорошенько пропитывали клеем - **йилим**, потом на нее наклеивали материал и опять хорошо пропитывали клеем. После просушки на подготовленную таким образом доску через припорох наносили узор и все элементы его обводили черной каёмкой - **сиёкалам**. Затем брали ганч и сначала тушили его с водой, а потом варили в котле с клеем. Получившуюся массу наносили на линии геометрического орнамента при помощи кисти - **калам**. Когда нанесенный слой ганчи высохал, на него наносили второй слой, который уже становился рельефным. После того как и он просыхал, сверху еще раз проходили жидким клеем - **йилимоб**. Нанесенный таким образом рельефный орнамент сверху покрывали седельным лаком - **ругани зингари** и выставляли на час на солнце, чтобы он застыл - **танадор мешуд**. На немного подсушенный рельеф наклеивали листовое золото - **халли тахта** и сушили еще день или два на солнце, после чего позолоту еще раз пропитывали клеем. Закончив на этом обработку кундаля, покрывали краской фон - **замин**, а затем все покрывали седельным лаком.

Седельный лак изготовляли следующим образом. Брали масло из семян льна - **зигир**,⁹ вливали его в котел, топка под которым и дымоход были тщательно обмазаны, чтобы пламя не могло воспламенить масло, и накачивали его в течение одного-двух часов. Затем на 10 фунтов масла брали 10 фунтов арчового клея и, остудив немного масло, клали в него клей, а потом опять разводили огонь и варили смесь до тех пор, пока она достаточно не загустеет. Готовность проверяли так: взяв немного лака, остужали его до такой температуры, чтобы он не обжигал руку, окунали в него палочку, и если лак с палочки не капал, а застывал, значит он был готов.

Детали

и декоративное оформление стен

Прежде всего необходимо остановиться на самой характерной из Средней Азии детали стен - на нишах. Обычно в большинстве местностей ниши делались в удаленной от входа торцовой и одной из длинных стен.

Торцовая удаленная от входа стена - **деволи пешга** в Самарканде обязательно делалась с нишами. Эти ниши имели большой размер, так как служили для хранения в них днем постели (одеял и подушек, укладываемых аккуратной кипой на сундуках). И в Ташкенте, в Самарканде эти ниши называются **тахмон** и являются обязательной принадлежностью жилой комнаты. По словам усто Акрама, "если в Самарканде в стене пешга нет тахмона, то такую комнату не считают за комнату". Возможно, однако, что это точка зрения современных мастеров и что в старину ниши **тахмон** не считались абсолютно необходимыми. По сообщению усто Шамсиддина, в пахсовых старых домах (а их, как говорилось выше, еще во второй половине XIX в. было много) ниши тахмон не делались. В домах из

⁹ Так как даже небольшая примесь другого масла могла испортить лак то обычно мастер посылал своего человека контролировать работу маслобойщика - **джувозкаш**.

сырцового кирпича они встречались не всегда и только в каркасных домах бывали обязательно.

При устройстве ниш в торцовой стене возможны два варианта. В первом варианте больших ниш - **тахмон** две, а между ними одна глубокая узкая, разделенная поперечными ганчевыми полками на несколько меньших - **майда-токча**, или **реза-токча** (рис.46); иногда верхняя часть этой ниши разделялась на совсем мелкие ниши с фигурными наличниками. Во втором варианте большая ниша **тахмон** одна, а по обеим сторонам ее - мелкие ниши (рис. 48,49). В домах конца XIX и начала XX в. мелкие ниши имели фигурные наличники с изображением кувшина - **офтоба** изящного рисунка, напоминающие такие же мелкие ниши в Бухаре. Иногда удается установить, что это работа мастеров бухарской школы (рис.49).

Чтобы покончить с описанием оформления удаленной от входа торцовой стены, нужно сказать, что с конца 90-х годов XIX в. вошли в моду деревянные панели, делавшиеся только в торцовой стене (чаще всего в мехмонхоне) и состоявшие из ряда вертикально-вытянутых прямоугольных филёнок (рис.49). Они окрашивались и орнаментировались по краю узенькой, в один сантиметр, **полоской** с каким-либо несложным узором, большей частью выполненным по тёмному фону. Эти филенчатые панели носят название **сандука** (от **сандук**, разг. **сандик** - сундук, по-видимому, по сходству с передней стенкой старых деревянных сундуков, тоже разбитой на филенки). Эта мода, как считают мастера, пришла из Бухары, где такая отделка торцовой стены нередка.

Как упоминалось, ниши в длинных стенах могли делаться либо в передней стене, либо в задней. Первый способ, по сообщениям мастеров, является исконно самаркандским. При этом ниши большей частью не имели никакой декоративной отделки и представляли собой одну большую вытянутую горизонтально между двумя дверями-ставнями нишу, разделенную грубыми ганчевыми (из гачхока) досками на четыре части. Задняя стена при этом бывала гладкая или разделенная на панно. Если в задней стене дома делались ниши, то в старых домах они были глубокие и имели форму стрельчатой арки высокого подъема. Приём устройства ниш в задней стене дома считался мастерами заимствованным из Бухары, хотя он встречался и в старых самаркандских домах, построенных в первой половине XIX в., как, например, в доме Махдихана Кори¹⁰. При устройстве ниш в задней стене последняя обычно делилась на нечетное число частей: стена девятибалочной комнаты - на пять частей, одиннадцатibalочной - на семь. Соответственно этому делалось пять или семь ниш, иногда чередовавшихся с панно. Случалось, что мастера чередовали высокие и более низкие ниши (рис.47) или одну стрельчатую нишу поднимали и под ней помещали прямоугольную нишу, а другую опускали до верхней линии панели и прямоугольную нишу помещали над ней (рис.51), Встречались и различные другие варианты расположения ниш, разнооб-

¹⁰ Описание этого дома см.: А.Н. Арефьев. Старый жилой дом в Самарканде. "Архитектура СССР", 1940, №12, стр.59.

разно было и их оформление, что видно даже по немногим приведенным в работе фото. При нескольких нишах, расположенных в ряд, центральный проём отводился для ниши, в оформлении которой теоретически предусматривался сталактитовый полусвод, для которого требовалось больше места. Поэтому он обычно бывал больше боковых. На практике отделка центральной ниши сталактитами осуществлялась далеко не всегда. Встречалось и оформление стены нишами, сходное по пропорциям с ферганским (рис.50).

Из способов орнаментации, применявшихся для украшения стен в Самарканде, прежде всего нужно отметить тиснение по глино-тузгоковой штукатурке. Орнамент на нее наносился штампом в виде нешироких дорожек в один, иногда в два ряда (48, 51, 52), деливших стену на части. Орнамент не отличался разнообразием; в четырех известных объектах (три в Самарканде и один в Ургуте) насчитывается всего три вида орнамента (образцы см. рис. 52, 53), причем только раз в одной комнате были применены три различных вида его, обычно же в отделке всей комнаты применяется один вид орнамента. Чаще всего в Самарканде, а также в Ургуте встречается свастикообразный орнамент, изображенный на рис.52.¹¹

Тиснение по тузгоковой штукатурке, как и сама штукатурка, давно уже перестало применяться. Мне не известны случаи ее применения позже середины XIX в.

Ганчевые декорации в Самарканде очень разнообразны по технике выполнения. Наиболее распространенными являются резные и литые работы.

Разнообразие рельефной резьбы по ганчу определяется в основном высотой рельефа, его профилем, т.е. степенью наклона краев резьбы, и способом разделки – **пардоз** - поверхности отдельных элементов рельефного узора, начиная от стеблей-побегов **таноб** и кончая цветами и розетками.

Напомним вкратце, как производилась резьба по ганчу¹². Место, предназначенное под резное панно, покрывалось сначала слоем штукатурки из быстро и крепко схватывающего раствора – **тезгач**. К этому раствору иногда добавлялся местный клей **ширеш**, который, с одной стороны, замедлял процесс схватывания ганча, с другой же - придавал застывшему раствору значительную твердость. На слой штукатурки из тезгача наносился слой штукатурки из раствора **ховонда**, который схватывается гораздо медленнее и после смачивания его поверхности водой снова становится мягким, допускающим резьбу по нему.

Рисунок – **кашиш** будущего панно уже заранее нанесен был мастером-рисовальщиком на бумагу и по контуру наколот толстой иглой. Такой наколотый рисунок служил шаблоном-припорохом – **ахта**. Приложив припорох

¹¹ Этот орнамент имеет большое применение в уратюбинской резьбе по дереву. Он был встречен нами также в Ташкенте на резных дверях работы уратюбинских мастеров.

¹² Подробнее см.: **Б.Н. Засыпкин. Резьба по ганчу. В кн.: Резьба и роспись по ганчу и дереву. Ташкент, 1962, стр.23 и сл.;** **И.И. Ноткин. Бухарская резьба по ганчу в работах усто Ширина Мурадова, Ташкент, 1961.**

к стене, мастер сверху припудривал его наколотые линии мелкой угольной пылью, завязанной в тонкую тряпочку. От этого на штукатурке оставался нанесённый пунктиром узор, по которому и производилась резьба. Только очень немногие мастера способны были вырезать узорные панно без предварительного нанесения рисунка на штукатурку, прямо от руки.

Резные и расписные панно по характеру своего рисунка делятся на две группы: **гирех** - арабески, геометрический орнамент и **мунаббат**-композиция из элементов растительного орнамента - побегов, листьев и цветов. Сюда же относятся и весьма распространенные композиции в виде вазы с букетом цветов.

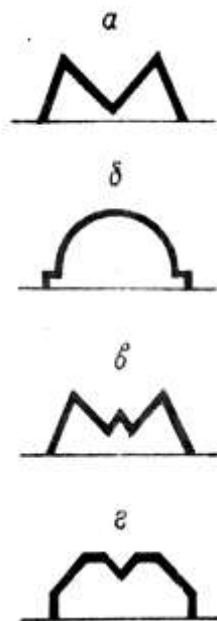
В старину, в середине и во второй половине XIX в., рельеф резьбы был сравнительно выше, чем в XX в. Но основное, что отличает старую резьбу от более поздней, - это иной способ оформления краёв резьбы и иной **пардоз**, т.е. иной способ разделки поверхности отдельных элементов орнамента.

В середине и второй половине XIX с. края отдельных элементов орнамента вырезались отвесными, перпендикулярными к выбираемому фону. При высоте рельефа это одно уже придавало орнаменту большую выразительность благодаря резким и глубоким теням, подчеркивающим контуры рисунка. Бывало, что мастер ограничивался только выборкой фона и вырезанием контура рисунка, не разделявая совершенно поверхностей вырезанных деталей (рис.54),

Если же мастер наносил на поверхность элементов орнамента разделку - **пардоз**, то это был обычно **чокапардоз** - букв. вырезной пардоз. При этом пардозе вдоль каждого элемента орнамента посередине вырезался глубокий желобок, имеющий в сечении вид треугольника, опрокинутого вниз вершиной (схема 9,а). Чем старше резьба, тем глубже врезана в фон линия, тем острее вершина треугольника. В старых образцах резьбы чокапардоз бывал настолько глубок, что лишь немного не доходил до фона - **замин**. Такой глубокий пардоз создавал удивительно богатую игру светотени, и часто резьба оставалась неокрашенной даже в таких богатых сооружениях, как, например, мечеть Хавзи-Сангин, где это не могло диктоваться соображениями экономии (рис.55). Глубокий чокапардоз применял в своей резьбе дед усто Шамсиддина Гафурова, усто Мухаммад-Расул, родившийся в начале второй четверти XIX в. и по семейному преданию, участвовавший в ганчевых работах по отделке мечетей Абдулхайр и Хавзи-Сангин.

Лишь изредка высокая резьба с отвесным срезом краев орнамента встречается в декоре некоторых поздних построек. Такова, например, разделка основных побегов орнамента панно на айване мечети по Сузангаронской улице, относящегося к началу XX в.¹³ Однако стиль орнамента здесь уже совершенно иной (рис.56). Позднее чокапардоз становится все менее глубоким, и это значительно изменяет характер резьбы.

¹³ В отличие от самаркандо-бухарских районов, где резьба с отвесными краями орнамента была свойственна старым образцам, в ферганских районах она, наоборот, была характерна для резьбы по ганчу последних предреволюционных десятилетий.

ВИДЫ ПАРДОЗА

(разрезы побегов)

*а - чокапардоз, б - лулапардоз,
в - табакапардоз,
г - обипардоз.*

СХЕМА 9

В последние десятилетия XIX в. мастера начали применять так называемый лулапардоз (букв. пардоз в виде валика), который в сечении имел форму полукруга. По воспоминаниям усто Шамсиддина, родившегося в 1883 г., этот пардоз появился в его детские годы, когда он сам еще не работал. Лулапардоз обязательно имеет небольшое оба - выпуск полоски ганча у основания валика, чтобы отделить его от фона (схема 9,б).

Ещё позже, около 1910 г., появился так называемый табакапардоз (от табака - слой, ярус). Табакапардоз в разрезе побега имеет форму трапеции со скошенными гранями (схема 9,в), а в цветах - находящие друг на друга слоями лепестки. В последних двух видах пардоза края резьбы сходят иногда к фону на нет, что в старой резьбе при чокапардозе было совершенно неприемлемо.

По словам усто Кули Джалилова, был еще один вид пардоза - обапардоз (от оба - каёмка), который в разрезе побега представлял собой половину восьмигранника с неглубокой выемкой посередине верхней плоскости (схема 9,г). В отличие от описанных выше лулапардоза и табакапардоза, которые применялись чаще всего в композициях из растительного орнамента и ислими, называемых мунаббат, обапардоз применялся только в ганчевых резных решетках - панджара и в линиях, образующих сетку геометрического орнамента гирех¹⁴.

Из всего сказанного ясно, что к началу XX в. резьба по ганчу в Самарканде, как и в Бухаре, приобрела уже иной характер, чем описанная выше резьба первых трех четвертей XIX в. Во-первых, она стала более плоской, низкого рельефа, который иногда сходит на нет, почти сливаясь с фоном. Во-вторых, поверхность рельефа и детали получают тонкую, иногда доходящую до ювелирности, но неглубокую, плоскую разделку пардоз. Орнамент теряет свою выразительность и без раскраски плохо выделяется на поверхности стены. Вероятно, это обстоятельство послужило причиной того, что в Самарканде и Бухаре в XX в. резьба по ганчу большей частью раскрашивалась (рис.57), хотя и в это время

¹⁴ Говоря о времени появления того или иного вида пардоза, мы имеем в виду только применение их в ганчевой резьбе последних полутора столетий, по которым мы имеем данные. Это отнюдь не означает, что этот приём не применялся в том же Самарканде в другое время или в другом материале.

Обапардоз, например, по словам мастеров, применен в геометрическом орнаменте мраморной панели во дворе медресе Ширдор.

Подробнее о решетках и технике их изготовления см.: Л.И. Ремпель. Панджара. Архитектурные решетки и их построение. Ташкент, 1957; о геометрическом орнаменте: Г.И. Гаганов. Геометрический орнамент Средней Азии. В кн.: Архитектурное наследство. М., 1958, №11.

кое-где встречаются белые нераскрашенные панно (например, на айване мечети 1-я Ташканди, построенной в первом десятилетии XX в.),

Кроме обычной резьбы по ганчу, в Самарканде иногда (в самых богатых домах) применялась резьба по ганчу по зеркальному фону, образцом которой является так называемый "белый зал" в пригородном дворце бухарского эмира Ситора-Махоса¹⁵. Такая резьба имела, например, в богатом доме Усмана Бойбача по улице Кошхавз, построенном в начале второго десятилетия текущего столетия.

Но этот приём известен был в Самарканде и раньше: усто Акрам в 1937 г. принимал участие в разборке старого дома Абдураима Мирохура в гузаре Козикалон построенного, по преданию, в первой половине XIX в., стены которого были отделаны глино-тузгоковой штукатуркой с резным узором на зеркальном фоне¹⁶. По мнению усто Акрама, в этом доме к глине, кроме камышового пуха - тузгок, был примешан и ганч, так как резная штукатурка сохранилась очень хорошо. Для того чтобы глина или ганч держались на зеркале, последнее сначала прикреплялось ганчем к стене и посредством местного клея ширеш оклеивалось тканью, к которой накладываемый затем слой штукатурки приставал очень хорошо.

Одной из разновидностей резьбы по ганчу являются сталактиты. Местные мастера различают три разновидности этого эффектного вида декорации: шарафа, муканнас и ироки. Название шарафа прилагается к ровным ярусам сталактитов, например к сталактитовым фризам, очень часто делавшимся в Самарканде и в Бухаре в верхней части стены под потолком (рис. 55, 57). Термин муканнас (из мукарнас - изогнутый, вогнутый, выпуклый) обозначает рельефные сталактиты на вогнутых и выпуклых плоскостях - в полусводах ниш (рис. 58, 59), на круглых капителях колонн и т.п. Плоскогранные сталактиты в эту категорию не входят и название муканнас к ним неприменимо). Они называются ироки-"иракские" (рис.60).

В первых трех четвертях XIX в. в Самарканде в массовом строительстве больше всего применялись сталактиты типа муканнас. Главным местом их применения в это время были полусводы ниш, чаще всего ниш михрабов мечетей. Сталактиты в сводах этих ниш часто прекрасно выполнены: крупностью своего рельефа они производят впечатление скорее конструктивных, чем декоративных, и напоминают собой сталактиты в полусводах ниш самаркандских и бухарских монументальных памятников прошлых веков. В последующие десятилетия сталактиты муканнас делались все более мелкими, а в XX в. начали вытесняться плоскогранными сталактитами Ироки¹⁷ (рис.60, свод большой ни-

¹⁵ Подробнее см.: В.А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр.99.

¹⁶ Это сообщение вызывает сомнение насчет даты постройки, так как до присоединения к России завоз зеркал в Среднюю Азию не мог быть значительным. (Прим.ред.).

¹⁷ В монументальной архитектуре прошлых веков сталактиты типа ироки, как известно, применялись в бухарском медресе Абдудазизхана, относящемся к XVII в., и в некоторых других постройках.

ши михраба и 61, середина полусвода). В это время нередко встречается сочетание разных видов сталактитов в одной нише (рис.61 и 62).

В конце XIX и начале XX в. модным становится обилие резных и расписных панно, и по мере наличия средств у строителя это осуществлялось. Среди богатых мечетей XX в. и даже более ранних можно встретить постройки, стены которых сверху донизу покрыты всевозможными резными и расписными панно, дорожками, бордюрами, нишами со сталактитовыми сводами, фигурными наличниками и т.д. (рис. 22, 49). Обильное применение ганчевых декораций встречалось и раньше, но как редкое исключение. К ним можно отнести удивительный по богатству и красоте отделки стен и потолков айван мечети Хавзи-Сангин, построенной в 1864 г. (рис.56), или мехмонхону Махдихона Кори, построенную около 1860 г.

Наряду с пышной отделкой богатых зданий большим количеством резных панно (наиболее ценилась, конечно, резьба от руки, но на практике обильно применялась и отливка) мы видим и другую тенденцию, проявляющуюся в более бедных зданиях. Не имея возможности дать зданию богатое убранство, декораторы оформляли его, если можно так выразиться, в своеобразном стиле "модерн", с гладкими поверхностями стен, разбитыми на ниши с простыми наличниками, без резьбы, со скромной раскраской тимпанов над аркой михраба в мечетях (рис.63).

С конца XIX в. в Самарканде, так же как и в Бухаре, начала применяться техника отливки. Ока быстро получила большое распространение, и ею выполнялись часто всевозможные дорожки и даже целые панно, преимущественно с геометрическим орнаментом (рис.64), а также упомянутые выше сталактитовые фризы - **шарафа**. Однако во многих богато отделанных старых мечетях и домах Самарканда сталактитового завершения стен не было (рис.34, 35 и др.).

в богато отделанных домах конца XIX и начала XX в. литой сталактитовый фриз, очевидно в подражание русским штукатурным потолкам, иногда заменяется литой ганчевой выкружкой - **нава**, а обязательные в старой резной декорации дорожки с резным геометрическим узором - профилированными тягами. Наличие в некоторых домах сталактитовых фризов шарафа под потолком, возможно, тоже являлось частично результатом влияния Бухары, где таких фризов много, хотя надо отметить, что и в Ташкенте, и в Фергане ганчевые сталактитовые фризы в верхней части стен под потолком иногда встречались как в старых, так и в поздних богато отделанных мечетях.

Кроме резьбы и отливки, в оформительских работах по ганчу в Самарканде, как и в других местах, применялась техника ганчевой мозаики - заполнение окрашенным ганчем вынутых частей белого фона (рис.57, панель) и техника процарапывания узора по окрашенному ганчу, обе известные под одним и тем же названием **кырма** (узбекское **кьюмок** - резать, скоблить). Последний вид техники - процарапывание применялся исключительно в старину, в работах, выполнявшихся в первой и в начале второй половины XIX в. В Самаркандском музее имеется удивительный образчик подобной работы

- тончайший процарапанный узор на тимпане панно, снятом в доме Махдихона Кори, в комнате, построенной, по-видимому, в конце первой или в начале второй половины XIX в. (рис.65). Работа настолько тонка и трудоемка, что видевшие ее мастера говорили, что она могла быть выполнена только каким-нибудь талантливым мастером-наркоманом (банги), так как у нормального человека на такую работу никогда не хватило бы терпения.

Очень интересной областью самаркандского декоративного искусства является роспись - стенная и потолочная. Для старой самаркандской росписи характерно большое разнообразие ее орнамента и приемов выполнения, которые, как можно предполагать, являются следствием упоминавшегося заселения Самарканда выселенцами из других мест. Роспись последних десятилетий более единообразна.

В старой росписи, относящейся к первым трем четвертям XIX в., применялись два способа: роспись от руки и роспись по контурам, предварительно нанесенным на расписываемую плоскость посредством припорохов. Нанесение последних, как упоминалось, производилось проведением легким тампоном из редкой тряпочки с завязанным в ней толчёным древесным углем по приложенному к расписываемой поверхности наколотому шаблону ¹⁸ ахта.

Роспись от руки на старых потолках встречалась двух видов: 1) длинными узкими медальонами или, в более старых образцах, вытянутыми двусторонними букетиками (рис.34) с мелким узором, выполненным разными цветами по белому фону. Часто в этой росписи, кроме преобладающего белого цвета фона, имелось довольно много синего цвета (такова, например, роспись на южном старом айване мечети Ходжа-Зудмурод); 2) роспись небольшими редкими не очень яркими букетиками по болотно-зеленому фону. Такая роспись зафиксирована в нескольких жилых домах, относящихся к шестидесятым и семидесятым годам прошлого столетия (рис.66).

Для росписи середины и начала второй половины XIX в. очень характерен узор **шобарг**. Это загибающиеся листья с зубчатой вогнутой поверхностью, расположенные "валетами" по бокам центрального элемента узора и окаймляющие его (рис. 67). Обычно узором шобарг украшали деревянный фриз потолка - **арак**.

Потолочная роспись, как видно из многих приведенных фото, очень разнообразна (рис. 35,36,42,44,55,57,67,68). Можно отметить сплошную роспись синими линиями, иногда очень тонкими, в виде мелкой сетки, по белому фону (детали выполнялись, по-видимому, от руки) и многоцветную роспись с мел-

¹⁸ У каждого мастера-декоратора за годы работы скапливалось большое количество таких припорохов и рисунков как собственной работы, так и выполненных другими мастерами. Эти архивы мастеров содержат богатый материал для изучения национального орнаментального искусства и способов его сохранения. (О них см.: **Н.Б. Бакланов**. Герих. Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения. Сов. археология", IX, 1947; **М.С. Андреев**. Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента. Отд. обществ. наук АН Тадж.ССР вып. 10-11. Сталинабад, 1956). "Некоторые материалы из личных архивов самаркандских мастеров росписи и резчиков хранятся в Самаркандском музее и в этнографическом фонде музея истории им. А. Дониша АН Тадж.ССР

ким орнаментом. В таком орнаменте каждый цвет располагался небольшими кусочками, что создавало в целом удивительно приятную гамму. В старой самаркандской росписи преобладал синий цвет, иногда белый или оба эти цвета, реже болотно-зеленый.

В более позднее время, как сказано, характер росписи становится более однородным. Исчезает роспись от руки. Орнамент выполняется всегда по шаблонам и становится гораздо крупнее; частично на это влияло и упомянутое выше увеличение размера некоторых частей потолка. Отдельные части крупного орнамента, окрашиваемые в контрастные яркие цвета, резко выделяются, орнамент становится гораздо резче, более бросается в глаза. Общая цветовая гамма росписи последних десятилетий тоже очень меняется. Преобладают красный и зеленый цвета иных, чем прежде, оттенков; возрастает удельный вес желтого цвета, белый же и синий, бывшие прежде основными, большей частью вводятся в небольшом количестве, как дополнительные. I

Значительные изменения произошли в составе красок и способе их разведения. По словам мастеров, в самых старых росписях по дереву краски разведены на яичном желтке с небольшой примесью клея, для росписи по алебастру - только на яичном желтке; позже краски были клеевые, в последнее же время (XX в.) - масляные, русского фабричного производства. I

Стенная роспись, так же как и потолочная, в XIX в. иногда выполнялась от руки, без применения шаблонов. На рис. 69 - 73 представлены расписные панно 60-х годов XIX в. из бывшего дома Махдихона Кори¹⁹, а на рис. 74 - панно 70-х годов XIX в. на айване мечети Хавзи-Сангин. И те и другие нарисованы от руки без припорохов, причем панно в мечети Хавзи-Сангин выполнено только одним синим цветом по белому фону штукатурки. Чаще, однако, роспись на стенах выполнялась по шаблонам ахта. Очень распространённым мотивом были всевозможные букеты, вписанные в стрельчатую или фестончатую фигурную арку, имеющие вытянутую парашютообразную форму (рис. 75 и два крайние панно на рис.76), Иногда всё прямоугольное пространство панно заполнено орнаментальной композицией (рис.76, центральное панно, узор ислими). Изредка комнаты в доме, как и айваны мечетей, отделялись только расписными декорациями, без резьбы. Такова комната в доме Шамсиддина Тураева, построенная в 80-х годах XIX в. (рис.76). Такой же приём встречался нам в некоторых мечетях Ташкента.

В росписях и резьбе начала XX в. часто фигурирует в различных вариантах мотив глаучей ивы - **беди маджун** (рис.77, оба крайних панно). Он применяется в более позднее время и в резьбе по ганчу, причем тонкие свешивающиеся вниз ветки заменяются широкими длинными листьями (рис, 43, 78). О популярности этого мотива можно судить по тому, что он встречается даже в резной орнаментации на глиняных стенах самаркандских пригородных усадеб.

---

¹⁹ Эти панно были в 1940 г. сняты Самаркандским музеем и хранятся в его фондах.

Помимо описанных приемов архитектурного декора в самаркандских домах и мечетях в конце XIX и в начале XX вв. широко применялись каллиграфические надписи, содержащие всякие благопожелания дому, восхваляющие его красоту и иногда содержащие в себе дату постройки или отделки (рис. 77, 79).

Резные и расписные ганчевые панно, а также незаполненные орнаментом панно, на которые бывала разбита плоскость стены, обычно бывали окаймлены наклонной к середине панно резной полоской-бордюром - **занджир**а с геометрическим орнаментом, построенным, как правило, на основе треугольников.

Изучение узоров **занджир**а и их смены в разные периоды - это самостоятельная интересная задача. Для решения её имеющиеся у меня материалы недостаточны. Однако учитывая, что большинство памятников массовой архитектуры XIX в. уже не существует и сбор дополнительного материала очень затруднен, мне кажется небесполезным изложить некоторые наблюдения, накопившиеся за время сбора материала и исследования многочисленных эстампажей, фотографий, а также 22 **занджир**а из коллекции образцов резьбы по ганчу, выполненной в 1957 г. самаркандским резчиком усто Кули Джалиловым по заказу сектора этнографии Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР (Хранятся в этнографическом фонде указанного института. КП №312. См. рис. 80,а, б, в, г, рис. 81,в, г, е, ж, з, рис. 82,а, б, г, д, е, ж, з, рис. 83,а, б, в, д, е, ж, з).

Проведенное исследование показало, что многие узоры **занджир**а очень устойчивы и применяются с начала второй половины XIX в. до 20-х годов XX в. включительно. Так, почти во всех обследованных объектах в резьбе по ганчу, по глине, по дереву встречаются узоры: **якказанджир**а (рис. 52, края, 56, обрамление внутреннего панно, 64, то же, 80,а, 84 - 88); **куш-занджир**а - двойная **занджир**а (рис. 65, 69, 80,е и др.), четырехрядная (рис. 80,ж); различные варианты одного из самых популярных узоров - **сар дар канор**, **сар дар багал** - голова в объятиях (возлюбленной), называемого так потому, что вершина - **сар** лучей одного направления упирается в угол, образуемый лучами другого направления: **сар дар канори дутаги** - двойной **сар дар канор** (рис. 56, **занджир**а внешнего прямоугольного панно, 81, в, 90, **занджир**а обвязки и др.), **сетаги** - тройной **сар дар канор** (рис. 81,г); различные варианты тоже очень распространенного узора **джавак** (от названия ювелирного украшения): **джаваки бемаргула** (рис. 65, начерченный, но не вырезанный, 81,е,90, обрамление филенки; обрамление обвязки имеет узор **сар дар канор**), **джаваки маргуладор** (рис. 81,ж); узоры **ирокии майда** (рис. 82,ж) **ирокии калон** (рис.82,д), напоминающие плоские сталактиты, носящие то же название **ироки**; многочисленные варианты узора **тупсар** - круглый, состоящий из половинки многолучевой (шести, девяти и т.п.) розетки, вписанной в половину шестиугольника, например **тупсари нутаги** - девятерной **тупсар**, из восьми целых и двух половинных внизу по краям лучей (рис. 83,а), такой же из шести (рис. 70, 71, 73, слева) и из шестнадцати лучей (рис. 64) и т.д.;

вариантом этого узора являются такие же половинки многолучевых розеток, вписанные в полуокружности - **парголи** (от **паргол**, **паргор** - циркуль), например **парголии нешбанеш** - полуокружность с направленными навстречу друг другу острями лучей (рис.75, 83, в), **парголии якказанджиранок** - полуокружность с однорядной занджирой (рис. 33,б) и некоторые другие.

Ряд узоров был зарегистрирован только в образцах третьей четверти XIX в. и в более поздних не выявлен. Таковы, например, узоры **нимшакли обанок**, состоящий из отрезков одинарной занджиры (3, 5, 7 зубцов), окаймленных несколькими параллельными линиями в виде извивающегося побега (рис. 80,г), или из отрезков одинарной занджиры, положенных наискосок и разделенных параллельными линиями (рис. 80,д), или **занджираи обанок** в виде полосы параллельных линий, помещённых под углом друг к другу и образующих широкую ломаную линию (рис. 85,ж); узор из четырехлучевой - **чоргуза** (рис. 62, справа, 72, 82,а) и восьмилучевой (рис.81,з) целой розетки, а также многолучевые полурозетки типа описанных выше **тупсар**, окаймленные извивающимся побегом из нескольких параллельных линий (рис. 55, занджира вытянутого горизонтального панно над михрабом, рис. 83,г). Характерны только для старых декоров занджира, в которых часть плоскости оставляется гладкой, иногда с одним или несколькими круглыми углублениями. Все они косят названия лежащих в их основе обычных узоров с добавлением эпитета **маргуланок** или **маргуладор** (этимология слова **маргула** неясна), например, **джаваки маргуладор** (рис. 81,ж), **чоргуза** и **маргуладор** (рис. 82,б; узор **чоргуза** без маргула см. на (рис.72, 82,а) и ряд других с неустановленным названиями (занджира на рис.75, справа в верхней половине, 81,а, 81,б, 82,г). Главным образом в старых декорациях применялась каёмка, называемая мастерами **нимхашт** - половина восьмилучевой звезды (рис. 34, вверху над штампованным узором по тузгоковой штукатурке, 83,е).

Среди выполненных усто Кули образцов некоторые не были мной зарегистрированы, поэтому сказать что-либо о времени их бытования трудно. Таков, например, узор очень мелкой двухрядной занджиры, названный мастером **кушзанджираи мусаллас**, или **семусаллас** (рис. 80,б), мелкая четырехрядная занджира - **кушзанджираи майдазанджира** (рис.80,в), занджира с узором **авджи акс** (рис.82,е), **се мусалласи занджирадор** (рис. 82,з), **шаши кунд** и **шаши тез** - шестилучевая звезда и шестиугольник, т.е. опять-таки половинки этих элементов (рис.82,д), **занджираи таулнок** - занджира с узором барабана (рис. 83,з).

Иногда панно были окружены, помимо занджиры, узкими полосками росписи, часто с узором извивающегося побега - **ислими**, с отходящими от него более или менее сложными элементами (рис.69, 70), или полосками с только намеченным процарапанным узором, имитирующим узор занджира (рис.65,75), **всевоз-**

можными более или менее широкими дорожками – **рута** между отдельными панно (рис. 64), или даже между обрамлением и центральным полем панно. Они бывали гладкими или орнаментированными росписью или резьбой, ручной или отлитой. Все эти дорожки позволяли мастеру, заполняя промежуточное пространство, придать всей композиции и отдельным ее элементам желаемую форму и пропорции. Для подчеркивания контуров ниш и панно часто применялись жгутообразные валики – **морпеч**, в последнее время более выпуклые (рис. 62, 64), в старину чаще плоские (рис. 69, 70, 73).

Следует сказать еще несколько слов о декорациях, применяемых на постройках из жжёного кирпича. Это изразцы и рельефные фигурные узоры из жжёного кирпича без поливы. Украшение изразцами зарегистрировано мной в Самарканде на следующих объектах, относящихся к исследуемому мной периоду: Мадрасаи-Бой (где в 1940 г. помещалась туристическая база), минарет при мечети Кошхавз, датированный 1325 г.х.-1908 г.н.э. (рис. 25), и минарет при мечети Хазрати-Хизр.

Попытки декорирования построек изразцами мы наблюдаем в XX в. во многих местах Средней Азии. Таково медресе Мулла-Киргиза в Намангане, где портал и полусводчатая арка в нем облицованы голубыми изразцами; портал дарвозахоны медресе Камол-Кози в Коканде, на котором указана дата постройки - 1332 г.х.- 1914 г.н.э. и имена двух мастеров: керамиста из Риштана усто Собирджана, приготавливающего изразцовые плитки, и каменщика-декоратора усто Умарджана, составившего рисунок и смонтировавшего плитки в узор; минарет Ислам-Ходжа в Хиве, построенный также в начале XX в.

Рельефные узоры из жженого кирпича зарегистрированы в Самарканде на нескольких минаретах (рис.24), как и в других городах, в частности, в городах Ферганы. Характерны ещё для каменных построек начала XX в. фонари на башенках гулдаста при дарвозахона мечетей, на фасадах **тахоратхона** при мечетях (рис.28) и т.д.

Двери и колонны

Двери - **дар** в Самарканде бывали одностворчатые - **дари як-тавока** и двустворчатые - **дари дутавока**. Одностворчатые двери традиционного типа за последние десятилетия в самаркандских жилищах почти не встречались. Всюду делались двустворчатые двери, которые бывали двух видов. Двери, сделанные из гладких толстых досок, скрепленных вместе, называемые **увайди**²⁰, как правило, не имели орнаментации, если не считать вписанных в них иногда прямоугольников, имитирующих филленки (рис.84). Они были очерчены узкой полоской, выбираемой маленькой стамеской, в виде ломаной линии, называемой в Самарканде, как и всюду в Средней Азии, независимо от материала, в котором она выполне-

²⁰ *Этимология неясна: из арабского убайд- -мн. уменьшит, от абд - "раб" + тадж. суф. и - "рабская, низкая" (?)*.

на, и от места, на которое она нанесена, **занджира** (цепочка) или **якка-занджира**. Двери **увайди** делались в самых бедных домах в жилых помещениях и в качестве входной калитки с улицы во двор.

У сколько-нибудь зажиточных людей как в жилых помещениях, так и при входе во двор большей частью делались филенчатые двустворчатые двери, широко распространенные в городах Средней Азии (за исключением, насколько нам известно, Хорезма, где применение их ограничено) и всюду носящие название **багдоди** (разг. багдоти) - "багдадские" (рис. 85,86). Каждая створка этой двери состоит из двух длинных досок **бозу**; на концах бозу, прилегающих к дверному косяку, имеются выступы, штыри - **турум**, входящие в соответствующие гнезда в дверных коробках. Укрепленная таким образом дверь свободно открывается и закрывается, вращаясь на штырях. Между двумя вертикальными бозу укреплены четыре короткие поперечные дощечки, входящие своими обтесанными концами в специальные пазы в боковых поверхностях бозу. Они называются **кабзи** (как и горизонтальные дощечки потолка, лежащие в одной плоскости с нижней поверхностью открытых потолочных балок - **болол**). Между кабзи расположены три прямоугольные филёнки, называемые **дэла**. Отсюда и вся филённая дверь называется ещё мастерами **дари дэланок**. Две маленькие филёнки, положенные горизонтально вверху и внизу створки, называются **китеба** (букв, надпись)²². Средняя, вытянутая вертикально филёнка особого названия не имеет и называется только **дэла**. На эту филёнку наносился наиболее сложный орнамент - либо сплошной, покрывающий всю поверхность филёнки (рис. 85, 87, 88), либо вписанный в рамки вытянутого фигурного медальона (рис.85).

Отличалась от обычных дверь, ведущая с айвана в зимнее помещение мечети Ходжа-Джон-Ходжа. Верх ее был оформлен в виде закругленной арки, срезающей углы верхней четвертой пары филенок, на которых была вырезана надпись с хронограммой (рис. 89). Эта надпись была прочитана и переведена по моей просьбе А.А. Семеновым:

²¹ Двери с выступами - штырями, вращавшимися в специальных поднятых камнях, были распространены в Средней Азии уже в бронзовом веке см.: **Б.А. Литвинский**. *Намазга-тепе по данным раскопок 1949-1950 гг.* (Предварительное сообщение). "Сов. этногр.", 1952, №4, стр. 33, 34, 39.) Горизонтальное каменное основание дверной коробки с гнездом для помещения выступа - штыря известно, по археологическим данным, в Средней Азии с эпохи античности; в античных памятниках появляется например, в доме на Хирман-Тепе) и часто встречается в более поздних раннесредневековых памятниках деревянное основание - порог с гнездом. (Прим. ред.).

²² Этим же термином в самаркандо-бухарских, ташкентских и ферганских районах называются горизонтально-вытянутые панно над или под большими вертикальными панно на стене. На таких панно, как на стенах, так и на филёнках двери помещались надписи в стихах, главным образом на таджикском языке, с восхвалениями постройки и ее владельца; отсюда их название.

На левой филенке

از روی شوق مقام تاریخ در جوابگو باقتر

На правой филенке

گمردید ز لطف حق تعالی مهیا دروازه عالی

Т.е.: По милости всевышней Истины соорудились (эти) высокие врата. Сообразно (их) положению на восток, ответствуй дату их (сооружения словом) "бахтар".

Слово **бахтар** (восток) в числовом отношении дает 1203 г.хиджры (1788-1789 г.н.э.).

Большие ворота-двери - **дарвоза**, ведущие во двор мечети медресе и т.д., часто бывали также разбиты на филенки, покрытые резным орнаментом (рис. 90, 91).

На край одной из створок двустворчатой двери в месте их стыка набивалась планка - **бинди** (от **бини-нос**) или **биндии дар**.

Эта планка на богатых дверях, главным образом на больших входных дверях мечетей и медресе, украшалась вверху и внизу более или менее сложными ста-лактитами (рис.89).

Дверная коробка в целом особого названия не имеет. Боковые ее части называются **пахлудари** (от **пахлу** - бок), верхняя балка - **болодари** (**боло** - верх), нижняя - **тагдари** (**таг** - низ) или **остона** - порог. С порогом в Самарканде, как и всюду, связано много представлений и суеверий, он очень почитается, на него нельзя наступать, а надо перешагивать при входе, нельзя его осквернять.

В XX в. в богатых купеческих домах описанные двери старого местного типа начали заменяться дверьми русского образца, уже не вращающимися на петлях, а прикрепленными к дверным коробкам обычными шарнирами, называемыми у местных мастеров **ошик-маышук** - "влюбленный и возлюбленная"²³. Прежние металлические кольца **халка** сменились на них дверными ручками **дастгир**, прикрепленная вверху дверной створки цепочка **занджир**, накидывавшаяся на прикрепленное к верхней балке дверной коробки кольцо **зулфин**, к которому привешивался металлический замок **куфл** (разг. **кулф**) в форме трубочки с ввинчивающимся ключом, начала вытесняться русским висячим, в наиболее богатых купеческих домах и внутренним замком. Постепенно исчезли и широко применявшиеся раньше для украшения наружных стен, особенно мечетей и медресе, декоративные гвозди с громадными выпуклыми шляпками - **кубба**, называемые **мехи куббадор** (рис. 90, 91).

²³ Этот термин или его вариант - **кару мода** - "самец и самка" ~ применяется повсюду в Средней Азии для обозначения всяких соединений шарнирного типа, основанных на свободном вхождении одних частей в другие. Так называются, например, созданные по этому принципу пряжки поясов и браслетов.

При забивании этих гвоздей для предохранения их и находящегося под ними дерева от вредного влияния сырости под их большие шляпки подкладывались кусочки тряпок. Может быть, это делалось и для предохранения дерева от соприкосновения с металлом и от распространения на дерево коррозии.

Позднее двери русского типа начали делать и в средних по достатку домах, после же революции они получили широкое распространение не только в городе, но и в кишлаках, в домах колхозников.

Как известно, в местном среднеазиатском жилище окон, в нашем смысле этого слова, не было. Их заменяли деревянные ставни, которые за последние десятилетия делались такой же величины и формы, как двери, и также назывались дар. Обычно местное жилище имело в длинной стене, обращенной во двор, два или три проема с деревянными ставнями-дверями. Если при комнате имелась передняя, то вход в комнату был через нее, через помещавшуюся в торцовой стене комнаты дверь, и тогда все проемы в длинной стене соответствовали по своему назначению окнам. Если передней не было, то один из крайних проемов служил дверью. Дверные и оконные ставни по размеру и форме друг от друга не отличались и одинаково украшались резьбой. Разница была только в способе их посадки. Полотнища ставен-дверей укреплялись у наружного края стены и открывались внутрь комнаты. Когда они были закрыты, украшенная резьбой сторона была обращена во двор. Ставни-окна укреплялись у внутреннего края стены и открывались наружу. Когда они были закрыты, украшенная резьбой сторона была обращена в комнату. В открытом виде те и другие прилегали неорнаментированной стороной к стене, орнаментированная же была обращена наружу.

Резьба по дереву в Самарканде имеет старые традиции.

Уже в преарабское время в регионе Самарканда, как это теперь установлено в результате раскопок на городище древнего Пенджикента, расположенном на расстоянии всего 70 км от Самарканда, изготавливались поразительные по своему художественному мастерству резные деревянные архитектурные детали и даже великолепные деревянные скульптуры. От последующих веков в поселениях, расположенных в бассейне Верхнего Зеравшана, сохранился целый ряд высокохудожественных резных деревянных изделий - колонны и михраб из сел. Искодар²⁴. По сообщению Наршахи, при постройке в 1068 г. в Бухаре соборной мечети Мансура, минбар и михраб были вытесаны и украшены орнаментом в Самарканде и привезены в Бухару²⁵. Народное предание приписывает самар-

²⁴ **М.С. Андреев.** *Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г.* В кн.: *По Таджикистану.* Ташкент, 1927. стр.10 и сл.; **М.Е. Массон.** *К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М.С. Андреевым в горах Самаркандской области.* Там же, стр. 27 и сл.; **А.М. Беленицкий.** *Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования.* В кн. *Скульптура и живопись древнего Пенджикента.* М. 1959, стр. 78 и сл.; **В.Л. Воронина.** *Архитектурный орнамент.* Там же, стр. 107 и сл.; **В.Л. Воронина.** *Резное дерево Зеравшанской долины.* В кн.: *Материалы и исследования по археологии СССР, №15, М.-Л. 1950, стр.210 и сл.*

²⁵ **Мухаммад Наршахи.** *История Бухары.* Пер. Н.Лыкошина. Ташкент, 1897, стр.67.

кандским мастерам резной деревянный михраб, обнаруженный П.М. Майским в с. Дерушон Горно-Бадахшанской автономной области²⁶.

В конце XIX - начале XX в. резьба на самаркандских дверях и ставнях бывала двух видов: 1) плоская, с выборкой свободного промежуточного фона, имевшая некоторое сходство с ферганской резьбой, нередко очень своеобразная по орнаменту (рис. 88 - 91), выполнявшаяся местными самаркандскими мастерами, и 2) плоская резьба с наклонными гранями, без свободного фона (рис. 85 - 87), аналогичная бухарской. Резьба последнего вида выполнялась приезжавшими в большом количестве в Самарканд гиждуванскими мастерами, которых привлекала сюда дешевизна и обилие леса. Изготовив в Самарканде некоторое количество резных дверей, они везли их потом в Бухару или куда было нужно.

По многочисленным сообщениям местных жителей, в старину ставни-окна делались гораздо меньшего размера, чем двери, - для того чтобы зимой меньше выпускать тепла. Мне в Самарканде таких маленьких ставен видеть уже не пришлось. Однако в районном центре Нур-Ата Самаркандской области в старых домах, особенно в помещениях бывших ткацких мастерских, ставни-окна высотой меньше метра приходилось видеть еще в 1938 г.²⁷

Оконные переплеты в старом жилище местного типа обычно отсутствовали. Лишь в самых богатых домах и в худжах медресе бывали деревянные переплеты в форме крупной решетки из пересекающихся вертикальных и горизонтальных брусков, называвшиеся **дарпарда** - "дверь-занавес". Эти переплеты обклеивались промасленной бумагой. Застекленные рамы начали входить в обиход уже в колониальный период, с начала 80-х годов, являясь до революции принадлежностью только богатых домов; после революции они получили более широкое распространение не только в городе, но и в кишлаках²⁸.

²⁶ П.М. Майский. Следы древних верований в припамирском исмаилизме. Сов. этногр., 1935, №3, стр.51 и сл.

²⁷ Необычайно малые по своим размерам дверки встречались еще в 1947 г. в высокогорных припамиских долинах, правда, не в жилых домах, а в хозяйственных постройках, в помещениях для хранения мякины. Нормальный размер их 50-60х30 см, но мной была обмерена дверка размером 40х20 см. Через такую дверку взрослый человек протискивается с трудом, в отдельных же случаях, как вышеприведенный, они доступны только для детей, которым и поручается доставание мякины. Засыпается мякина в эти хранилища через имеющееся специальное отверстие в крыше.

²⁸ В Средней Азии в эпоху средневековья, судя по археологическим данным, в том числе и находкам, сделанным в Самарканде, остекление оконных проемов, иногда и цветными стеклами, применялось довольно широко (Е.А. Давидович. Стекло из Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т.1. Ашхабад, 1949, стр.388-392; она же. Средневековое оконное стекло из Таджикистана. Докл. АН Тадж.ССР, вып.7. Сталинабад, 1953; она же. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда. Тр. САГУ. Нов. сер., вып. 61. Гуманитарные науки, кн.6. Ташкент, 1953). Но в позднейшее время, в XVII-XIX вв., до присоединения к России, оконное стекло не применялось. (Прим.ред.).

в Самарканде, как и в других городах Узбекистана, над дверьми и окнами-ставнями всегда делались еще проемы – **тобадон**, служившие летом для вентиляции, а зимой и для пропуска света, когда ставни были закрыты. Эти проемы забирались чаще деревянными (рис.92) и реже ганчевыми (рис. 93, 94, 95) решетками, называемыми **панджара**²⁹. В тех случаях, когда ганчевые решетки делались двойными, наружная бывала обычно с более крупным узором и называлась, как сказано, **панджара**, внутренняя же делалась более изящной, с более тонким и мелким узором и называлась **шабака** (сетка, тенета). Следует однако оговориться, что этот приём, очень распространенный в Бухаре, где передняя стена комнаты, как правило, делалась из одинарного каркаса, в Самарканде с его широкими передними стенами применялся только в домах бухарского типа.

Форма проемов тобадонов бывала прямоугольной, вертикально или горизонтально вытянутой, с соотношением сторон обычно 1:2; иногда они бывали более длинными и узкими, в большинстве случаев в толстых стенах они расширялись по направлению к комнате в виде трапеции.

Зимой решётки обклеивались промасленной бумагой, за последние же десятилетия, после революции, очень часто в них вместо решёток вставлялись остекленные рамы.

Окна-отверстия в потолке, дающие верхний свет, устраивались в Самарканде в ткацких мастерских, по одному над каждым станком. Назывались они **туйнук**. Туйнук устраивался в старину в домах с курным отоплением, и выполнял свои первоначальные основные функции дымохода.

В Самарканде изредка встречаются дома с тонкими деревянными стенками, состоящими в средней своей части из скользящих подъемных ставней, называемых **давак**. Они аналогичны таким же ставням в Фергане, называемым **ровон**, которые являются характерной и очень распространённой деталью ферганского дома. Разница, помимо степени распространения, еще в том, что в Фергане такие скользящие ставни делались в жильё семьи или в мехмонхоне, которые находились всегда в первом этаже, в Самарканде же – почти исключительно в мехмонхонах, находящихся во втором этаже. При этом иногда они делались в обеих длинных стенах комнаты (и даже иногда в трех или во всех четырех ее стенах). Это давало возможность широкого использования комнат со ставнями. Если хозяин приглашая гостей, близких семье, он открывал (поднимал) ставни со стороны двора, если же просто знакомых, то закрывал (опускал) ставни со стороны двора, а открывал со стороны улицы.

По словам усто Абдухафиза, скользящие подъемные ставни в Самарканде применялись сравнительно редко, в Афганистане же и Иране они имели самое широкое распространение. Он объясняет это тем, что там вследствие очень жаркого лета особенно удобно иметь возможность, подняв ставни, получить айван или даже открытую с двух и более сторон беседку, опустив же их при наступлении холодов, - комнату.

²⁹ См.: Л.И. Ремпель. *Панджара. Архитектурные решётки и их построение. Ташкент, 1957.*

Источники заимствования скользящих ставен в Фергане и Самарканде, по-видимому, были разные. В Фергане совершенно ясно их восточно-туркестанское происхождение, на что указывает и применяющееся к ним название **кашкарча** - "по-кашгарски", в Самарканде же, по словам мастеров, они были заимствованы от переселившейся с юга в конце XIX в, группы афганцев, в домах которых их чаще всего можно встретить (рис.96).

Колонны - сутум, сутун в Самарканде, так же как в Бухаре и Хиве, имели большей частью круглое в сечении тело. Характерные для Ферганы и Ташкента граненые колонны здесь встречались редко, и в них почти никогда не было проявляющейся в Фергане тенденции подчеркнуть эту граненую форму дополнительными полуваликами **пилта** по ребрам граней или нанесением на грани орнамента³⁰.

Круглые колонны называются в Самарканде **сутуми шамы**, т.е. "свечеобразные колонны", граненые; в зависимости от числа граней называются **хашраха** - "восьмигранные", **шонздараха** - "шестнадцатигранные" и т.д.

Большая часть колонн в мечетях, а частично и в жилых домах, имела базы, а тело колонн в нижней части над базой имело округлость (яблоко), называемую **кузаги** (от **куза** - кувшин), со спускающимися на нее сверху лопастями-фестонами различной формы: в старых колоннах формы, близкой к вытянутому вниз треугольнику (рис. 97), но чаще всего к различным вариантам мадохилия. Часто тело колонны над кузаги со спускающимися на него фигурными лопастями-фестонами бывало украшено более или менее широким и сложным поясом орнамента (рис. 98).

Обычно на теле колонны над этим поясом с лопастями - гладким или украшенным резьбой - имелась подсечка. Выше нее ствол расширяется, а затем плавно сужается кверху. В богато отделанных колоннах подсечка снизу украшалась сталактитообразным фризом или несложными полукруглыми фестонами, а сверху над ней вырезалась полоска **занджира**.

По словам много работавшего в Бухаре усто Кули Джалилова, там тело колонны почти никогда не украшалось резьбой - **бадани сутумба кор намекарданд**. Взамен этого там часто колонны в мечетях сплошь покрывались жгутообразными полуваликами - **морпеч**, обвивающими тело колонны от яблока или подсечки над ним до подбалки. Это соответствует и моим наблюдениям по Бухаре. В Самарканде мне известна только одна колонна, оформленная таким образом, - это мраморная колонка, вмазанная в выходящий на айван наружный угол хонако мечети Калаңдархона; эта колонка выглядит старой и, возможно, осталась от предыдущей постройки этой мечети (рис. 99).

---

³⁰ Единственным известным мне случаем являлось оформление центральной колонны в зимнем помещении одной из самых старых обследованных мечетей Самарканда - мечети **Ходжа-Рофи** (находилась в переулке северо-западнее медресе **Улугбека**, в настоящее время не существует). На каждую из шестнадцати граней этой колонны нанесены были косые линии, направление которых на каждой грани иное, что в целом создавало впечатление ломаных линий, подчеркивающих грани.

Форма яблока в колоннах неодинакова. В наиболее старых виденных мной в самаркандских мечетях колоннах яблоко - **кузаги** приближается по форме к кувшину - **куза**: снизу расширенное, слегка приплюснутое и суживающееся кверху. Характерно такое кузаги в только что упомянутой мраморной колонке, вмазанной в наружном углу хонако мечети Каландархона.

Менее резко выраженные эти черты встречаются в колоннах многих старых мечетей, например в Хавзи-Сангин, в старой части айвана мечети Ходжа-Зудмурод, в мечети Хаммоми-Арк и др. (рис.97). Эти круглые, слегка приплюснутые в нижней части яблоки колонн называются **деги** - "котлообразные"³¹ или **кумгони** - "кумганообразные"³². Более круглые кузаги называются **тарбузи** - "арбузообразные" (рис.100). Кузаги описанных типов характерны для колонн XIX в. В XX в. кузаги колонн имеют несколько удлинённую, овальную форму, называемую **тухми** - яйцеобразная (рис. 101). Если, как в мечети Ходжа-Зудмурод, различные части айвана переделывали в разное время и колонны заменяли новыми, то форма кузаги колонн различна и является одним из дополнительных косвенных признаков при датировке частей постройки.

В бедных жилых домах колонны заменялись простыми столбами, лучше или хуже обтесанными; что же касается богатых домов, то в них в XIX в. преобладали колонны описанного типа с базой и кузаги, со второго же десятилетия XX в. начали считаться модными и получили распространение столбы квадратного сечения, русского типа, большей частью не имевшие никаких украшений. Они назывались **сутуми руси** - "русские колонны". Устанавливались они главным образом в купеческих домах и в торговых помещениях в центральной части города.

База колонны называется в Самарканде **санг** - камень, или **поя** - основание, базис. Чаще всего база колонны бывала квадратная в основании с переходом к восьмигранному сечению в верхней своей части (рис. 96,102). Такая база не имеет особого названия. Местные мастера обозначают ее термином **мукаррари** - обычная. Основание базы называется **таг**, наиболее тонкое место, перехват в середине её, - **миёнбел**, верх - **сари санг**. Наклонные двугранные полупризмы, всегда имеющиеся на четырех углах у баз этого типа, называются **найзаги** (от тадж. **найза** - копье). Полувалик, иногда охватывающий базу в перехвате по середине базы, и такой же полувалик у верхушки ее называются **маргула** (завиток, складка). Если этот полувалик имеет форму жгута, называемого повсюду в известных нам местах Средней Азии, независимо от материала и места его применения, термином **морпеч**, то он называется

³¹ В старой приплюснутой форме **деги** (от **дег** - котел) имеется сходство не с бытующим сейчас повсюду в Средней Азии чугунным котлом, имеющим форму полушария, а со старым медным котлом широким внизу и суживающимся кверху, бытовавшим в старину в Бухаре и в Средней Азии, а также с хивинским котлом, сделанным из тальковой породы (Ср. М.Е. Массон. К истории добычи асбеста в Средней Азии. "За недра Средней Азии". Ташкент, 1934, № 4). Я видела такие котлы в 1936 г. в музее г. Хивы.

³² Кумгон - медный (в старину) или чугунный кувшин для кипячения чая.

маргулаи морпечнок - "жгүтообразный маргула". Базы мукаррари делались чаще всего деревянные или каменные (рис.97). В мечети Ходжа-Джон-Ходжа встретилась каменная база с фигурно срезанными гранями (рис. 100).

Менее распространена, хотя встречается все же довольно часто, деревянная база обтекаемой формы с гладкой или гранёной поверхностью. Она называется **санги кумгони** или **пояи кумгони**, т.е. база, имеющая форму кумгана, которая обычно бывает круглой внизу и суженной кверху. Некоторые мастера такую базу называют **кузаги**. Базы этой формы чаще встречаются в Ферганской долине.

Кроме деревянных баз, встречаются, хотя и значительно реже, мраморные базы. Они обычно имеют форму **мукаррари**, например база на айване мечети Хаммоми-Арк (рис.97). Изредка встречаются мраморные базы совсем особой формы: это четырехгранные, суживающиеся кверху базы, вся поверхность которых покрыта сталактитами, выбитыми необычно, вниз верхушками. Очень вероятно, что они являются использованными в качестве баз мраморными сталактитовыми капителями от каменных колонн какого-то разрушившегося монументального памятника прошлого, возможно, от галереи, окружавшей двор мечети Биби-Хоним (рис. 101)³³.

Наконец, в двух случаях встретились нам литые чугунные базы круглые в основании, суживающиеся кверху (рис. 105) и украшенные поясами несложного орнамента. На одной из них (айван мечети Кошхавз) имеется вверху имя мастера.

У Абу-Тахир-Ходжи сохранилось упоминание об изготовлении чугунной базы в первой половине XIX в. "В 1249 году хиджры (1833-35 г.н.э) уста Мухаммад Шариф Дик-риз (отливальщик котлов) построил вокруг хонаки при мазаре Зудмурод большую украшенную террасу, для утверждения которой подставку для одного из столбов отлил из чугуна"³⁴. В годы обследования на айване мечети Ходжа-Зудмурод чугунной базы колонны не было. По-видимому, она была заменена деревянной при последующей перестройке.

По словам мастеров, при изготовлении баз соблюдается известное соотношение частей. В правильной базе сторона основания укладывается в высоте 1,5-2 раза³⁵. Однако какого-нибудь установленного соотношения между высотой базы и тела колонны, так же как и модуля, местные мастера не знают.

Все же сравнительное изучение колонн в известных датированных мечетях вы-

³³ Изображение еще одного аналогичного образца такой базы или капители но с более крупными, чем обычно, сталактитами, имеется на фото траншеи с секстантом в обсерватории Улугбека в работе В.Л. Вяткина "Отчёт о раскопках обсерватории Мирза Улугбека в 1908 г." Изд. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, II, сер.II. СПб., 1912. Этот фрагмент находился в траншее Мирзо Улугбека еще в 1938 г. Чертеж этой капители см. В.Л. Воронина. Каменная колонна. Тр. Среднеазиатского индустриального ин-та. Строительный факультет, вып.4. Ташкент, 1939, стр.50.

³⁴ В.Л. Вяткин. Самария..., стр.195. Как любезно сообщил мне проф. М.Б.Массон, им в 1920 г. была зарегистрирована такая база в Кокмечети (против цитадели), отлитая, по надписи, уста Негматуллой в 1265 г.х. =1849г.

³⁵ Произведенные нами промеры подтвердили правильность этого сообщения.

являет определённую тенденцию в соотношении высоты базы и тела колонны.

В наиболее старых колоннах база сравнительно невелика, составляла иногда 1/7, 1/8 всей колонны. В колоннах более позднего времени высота базы **возрастает** за счет тела колонны, доходя до 1/4 и даже до 1/3 высоты всей колонны. Наглядным примером различия в отношении высоты базы к общей высоте колонны в XIX и XX вв. могут служить колонны северного и южного айванов упоминавшейся мечети Ходжа-Зудмурод, первый из которых построен, по-видимому, в конце третьей четверти XIX в., второй же перестраивался в XX в.

При перестройках, если оказывалось, что дерево старой колонны достаточно хорошо сохранилось, его употребляли в дело, хотя при этом приходилось отбрасывать сгнившие концы. Возможно, что высоко поднятые яблоки некоторых колонн появились в результате этого. Но и вообще, по-видимому, соблюдение единства формы и пропорций колонн одного айвана или всей мечети не считалось абсолютно обязательным, во всяком случае за последние десятилетия. Поэтому довольно часто встречается разнообразие в этом отношении. Общим было лишь стремление отделять наиболее тщательно фасадную угловую колонну айвана, на которую чаще всего наносился пояс резьбы над кузаги и которая иногда имела капитель.

Капители на самаркандских колоннах встречаются редко. Как правило, они отсутствуют и верх колонны непосредственно прилегает к подбалке. Только на угловой колонне айванов, которая, как сказано, обычно отделяется наиболее тщательно, иногда делается четырехугольная капитель простой, но приятной формы (рис. 104). Сталактитовые капители встречаются редко, только в наиболее богатых мечетях. Мной они зарегистрированы на айване мечети Ходжа-Юсуф и мечети Ходжа-Ахрара.

Остается сказать несколько слов о подбалках, называемых в Самарканде, так же как в Бухаре и Хиве, **боша**³⁷. Формы боша в Самарканде не отличаются большим разнообразием. Их всего три. Первая - типа **якка-мадохил** - "одинокый мадохил" (рис. 105), вторая - типа **куш-мадохил** - "двойной (парный) мадохил" (рис. 106) и третья - **сарбухори** - "бухарская капитель" (рис. 107). В старину, до 80-х годов XX в., подбалка всегда имела форму **яккамадохил**, потом, в последние десятилетия XIX в., она исчезает, сменяясь формой **кушмадохил**. Поэтому подбалка **яккамадохил** является довольно точным датирующим признаком. Наконец, в XX в. появляется форма **сарбухори**³⁸, но наряду с ней продолжает существовать и форма **кушмадохил**.

³⁶ Менее ярко тот же самый процесс наблюдается в Хиве, где колонны старых квартальных мечетей имеют очень низенькие и неоформленные базы, иногда являющиеся, по существу, деревянными или каменными подкладками для колонны.

³⁷ В Маргелане эти подбалки называются **нагал** (**нагал**, из **наъл** - подкова), в Коканде и Ташкенте - **наълин**, в Ташкенте ещё **лола** (букв. тюльпан), в южных горных районах Таджикистана - **овашк**.

³⁸ В резьбе по ганчу формы мадохила **сарбухори** встречается в образцах второй половины XIX в., в мраморе - в начале XV в., например, в мраморной базе мечети Биби-Хоним.

Глава IV ЛЕТНИЕ ПРИГОРОДНЫЕ ЖИЛИЩА И ИХ ДЕКОРАЦИИ

Как упоминалось, характерной чертой быта самаркандцев было наличие вокруг города, в его пригородах полосы садов, куда большая часть населения выезжала на лето. Это один из важных факторов, определяющих быт самаркандцев и характер их городского и пригородного жилища.

По сообщениям многочисленных информаторов-самаркандцев, до революции из города в пригородные сады выезжало около 70-80% горожан¹. Оставалась в городе лишь самая беднота - люди, не имевшие за городом даже маленького садового участка и бывшие не в состоянии его арендовать.

Самаркандцы объясняют обычай выезжать на лето в пригородные сады прежде всего вредностью проживания в городе летом², а также тем, что летом в городских дворах бывало много комаров. Кроме того, на пригородных участках необходимо было выращивать овощи и фрукты, обеспечивавшие семью зимой дополнительными продуктами и дававшие дополнительный доход от продажи излишков. Выезжали в сады в апреле, во время появления завязей на абрикосовых деревьях, а возвращались поздней осенью после уборки и обработки всего урожая, нагрузившись всем заготовленным (боғҳоя ҳосилаша гирифта, турбахоя пур карда, пуру пехмон шуда). Возвращение приходилось на ноябрь, время листопада (**баргрез**, **хазонрез**).

Выезд в сады был в обычае не только у жителей города, но и у жителей пригородных кишлаков, если их основной участок был мал. Например, у некоторых жителей к. Кулбаи-Боло были сады в к. Кулбаи-Поён, где, кроме того, находились и сады горожан из гузара Кулба и др.

К сожалению, нам не удалось собрать материал о распределении пригородных земель между горожанами, связи определенных гузаров с определенными кишлаками и пр. Возможно, что и этот материал найдется в архивах.

Небогатые люди начинали осваивать пригородные участки с сооружения легких укрытий от солнца, где они могли бы найти приют во время работы. Одно из простейших таких сооружений это **сури** - площадка, помост, сплетенный из ветвей, приподнятый над землей на 1,5-2 м. Ночью на нем спали, спасаясь от комаров. Немного сложнее сооружение **капа** или **чайла**. Форма их бывает самой разнообразной. Она либо повторяет форму небольшой комнаты, имеющей четыре стены из вертикально поставленных

¹ Интересно было бы провести исследование роли пригородных садов в экономике и быту городского населения Самарканда по архивным данным и уточнить эти цифры.

² Душные, тесные, часто совершенно лишённые зелени и воды дворы летом так накаляются (**метаспад**), что живущие в них люди заболевают от перегрева (**сухта пухта касал мешавад**).

и связанных пучками ветвей с листьями и такого же перекрытия, поддерживаемого стойками из жердей, либо форму подковообразной арки, сделанной целиком из согнутых дугами ветвей, иногда покрытых сверху циновками - **буйро**, сплетенными из камыша, либо состоит из двух соединенных под углом наподобие карточного домика циновок³. Последние два вида капа открыты с двух сторон и под ними всегда бывает сквозной ток воздуха.

Самые бедные люди, не имевшие возможности соорудить ограду вокруг своего участка, строили на нём двухэтажное сооружение, называемое **чалдевор** (от **чордевор** (?) - четыре стены⁴). Это было небольшое квадратное или прямоугольное в плане помещение (схема 10, рис. 108) с массивными глинобитными стенами. Стены второго этажа были тонкие, выложенные из сырцового кирпича и покрытые глино-саманной штукатуркой.

Они выводились до высоты человеческого роста, и в каждой из них было по небольшому проёму для создания сквозных токов воздуха. Перекрытия не было.

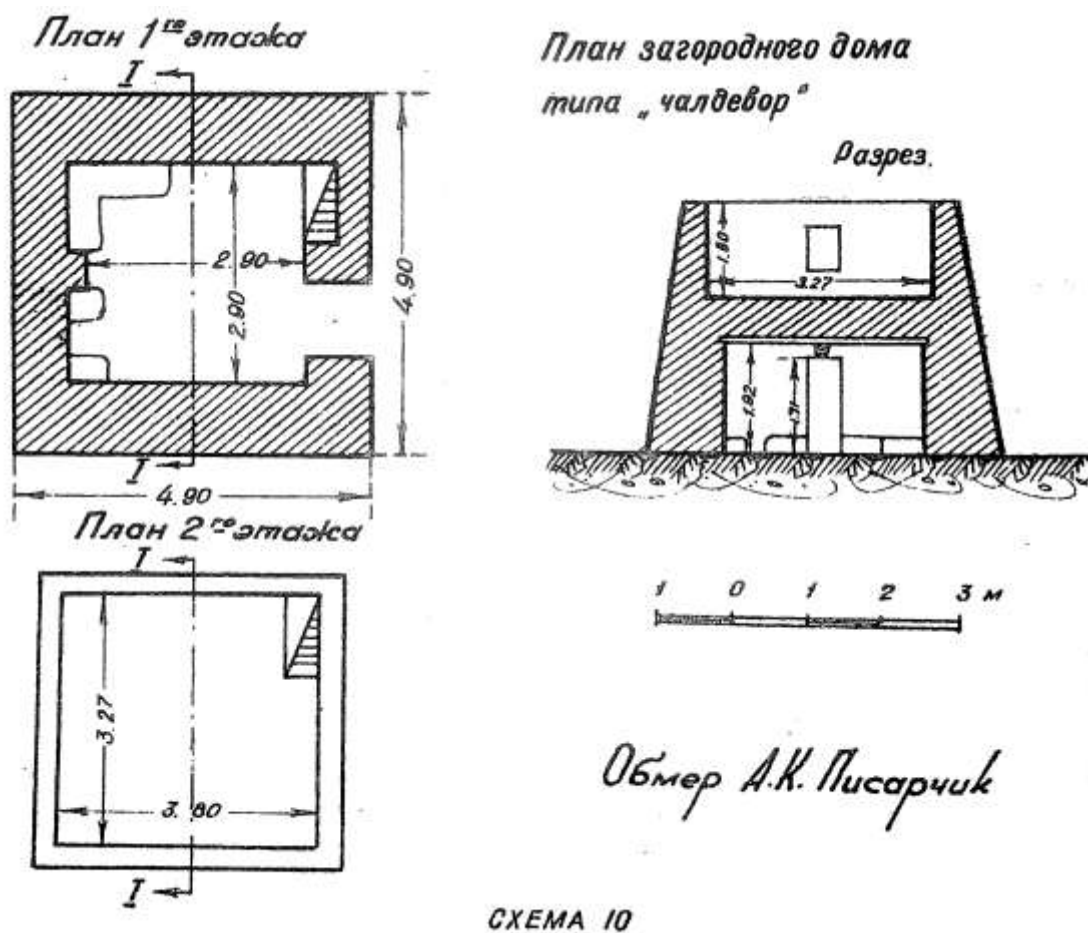

СХЕМА 10

В этом верхнем помещении люди проводили ночь. На второй этаж поднимались

³ Такие летние сооружения широко распространены всюду в Средней Азии как на равнинах, так и в горных районах (таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2. Душанбе, стр. 99-106).

⁴ В Ферганской долине словом **чалдевор** называют очень простой дом, со стенами из высушенных комков глины **губала**, даже не покрытых сверху глиняной штукатуркой (сообщение С.И. Ибрагимова). Каракалпаки термином **шолдевар** обозначают огороженную забором часть двора, где держат скот (сообщение А.С. Морозовой).

по устроенным в углу против входа глинобитным ступеням или же по приставной деревянной лестнице, которую, поднявшись, втаскивали за собой наверх.

В нижнем этаже в стенах проемов не было. Там имелся только около угла в одной из стен широкий проем, через который в нижнее отделение загоняли на ночь немногочисленный скот, а затем проход закладывали на ночь колючкой, хворостом и прочим подобным материалом. Разобрать такой завал, не разбудив хозяев, было трудно.

Параллели сооружениям оборонного типа, подобным самаркандским чалдевор, многочисленны. Таковы прямоугольные башни с убежищем наверху, куда пряталось окрестное население при набегах, в верховьях Пянджа. В селении Чарсим в верховьях р. Гунд их было семь, и все они были расположены в одном месте, очевидно, из соображений удобства обороны и из необходимости укрытия большого количества людей. Центральная башня называлась **чордара** "с четырьмя дверями", хотя проём был только один⁵. Сходны с самаркандскими чалдевор и туркменские оборонные башни дигги⁶. Один уроженец г. Карши сообщил мне, что в 1930 г. он видел в к. Каучин, Туракульского сельского совета, Каршинского района во дворах домов круглые в плане сооружения со сплошным основанием из битой глины высотой в 4-5 м, на котором находилось помещение с узкими отверстиями-бойницами в стенах. Поднимались в это помещение по приставной лестнице, которая на ночь втаскивалась наверх, после чего помещение превращалось в неприступную крепость. Однажды три человека, среди которых был и рассказчик, сумели защититься в таком помещении от 50 нападавших басмачей. По словам самаркандского мастера-деволзана усто Бола, таджика из к. Кулбаи-Боло, бывавшего до революции в Афганистане, там сооружения типа самаркандских чалдевор встречались на дорогах часто – через каждые 3 санга пути⁷. Они состояли из 4 слоев пахсы, имели перекрытие на уровне 3 пахса, а в четвертой были пробиты бойницы. Из более далеких аналогий можно упомянуть оборонные башни, сооружавшиеся, например, сванами на Кавказе при своих жилищах⁸.

Как только появлялась возможность, хозяин огораживал участок невысокой глинобитной стеной - **богдевол** (садовая стена) высотой в три слоя пахсы. Внутри сооружалось летнее жилище - **богхона**, которое у небогатых владельцев чаще всего не было капитальным. Обычно это была круглая,

Продолжение сноски 4,

Название Чалдывар носит постройка VI-VIII вв. н.э. укрепленного "рибата" на р. Манакельды в Центральном Тянь-Шане (А.Н. Бернштам. Постройка Чалдывар на р.Манакельды в Центральном Тянь-Шане. В кн.: Архитектура республик Ср. Азии. М., 1951, стр.241-250).

⁵ *Описание и фото этих башен см.: М.С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып.1, стр.34-36.*

⁶ *В.А. Левина, Д.М. Овезов, Г.А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. Тр. ЮТАКЭ, т.3. М., 1953.*

⁷ *У таджиков санг равен примерно 8 км. (Таджикско-русский словарь. М., 1954, стр.3.39).*

⁸ *Г.К. Лежава и М.И. Джандиери. Архитектура Сванетии. М. 1938, стр.9 и др.; Б.Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. "Сов. этногр.", 1936, № 4-5, стр.2.*

овальная или прямоугольная в плане постройка со стенами без стоек выложенными из высушенных комков глины, на глиняном растворе или из битой глины. Перекрытие самое простое: на стены положены толстые ветви, поперек них - более мелкие, сверху наносился тонкий слой глино-саманной смазки. Для входа оставлялся проем, оконного проема часто не делалось⁹. В окрестностях Самарканда и в Ургуте такие жилища состояли часто только из легкого навеса - айвон или из комнаты для хранения вещей и навеса (рис. 109).

Более богатые люди строили на садовом участке основательное жилище с хозяйственными постройками и помещениями для скота и окружали свои усадьбы высокой массивной стеной с башнями у входа и по углам, что придавало всему сооружению вид крепости. Такие укрепленные усадьбы назывались кургон или работ, разг. равот¹⁰.

Самаркандские пригородные усадьбы, своеобразной архитектурой сходные с аналогичными усадьбами Хорезма, но отличные от них, и орнаментальным убранством издавна привлекали внимание многих посещавших Самарканд путешественников и исследователей. В ряде публикаций приведены зарисовки и фотографии отдельных усадеб¹¹, но сколько-нибудь обстоятельных сведений о них не опубликовано. Очень большой иллюстративный материал по этой теме был собран во второй половине 30-х годов текущего столетия Г.В.Григорьевым. Многочисленные снимки, сделанные под его руководством В.И.Котовским, хранятся в фототеке Самаркандского музея. К сожалению, обработать и издать собранный материал этот талантливый исследователь-энтузиаст не успел, а сделанные снимки не паспортизованы - не указано даже место съемок и не сохранились сведения о значении узоров, которые Г.В.Григорьев собирал. При таком положении отыскать обследованные им объекты практически оказалось невозможным, тем более, что большинство из них в настоящее время уже не существует.

Из его данных об орнаменте сохранились только следующие. Однажды он, увидев на стене глинобитной постройки орнамент, спросил, с какой целью он нанесен. Ему ответили, что этот орнамент является оберегом (сообщено мне

⁹ Летние жилища подобного типа делаются также во многих других местах - в Ташкенте, Ургуте, Агальке, а также, по сообщению А.Давыдова и М.Хамиджановой, - в Фальгаре и Ягнобе.

¹⁰ Первое слово тюркского корня. Оно, начиная с орхонских надписей, употребляется в значении "крепость", "укрепление". Второе - арабское - имеет основное значение "странноприимный дом", "станционное здание". "Кроме стен и валов, в Туркестане, как и в других пограничных областях мусульманского мира, строились "рибаты" или "рабаты"... По объяснению автора XII в., рабатом называлось "место, где привязывали коней" (таково и этимологическое происхождение термина); "рабат" предназначался для газиев (борцов за веру)... Впоследствии значение этого термина стало более широким (В.В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр.29-32).

¹¹ См.: Б.Н. Засылкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948. стр.139; В.Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. 1951, стр. 47 и 79; Б.А. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939, стр. 128 и сл.; З.А. Розенфельд. Qal`a (KaLa) - тип укрепленного иранского поселения. "Советская этнография", 1951, №1, стр.29; J. Strzygowski. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Augsburg, 1936, p.561., Abb.524.

О.А. Сухаревой). В другом случае на его вопрос, что означает изображение ромба, мастер-деволзан таджик ответил ему как нечто само собой разумеющееся: "Ведь это же изображение человека!" (сообщено мне самим Г.Б.Григорьевым).

Излагаемые ниже сведения о курганах были собраны мной в основном в 1938-1940 гг., тогда же были сделаны снимки. Главными моими информаторами были мастера-деволзаны усто Батыр Гаибов и усто Бешим Хавазов, оба туркмены, приехавшие из г. Керки и осевшие в Самарканде. Оба они родились около 1870-1872 г. и жили в гузаре Кулобод, где жила основная часть мастеров-туркмен, занимавшихся строительством курганов. Обследованы были мной тогда главным образом курганы, расположенные в придаргомской пригородной полосе, между дорогой на Пенджикент и Термезским трактом. Собранные сведения были пополнены мной в 1968 г. благодаря помощи аспиранта Института истории им. А.Дониша О.Муродова, уроженца пригородного селения Кулбаи-Поён, расположенного по Термезскому тракту перед арыком Даргом. Информаторами были: Обидов Абу Наср, 80 лет, старожил к.Кулбаи-Поён; усто Болта, 60 лет, мастер-деволзан, таджик, живущий в соседнем к. Кулбаи-Боло; житель к. Кулбаи-Поён Махмад-Мурод Тоиров, 70 лет и некоторые другие лица.

По сообщению самых старых информаторов, например 80-летнего Абу Насра Обидова, среди населения сохранились многочисленные предания о том, что около двухсот лет тому назад окрестности города представляли собой заброшенные пустыри и заросли кустарника и мелколесья (**джангал**). Осваивать эти места начали на памяти прапрадедов и прадедов нынешних глубоких стариков. Это сообщение вполне согласуется с известными фактами истории Самарканда, который, как упоминалось, в конце XVIII в. претерпел период глубокого упадка.

Предания, записанные О. Муродовым в к. Кулбаи-Поён, сохранили сведения о постройке первых курганов в юго-западной, придаргомской части самаркандских пригородов (кишлаки Равонак, Шурбои, Андигани, Кулба и др.). В старину, около 200 лет назад, большие крепости - **кургон** являлись символом самостоятельности и их имели право строить только владетельные правители. Поэтому курганы-крепости насчитывались единицами - в Шахрисябзе, Китабе, Катта-Кургане (само название этого города свидетельствует о наличии там большого кургана). Рядовым людям строить курганы было не положено, и никто не осмеливался это делать. Вместе с тем при восстановлении орошения и последовавшем затем возрастании благосостояния населения, с одной стороны, и беспокойном положении края, когда действовали шайки воров и грабителей, - с другой, безопасность людей и имущества, в том числе скота, требовала возведения крепких с толстыми высокими стенами сооружений.

Особенно опасными для придаргомских жителей считались шайки грабителей из найманов, обитавших в к. Фарахсиён, и ургутцев, часто совершавшие набеги с целью грабежа. Для бедняков набеги и нападения воров и грабителей (**дузд**) были менее страшны - брать у них было нечего. Владения людей богатых, имевших много скота и золота, всегда привлекали к себе

внимание любителей легкой наживы. Поэтому богачи сооружали для себя усадьбы хорошо укрепленные с мощными толстыми стенами.

По преданию, когда один из городских богачей первым соорудил себе большой курган, то об этом сейчас же донесли правителю. Он вызвал к себе виновного и спросил: "Сколько ты имеешь взрослых сыновей и людей за своей спиной, что не боишься строить курган?". Тот ответил: "Наши владения грабят ургутцы и найманы. Мы живем в городе, летом выезжаем на свои участки и занимаемся там земледелием. Поэтому мы и построили себе равот; это не курган, господин! (Джои моя ургуту наймон метозад. Худамо шахрба мешинем; тобистон ки шуд сари ускунахомоба кучида мебароем, обу дехкони мекунем. Барои хамун мо равот задем, ин кургон не, таксир!". Предание не сохранило сведений о том, чем отличался равот от кургана, однако в нем говорится, что правитель послал двух человек, которые обмерили постройку (улчаку чена-каша гифта рафтанд) и нашли, что ее можно считать равотом, а не курганом.

Видя, что дело обошлось, четыре сына первого строителя через некоторое время тоже построили себе по кургану. Остатки одного из них - кургана Турсуна Оксакола, построенного, по преданию, около 175 лет тому назад, сохранились до 1968 г. в к. Андижани, расположенном по Термезскому тракту, в нескольких километрах от Самарканда. Бывшая территория этого кургана в настоящее время вмещает несколько владений с постройками, среди которых уцелели местами фрагменты старой орнаментированной стены и одна угловая башня. Стена очень высока и массивна, орнамент же на ней очень неотработанный, простой, неглубокий, даже без правильного чередования отдельных элементов. Он состоит преимущественно из ромбов, среди которых имеются и считающиеся очень старыми изображения подставок под светильники, называемые **чирогдон** или **шамьчирор**, и изображения кумганов. Угловая башня не гладкая, а гофрированная, покрытая по валикам косыми линиями.

До присоединения Самарканда к России сооружение сильно укрепленных курганов, действительно, (было необходимо ввиду общей неспокойной обстановки, отсутствия твердой власти, действия многочисленных разбойничьих отрядов. Грабителям удавалось проникнуть в самые хорошо укрепленные курганы, хотя стены их возводились обычно очень высокими (рис. 110). На углах и по бокам входных ворот, а в длинных стенах и в середине их, были башни - **гулдаста**, **кубба**. В угловых башнях и в части стены над входными воротами имелись иногда щелевидные вертикальные отверстия-бойницы - **шинак** (рис. 111, 112), около которых с внутренней стороны были устроены площадки для обороняющихся, где обычно лежали заранее заготовленные кучи камней, палицы - **гурза** и др. Ворота на ночь закладывали толстым бревном, концы которого входили в специально сделанные в стенах пазы, а бревно подпиралось толстым чурбаком - **тамба**, упирающимся другим концом в землю. Люди всегда спали внутри кургана, обычно на крышах построек.

Воры чаще всего проникали в курган, закидывая на угловые или промежуточные башни веревочные петли, а потом вбивали металлические кольца и, подтягиваясь на веревке и переставляя кольца, поднимались наверх и спры-

гивали во двор. Иногда же они при помощи длинных сверл – **парма** бесшумно просверливали в стене кургана несколько небольших отверстий, ломом – **мисрон** соединяли их в одно и расширяли настолько, чтобы можно было вывести через него похищаемый скот. Для предотвращения подобного подкопа богатые люди при постройке кургана закладывали в нижний ряд пахсы толстые балки – **болор, болол**. Дойдя до бревна, сверло увязало в нем или производило шум, который будил хозяев.

Несмотря на все предосторожности, редкий богатый курган в старое время не бывал в то или иное время ограблен. В качестве примера рассказчики называли курган Хакима Судхура (ростовщика) в к.Равонак. Он был возведен из 7 рядов пахсы, причем в нижний были вмурованы балки. Не ограничившись этим, хозяин велел мастерам выложить из двух рядов сырцового кирпича стенку на всем пространстве между верхушками башен гулдаста, чтобы они не выступали и чтобы невозможно было захлестнуть за них веревочную петлю. Все же ворами как-то удалось зацепить веревку за выступ башенки и взобраться наверх (**дуздо куббава распон партофта часпида буромадаги**).

Как и всюду, для охраны от воров здесь держали собак. Воры уничтожали их, бросая им куски мяса с иголками, или же шли совершенно голыми, так как, по народному представлению, на голого человека даже самая злая собака не нападает.

Опасаясь воров, люди выезжали в пригородные сады и возвращались оттуда все вместе. Каждый боялся остаться в одиночестве среди пустых садов. Случалось, что из пустующих домов похищали не только вещи, но и балки перекрытий.

За последние десятилетия перед революцией, когда в условиях наступившей безопасности высокие курганы не были необходимы для обеспечения сохранности имущества, они стали выполнять другую функцию – показателя богатства владельца. Постройка кургана требовала затраты очень больших средств. По выражению стариков, "Курфон – номи калон, гуё як шахра номаш барин" – "Курган – это почетное название, такое же, как название города" (для населенного пункта, – А.П.).

Строительство курганов практиковалось богатой частью населения очень широко до самой революции и в первые десятилетия после нее. Многочисленны зарегистрированы курганы, построенные в середине и в конце 20-х годов. Однако о возведении новых курганов позже, после войны, слышать уже не приходилось.

Архитектурный облик и план курганов был очень четок (схема II). Наиболее обычным был размер 40 x 30 гязов, лишь очень редко длинная стена достигала 60 гязов, но никогда больше. Соотношение сторон было обычно 3:4. Внутри территория самаркандского кургана, как и богатых жилых домов, до революции делилась на две части – большую, внутреннюю (тадж. **дарун**, туркм. **ичкари**) и меньшую, внешнюю (тадж. **берун**, туркм. **ташкари**). В обычном кургане по длинной сорокагязовой стороне откладывали 25 гязов для даруна и 15 – для беруна.

Во внешнем дворе строили обычно мехмонхону и айван или шипанг (глинобитная открытая площадка с перекрытием на жердях), в домах ремесленников там же находились и мастерские - ткацкие, набоечные. Иногда тут же находилась маслодавальня - **джувозхона** и помещение для теневой сушки винограда - **соягихона**, хотя последнее чаще сооружалось вне кургана, в саду. Обычно это была постройка со стенами высотой в 4 пахсы (около 3 м), с узкими щелевидными вертикальными отверстиями типа бойниц в двух верхних пахсах, во всех четырех (иногда в двух) стенах, обеспечивающими постоянный ток воздуха. Иногда соягихона строилась внутри кургана на крыше одного из помещений, и тогда отверстия пробивались в образующей это помещение наружной стене кургана. На пенджикентской дороге еще в 1968 г. можно было увидеть остатки соягихоны в развалинах бывшего кургана Фазлиддина, в к. Кафтархона, недалеко от выезда из города (рис.118). Внутри соягихоны укрепляли вертикально жерди (немного отступя от стен) и к ним прикрепляли горизонтальные жерди, рядами, на расстоянии 30 см один выше другого. К жердям каждого ряда привязывали кисти винограда, которые вялились и подсыхали на сквозняке. Время от времени люди обходили все сооружение из ветвей по оставленному у стен проходу и проверяли, нет ли загнивших ягод, хорошо ли проходит воздух¹².

Если владелец кургана занимался варкой патоки - шинни¹³, то помещения, связанные с этим производством, располагались вне стен кургана, неподалёку от него.

Во внутреннем дворе строили капитальные жилые помещения - чаще всего две комнаты с айваном между ними или комнату с айваном рядом с ней, иногда с дополнительным айваном под углом к ним; иногда на некотором расстоянии от жилья сооружался еще один айван, служивший летней кухней - **ошхона** или **оштонхона**, а также уборная - **халахона**. Здесь же в хлевах - **огил**, **молхона** содержали скот. В самое тёплое время года скот держали под навесом - **саисхона** (букв, конюшня, хотя содержат тут и ослов и разный другой скот).

Довольно часто рядом с курганом в саду бывал пруд - хауз, на берегу которого в тени окружающих его деревьев семья проводила большую часть времени (рис. 114). В богатых владениях у хауза возводилась постройка - небольшая комната-кладовая для подстилок, одеял и различной утвари к торцовой стене которой прилегала открытая со всех сторон площадка - **суфа**, с легким перекрытием - **шипанг** на жердях над ней (рис. 115).

¹² Соягихона бытовали и в других местах. Самаркандец Асрор Саъдуллаев в 1970 г. Видел на предгорных склонах в окрестностях г.Китаба, около К. Кайнар, отдельно стоящие соягихона, высотой в 5 пахса. В каждой из них можно было высушить до 1,5 т. Изюма.

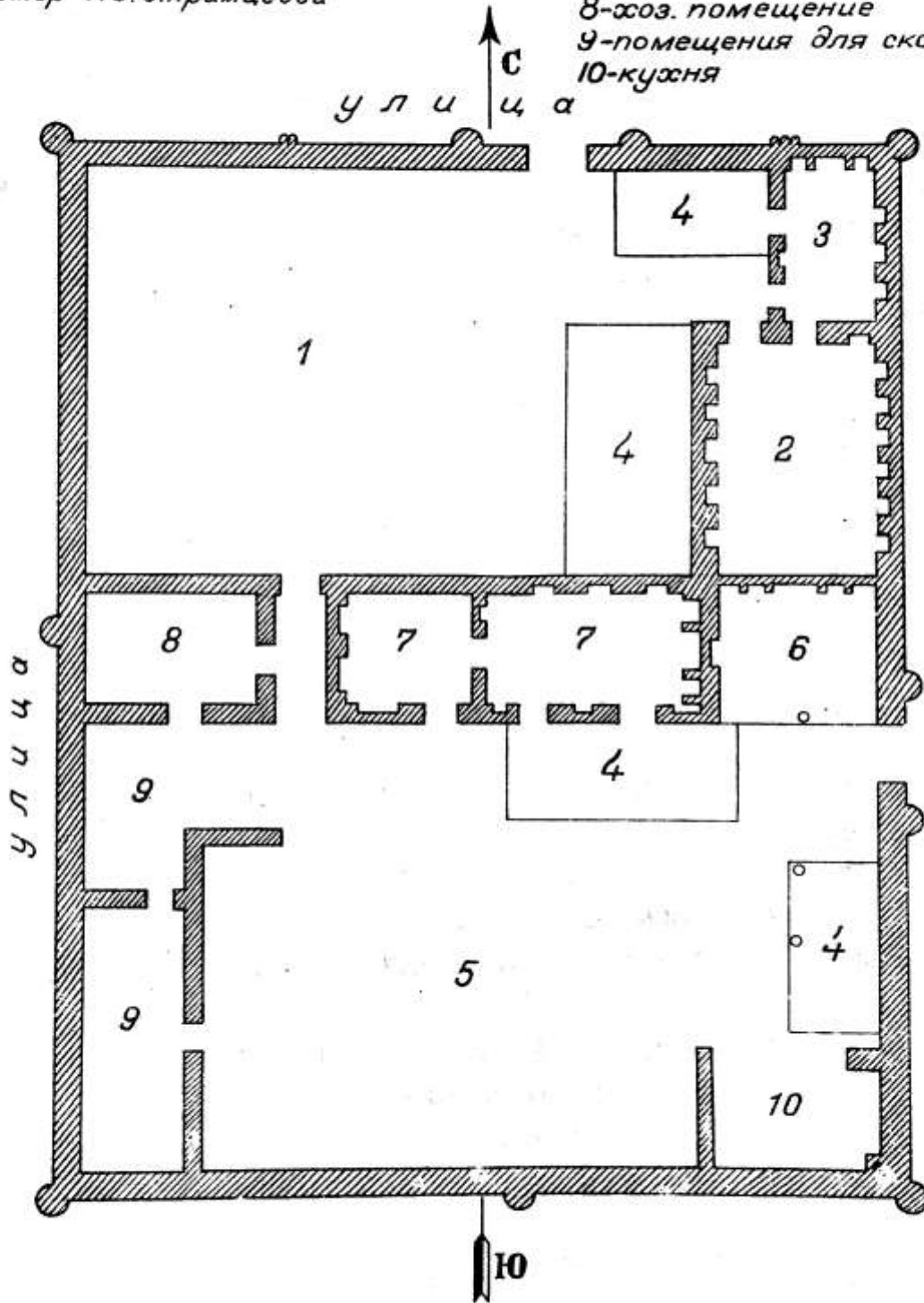
¹³ Патока - шинни раньше варилась из ягод тутовника и из винограда. Первая была менее вкусна, но считалась имеющей лечебные свойства, её варили меньше. Теперь же, когда в связи с использованием тутового листа на выкормку червей плодов тута стало мало, ее почти не готовят.

ПЛАН
 кургана Карима Будура
 в к. Раджад-Амин

1860-1870 г.г.

Обмер Т.С. Страмцовой

- 1-внешний двор
- 2-произв. помещение
- 3-мехмонхона
- 4-суфа
- 5-внутренний двор
- 6-айван
- 7-жилая комната
- 8-хоз. помещение
- 9-помещения для скота
- 10-кухня

масштаб 1:100
 2 м 0 2 4 6 8 м

СХЕМА II

Здесь хозяева принимали гостей-мужчин, т.е. такой шипанг выполнял также функции внешнего двора - **берун**.

Мастерами-строителями курганов в Самарканде в старину были приезжие узбеки из Хорезма, главным образом из Ургенча, и туркмены из Керки. Термин **урганджи** - ургенчец употреблялся часто как определение мастера-строителя курганов независимо от его национальности. Так называли и туркмен-керкинцев, которые у себя на родине считались и назывались туркменами. Местных мастеров-таджиков почти до конца XIX в. не было. Они появились только в последние десятилетия перед революцией, научившись ремеслу от приезжих мастеров.

Все же уже в начале века их было довольно много. Рассказывают, как таджикские мастера-деволзаны ездили после андижанского землетрясения 1902 г. на строительные работы в Андижан. Туркмены, в частности керкинцы, все были потомственными мастерами. По выражению усто Бешима, нет туркмена не умеющего возводить пахсовые стены, это их специальность (**туркманга девал уриш-кесим**).

С появлением своих местных мастеров-таджиков приток приезжих мастеров сократился (**туркмано наомада монд**), а за последние десятилетия наблюдался и отъезд многих приехавших ранее мастеров на родину, в связи с тем, что после революции, как упоминалось, возведение курганов значительно сократилось. Нужда же в строителях дворовых оград вполне удовлетворялась местными мастерами, причем за последние десятилетия (запись 1968 г.) на пахсовые стены высотой в 3 пахсы начали аносить орнамент, элементы которого повторяют традиционные элементы орнамента курганов в несколько упрощенном виде. Раньше орнамент наносили на стены не ниже 5 пахса.

За время сбора сведений о мастерах мне, несмотря на специальные расспросы, не приходилось слышать, чтобы в Самарканде работали мастера из горных районов Таджикистана – из Каратегина, Дарваза, которые в Ферганой долине и даже в Ташкенте обычно занимались постройкой глинобитных стен¹⁴.

Мастера при работе пользовались следующими инструментами (сведения сообщены усто Батыром):

2 лопаты - **бел**, одна из них для подачи глины - **кутарай-дигон бел**, вторая – для обрезания лишней глины и выглаживания поверхности стен - **тарашайдигон бел** - обе прямоугольной формы небольшого размера. Лопата состоит из железной пластины, к которой прикреплен посредине железный колпачок - **кумгон**. В этот колпачок вкладывается конец деревянной рукоятки, которая прибивается через металлическую пластинку - **пулод** гвоздем к краю лопаты. От хорошего качества кумгона и пулода зависит прочность лопаты;

2 кетменя - их обычно дает хозяин постройки;

---

¹⁴ См. Таджики Каратегина и Дарваза, вып.2, Душанбе, 1970, стр.277, прим. 10

ип, или **раджда**, или **раджда-ип** - шпагат, шнур; раньше его делали из бумажных ниток (**калова**) длиной в 50-60 гязов, так как курганов с длиной стены больше 60 гязов не делали;

тиктераш - лопаточка, имеющая форму выкружки, служит для нанесения на поверхность стены канеллюр;

гултераш, или **белча** - такой же инструмент, более тонкий, служит для нанесения орнаментальных линий на башенки гульдаста и др.;

пчак - нож с широким лезвием, служит для вырезания узоров в виде розеток, арок и пр.

Помимо этих основных инструментов, применялись ещё и дополнительные, служащие для нанесения разных видов орнамента.

При постройке курганов большое внимание уделялось правильной ориентации стен по странам света¹⁵. Считалось большим позором для мастера допустить в этом отношении ошибку. Правильная ориентация по странам света необходима была в старом быту прежде всего из религиозных соображений - для того чтобы, совершая в доме намаз, человек легко мог определить, где находится кибла. Во-вторых, - и некоторыми это считалось ещё более важным, - при неправильной ориентации кургана нельзя было правильно определить положение покойника при его обмывании; требовалось, чтобы он в это время лежал ногами к кибле (сообщение Абу-Насра).

При разбивке площади под курган сначала наносили в натуре длину и ширину, отмечали при помощи бечевки линию стен и вбивали кольшки по углам, а затем правильность прямоугольника проверяли промером диагоналей. Кольшки оставались снаружи, и от линии, образуемой ими, отмеряли внутрь ширину стен. Фундамент под пахсовые стены обычно не делался. По сообщению усто Батьра, иногда землю под стены предварительно утрамбовывали деревянными бабами - **гурза**, **шибба**. В 1939 г. мне рассказали предание о том, что при постройке кургана богатого скотовода Ёр-Махмада (в гузаре 4-й Юнучка-Арык, неподалеку от к. Махау-кишлак) для уплотнения грунта под стенами по месту их возведения гоняли большое количество лошадей. Если грунт слабый - **буш**, то землю предварительно поливали и утрамбовывали дольше¹⁶. Самый твердый грунт бывает из-под посевов люцерны - **юнучка-пая**, его почти совсем не нужно утрамбовывать. По словам усто Бешима, в Самарканде землю под стены курганов утрамбовывали редко. Это принято было делать только в Керках, где земля очень плохая - сырая (**зах киллади**) и засолённая. В Шахрисябзе почва якобы совсем не годится для курганов, и их там не строили.

¹⁵ Туркмены называют запад - **кибла**, восток - **кайра**, север - **киш** (*зима*) и юг - **хулум**.

¹⁶ Многие из описанных со слов старых мастеров приёмов употребляются при возведении глинобитных стен до последнего времени (наблюдения 1968 г.).

У намеченного под стену места с наружной стороны оставляли нетронутой полосу шириной в полгяза, называемую **пайраха**, а дальше копали яму для глины - **лойхона**. Если оказывалось, что земля здесь для постройки не годится, то глину разводили в каком-нибудь другом месте, чаще всего на этом же участке, с какой-нибудь другой стороны кургана, и потом переносили на носилках или перевозили на арбе к месту работы.

Лучшей землей, по мнению усто Батыра, считается **каратурпак** - черная, несколько хуже - **кзылтурпак** - красная, хотя если ее хорошо приготовить, то и из нее стены стоят долго. Каждый вид земли имеет несколько разновидностей. По мнению усто Бешима, лучшей землей является красная, но можно брать и желтоватую - **маллатоб**. Совершенно не годится земля с примесью песка - **кум**.

Место, предназначенное под лойхона, заливали водой, потом вскапывали (туркм. **чападилар**, тадж. **мекананд**), опять заливали водой, перекапывали раза два или три, для обеспечения прочности стен разбивали комья (хотя иногда этого и не делали), а затем жидкую, еще не застывшую глину люди вымешивали ногами. В богатых курганах, чтобы глина была вымешена лучше и постройка была прочнее, глину месили гоняя по ней быков (по некоторым сообщениям, и лошадей).

В преданиях говорится, что при постройке богатых курганов в глину лили молоко, для того чтобы она не растрескивалась при высыхании, однако никаких подробностей об этом узнать не удалось.

Вымешанную глину оставляли недолго постоять и застыть, а затем, утаптывая, доводили до готовности (тадж. **зер карда мепазонанд**) При этом она должна была быть настолько густа, чтобы ноги утаптывающих ее людей не проваливались бы в нее. Если в отдельных местах глина оказывалась слишком жидкой, подсыпали землю, если же слишком густой - подливали воду. Обычно в этом утаптывании густой глины с удовольствием принимали участие и окрестные мальчишки. Работали в характерной позе - наклонив голову и заложив за спину сцепленные кисти опущенных рук. Хорошая глина после утаптывания готова, плохую же приходится обрабатывать третий раз. Если глина не доведена до соответствующей готовности, то она не держится на лопате, спадает с нее (тадж. **лой хом бошад белба намебиёд, тит шуда рафтан мегирад**).

Мастера различали два вида глинобитных стен - садовые (туркм. **баф девали**, тадж. **боғдевол**), состоящие из 3-4 рядов глины - **пахса** и курганные (туркм. **курған деволи**, тадж. **деволи курғон**), вылеглаемые из 5 или 7 рядов пахсы, реже из шести. Как и во многих других случаях, при определении числа балок потолка в доме наиболее благоприятным считалось нечетное (туркм. **так**, тадж. **ток**) количество рядов глины, четное (туркм. **джул**, тадж. **джуфт**) неблагоприятным - **бихосият** для обитателей кургана.

Чаще всего курганы лепили в 5 рядов пахсы, в 7 рядов лепили только люди очень богатые и очень боящиеся воров.

Мастера различали стены по их толщине у основания:

1) **си чайрек** (туркм.), **се чойрак** (тадж.) - равные трем четвертям гяза (гяз = 83 см), или 3 карышам (**карыш** - расстояние между концами большого пальца и мизинца растянутой руки)¹⁷; обычно такой толщины делались и делаются садовые ограды;

2) **гезбер** (тадж. **газбар**) - шириной в один гяз, или 4 карыша: такими бывали чаще всего стены курганов высотой в 5 рядов пахсы;

3) **гезу чайрек** (тадж. **газу чойрак**)- шириной в аршин с четвертью или в 5 карышей; такими делались обычно стены курганов высотой в 7 рядов пахсы, но иногда такой же толщины для прочности делали стены курганов высотой в 5 рядов пахсы;

4) стены семипахсовых курганов бывали иногда толщиной в полтора гяза - **бир ярим гез**. По рассказам, в старину иногда делались такие толстые стены, что по верху их могла проехать небольшая арба - хар-ароба, в которую впрягается осел.

Для садовых стен сичайрек высота каждого слоя пахсы равна ширине их основания, т.е. 3 карышам, для стен же курганов, независимо от того, равна ли ширина основания стены одному гязу, гязу с четвертью или полтора гязам, высота каждого слоя равна была 1 гязу. Иногда для того чтобы поднять садовую стену сичайрек выше, основание ее делали менее широким - не 3, а 2,5 карыша толщиной, а в высоту поднимали вместо 3 до 3,5 карыша. Таким образом, стена получалась общей высотой не 9, а 10,5 карышей. В настоящее время техники требуют, чтобы садовые ограды были не ниже 2 м. Такие стены делают в основании шириной в 3 суяма (**суям** - расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев) и с каждой пахсы немного сбрасывают высоты.

Пахсовые стены всегда суживают кверху. В садовых стенах богдевол если первая пахса у основания шириной в 2,5 карыша, то вторая делается в 2, а третья у основания - в полтора, а кверху сводится на нет. В стенах курганов каждую пахсу в процессе лепки суживали, по определению усто Батыра, с каждой стороны "на один сустав пальца" (**хар таманидан бир буғумдан**), а по определению усто Бешима, вторая пахса делалась уже первой на 2 пальца, третья уже второй на 3 пальца, четвертая уже третьей на полкарыша; при этом вверху оставалась полоса шириной в 20 см.

Выше семипахсовых курганов не строили, так как, по словам усто Батыра, "не выдержат ни люди, ни земля, - **одам-ам чидамейди тур-пак-ам чидамейди**", - слишком тяжело бросать наверх глину. При лепке нижних слоев подающие глину - **белчи** брали на лопату большие куски - килограммов по 8-10, а наиболее сильные люди - даже до 12-13, при

¹⁷ См.: **А.К. Писарчик. Меры длины, употреблявшиеся ферганскими мастерами-строителями. В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып.1, Душанбе, 1968, стр.237.**

лепке же верхних - всего по 1-2 кг, и то это было очень трудно. При сооружении семипахсовых стон для подачи глины на верхние пахсы приходилось приставлять лестницы - **нарван** или сооружать леса - **хаваз** (тадж. **хавоза**). Так, при постройке семипахсового кургана Хакима Судхура для передачи глины подавальщиком-белчи мастеру, лепившему стену, между ними ставили человека на лестнице. Сохранилось предание о том, что при постройке кургана Турсуна Аксакала один из его сыновей, Кобиль-ходжи, юноша лет 20, славившийся своей силой, докидывал лопатой глину из лойханы до самого верха вылепливаемой седьмой пахсы, что, учитывая глубину лойханы, составляло около 7 м. Об этом рассказывают как о примере необычной силы.

Работали мастера-деволзаны обычно группами по 4 человека (на постройке больших курганов - изредка по шесть человек): 2 кетменчи, готовые глину, 1 белчи, подающий глину лопатой, и I мастер - **усто**, лепящий стену. Курганы начинали лепить от главных ворот. Помимо башен у ворот и по углам, на протяжении каждой стены делалось для прочности еще несколько конструктивных башенок - **гулдаста**, реже **кубба**.

В старину обычно об условиях работы сговаривались так: хозяин приглашал мастера и определял с ним примерный объем предстоящей работы, а также договаривался об оплате. Плата устанавливалась сдельно, с каждого погонного гяза: за каждый гяз стены сичайрек платили по 1,5-2 танги, за стену гезбер без узоров - по 3 танги, за такую же стену с узором - 3,5-4 танги. Стоимости стены в гяз с четвертью и в полтора гяза толщиной мой информатор усто Батыр сказать не мог, так как таких больших стен он никогда не делал, это ему было не по силам.

Обычной нормой работы считалось изготовление 30 погонных гязов пахсы в день одной группой работающих, независимо от того, была это верхняя или нижняя пахса. Верхние пахсы были тоньше, и глины лепить нужно было меньше, но подавать глину наверх было гораздо труднее.

За сезон группе из 4 мастеров редко удавалось построить больше одного крупного кургана, так как каждой вылепленной пахсе нужно дать подсохнуть и растрескаться в течение по крайней мере трех дней. Особенно важно просушить хорошенько первый нижний ряд пахсы. Известный мастер-деволзан таджик усто Хасан из к. Кулбаи-Поён, который возводил стены, славившиеся прочностью, по рассказам, каждый раз после возведения первой пахсы строящегося кургана совершал паломничество в Ош к мазару Тахти-Сулейман и только после возвращения продолжал работу.

Полученные группой мастеров за работу деньги обычно делили на 4 равные части, но потом каждый из трех работавших давал из своей доли главному мастеру, лепившему стены, по несколько танга.

Мной записан рассказ о постройке одной группой мастеров сразу четырех курганов, расположенных неподалеку один от другого. Пока выкладывалась пахса в одном, успевали хорошо просохнуть выложенные ранее пахсы в

других курганах. Однако такую организацию работы, очевидно, обеспечить было очень трудно (других сообщений об одновременном сооружении нескольких курганов слышать не приходилось).

По окончании строительства хозяин делал мастерам подарки, чаще всего подносил халаты - главному мастеру - подороже, подавальщику белчи - подешевле, а кетманчи - самые дешевые. По возведении садовых стек никаких подарков, кроме установленной оплаты за каждый гяз, не делалось.

При определении стоимости работы учитывалось, дает ли хозяин постройки продукты мастерам или они покупают их сами. При тяжелой работе мастерам требовалось хорошее мясное питание - для них обязательно резали животное. О разнице в цене можно в какой-то мере судить по теперешним расценкам (запись 1968 г.). За возведение стен богдевол, если хозяин не дает питания, он платит по 3 руб. за погонный метр стены, если же дает питание, - то по 2 р.20 к. За постройку стен кургана - соответственно 3 р.50 к. и 2 р. 50 к.

Хотя цена за работу без пищи была выше, она, особенно если строился большой высокий курган с орнаментацией, все же бывала для мастеров невыгодной. Рассказывают, что при постройке упоминавшегося уже кургана Хакима Судхура мастера-туркмены работали "на своих харчах", и когда подсчитали все свои расходы на питание и вычли стоимость полученных подарков, то оказалось, что они еще остались должными Хакиму Судхуру, так как им самим пришлось разрешать непредусмотренные трудности, связанные с сооружением приспособлений для поднятия глины на большую высоту наймом дополнительных рабочих и пр.

Выше говорилось, что характерной чертой самаркандских курганов была их орнаментация. По мнению мастеров, курган без орнамента не может даже считаться курганом. На стены ниже пяти пахса до революции орнамент не наносили. Только за последнее время, в 60-х годах, когда перестали строить курганы, некоторые хозяева начали украшать резьбой выходящие на улицу стены своих владений, имеющие высоту всего в три пахсы.

Сравнительное исследование орнамента резьбы на глинобитных курганах везде, где она имеется, - большая и очень интересная задача. Для Самарканда в музеях накопился по этой теме большой иллюстративный материал. Не имея, однако, возможности в настоящее время заняться этим трудоёмким делом, я ограничусь здесь лишь приведением некоторых из имеющихся записей и самой общей характеристикой.

Узором и декоративными колонками украшалась обычно одна сторона (**бир канот**, одно крыло) кургана - фасадная, в которой обычно находились входные ворота (рис. 115, 116, 117, 118). Реже, по словам усто Батыра, в одном случае из десяти, украшалась вторая, боковая стена, особенно если она была обращена к хаузу, который имелся в садах при больших курганах, или обращена на улицу (рис. 119). Иногда вторая стена, обращенная к саду, бывала украшена всего несколькими декоративными колонками и несложными орнаментальными панно (рис. 120).

В 1968 году О. Муродов в показал мне курган в к. Равонак, известный среди

местных жителей под названием Кургони-Кулол - курган гончара. В нем тогда жила семья колхозника Турсунмурода. Этот курган расположен рядом со школой, построенной на месте стоявшего здесь раньше кургона Хакима Судхура, о котором мне часто приходилось упоминать. Кургони-Кулол - это один из очень немногих хорошо сохранившихся относительно старых курганов (он построен в самые первые годы текущего столетия) и единственный известный мне курган, все четыре стороны которого орнаментированы.

На внутренние поверхности курганов орнамент, по словам усто Батыра, никогда не наносился, они украшались, если на это хватало средств, только канеллюрами – **ноу-ноу**, **рах-рах**. Один раз только он слышал о кургане, где орнаментированы были и внутренние поверхности стен, но выразил сомнение в достоверности этого сообщения. В осмотренном мной упомянутом Кургони-Кулол на внутренней поверхности стены слева от входа имеется несколько несложных геометрических узоров. По-видимому, задумана была орнаментация внутренних поверхностей стен, но выполнить это намерение не удалось.

По технике выполнения орнамент делится на **уймагул**, прорезной, вырезанный ножом, и **чизмагул**¹⁸, нанесенный фигурными лопаточками - **тиктарош**, **гултарош**, имеющими форму выкружек разных размеров, помещенных на длинные ручки (образцы обоих видов орнамента см. на рис.113). Резьба ножом выполнялась всегда мастером, стоявшим перед орнаментируемой поверхностью на одном с ней уровне, делавшим движения ножом снизу вверх. Для нанесения этой резьбы на верхние пахсы приходилось приставлять лестницы или связывать леса, стоя на которых мастера работали. Тиктарошем и гултарошем наносили узор, проводя вертикальные или наклонные желобки-канеллюры и их всевозможные комбинации. При этом мастера делали движения инструментом всегда сверху вниз, стоя на уже вылепленной части стены выше наносимого узора.

Стены украшались резьбой начиная со второго ряда пахсы. Первый нижний ряд только отделялся тиктарошем, т.е. на него наносили канеллюры¹⁹. По сообщению усто Бешима, узор режут на каждой пахсе обязательно вечером того дня, когда она вылеплена, тут же смазав ее рукой раствором красной глины - **кзилкесак**, которую разводят довольно густо, как похлёбку

¹⁸ От тюркс., **уймак** - резать и **чизмак** - чертить, рисовать.
Ср. с термином **чизмакаш** - рисовальщица узоров для вышивок в фергано-ташкентских районах.

¹⁹ Очевидно» нанесение орнамента только со второго ряда пахсы связано с проникновением снизу влаги, отчего нижняя пахса осыпается обычно раньше других. А.А. Семёнов приводит легенду, объясняющую это явление как наказание, ниспосланное богом людям за их нечестивость (А.А. Семёнов. Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Бехауддине. Отдельн. оттиск из Зап. Восточн. отделен. Русск. Археолоч. общества, т. XXII, СПб., 1915, стр.5).

²⁰ Глину эту деволзаны покупали в торговых сараях по 60-70 кип. за пуд; раньше счет велся на **нимча**, которая, как говорят, равнялась 1 с четвертью фунта, т.е. половине килограмма.

атола, и размазывают по поверхности стены. Эта красная смазка, фон, способствует более четкому выделению прорезанного узора. Информаторы говорили, что не только на третий, но даже на второй день глину уже резать невозможно, она затвердевает.

Плоскость орнаментированной стены кургана бывала украшена декоративными или конструктивными колонками, резными панно, вписанными в арки, называемые **мехроб** (туркменск. **михраб**).

Эти арки чаще всего бывали фигурными, полукруглыми невысокого подъема, с фестончатым обрамлением внутренней поверхности, реже стрельчатые или прямоугольные (рис. 117, 121, 123, 139), Плоскость стены между колонками и арками бывала разбита на вертикальные полосы, проходящие через всю высоту кургана, или просто покрыта линейным орнаментом в виде ромбов и некоторых других несложных фигур, разнообразие в которые вносила штриховка и комбинация заштрихованных и гладких их частей, а также включение различных дополнительных элементов (рис. 140-142).

В то время как угловые, промежуточные и прилегающие к воротам башенки гулдаста имеют конструктивное значение - придать стенам прочность, - всевозможные декоративные колонки делаются только как украшение и, подобно всем декоративным элементам курганов, на нижнюю пахсу не заходят, создавая немного странное впечатление "висячих" (рис. 113, 120, 143-145). В отличие от конструктивных башенок гулдаста колонки, сделанные для красоты (**шон учун**), называются **йетимак-гулдаста** - маленькие (буков, сиротливые).

Конструктивные башни гулдаста - угловые и по фасадам, начинающиеся, как и кладка пахсы, от земли, в подавляющем большинстве случаев бывали округлой формы, более или менее стройные, иногда с расчлененным телом (рис. 123).

Иногда встречались башни граненые - четырех- и восьмигранные (рис.122), еще реже - округлые с гофрированной поверхностью. Я видела только одну гулдасту, оформленную таким образом, - в кургане Турсуна Оксакола в к.Андижани, который считается самым старым из курганов, сохранившихся до последних лет (рис.143,д).

Декоративные колонки, делавшиеся почти во всех курганах, были очень разнообразны по своим формам и пропорциям. Иногда это были почти ровные (рис. 113, 121 и др.), или стройные, плавно суживающиеся кверху колонны, или толстые массивные, расширяющиеся кверху, как средневековые деревянные колонны (рис. 124), Нижняя часть декоративных колонн часто имела яблоко с находящимися на него лопастями. В большинстве случаев они сходны с самой старой выявленной мной в самаркандских деревянных колоннах исследуемого периода треугольной формой лопастей (ср. рис.97), Полоса декорации над лопастями часто состояла из трех рядов глубоких квадратных выемок, расположенных в шахматном порядке (рис. 125, 126).

Декоративные колонки бывали не только одинарными, но иногда и сдвоенными - **кушагулдаста** - либо тесно прилегающими одна к

другой рис, 127. 128. 129), либо разделенными небольшим промежутком (рис. 130) или даже орнаментальным панно (рис. 122, 123). Большая часть виденных в тридцатых годах сдвоенных колонок была сверху размыта и их завершение осталось невыясненным. Только в кургане Карима Будура в к.Раджаб-Амин - прекрасном памятнике резьбы по глине второй половины XIX в. - такие колонки сохранили свое навершие²¹. Их вершины соединены были своего рода абакой с круглым углублением над желобком между колоннами. На фасаде этого кургана имелась еще и тройная колонка, оформленная фигурно (рис. 125). крайние, сливаясь своими вершинами, образовывали полукруглую, невысокого подъема арку с фестончатым обрамлением внутреннего края, с таким же круглым углублением над ее центральной частью, как и над сдвоенной колонкой в этом же кургане (рис, 128). Центральная же колонка, находившаяся внутри арки и бывшая соответственно более короткой, имела сложное завершение, состоявшее из сочетания ромбов и треугольников. В целом оно создает впечатление антропоморфной фигуры²². Никаких сведений о значении этого орнамента и связанных с ним представлениях выявить не удалось.

В том же к.Раджаб-Амин было обнаружено одно сходное, но сильно схематизированное изображение подобного мотива на кургане, известном под названием Кургони-Пишоури - курган пешаверца. Сходна форма арки, образуемой двумя крайними колонками, но навершие центральной колонки имеет вид утолщенного вытянутого овала без фигурной разделки. При этом на кургане Карима Будура строенная колонка дана наклепной на плоскости стены, а в кургане Пишоури она вырезана в плоскости в виде панно (рис. 130).

К сожалению, в конце тридцатых годов, когда я собирала основные материалы по самаркандской народной архитектуре, в том числе и по курганам, и тем более в конце шестидесятых годов среди местных жителей сохранилось очень мало людей, помнящих сооружение старых курганов и могущих сообщить, к какой группе мастеров относились строители и декораторы курганов - туркменам из Керков, узбекам из Ургенча, узбекам из Тайляка или же это были таджики, а также помнящих названия и значение орнамента.

Приводимые ниже немногие сведения о названиях и значении тех или иных элементов орнамента были мной записаны от усто Батыра.

²¹ Этот чрезвычайно интересный по своему декоративному убранству курган был обнаружен в 1939 г. **О.А. Сухаревой**, которая обратила на него внимание - мое и других людей, интересующихся курганами.

²² Как известно, ромб является древним изображением - символом человека. Выше упоминалось, что это представление в отношении орнамента в резьбе по глине **Г.В. Григорьев** выявил у таджиков в 30-х годах. Это находит своё отражение и в том, что лицо куколу равнинного и горного населения Средней Азии сплетается в форме ромба или косоугольного креста (см. **Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.2, Душанбе, стр.83-85, 204 и сл.**)

На угловых гулдаста орнамент чаще всего имеет вид изгибающейся под тупым углом ломаной линии, называемой "след змеи"- **илангерд**, **моргерд**. Чаще всего этот орнамент располагается вертикально по телу гулдаста (рис.110, 127, 133), реже горизонтально (рис.143,г, 144,в). По мнению усто Батыра, этот орнамент должен быть на башнях кургана обязательно. В свете слышанного Г.В. Григорьевым мнения о значении орнамента, наносимого на глиняные стены построек как оберега, а также учитывая отношение населения Средней Азии к змее и ее изображению на бытовых вещах как к оберегу²³, можно думать, что и встречающийся очень часто на башнях курганов орнамент "след змеи" имеет тот же характер.

На некоторых угловых башнях и декоративных колонках обследованных мною курганов была нанесена орнаментальная сетка, состоящая главным образом из ромбообразных фигур, процарапанных неглубокими линиями, или иногда с выборкой фона сердцевины ромбообразных фигур. На граненых башнях некоторых курганов, обследованных Г.В. Григорьевым, орнамент был нанесен в виде розеток (рис. 131). Некоторые угловые башни были украшены идущими наискосок вплотную один около другого рядами заңджира (рис. 121). На гранях одной из башенок вырезаны арки, образующие панно, заполненные сравнительно мелкими, трудно различимыми из-за размытости элементами орнамента (рис. 122). Встречался на башнях и колонках и орнамент в виде вертикальных полос, заполненных фигурами косоугольного креста или ромба или косыми параллельными линиями (рис. 124), и многие другие фигуры, иногда очень своеобразные (рис. 132). Иногда на гулдаста, украшенном орнаментом "след змеи", над этим узором наверху имелось изображение косоугольного или прямого креста в круге (рис. 110)²⁴.

Орнамент на плоскость стен наносился, как упоминалось, таким образом, что в большинстве случаев он разбивал ее на вертикальные полосы. Некоторые из них полностью или частично бывали заняты разнообразными панно, отдельными розетками, прямоугольниками, отдельными фигурами изобразительного характера, изредка надписями с датой. Встречаются панно с заполнением из нескольких вертикальных положенных рядом заңджира (рис. 120, 139,е) или извилистой линией очерченной на вертикальной полосе всю высоту стены фигурой, заполненной обычной сеткой из ромбов (рис. 117, 133). В наиболее старых осмотренных курганах встречалось заполнение панно вертикальными валиками, расположенными плотно один около другого и образующими гофрированную поверхность (рис. 133), иногда арку заполняет всего один валик (рис. 139,к). При этом валики доходили до изгиба (пяты) арки, а в оставшемся сегменте помещали изображение круга или розетки.

²³ См.: **М. Хамиджанова**. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей. В кн.: Памяти М.С. Андреева . Сталинабад, 1960, стр,215 к сл.

²⁴ Знак косоугольного креста в старом быту использовался с магической целью в качестве оберега. О значении его как человеческого лица, человека или антропоморфного существа см.: **Е.М. Пещерева**. Гонимое производство Ср. Азии. М.-Л., 1959, стр.109-115; **Таджики Кара-тегина и Дарваза**. Вып.2. Душанбе, 1970, стр. 83-85, 204 и сл.

Усто Батыр назвал розетки термином ай-месяц, луна, однако ничего больше не смог сказать о их значении. Несомненно, они имеют значение солярных знаков. Некоторые из них, крестообразные, рассматривались как оберег. Оформление розеток очень разнообразно - концентры, украшенные резьбой, вихревые и многолучевые (рис. 146, 147).

Возможно, некоторый свет на значение этих знаков может пролить сообщение случайно встреченной мной в 1949 г. уроженки Бухары Мухсиновой из Джуйбара, 73 лет. По ее словам, как-то после рождения одного из ее детей бабка-повитуха для предохранения ее и ребенка от возможности причинения вреда демоном-богиней "Модари-Ол" - Мать Ал, широко известной в Средней Азии под названием **Албасти, Алмасти**²⁵, нарисовала над головой матери и младенца её изображение, похожее на крест, - "Дар яке аз вақтҳои сабуқ шуданам дар белой сари ман ва бача шакли Модари Олро барои задал нарасондан дояшаванда кашида монда буд - шакли чилик монанд". Когда я попросила Мухсинову воспроизвести это изображение, она нарисовала прямой крест, а поверх него еще крестом, в результате получилась восьмилучевая розетка. На осмотренных курганах такие розетки встречались нередко (рис. 139,а, 139,ж вверху панно).

В некоторых панно почти вся плоскость заполнялась сеткой из мелких ромбов (рис. 139,а). Вообще ромб - один из самых распространенных элементов орнамента большинства курганов. Ромбы бывают гладкие, образованные пересекающимися одинарными или двойными линиями, иногда заштрихованные линиями, параллельными одной из сторон, причем расположенные рядом по вертикали ромбы заштрихованы линиями, идущими в разных направлениях; часто чередовались в самых разнообразных комбинациях заштрихованные и гладкие ромбы или их части. Многочисленные образцы разных способов оформления ромбов см. на рис. ИЗ, 140, 141 и многих других.

Усто Батыр узор из ромбов назвал лег-лег, или лайлак. Это таджикское слово имеет два значения: аист и бумажный змей ромбовидной формы (бумажный змей прямоугольной формы называется **бодбарак**). Именно бумажный змей ромбовидной формы, как понимают мастера, и изображен в декорациях курганов. К различным вариантам ромбовидного узора мастера прилагали еще и названия **таъримгул, бишагул, бугурсок** (ритуальное печенье, кусочки теста ромбовидной формы, изжаренные в масле).

Среди ромбовидных и других элементов на плоскости стен курганов иногда встречаются разнообразные схематичные сюжетные изображения. Одним из самых старых из них, по сообщению самаркандцев, было изображение подставки под светильник, называемой **шамьчирог, чирогдон** или просто, как и светильник, **чирог** **сиё**. Мне не пришлось видеть ни одного отчетливого изображения шамьчирога. По рассказам, это было изо-

²⁵ См. **М.С. Андреев. Краткие сведения о верованиях в божество-демона Ал-Албасти Средней Азии. В кн.: М.С. Андреев Таджики долины Хуф. Вып.1, Сталинабад, 1953, стр.78-82.**

бражение вертикального предмета с фигурным стволом.

Тоже старым считается изображение дутара. Мне оно встретилось на боковом (уличном) фасаде кургана Абдурауфа Бойбача, построенного в 1321 г.х. = 1903 г. в к.Ирони. Ниже была вырезана часть окружности в виде полумесяца с заостренными концами и семью круглыми углублениями под ним (рис. 134). Во время обследования местные жители не смогли объяснить значение этого изображения. Этнограф О. Муродов, самаркандец по происхождению, высказал предположение, что это может быть изображение молодого месяца и семи звезд Большой Медведицы - образы очень популярные в народном фольклоре, - хотя расположение углублений здесь беспорядочное. Изображение "молодого месяца", с рожками, обращенными вниз, было вырезано среди прочих элементов орнамента еще на одном из обследованных курганов, и под ним находилась небольшая шестилучевая розетка (рис. 142,е).

Чаще, чем изображения дутаров, встречались изображения кувшинов массивной формы, напоминающие чугунные кумганы для кипячения чая. Поверхность их бывала обычно заштрихована. Кумганы были вырезаны на фасаде кургана Фазлиддина Камариддинова (построенного около 1870 г.) внизу, под розеткой. Их было четыре, расположенных по два в ряду, - один побольше с ручкой и носиком, второй поменьше только с ручкой (рис. 113), а также на фасаде кургана Карима Будура (около 1870 г.) над входными воротами. Здесь был изображен большой кумган между центральными ромбами (рис. 136) и три меньших между розетками (рис. 135). Интересен большой кумган. Более тонкий цилиндр над ним позволяет думать, что это был кумган нового для второй половины XIX в. типа, с трубой для углей внутри, похожий на русские самовары. Весь портал этого кургана был украшен орнаментами: разнообразными розетками, ромбами с выдутым фоном в каждой из внутренних ромбообразных ячеек, изображениями заштрихованных кумганов. Между всеми этими элементами находились многочисленные линейные изображения птиц с пышными хвостами, лающих друг на друга собак, неоседланных лошадей (?) (рис. 135, 136).

По мнению В.А. Ранова, занимающегося изучением петроглифов, эти линейные очень стилизованные рисунки по своей манере близки к изображениям самой поздней группы среднеазиатских наскальных изображений (позднее средневековье)²⁶.

В послереволюционные годы на возводимых курганах появляются сюжетные изображения, связанные с новым бытом. В 1929 г. (1347 г.х.) мастер-туркмен Мулла-Чори вырезал на кургане Муродбая Курбанова в к.Сочак на одном отрезке стены изображение старинного ружья, устанавливаемого на развилке, а под ним велосипеда (рис. 137), а на другом - изображение трактора (рис. 138). Последние изображения, художественный уровень которых не особенно высок, интересны как показатель проявляющегося у мастеров и их заказчиков стремления изобразить на стенах курганов предметы старого и нового быта.

²⁶ Ср., например, В.А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). Изв. Отделения Обществ. наук АН Тадж.ССР, в № (22) 1960, рис. 15 - собака, рис. 17,4 - всадник и многие другие.

Ряд курганов, построенных после революции, отличается как составом, так и композицией своих узоров от старых традиционных (рис. 148). На фасаде кургана Дустбая в к.Сочак мастером усто Худойберди из к. Зеки-Диума нанесён выполненный традиционными приемами орнамент в виде двух расходящихся, загибающихся кверху волют и розеток рядом с ними, а по бокам ворот – изображения герба Советского Союза, оформленные в виде больших орнаментальных розеток (рис. 149).

Цеховая организация деволзанов состояла главным образом из керкинских туркменов и ургенчских узбеков. Таджики в ней не было (сообщение усто Батыра). Во главе цеха стоял старшина – **бово-аксакал** (тадж. **бово-оксакол**), ведавший всеми делами. Мастера давали ему по 15-20 тенег с каждой полученной тысячи. Осенью, когда мастера получали вознаграждение за работу, бово-аксакал организовывал на собранные деньги цеховое собрание и трапезу с поминовением духов умерших мастеров, называемую **арвои пир**. На эту трапезу приглашались не только члены данного цеха, но и многие люди со стороны, как это было принято и в других цехах.

Последним старшиной самаркандских деволзанов был усто Хасан-Бово или Хасан-Бахши. Он умер в первые годы после революции, пробыв аксакалом 25 или 30 лет.

Длительного ученичества у деволзанов не было. Ученик работал сначала в качестве **кетманчи** – копальщика земли, потом **белчи** – подавальщика глины. Иногда он работал не с одним, а с несколькими мастерами, и от последнего получал разрешительную молитву – **фоти́ха** на самостоятельное занятие ремеслом, а также набор инструментов. Трапезу, по окончании которой мастер дает ученику фоти́ху, устраивал ученик, приглашая на нее членов своего цеха.

Патроном-покровителем – **пир** деволзанов считался Иброхим Халилулло. Как и в других цехах, существовали люди, которые объявляли себя "потомками пиров" – **пирзода**, и если им удавалось соорудить себе родословную – **шаджара**, удостоверяющую их происхождение (а иногда и без неё), им устраивали угощение и давали несколько тенег.

Существует легенда, что пир деволзанов Иброхим Халилулло якобы вылепил стену – **курғон** вокруг "божьего дома" – каабы. Подавальщиком глины был у него святой Исмоил. С этого времени, как повествует легенда, и берет свое начало искусство возведения глинобитных стен.

Как и во многих ремеслах, в строительстве курганов, по преданию, играл определенную положительную роль дьявол – **шайтон**. Ибрагим стал искусным деволзаном не сразу. Когда он начал строить глинобитные стены, то сначала лепил одна на другую все пахсы, не давая им просохнуть. Как только он кончал возводить стену, она падала. Шайтан, приняв облик старика, пришел к Ибрагиму и предложил научить его работать. Ибрагим догадался, кто перед ним, и не согласился принять помощь. Однако неудачи его обескуражили, и когда старик предложил ему помощь в третий раз, он согласился, решив, что как только получит совет, то тут же старика убьет.

Шайтан посоветовал ему дать просохнуть вылепленной пахсе в течение трёх дней. Ибрагим совет выслушал, убедился в его правильности, а потом убил шайтана и спрятал труп, облепив его глиной, в возводимую стену. Прошел день, другой, третий - и вдруг шайтан появился вновь. Оказывается, он вылез из стены через трещины, которые проделал в стене. С тех пор трещины в стене считаются делом шайтана (**кафидагии деволкори шайтон аст**).

О. Муродов записал в нескольких вариантах еще одну легенду, касающуюся возведения курганов, с тем же мотивом захоронения тела в глине стены. Однажды во время постройки кургана мальчик, сын хозяина, пробежал между мастером, подающим глину, и возводимой стеной. Наточенная, как бритва, лопата срезала ему голову, и ребенок упал замертво. Мастера испугались и решили скрыть происшествие от отца, так как это вызвало бы, несомненно, драку с мастерами и кровопролитие. Труп быстро вмазали в стену. Отец тщетно искал ребенка. Через некоторое время на стене от тела умершего выступило жирное пятно (равгани мурда ба девол задаги, девол нам дода меистад). Отец мальчика сначала не обратил на это внимания, но потом разрушил в этом месте стену и нашел останки сына. Он пришел к мастеру, строившему курган, и начал его упрекать. В ответ тот, разорвав на груди рубаху и подставляя грудь под удар, сказал: "Убей меня, если считаешь меня виноватым. Твой сын погиб не по моей злой воле, а из-за собственной неосторожности. Я скрыл его тело потому, что знал, что ты под влиянием внезапного горя прольёшь много крови. Теперь перед тобой только я. Убей меня". Отец признал разумность поступка мастера и отказался от мести. С тех пор якобы и возник обычай в случае, если во время работы мастеров какой-либо ребенок – хозяина или соседа или чей-либо ещё – пробежит между стеной и мастерами, последние бросают работу и не приступают к ней до тех пор, пока не будет убито животное, пролита его кровь и устроена жертвенная трапеза.

Мастер требовал принести жертву и в случае, если в глине оказывалась кость или что-либо иное острое, обо что он поранил руку или ногу до крови во время работы. И хозяин не имел права не выполнить этого требования мастера.

Приняв решение строить курган, хозяин прежде всего старался заколоть животное и принести таким образом жертву - **садака**. Эта кровь проливалась как "отвращающая несчастье" - **балогардон**. Она должна была предохранить от всяких бед хозяина и всю его семью. Возможно, что эта первая приносимая здесь жертва являлась жертвой душам людей, похороненных на этом месте. Дело в том, что, по широко распространенному народному представлению, на каждом клочке земли величиной со след осла находится прах не менее ста умерших. Таким образом, этот обычай является одним из очень многочисленных проявлений древнего культа предков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги всему изложенному выше.

Самарканд относился к городам Средней Азии, большая часть жителей которых на лето выезжала в пригородные сады. Следовательно, городское жилище в нем было в основном зимним, а пригородное - летним. Для городского жилища характерен план основной жилой ячейки, состоящий из жилого помещения с передней (реже без нее) и айвана, расположенного под углом к нему, а для пригородного - расположение жилого помещения и айвана рядом, реже двух помещений (жилых или жилого и хозяйственного) и айвана между ними. Жилые помещения обычно находятся в глубине участка, помещения для приема гостей - мехмонхона и хозяйственные ближе к входу во двор.

Пригородные усадьбы самаркандцев своеобразны как по своей архитектуре, сходной с хуторами-усадьбами туркмен, так и особенно по декоративному убранству. Это массивные глинобитные сооружения прямоугольной или близкой к квадратной формы, с бшпнямж на углах и по бокам входа. Они носили явный оборонный характер, выражающийся, помимо архитектуры, и в форме жизни в них - запорах, мероприятиях против ограбления и др. До присоединения к России общая беспокойная обстановка, частые набеги и грабежи определяли необходимость таких хорошо укрепленных сооружений. После присоединения к России и замирения края возведение мощных богато орнаментированных курганов не вызывалось необходимостью и служило часто удовлетворению честолюбия наиболее богатых горожан. В послереволюционный период строительство больших курганов с богатой резной декорацией пошло на убыль, а потом и совсем прекратилось. В настоящее время (данные 1968 г.) входит в моду наносить традиционную декорацию курганов - резьбу по глине на обычные невысокие глинобитные стены, окружающие владения в пригородных селениях, на которые раньше наносить декорации не было принято. Старые курганы сейчас в большинстве своем разрушились или находятся в стадии разрушения. Это придает ценность нашим материалам, которые позволяют проследить развитие этого типа летнего жилища самаркандцев и изменение их форм и функций в связи с изменением политических и социальных условий.

- Разрастание большого торгового города, центра большого плодородного оазиса, создавало в последней трети XIX - начале XX в. тесноту застройки и вызывало тенденцию увеличить полезную площадь владений не только по горизонтали, но и по вертикали сооружением вторых этажей, подвалов и полу-подвалов, а также за счет выпуска вторых этажей нависающих над улицей карнизами. Результатом этого был своеобразный архитектурный облик улиц в центральной части среднеазиатских (и некоторых других восточных) городов, где такие черты встречались чаще и были выражены резче, чем на окраинах.

По ряду черт своей архитектуры - строительные материалы и приёмы, оформление деталей, архитектурно-декоративные приемы - Самарканд в соответствии со своим географическим положением между фергано-ташкентской и бухарской группой районов занимает промежуточное положение между ними, примыкая по одним признакам к первой группе, а по другим, более многочисленным, ко второй, бухарской, но все же значительно отличаясь от неё. По планировке жилищ самаркандская группа была ближе к фергано-ташкентской группе, в частности к Ташкенту, где население тоже имело пригородные усадьбы с садовыми участками. Однако отличительной чертой в Самарканде был айван, расположенный чаще всего под углом к жилью, что для Ташкента и Ферганы не было характерно. В то же время в Самарканде, как и в Бухаре, не было в обычае устраивать айван перед жильем (так называешь **пешайвон**), очень часто сооружаемый в фергано-ташкентских городах и селениях. Чаще, чем в фергано-ташкентских районах, но реже, чем в Бухаре, встречаются в Самарканде в богатых домах шахнишины.

В отношении строительных материалов в Самарканде, как и в Бухаре, почти отсутствовали в рассматриваемый период специально изготовленные из глины высушенные овальные комки - **кулола**, которые в фергано-ташкентских районах широко применялись в массовом строительстве, особенно при возведении наружных дворовых стен и стен хозяйственных помещений, в Самарканде они не применялись за последнее столетие даже для заполнения каркаса (для этого здесь, как и в Бухаре, применялся сырцовый кирпич). Однако в речи мастеров до сих пор сохранился термин "кулухчин кардан" для обозначения процесса заполнения каркаса, что свидетельствует о применении в старину для заполнения каркаса не сырцового кирпича, а высохших обломков глины - **кулух**. В Средней Азии после присоединения её к России в связи с привозом леса увеличивается количество каркасных конструкций. В конце XIX и начале XX в. все больше в строительную практику входит жжёный кирпич.

В области архитектурного декора самаркандская архитектура также ближе к бухарской, чем к фергано-ташкентской. Так, здесь не считались красивыми фигурные потолки сложного профиля с многочисленными карнизами, выкружками и пр. Наиболее богатые потолки делались большей частью балочными и в дорогих образцах по периметру стен окаймлялись полосой расписных квадратов, опущенных до уровня нижней поверхности балок потолка. Такие потолки назывались **кошкабзи**, или **кабзи-фурумун**. Они встречались и в самых старых постройках Бухары, часты были и в мехмонхонах Ферганы и Ташкента. Кроме того, делались потолки, состоящие из расписных дощечек, составляющих сплошной потолок на уровне нижних поверхностей образующих его балок. Как и в Бухаре, здесь очень редко применялись сталактиты в оформлении капителей колонн, что характерно для богато отделанных мечетей и жилых домов городов Ферганы и Ташкента. Ганчевые декорации - резьба и роспись - были близки к бухарским. Так же как и в Бухаре, в Самарканде декорации, выполненные техникой отливки, начали применяться только с конца

XIX в., в то время как в Фергане, наоборот, литые декорации встречались обычно в старых домах, а в конце XIX - начале XX в. постепенно исчезли.

Для самаркандских мечетей конца XIX - начала XX в. и для богатых жилищ характерны литые или резные ганчевые решетки в проемах над дверями и ставнями-окнами, как и в Бухаре, где они имели еще более широкое распространение, в то время как в Фергане и Ташкенте обычны деревянные наборные решетки, которые в Самарканде встречаются редко в старых, бедно отделанных домах и обычно невелики по объёму.

Как видим, в самаркандском зодчестве чаще наблюдается сходство с аналогичными чертами в бухарском зодчестве, но в целом Самарканд имеет свой собственный облик и довольно заметно по ряду существенных черт отличается и от Бухары, занимая как сказано выше, промежуточное положение.

Состояние массового народного зодчества Самарканда в целом за доступный нашему исследованию период отражает происходившие во всей Средней Азии за последние 150 лет исторические и социально-экономические процессы. Для середины XIX в. характерна бедность построек большей части горожан, недостаток строительного материала, в частности леса, редкость богатого и разнообразного архитектурного декора, наличие таких его старых видов, как тиснение штампами узоров по глиняной штукатурке, позднее вышедшего из употребления.

Присоединение Средней Азии к России и последовавшие за этим важные социально-экономические изменения привели, с одной стороны, к интенсивному развитию городской жизни, с другой - к усилению классового, социального расслоения. В жилищном строительстве Самарканда, как и в строительстве других городов Русского Туркестана и Бухары, это проявлялось в появлении построек более совершенного типа с применением новых материалов и приемов - жжёного кирпича нового размера и формы, соответствующего аналогичным материалам, применяющимся в русском строительстве, больших застекленных окон, бездымных голландских печей и др. Новшества применялись главным образом во внешних мужских дворах, а богатый архитектурный декор - в домах наиболее богатых слоев горожан - купечества и байства. Все это привело к некоторому подъему и развитию местного строительного и декоративного искусства.

Наряду с развитием традиционных форм архитектурного декора, в частности архитектурного орнамента, наблюдается и отход от старых традиций в технике резьбы и живописи по ганчу, а порой и полный отказ от них - замена резных панно такими же панно, но без резьбы, окаймленными не полосками занджиры, а тягами, выкружками и т.д. европейского стиля, замена старинных резных дверей-ставен европейскими дверями и окнами на шарнирах и многими другими нововведениями. Возможность украшать свои жилища различными видами декора имели только наиболее богатые представители горожан, мало же обеспеченные вынуждены были придерживаться более простых и дешевых приемов в строительстве и отделке своих жилищ.

Установление Советской власти и полная смена социальных отношений вызвали еще более быстрые и глубокие перемены в народном строительном и

особенно в декоративном искусстве самаркандцев.

Коренным образом изменилось устройство дома в связи с изживанием женского затворничества. Старое разделение дома на внутреннюю, женскую, и внешнюю, мужскую, половины - **дарун** и **берун**, сохранявшееся на протяжении конца XIX и начала XX в. и даже, постепенно отмирая, в течение первых десятилетий после революции, потеряло свое обоснование. В годы нашего обследования в старых домах часто можно было наблюдать, как сносились разделявшая прежде домовладение на две части стена, двор вытягивался и терял свои прежние пропорции. Новые жилища строились уже как одно целое. Только из уважения к традиции и стремления не заставить семью врасплох до последнего времени сохраняется обычай строить помещение для приема посторонних людей, особенно чужих мужчин, в помещении, сооруженном у входа во двор, куда можно войти, не тревожа остальных обитателей дома.

Отразилось на планировке владения, составе помещений и то обстоятельство, что за последние десятилетия отмирает традиция двудомности, разделения жилища на две половины - городскую, зимнюю, и пригородную, летнюю. Население избирает в зависимости от образа жизни, состава семьи, занятия ее членов и пр. тот или иной вариант для постоянного житья. В соответствии с этим в хозяйствах горожан чаще отсутствует домашний скот и отпадает необходимость сооружать помещения для скота и фуража. В хозяйствах же семей, оставшихся на постоянное житье в пригородах, помещения для содержания скота, хранения фуража, а также урожая фруктов и овощей с приусадебных участков играют большую роль.

Новые материалы и строительные приемы, а также современные усовершенствования быта, начиная с электричества, современных форм отопления и кончая приспособлениями для стирки, готовки пищи, сделали жилище более удобным и, что особенно важно, теперь все достижения в области строительства и оборудования жилища и быта стали доступными для самого широкого круга трудящихся, а не только для относительно небольшой группы имущих.

В связи с полной переменой быта и культурных запросов претерпел значительные изменения архитектурный декор жилищ. Старые традиционные виды его (резьба, роспись), которые, будучи нанесены на стены и потолки, сохранялись без смены нередко в течение десятилетий, в строительстве современных домов почти совершенно отмерли, заменившись побелкой, которую можно обновлять ежегодно, узором из трафаретов, окраской стен масляной краской, которая допускает мытье их.

Таковы изменения, которые удалось проследить в самаркандском жилище за период, доступный для этнографического исследования, в связи с изменением исторических и социально-экономических условий жизни его обитателей.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Абд 93
 Авджи акс 93
 Азон 47, 54
 Айван 18, 19, 30... passim
 Ай - 122
 Айвон - 33, 106
 Айвон - мачит 51
 Акка 65
 Алоухона, аловхона 40, 41
 Амбур, (анбур) 60
 Арак, (арақ) 41, 80, 81, 88, 90, 93, 104, 121
 Арвои пир (арвохи пир) 124
 Арк 9, 32, 75
 Атола 119
 Ахта 84, 89, 90
 Багдевал, (бағдевал) (туркм.) 114
 Багдади, (бағдодй) (разг. бағдотй) 94
 Бадраф 34
 Балик сирт 79
 Балогардон 124
 Балхи (балхй) 76
 Балхипуш (балхипуш) 44
 Банги (бангй) 89
 Бахтар 95
 Бачки, бачаги (бачкй, бачагй) 70
 Беди маджнун (беди мачнун) 90
 Бел 61, 112
 Белча 113
 Белчи (белчй) 115, 116, 117, 124
 Берун 26, 109, 112, 127
 Бинди (бинй) 95
 Биндии дар 95
 Бистхазори (бистхазорй) 59
 Бехосият (туркм. бихосият) 114
 Бир канот (туркм.) 117
 Бир ярим гез (туркм.) 115
 Бишмагул (туркм.) 122
 Бово-аксакал, (бово оқсақол) 124
 Богдевол (боғдевол) 105, 114, 115, 117, 124
 Богхона (боғхона) 105
 Бодбарак 122
 Бозу 94
 Боло 95
 Болодари (болодарй) 68, 70, 95
 Болол (болор) 68, 72, 74, ^8, 94, 109
 Бололу васаджуфт (бололу васса-чуфт) 78
 Бололи лула (бололи лўла) 78
 Бомандова 73
 Бони (бонй) 48
 Бостурма 33
 Боша 102
 Буш (туркм.) ИЗ
 Буйро (бўйро) 72, 104
 Бугурсок (бўғурсок) 122
 Вакф (вақф) 48
 Васа (васса) 49, 72, 79, 80
 Васабуйро (вассабўйро) 72
 Васаджуфт (вассачуфт) 72
 Газсар 115
 Ғазий (ғозй) 106
 Газу чойрак 115
 Гяз (газ) 36, 43, 47, 54, 55...
 Ганч (гач) 12, 32, 61, 62, 84, 85, 86, 87, 90, 127
 Гачи ёри (гачи ёри) 61
 Гачи регак 61
 Гачи тунук 61
 Гачпаз 61
 Гачсоз 63
 Гачхок 62, 63, 67, 83
 Гезбер (туркм.) 115
 Гезу чайрек (туркм.) 115
 Гилмоя 60
 Гирех (гирех) 85, 86
 Гувала 56, 104
 Гувалак 56

- Гузар 9, 13, 31, 32, 43, 48, 49
 80, 87, 103, 107, 113
 Гулах 61
 Гулбадоу 41
 Гулдаста 93, 108, 109, 116, 119
 Гулгач 62, 63
 Гултераш (туркм.) 113
 Гултарош 118
 Гурагил (гурагил) 72
 Гурза (гурэ) 108, 113
 Гусл (ғусл) 40
 Гуслхона (ғуслхона) 55
 Давак 43, 98
 Давра уй 43
 Давра хошия (давра ҳошия) 80
 Дар 93, 94
 Дарвоза 95
 Дарвозахона 33, 49, 93
 Дари дутабака (дари дутабақа) 93
 Дари дэланок (дари диланок) 94
 Дари яктабака (дари яктабақа) 93
 Дарпарда 97
 Дарун 26, 44, 109, 127
 Даруни мачит 51
 Даста 62
 Даст галбер (дастғалбер) 62
 Дастгир 95
 Даха (даҳа) 13
 Дахлез (дазҳез) 19, 36, 37, 72
 Дахлези зимистони (дазҳлези зимистони) 19
 Девол 68
 Деволзан 105, 107, 112, 116
 Деволи кургон (деволи қўрғон) 114
 Деволи пешга (деволи пешгаҳ) 82
 Дег 100
 Деги (дегӣ) 100
 Джавак (чавак) 91
 Джаваки бемаргула, (чаваки бемарғўла) 91
 Джангал (чангал) 107
 Джаноза (чаноза) 31, 47
 Джертула 36
 Джувоз (чувоз) 10
 Джувозкаш (чувозкаш) 82
 Джувоз хона (чувозхона) 109
 Джуп (туркм.) 114
 Джуфт (чуфт) 72, 114
 Дигги (туркм.) 105
 Дугваса 79
 Дудара 39
 Дудбаро, дудбуру 34
 Дузд 107
 Дукони сандуканок (дукони сандуқанок) 49
 Дэла 94
 Ертула 31, 33
 Заббарав, заваррав 68, 70, 80
 Замин 82, 85
 Занджир (занцир) 95
 Занджира (занчира) 91, 92, 99, 121
 Занджираи обанок (занчираи обанок) 91
 Занджираи таулнок (занчираи таулнок) 92
 Заранг 65
 Захкилади 113
 Зигир (зағир) 82
 Зинаи мунори (зинаи мунорӣ) 30
 Зол 73, 81
 Зулфин 95
 Илангерд (туркм.) 121
 Имам (имом) 47, 48
 Имомона 48
 Ип (туркм.) 113
 Ироки (ироқӣ) 87, 91
 Ирокии калон (ироқи калон) 91
 Иронии майда (ироқи майда) 91
 Ислими (ислимӣ) 52, 81, 86, 90, 92
 Ичкари (ичкарӣ) 109
 Йетимак - гулдаста И9
 Йилим 82
 Йилимоб 82
 Кабзи (қабзӣ) 80, 94
 Кабзи-фуруммон 127
 Каду бар 36
 Кайра (қайра) 113
 Кайрагоч (қайрағоч) 64
 Калам (қалам) 82

- Калама (қалама) 70
 Каланд 61
 Калова 113
 Капа (каппа) 103, 104
 Каравот 33
 Каратурпак (қаратурпак) 114
 Карыш 115
 Карт 22
 Катак 34
 Кашак 60
 Кашиш 84
 Кашкарча (кашқарча) 99
 Кесак 56
 Кесак - девол 56
 Кетманчй (кетманчй) 116, 124
 Кзылкесак 60
 Кзылтурпак (қылтурпак) 114
 Кибла (қибла) 113
 Китеба 94
 Китоби (китобй) 30
 Китъа (қитъа) 13
 Кифти оштон, китфи оштон 33
 Киш (қин) 113
 Колиби хумдон (қолиби хумдон) 57
 Корчаги (корчагй) 42
 Кофар 65
 Кофарак 65
 Кошкабзи (қошкабза) 127
 Кубба (қубба) 95, 108, 114, 116
 Кудук (қудук) 34, 36
 Кудунг 65
 Кудунгар 65
 Куза (кўза) 99, 100
 Кузаги (кўагй) 99, 100, 101, 102
 Кулола (кулула) 56, 127
 Кулоч (қулоч) 47
 Кулух (қулўх) 56, 127
 Кулухчин кардан (қулўхчин кардан) 56
 Кулф, куфл (қулф, қуфл) 95
 Кум (қум) 114
 Кумгон (кумғон) 100, 112
 Кумгони (кумғонй) 100
 Кундал 81, 82
 Курган деволи (туркм. курған девали) 114
 Кургон (қурғон) 3, 106, 107, 108, 109, 124
 Кушзанджира (қўшзанчира) 91
 Кушзанджираи мусаллас (қўшзанчираи мусаллас) 92
 Кушзанджираи майдазанджира (қўшзанчираи майдазанчира) 92
 Кушагулдаста (қўшагулдаста) 119
 Кушкабзи (қўшкабза) 80
 Кушмадохил (қўшмадохил) 102
 Кыр 64, 65, 66
 Кырма 63, 88
 Кырмок (узб.) 88
 Лаби оштон 33
 Лайлак 122
 Лег-лег (туркм.) 122
 Лойхона 114, 116
 Лулапардоз (лўлапардоз) 86
 Мағз (мағз) 62
 Мағок (мағок) 52, 54
 Мадохил 78, 99, 102
 Мадраса 41, 49, 52, 54, 78
 Мадрасаи машкоб 49
 Мадрасаи фаррош 49
 Майда - токча (майда-тоқча) 83
 Маллатоб 114
 Мансура 96
 Маргула (марғула) 94, 100
 Маргуладор (марғуладор) 92
 Маргуланок (марғуланок) 92
 Маргулаи морпечнок (марғулаи морпечнок) 101
 Масчит (масчид) 9, 12, 47, 48, 49, 52, 54, 55
 Махалла (маҳалла) 13
 Махаллаи Джугуто (маҳалаи чугуто) 15
 Медресе см. мадраса 20, 92, 93
 Мезана (муаззинхона) 54
 Метин 61
 Мехи куббадор (мехи қуббадор) 95

- Мехмонхона (меҳмонхона) 24, 27,
 30, 31, 33... *passim*
 Миджмол (миҷмол) 73
 Миёнбел 100
 Миёни болол 78
 Минбар 94
 Мисрон 61, 109
 Молхона 110
 Моргерд (туркм.) 121
 Морпеч 95, 99, 100
 Муаззин 54
 Муаззинхона 54
 Муканнас (муқаннас) 87
 Мукарари (муқарарӣ) 100, 101
 Мукаттаъ (муқаттаъ) 52
 Муносор (манора) 54
 Мунаббат 85, 86
 Мури (мӯри) 34, 37, 41
 Нава 88
 Нагал (наъл) 102
 Наълин 102
 Найза 100
 Найзаги (найзагӣ) 100
 Наккош (наққош) 6
 Намаз (намоз) 47, 48, 49, 54, 102
 Намози шом 49
 Нарван (норбон) 116
 Никох (никоҳ) 47
 Нимтах (нимта) 43
 Нимхашт (нимҳашт) 92
 Нимшакли обанок 92
 Нимча 118
 Ноу-ноу 118
 Оба 86
 Обапардоз 86
 Овашк 102
 Огил (оғил) 33, 110
 Оксакол (оқсақол) 6
 Олчин 43
 Остона 95
 Офтоба 83
 Охак (оҳак) 66
 Охан (оҳан) 62
 Ошик-маъшук (ошиқ-маъшук) 95
 Оштон 41
 Оштони ошпази (оштони ошпазӣ) 33
 Оштонхона 33, 110
 Ошхона 33, 110
 Пайраха (пайраҳа) 114
 Панджара (панҷара) 86, 98
 Паргол (паргор) 92
 Парголи (паргорӣ) 92
 Парголии якказанджиранок (паргории
 якказанчиранок) 92
 Парголии неш ба неш (паргории неш
 ба неш) 92
 Парда 73
 Пардоз 84, 85, 86
 Парма 109
 Пасафтод 70
 Пахлу (пахлу) 95
 Пахлудари (пахлударӣ) 95
 Пахса (похса) 56, 105, 109, 110,
 112, 114, 115, 116, 117
 Пешайвон 22, 24, 127
 Пешга (пешгаҳ) 39, 82
 Пешкалама (пешқалама) 70
 Пилта 99
 Пилтавацца 79, 80
 Пир 124
 Пирзода 124
 Пойга 36, 37
 Пору 34
 Порухона 34
 Почол 62
 Поя 100
 Пояи кумгон (пояи қумгон) 101
 Пулод (Пӯлод) 112
 Пушиш (пӯшиш) 72
 Пуштак 70
 Пушти махи (пушти моҳӣ) 46, 79
 Пчак (туркм.) 113
 Работ, равот 106, 108
 Рафак 61
 Рафи тоқча (рафи тоқча) 70
 Рах-рах 118
 Раддджа, раджджа-ип (рачча рачча-ип) 113

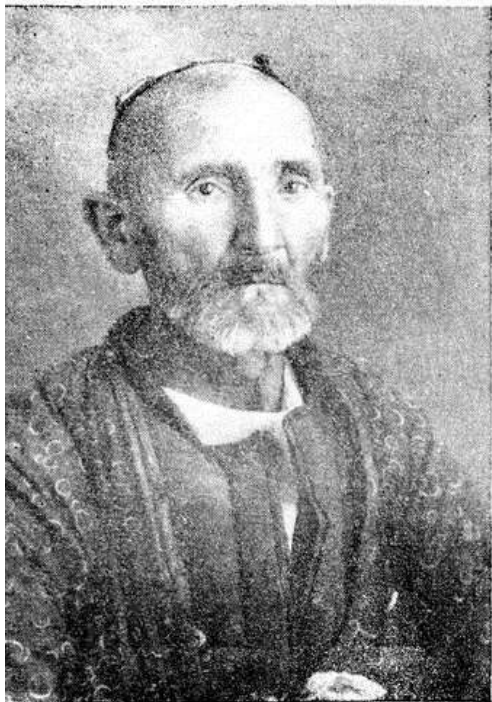
- Реза - тоқча (реза-тоқча) 83
 Ровон 98
 Рост кардан 57
 Ругани зикгари (равғани зингарӣ) 82
 Рута 93
 Садака (садақа) 124
 Саис-хона, саисхона 33, 110
 Саллоти (саллотӣ) 57
 Саллоти кардан (саллотӣ кардан) 57
 Санг 100, 105
 Санги кумғони (санги қумғонӣ) 101
 Сандали (сандали) 37, 39, 40
 Санджари (санҷари) 58 сн., 67
 Сандука (сандуқа) 83
 Сар 91
 Сарбухори (сарбухорӣ) 102
 Сардари (сардарӣ) 70
 Сар дар канор 91
 Сар дар канори дутаги 91
 Сар дар багал (сар дар бағал) 91
 Сари санг 100
 Сарой 19, 20
 Семонка 69
 Семусаллас 92
 Сехлусалласи занҷирадор
     (семусалласи занҷирадор) 92
 Се олчин 43
 Сетаги 91
 Се чойрак 115
 Си чайрек (туркм.) 115
 Сихазори (сиҳазорӣ) 59
 Соягихона 109
 Сури (сӯрӣ) 113
 Сутум, сутун 99
 Сутумгуша (сутумғуша) 70
 Сутуми руси (сутуми русӣ) 100
 Сутуми шамъи (сутуми шамъӣ) 99
 Суфа 32, 33, 110
 Суфи (сӯфӣ) 47, 48
 Суям (сӯям) 115
 Табака (табақа) 86
 Табакапардоз (табақапардоз) 86
 Таг 66, 100
 Тагдари (тагдарӣ) 70, 95
 Тагкурси (тагкурсӣ) 66
 Тагсиндж (тагсинҷ) 70
 Тагсинджи берун (тагсинҷи берун) 70
 Тагсинджи дарун (тагсинҷи дарун) 70
 Тагтула (тагтӯла) 31, 32
 Тагхона 33, 39
 Так (туркм.) 114
 Такия панджара (такья панҷара) 22
 Тала-хаули (тала-ҳавли) 22
 Там (туркм.) 20
 Тамба 108
 Танадор 82
 Танга 116
 Таноб 84
 Танур (танӯр) 33, 34, 37, 41, 42
 Танурсоз (танӯрсоз) 41
 Танурча (танӯрча) 41, 42
 Тарашайдигон бел (туркм.) 112
 Тарбузи (тарбузӣ) 100
 Тахмон 82, 83
 Тахорат (таҳорат) 55
 Тахоратхона (таҳоратхона) 49, 55, 76, 93
 Тахтакундал 81
 Тахта-маича 79
 Тахта-мунаббат 80
 Тахта-норбона 80
 Ташкари (туркм.) 109
 Ташнау, ташнав 36, 37
 Таъримгул 122
 Тезгач 62, 63, 84
 Тигтераш (туркм.) 113
 Тиктарош 118
 Тобадон 70, 98
 Ток (тоқ) 114
 Тузгок (тузғоқ) 60, 84, 87
 Тузгоккори (тузғоқкори) 60
 Туйнук 40, 98
 Туксабо (туксобо) 44
 Тупсар 91, 92
 Тупсари нутаги 91
 Тур вершук (тӯр вершук) ,72
 Турум 94
 Тутши (тухмӣ) 100

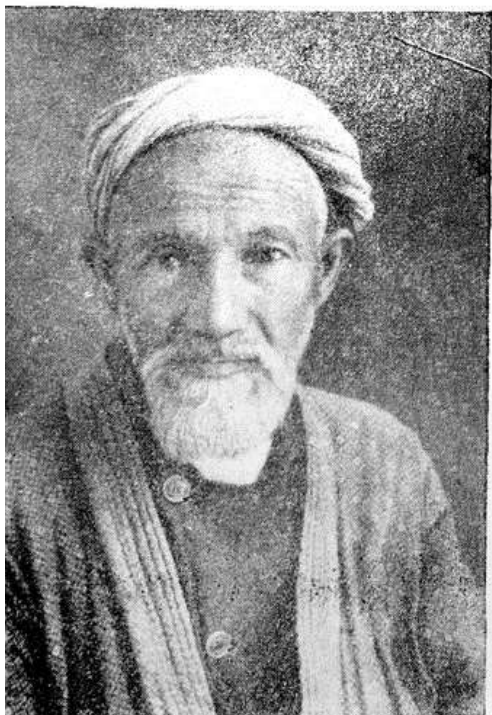
- Турундж (турунч) 79
Увайди (увайдӣ), (убайд) 93, 94
Угур (уғур) 62
Уймагул 118
Уймак (туркм.) 118
Урганджи (урганчи) 112
Усто 116
Фотиха (фотиҳа) 124
Хавоза (туркм. хаваза) 116
Хавз (ҳавз) 49, 75, 110
Хавзак (ҳавзак) 81
Халахона (ҳалохона) 110
Хал ли тахта (ҳалли тахта) 82
Халка (халка) 95
Халоджой (ҳалоҷой) 34
Хамал (ҳамал) 66
Хаммом (ҳаммом) 41, 45
Хара, хара мондан 57
Хар-ароба 115
Хауз см. Хавз
Хавли (ҳавли), (туркм. хеули) 20, 22
Харом (ҳаром) 65
Хашраха (ҳаштраха) 99
Хаштья (ҳаштьяк) 22
Хишт 57
Хишти мусулмони (хишти мусулмонӣ) 57
Хишти оби (хишти обӣ) 57
Хишти султони санджари (хишти султони санҷарӣ) 58
Хишти хасак 57
Хишти хом 57
Хишткори (хишторӣ) 66, 68
Хиштрези (хиштрезӣ) 57
Хишт рехтан 57
Хиштфарч 67
Хобон, ховон 70, 71
Хобонда, ховонда 63, 84
Ховони чану рост (хобони чапу рост) 71
Хок 72
Хоки сурх 60
Хокпуш (хокпӯш) 72
Хона 35
Хонаи давра 43, 44
Хонако (хонақо) 51, 52, 54, 55
73, 74, 78, 99, 101
Хор 33
Хум 36
Худжра (хучра) 10, 23, 41, 48,
49, 52, 78, 97
Хулум (туркм.) 113
Хумдон 59, 60, 61, 62
Хуфтан 49
Чайла 103
Чалдевор 104, 105
Чамок (чормағз) 64
Чанор 64
Чапдар 39
Чападилар (туркм.) 114
Чармак 70
Чиг (чиғ) 79
Чигваса (чиғваса) 79
Чий 79
Чизмагул 118
Чизмак 118
Чизмакаш 118
Чилла 47, 52
Чиллахона 45, 52, 75
Чилхазори (чилҳазорӣ) 59
Чим 57
Чирогдон (чироғдон) 108, 122
Чирोगи сиёҳ (чироғи сиёҳ) 122
Чойхона 48
Чокапардоз 85, 86
Чор 62
Чоргуза (чорғуза) 92
Чоргузаи марғуладор (чорғузаи марғуладор) 92
Чордара 43, 105
Чордевор 104
Чорук 11
Чорчуб (чорчуб) 70
Чошгалбер (чошғалбер) 62
Чукурии хумдон (чуқурии хумдон) 61
Чучка-ёли (чўчка-ёли) 72
Шабака 98
Шаджара (шаҷара) 124

Шайтон 124
Шайтон хумдон 59
Шамъчирог (шамъчироғ) 108, 122
Шарафа 87, 88
Шафиги (шафигӣ) 27
Шах (шаҳ) 38
Шахнишин (шаҳнишин) 38 , 39 , 73 , 77
Шаши кунд 92
Шаши тез 92
Шашин 38
Шибба 113
Шинни (шиннӣ) 110
Шинак 108
Шипанг 110
Ширеш 63, 84, 87
Шобарг 89
Шокоса (шоҳкоса) 63
Шолдевор (туркгл.) 104
Шом 49
Шон учун 118
Шонздараха (шонздаҳраха) 99
Шопул, шохпул (шоҳпул) 73, 74
Шулагач (шулағач) 62
Эйван (узб.) (айван в хивин. произнош.) 19
Элак 62
Эшик (узб.) 22
Юнучкапал (юнучқапал) 113
Якказанджира (якказанчира) 91, 94
Яккамадохил (яккамадоҳил) 102

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Усто Акрам Умуров, каменщик. Фото Е. А. Полякова.

3. Усто Абдурашид Джалилов, резчик по ганчу. Фото Е. А. Полякова.

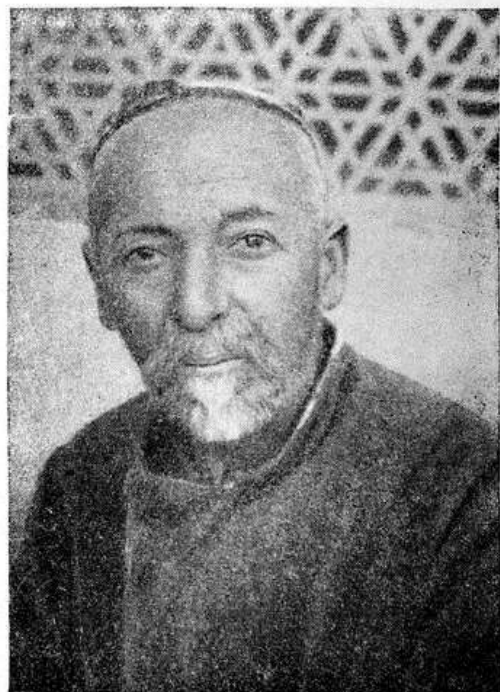

Рис. 2. Усто Шамсиддин Гафуров, каменщик и резчик по ганчу. Фото Е. А. Полякова.

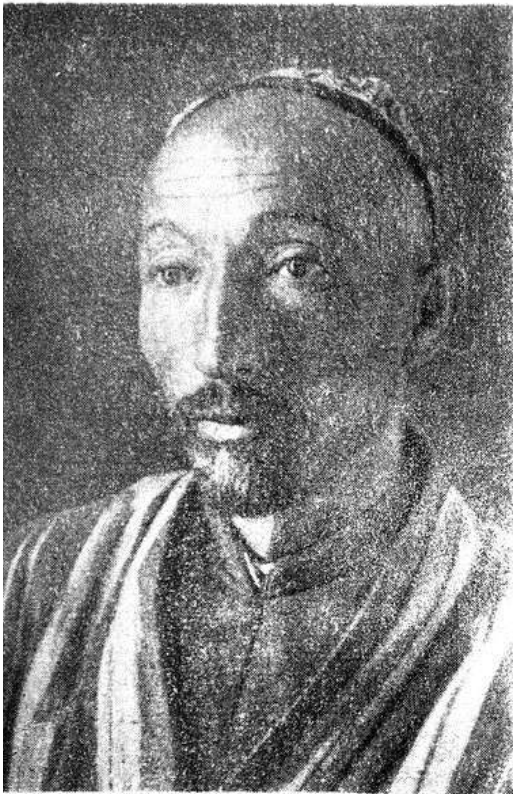

Рис. 4. Усто Кули Джалилов, каменщик и резчик по ганчу. Фото Е. А. Полякова.

Рис. 5. Усто Мир-Хомид Юнусов, резчик по ганчу. Фото Е. А. Полякова.

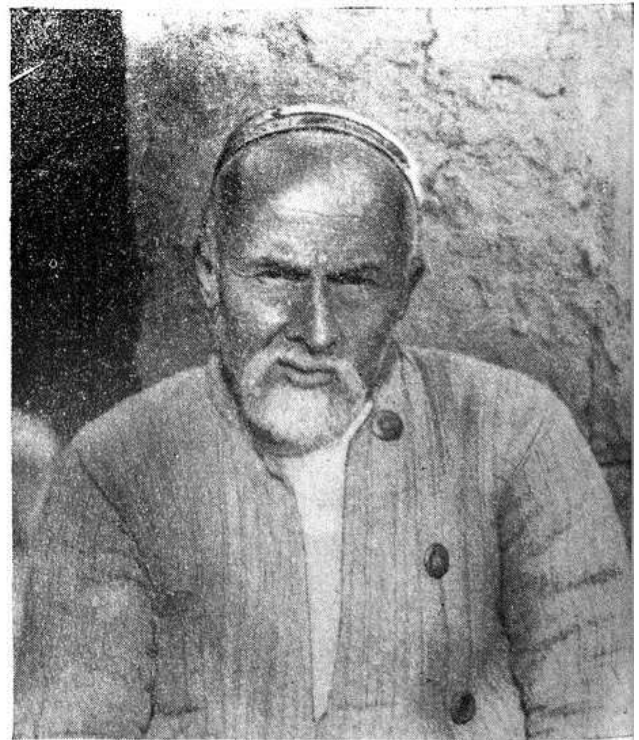

Рис. 6. Усто Назрулло Нуруллоев, резчик по дереву.

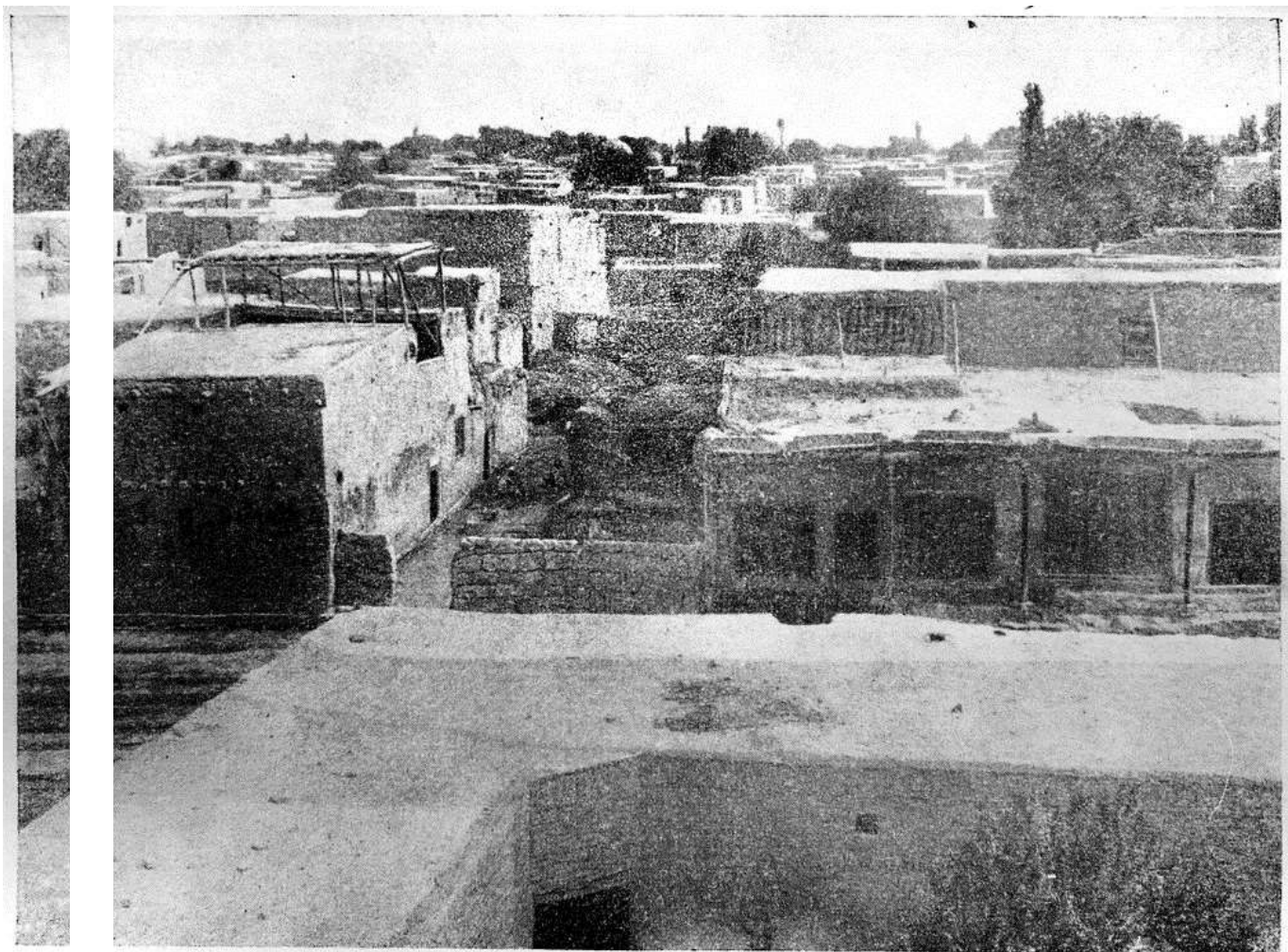

Рис Вид на север с крыши медресе Палван-Қари в г. Хиве. Видны задние южные стены айванов.

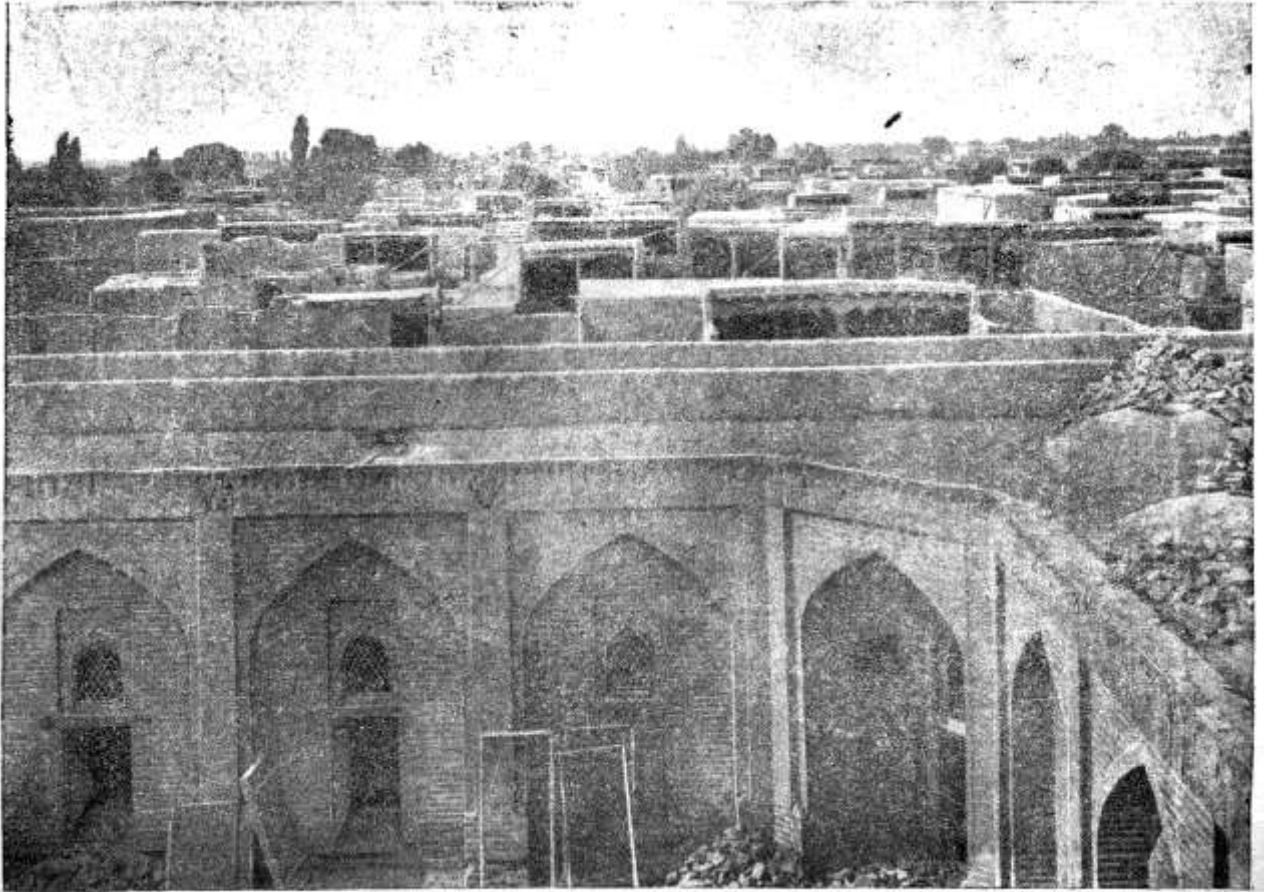

Рис. 8. Вид на юг с крыши медресе Палван-Кари в г. Хиве. Видны проемы обращенных на север айванов.

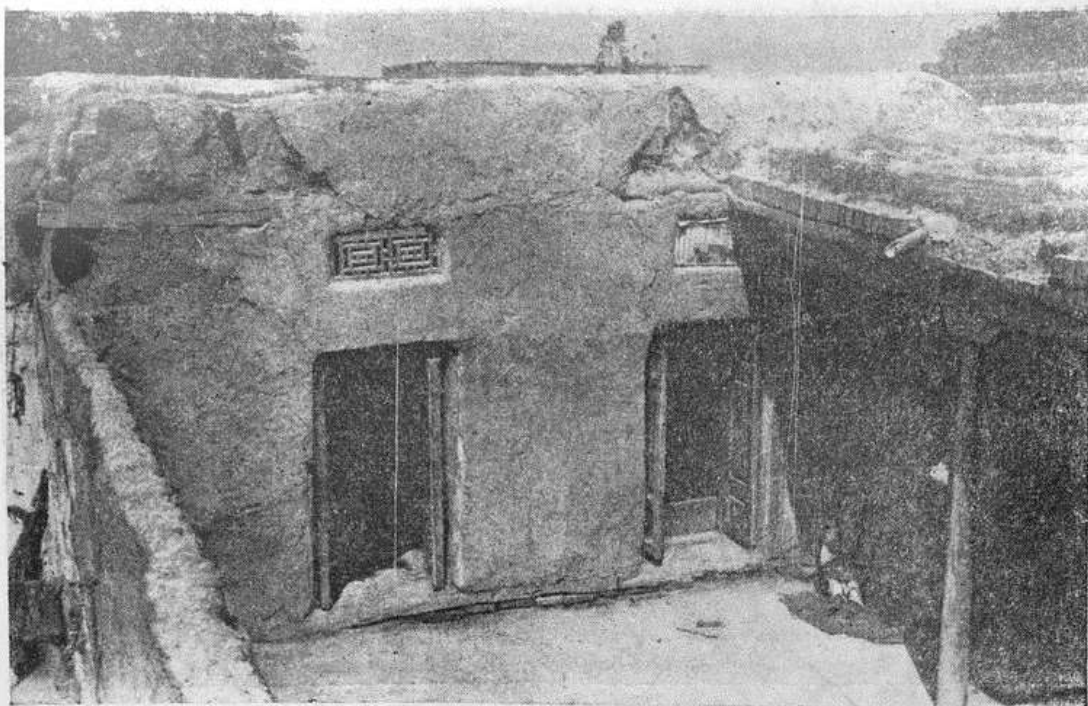

Рис. 9. Дом Азима Шарифова в квартале Боги-Баланд. Комната с айваном, прилегающим к ней под углом.

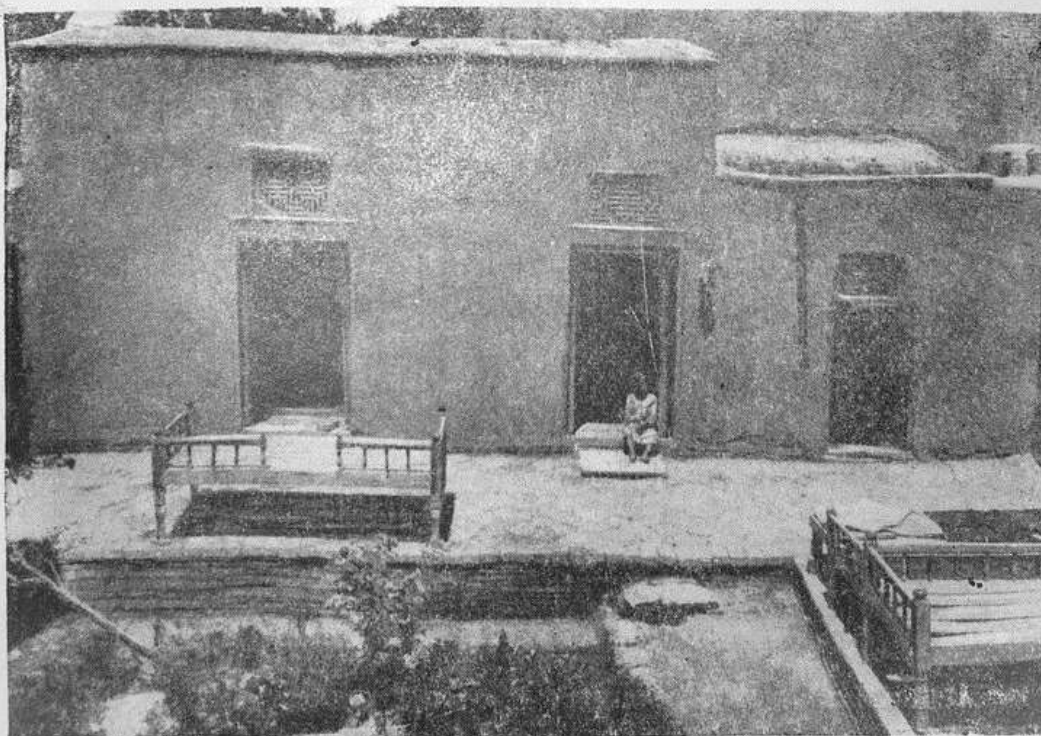

Рис. 10. Дом Шамсиддина Тураева в квартале 1-й Мулиён. Комната без передней и без айвана. Справа кухня.

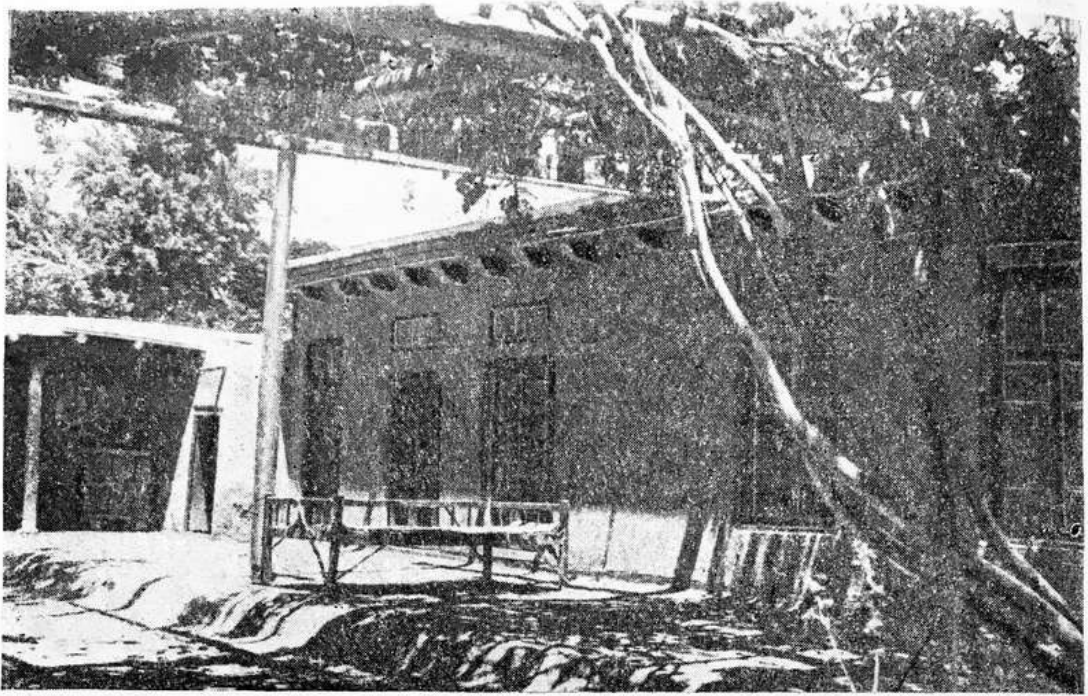

Рис. 11. Общий вид владения Абдурашида Джалилова. Слева в углу комната, построенная в последней четверти XIX в., справа — комнаты, построенные в 30-х годах XX в.

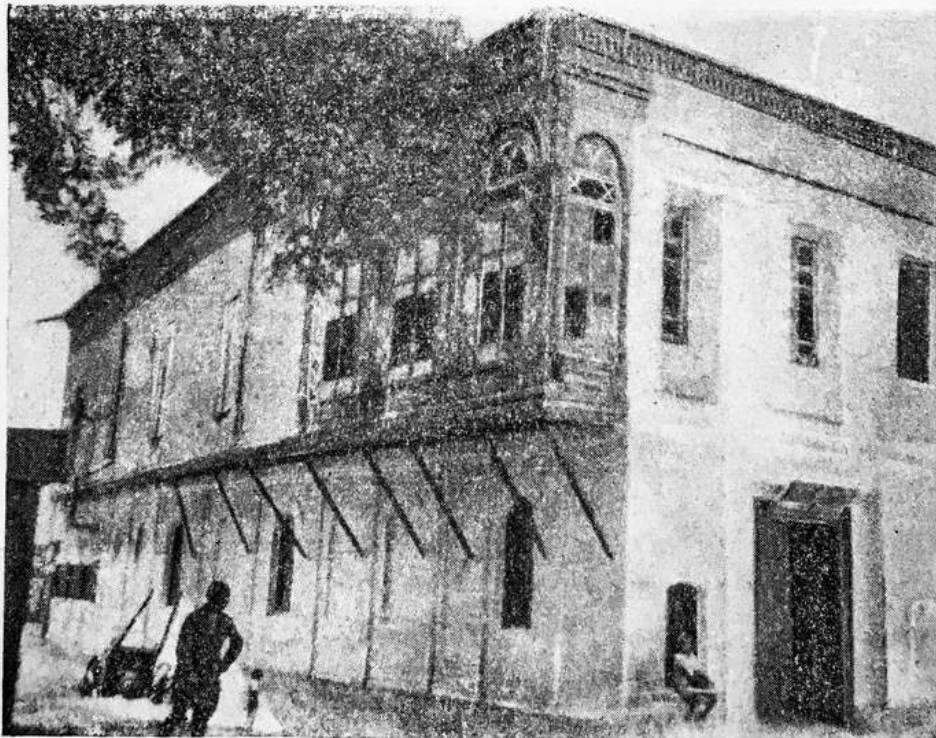

Рис. 12. Вид с улицы на дом Усмона Бойбача. Начало XX в. Характерен выпуск 2-го этажа над улицей, широкий с одного края и сходящийся на нет — с другого.

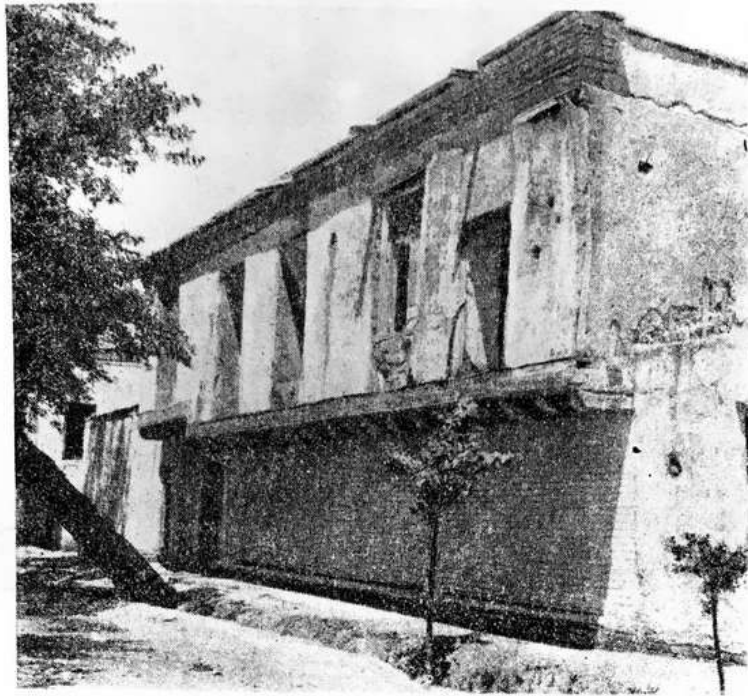

Рис. 13. Уличный фасад жилого дома по Сузангаронской улице. Первая четверть XX в.

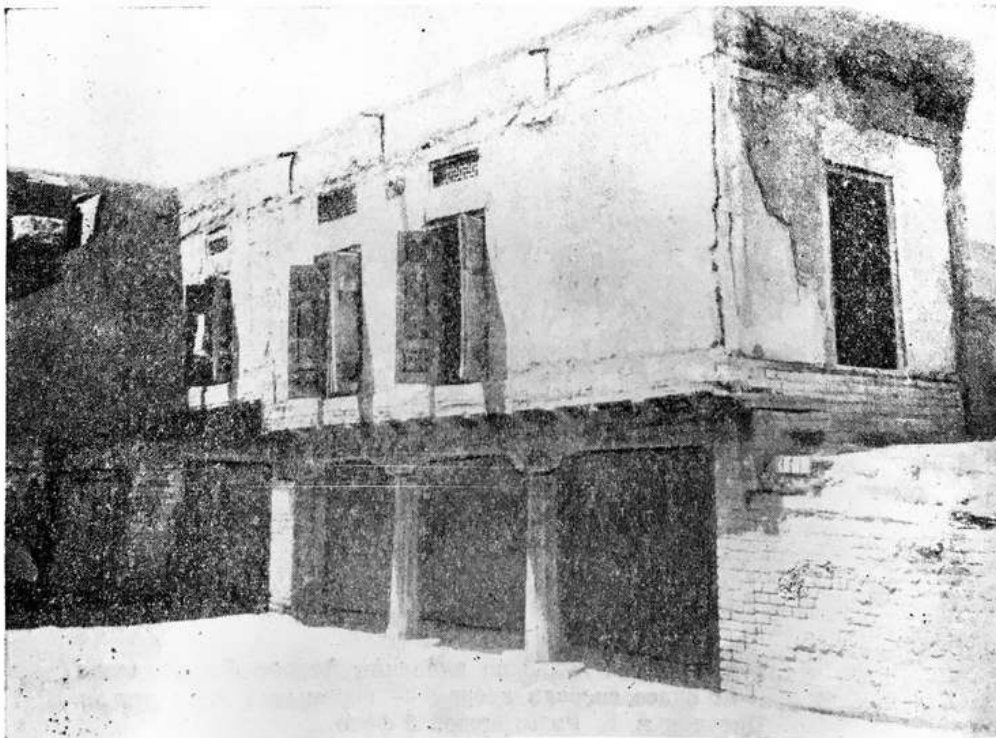

Рис. 14. Дом Узакбая по ул. Лабн-Гор. Дворовый фасад мехмонхоны.

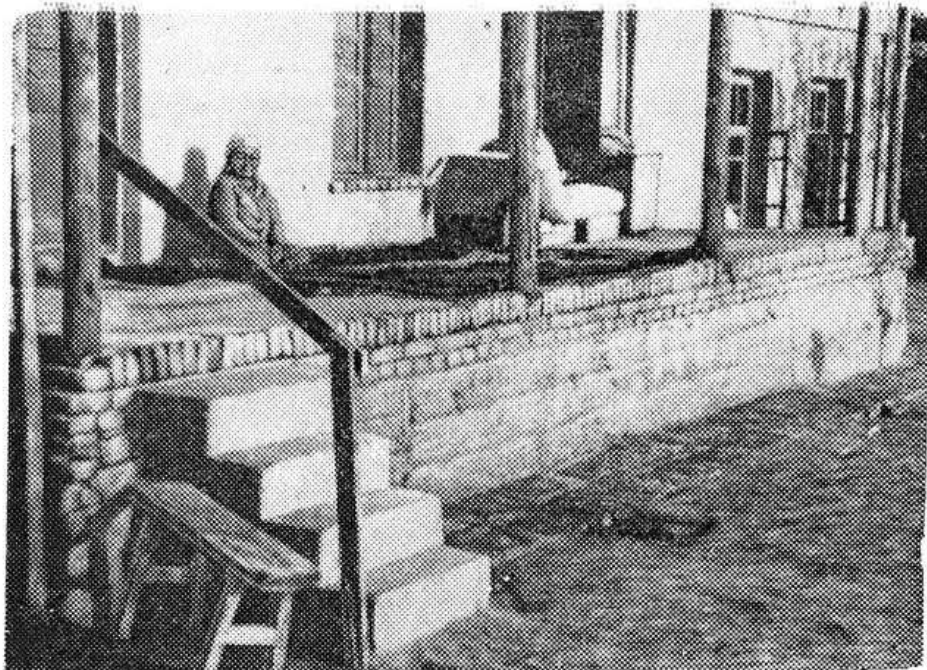

Рис. 15. Комната на цоколе с полуподвальным помещением и пей-айваном в доме колхозника Асрора Саъдуллаева в к. Равонак.

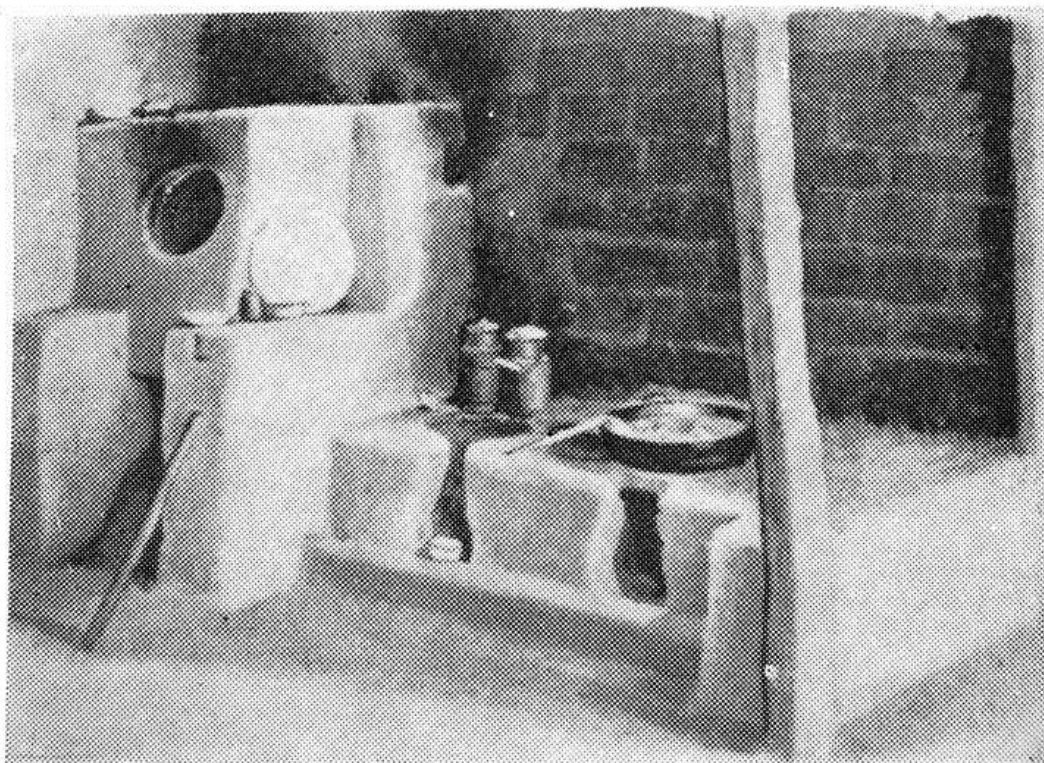

Рис. 16. Очаги и танур в летней кухне во владении Асрора Саъдуллаева в к. Равонак. В правом очаге спереди сверху — перемычка лаби оштон.
Рисунок А. К. Разыграевой с фото.

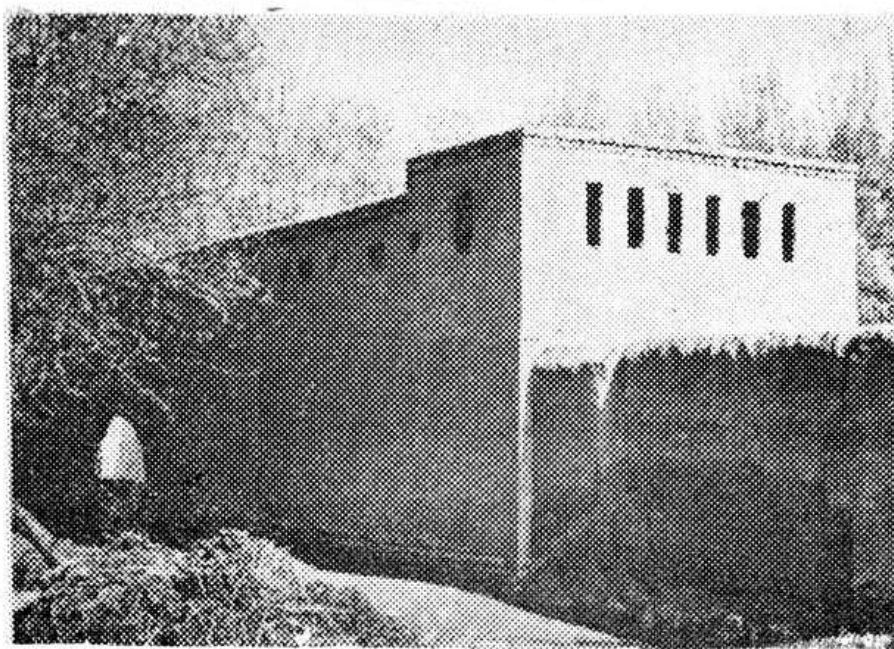

Рис. 17. Вид с улицы на кухню в к. Равонак. Приподнятая часть крыши над гануром — танурхона с щелевидными вертикальными отверстиями — мурн для выхода дыма. Фото А. В. Оськина.

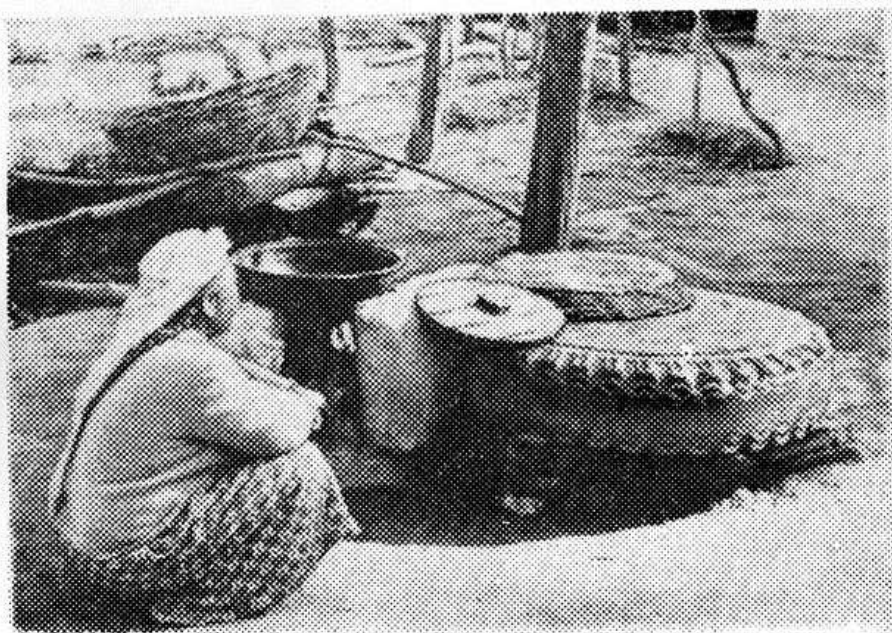

Рис. 18. Летний очаг во дворе владения Таировых в к. Кулбан-Ноён. Фото А. В. Оськина.

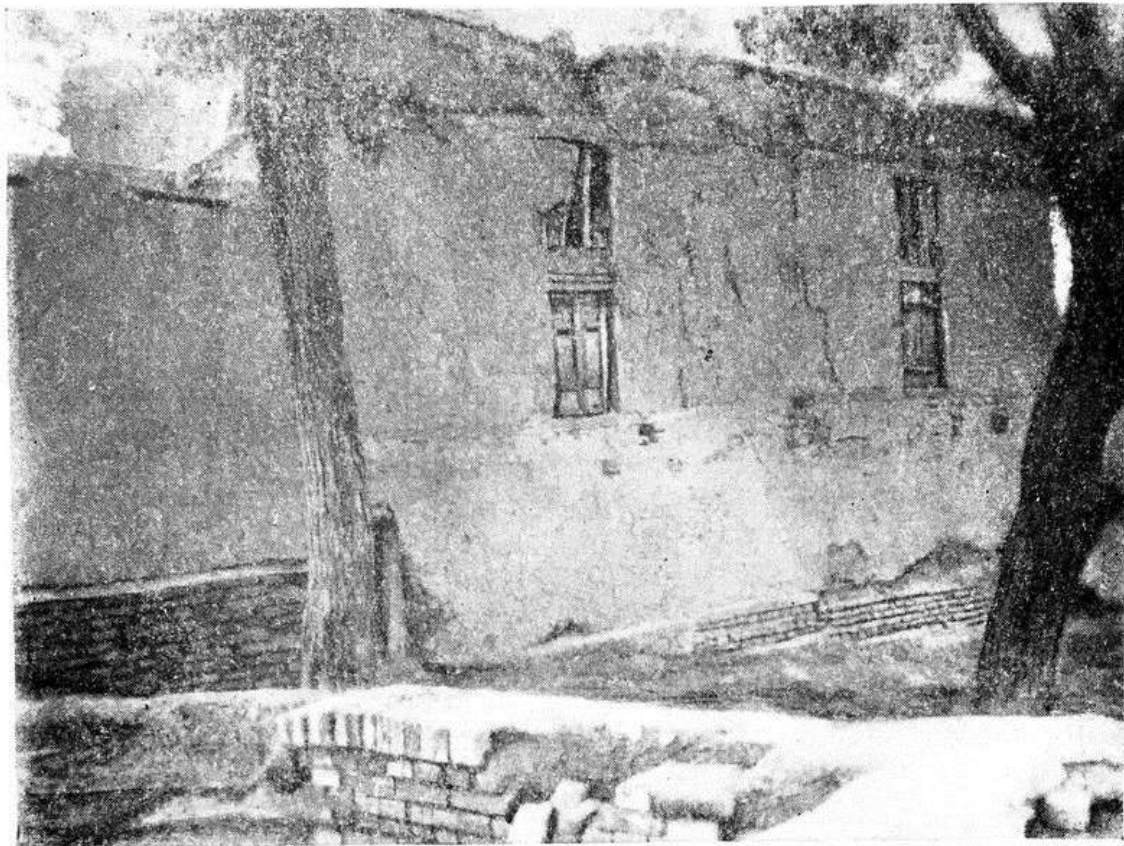

Рис. 19. Вид с улицы на мехмонхону в доме Махдихана Кори, построенную около середины XIX в.

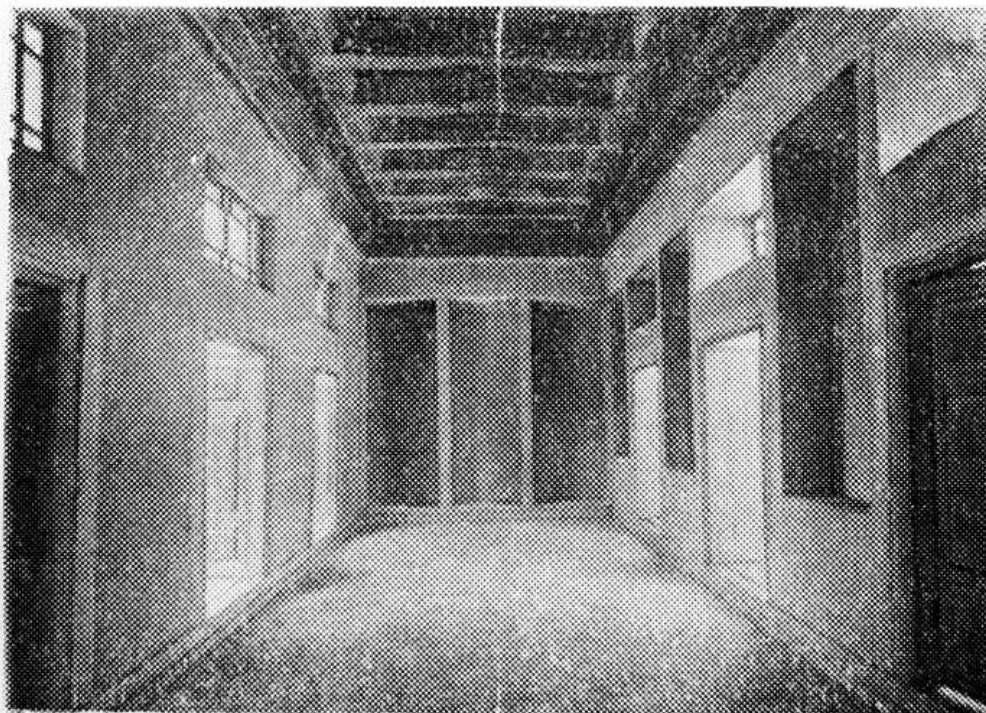

Рис. 20. Мехмонхона с дверями-ставнями в обеих длинных стенах для сквозной вентиляции. Богатый дом в Сузангаронской части. Фото Н. П. Завалина.

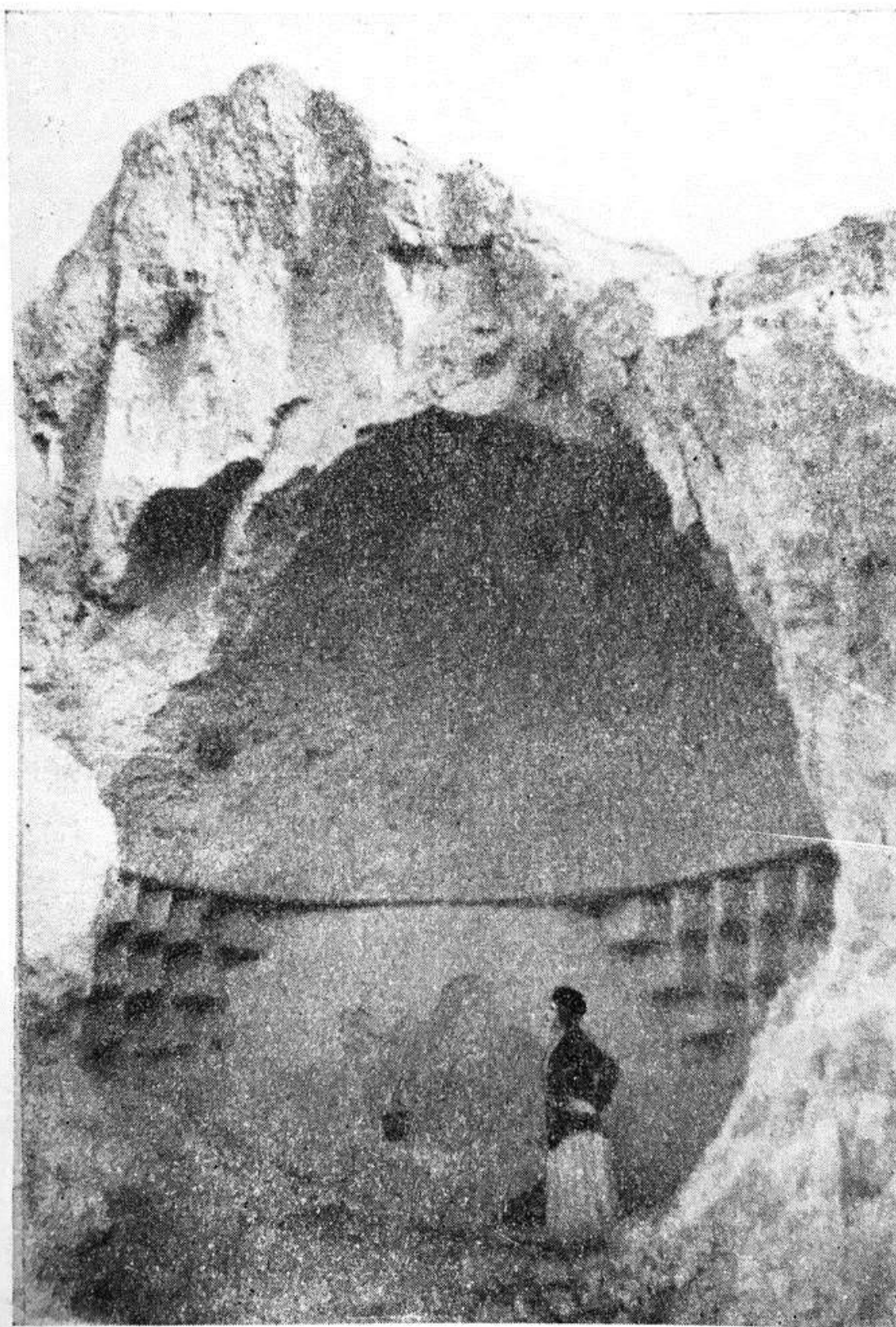

Рис. 21. Пещера с купольным сводом в обресе кладбища около к. Махау в пригороде Самарканда.

Рис. 22. Мечеть Ходжа-Несбатдор по Сузангаронской улице. Построена около 1901 г. Вид на аф-
ван с юго-востока.

Рис. 23. Вид со двора на айван мечети Хаммоми-Арк. Справа в ограде виден старый заложный вход во двор, слева — новый, пробитый в стене айвана на месте бывшего михраба.

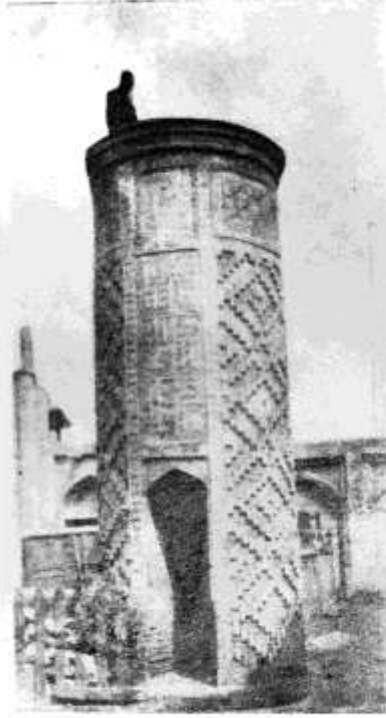

Рис. 24. Минарет при мечети Карабай Аксакал, построенный в 1908 г. усто Шамсидином и усто Абдукодиром (верхняя часть разобрана).

Рис. 25. Минарет при мечети Кошхавз, облицованный изразцами. Начало XX в. Работа усто Абдукодира.

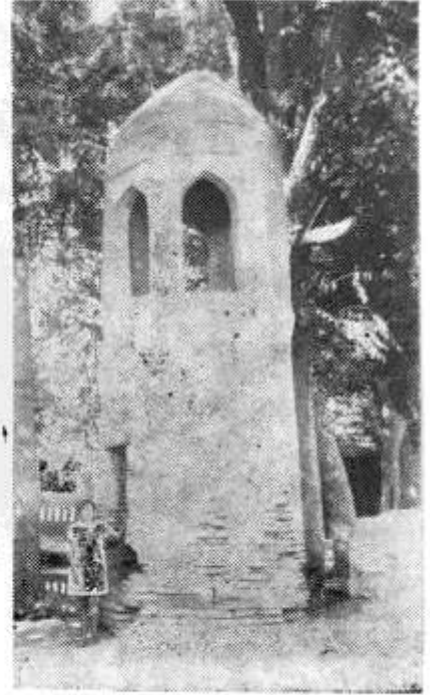

Рис. 26. Минарет при мечети Емини. Построен в XIX в.

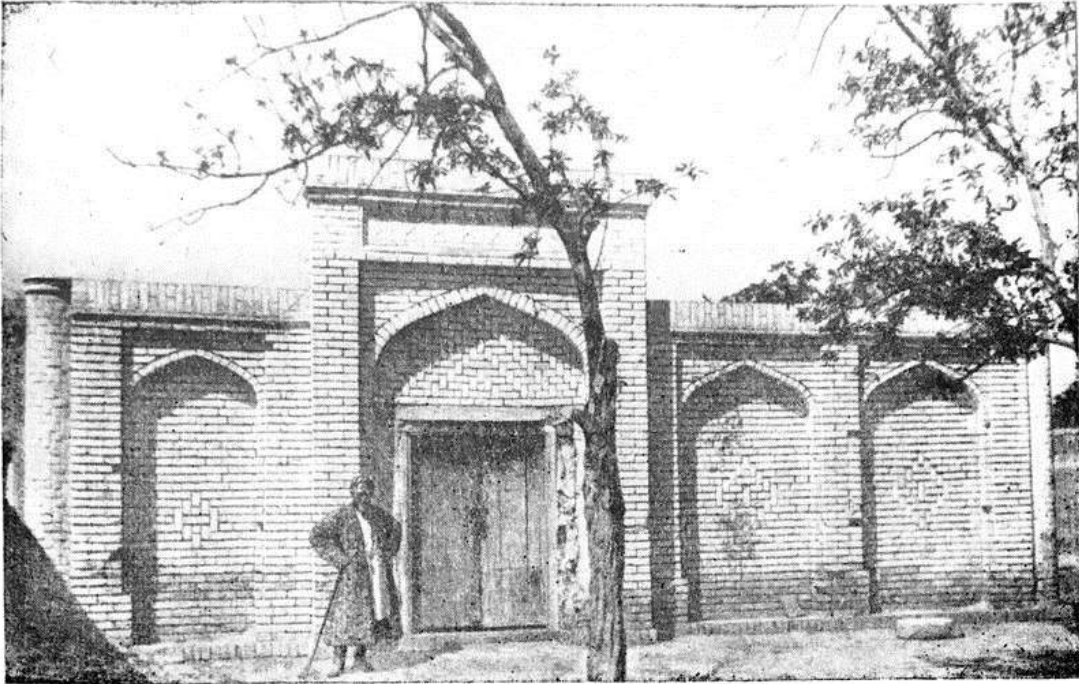

Рис. 27. Тахоратхона при мечети Каландархона, постронная в конце первого десятилетия XX в. усто Абдурашидом Джалиловым (стоит у двери).

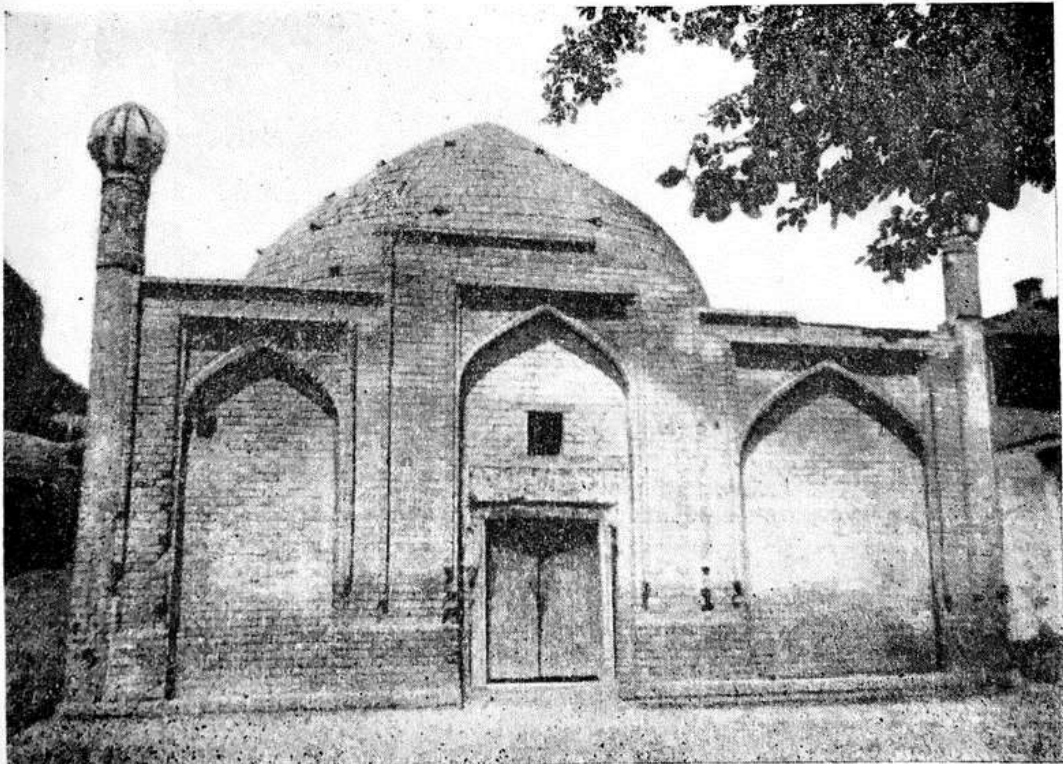

Рис. 28. Тахоратхона при мечети Хавзи-Баланд. Построена в начале XX в. усто Рофи.

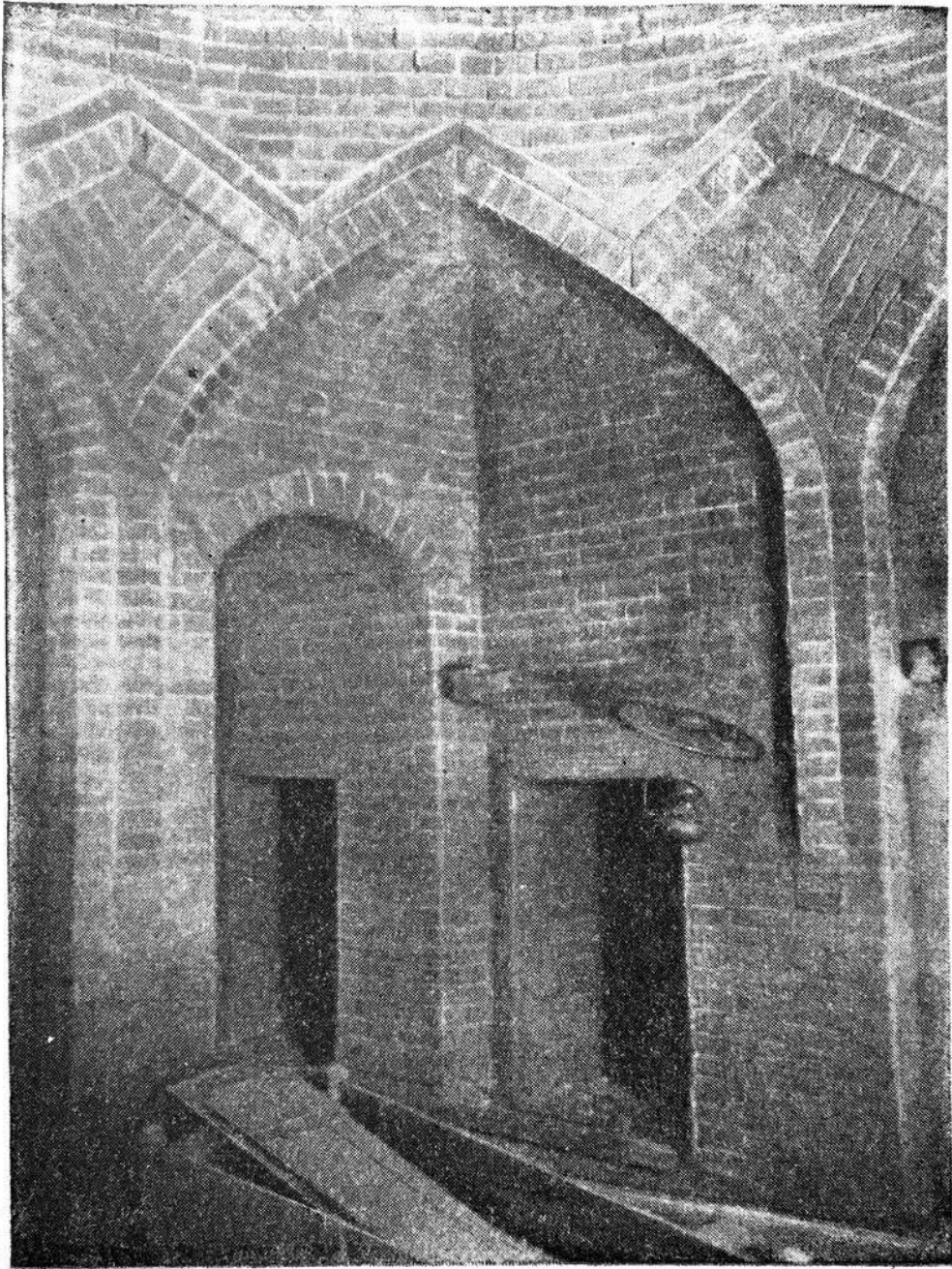

Рис. 29. Тахоратхона при мечети Хавзи-Баланд. Построена в начале XX в. усто Рофи. Интерьер.

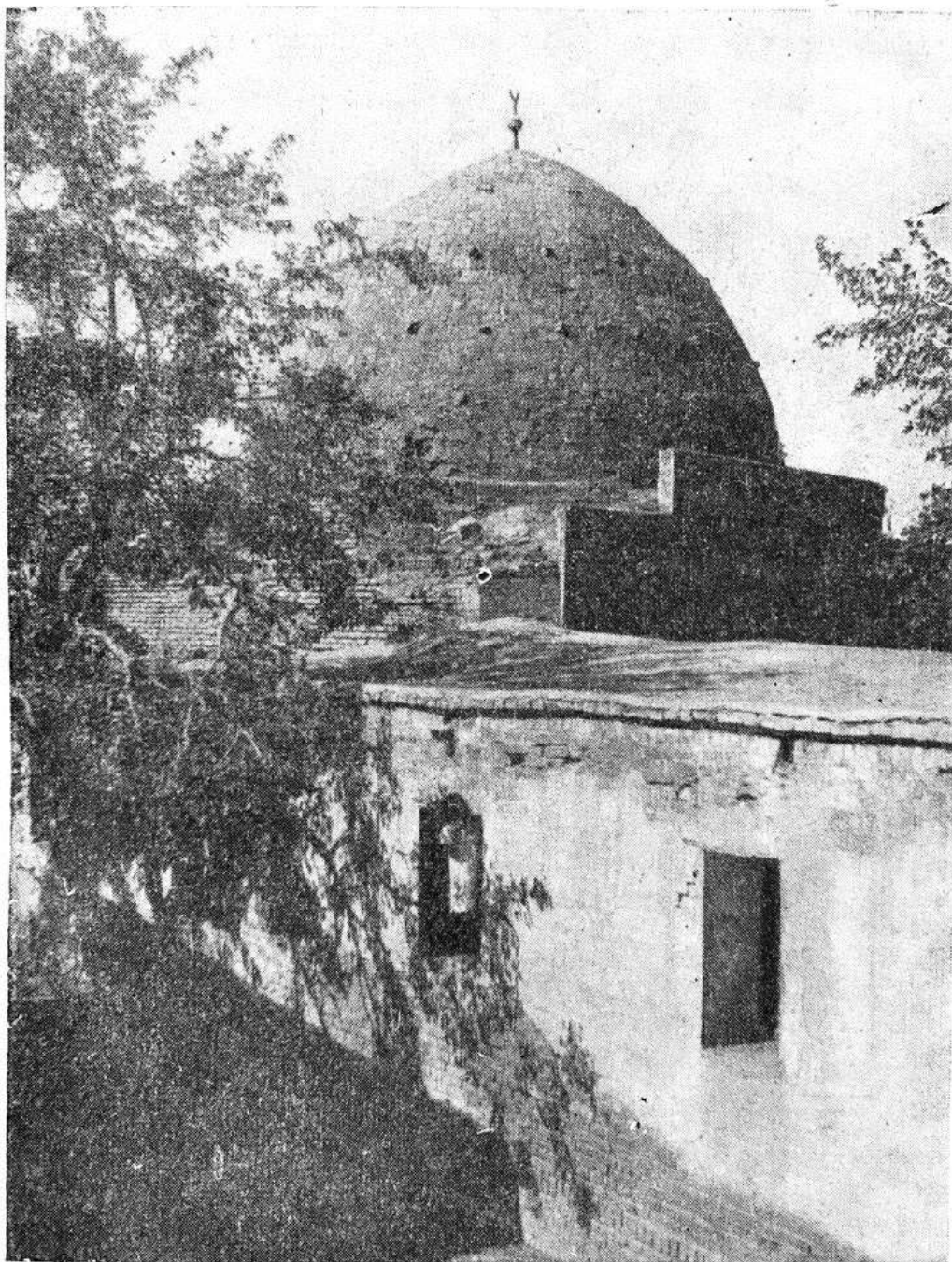

Рис. 30. Мечеть Зомини. Вид с улицы на зимнее помещение хонако, перекрытое куполом.

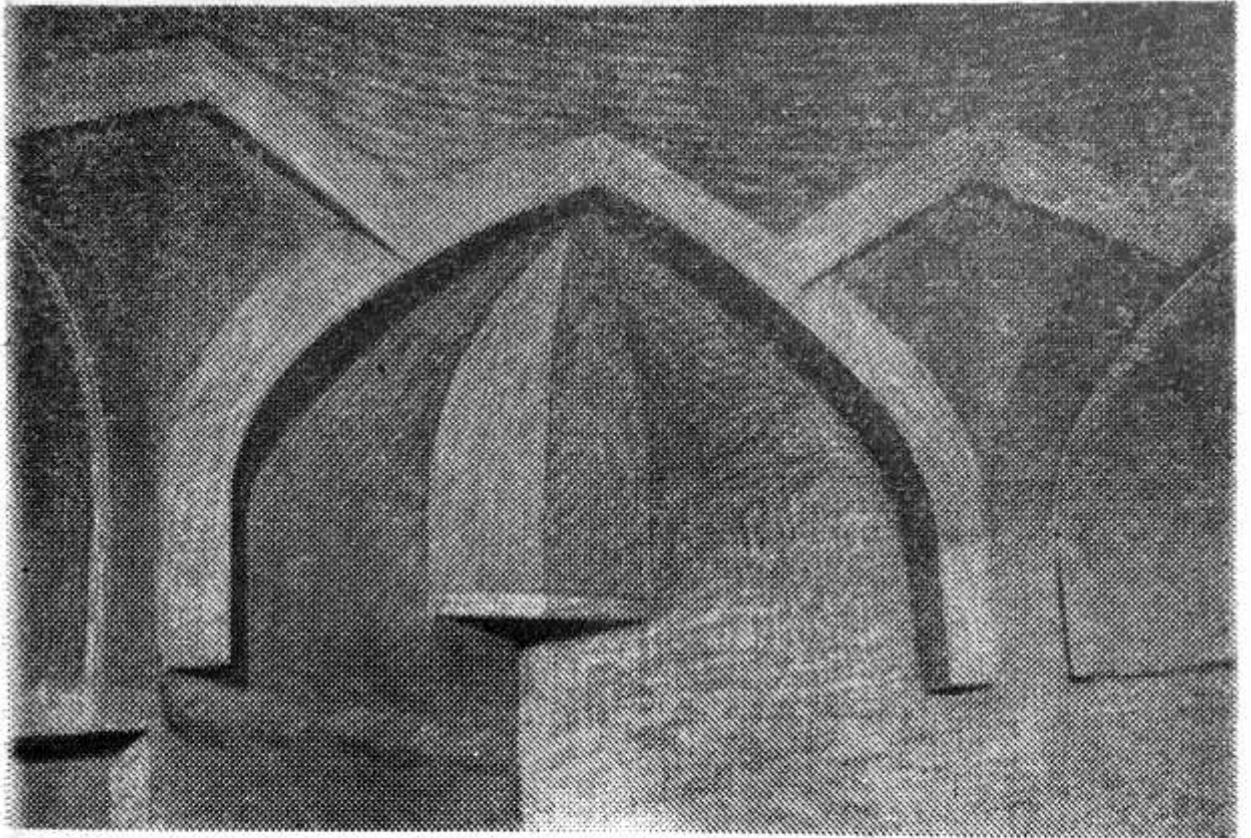

Рис. 31. Мечеть Каландархона. Оформление арками перехода от квадрата стен к окружности купола.

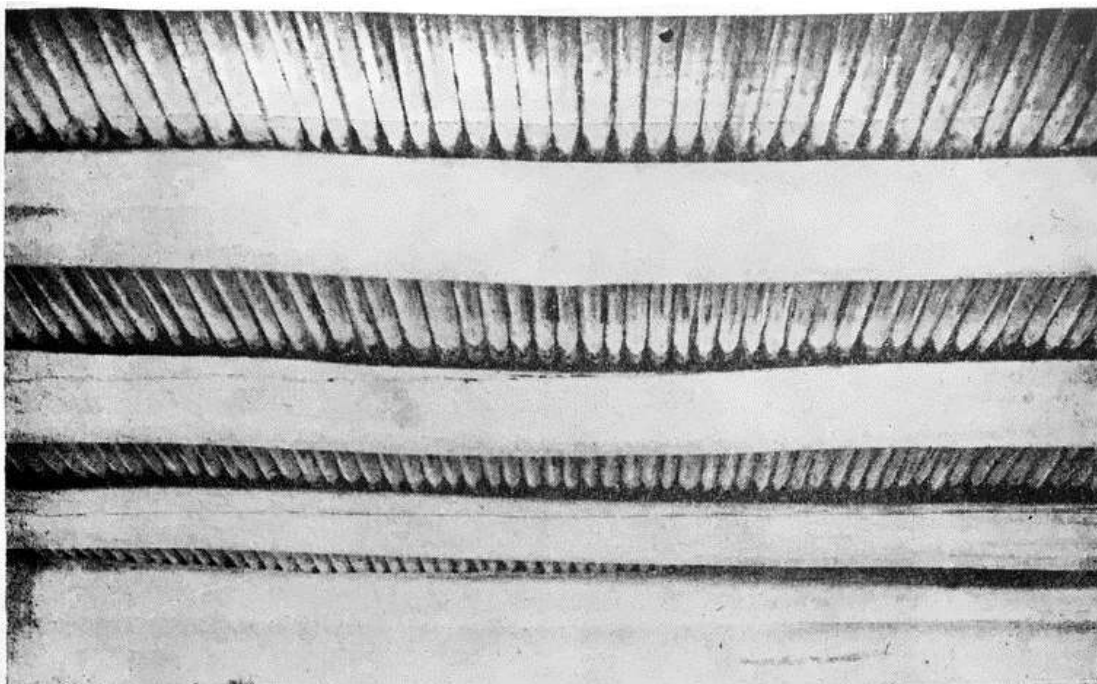

Рис. 32. Потолок с балками круглого сечения одной из худжр медресе Ширдор.

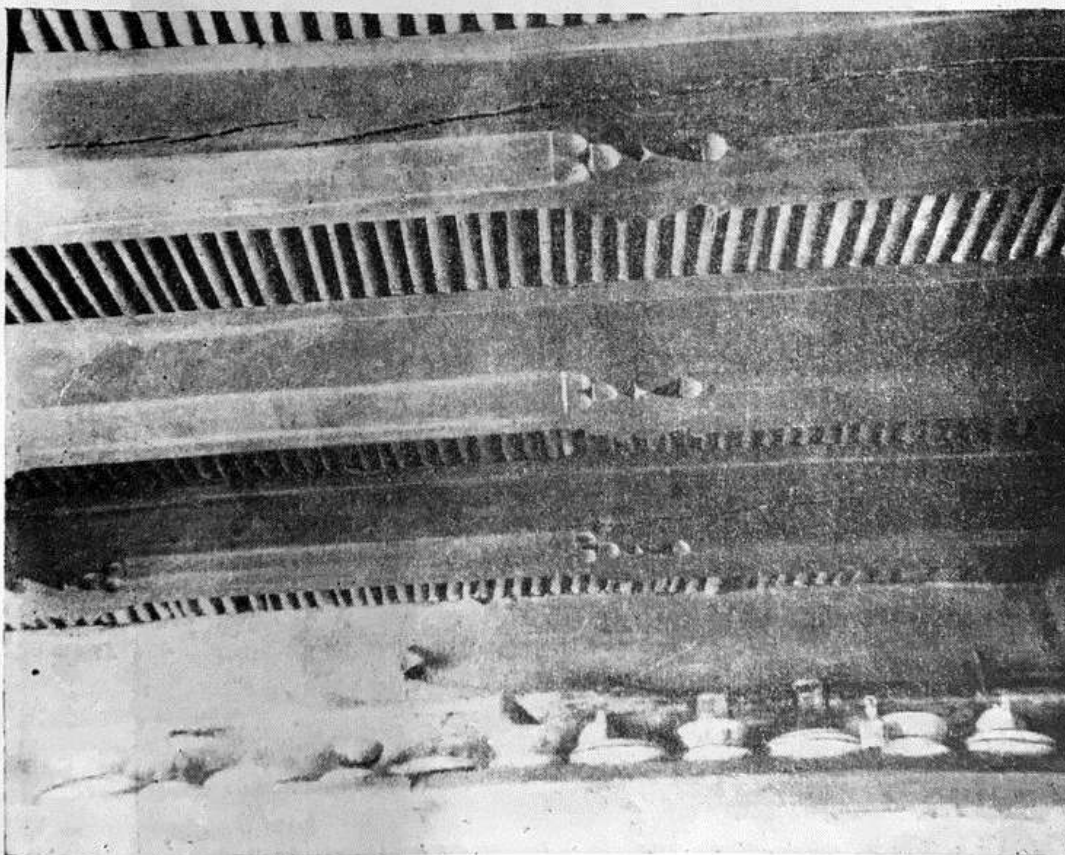

Рис. 33. Оформление среза ребра в средней части потолочной балки прямоугольного сечения. Бывший дом Хасана Извозчи в гузаре Боги-Баланд.

Рис. 34. Потолок с дощечками, имитирующими тонкие весы, в комнате, построенной около середины XIX в. в доме Шамсиддина Турбева в гузаре 1-й Мулюк.

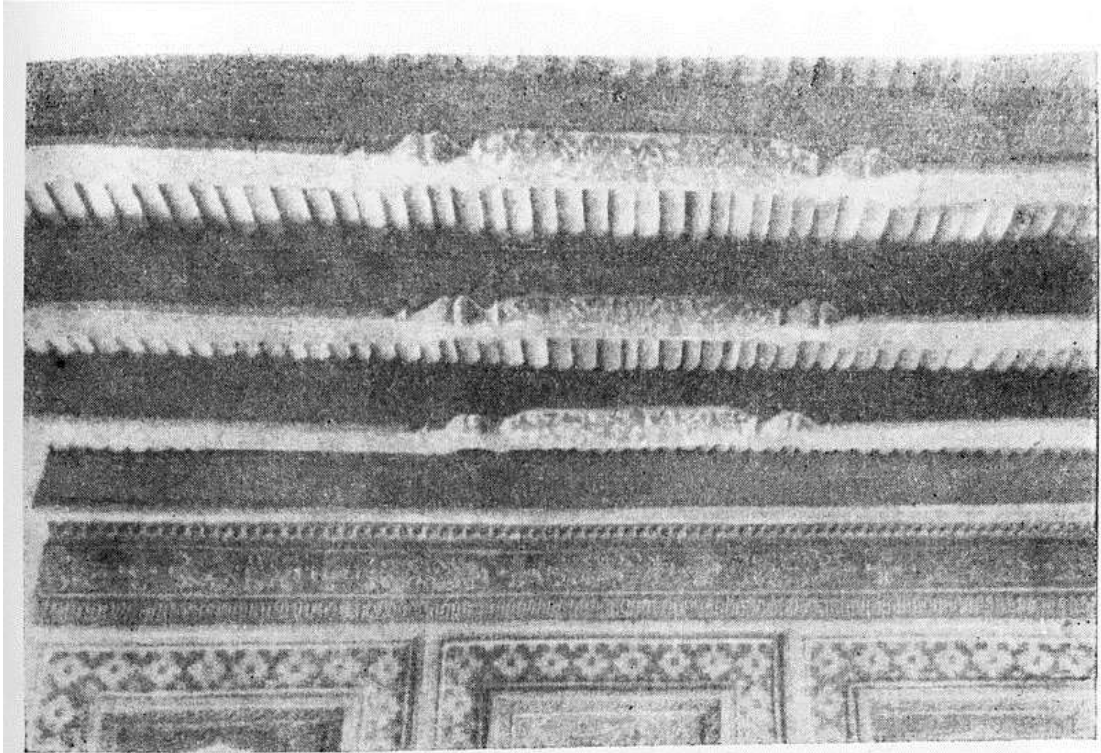

Рис. 35. Потолок в комнате, построенной в начале 80-х годов XIX в. в доме Шамсиддина Тураева, в гузаре 1-й Мулиён.

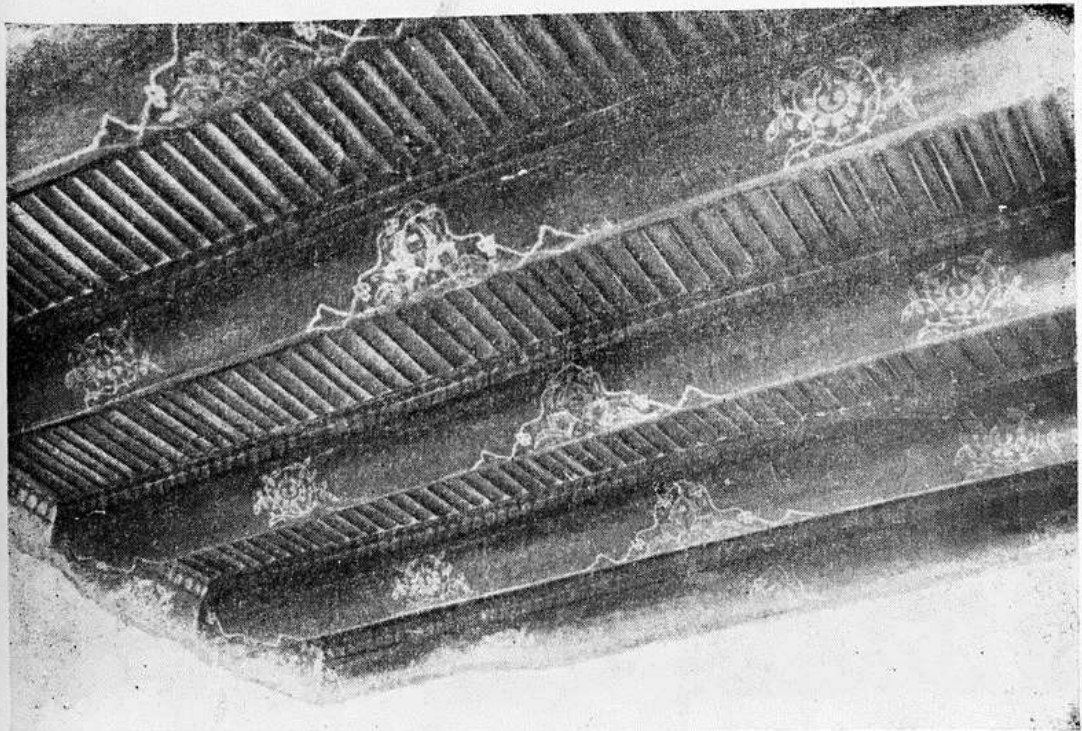

Рис. 36. Потолок с балками килевидного сечения в бывшем доме Абдурахмона Фозилджонова, построенном в 90-х годах XIX в.

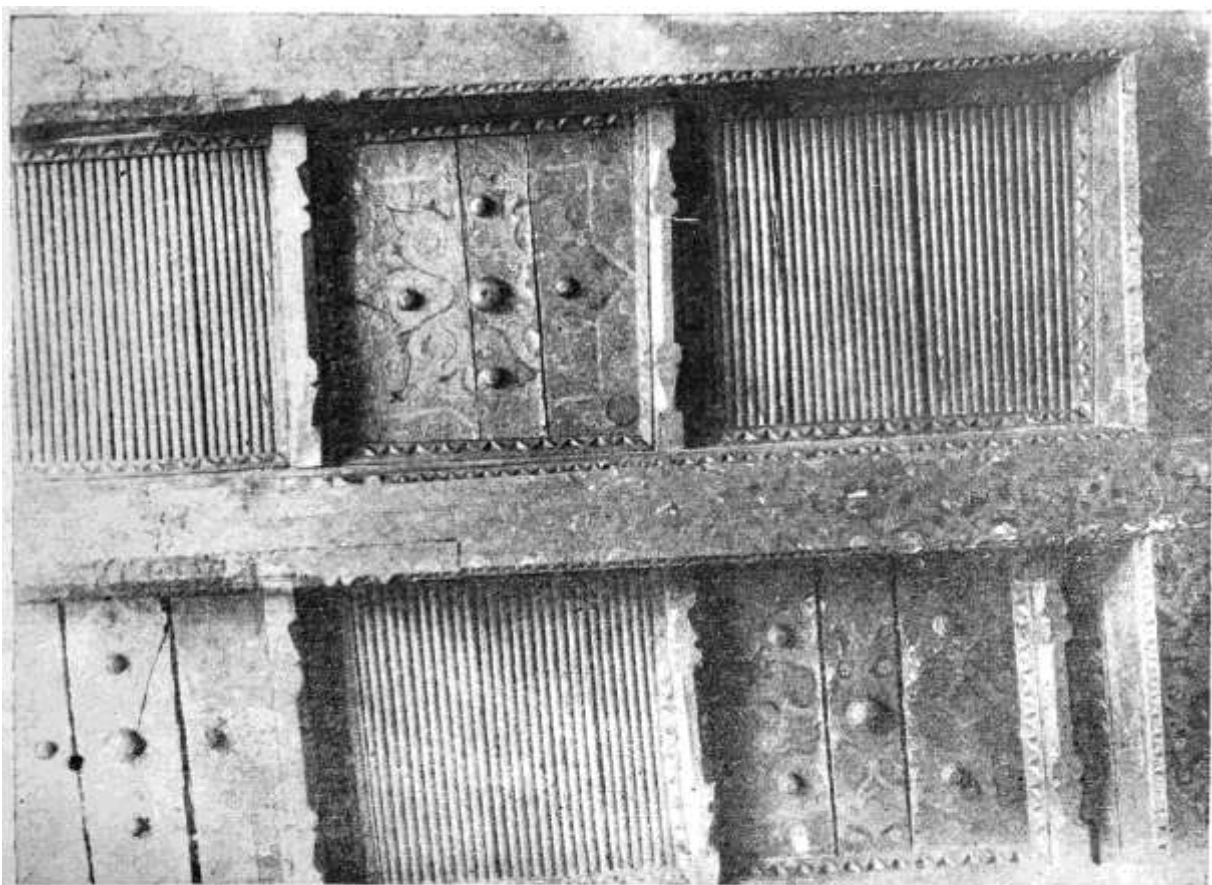

Рис. 37. Старинный потолок в жилом доме в Гиждуване. XIX в.

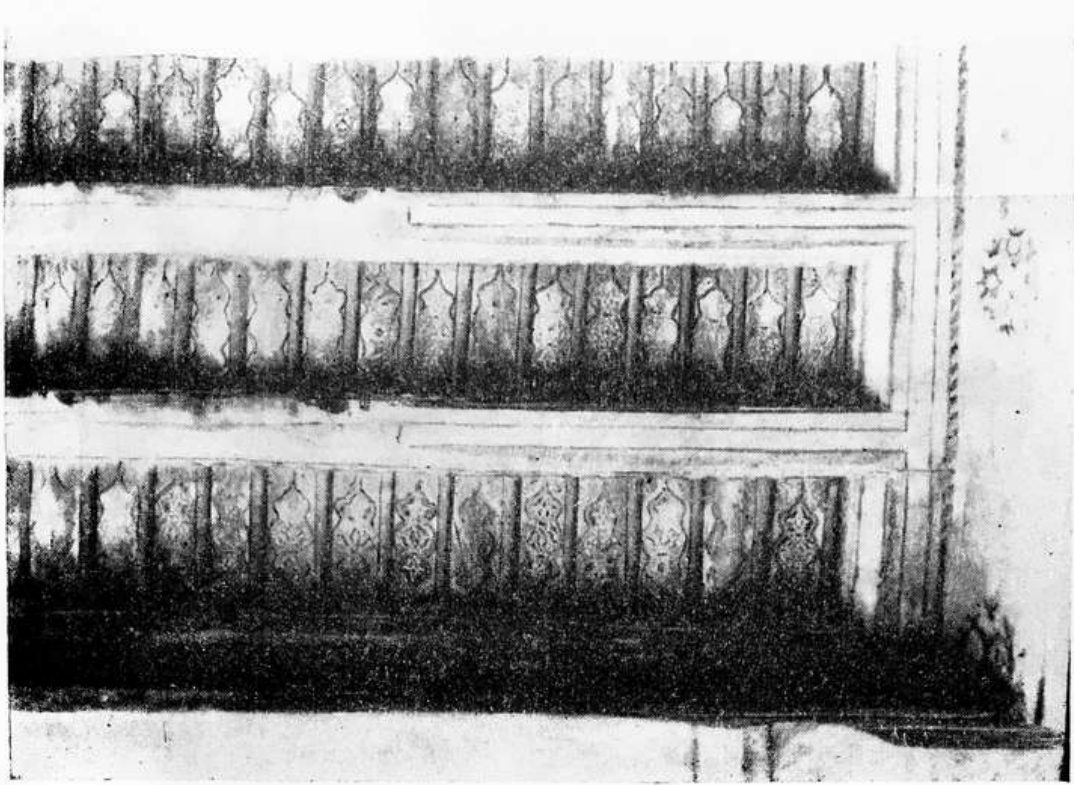

Рис. 38. Потолок, перекрытый вместо васса расписными дощечками — тахта мунаббат, на айване мечети Хавзи-Баланд. Построена в 1870 г. (1286 г. х.).

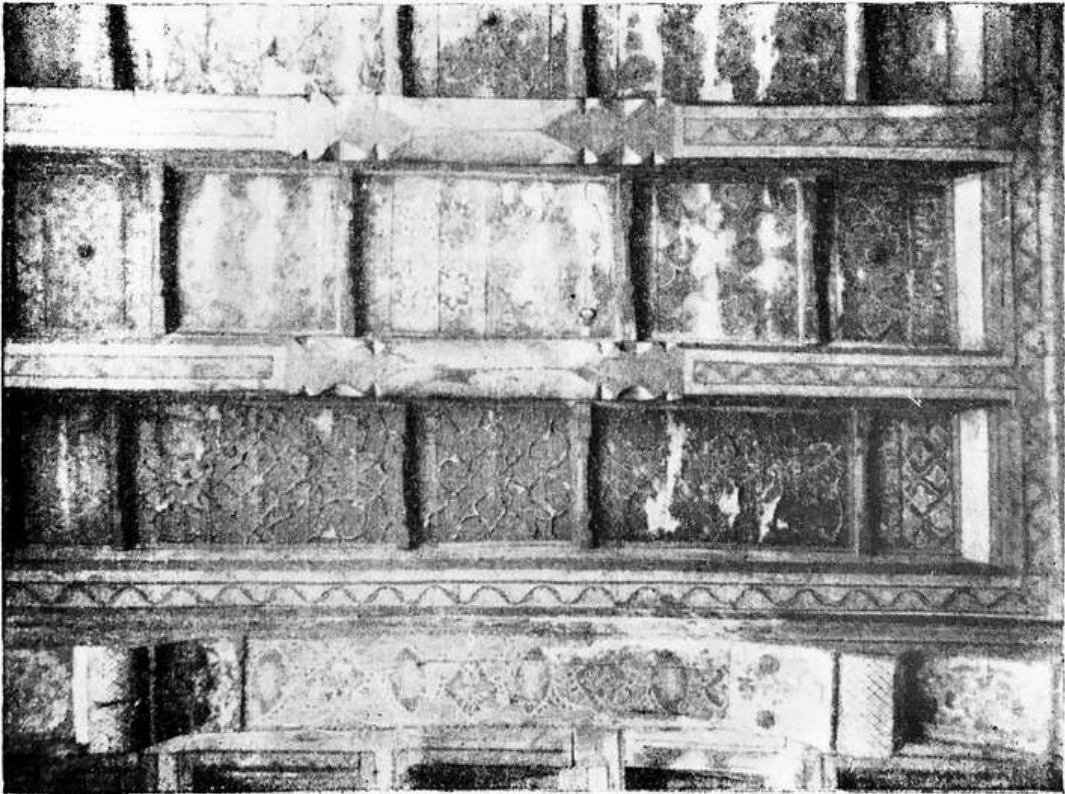

Рис. 39. Потолок типа тахта норбона на айване мечети Хавзи-Баланд. Построена в 1870 г. (1286 г. х.).

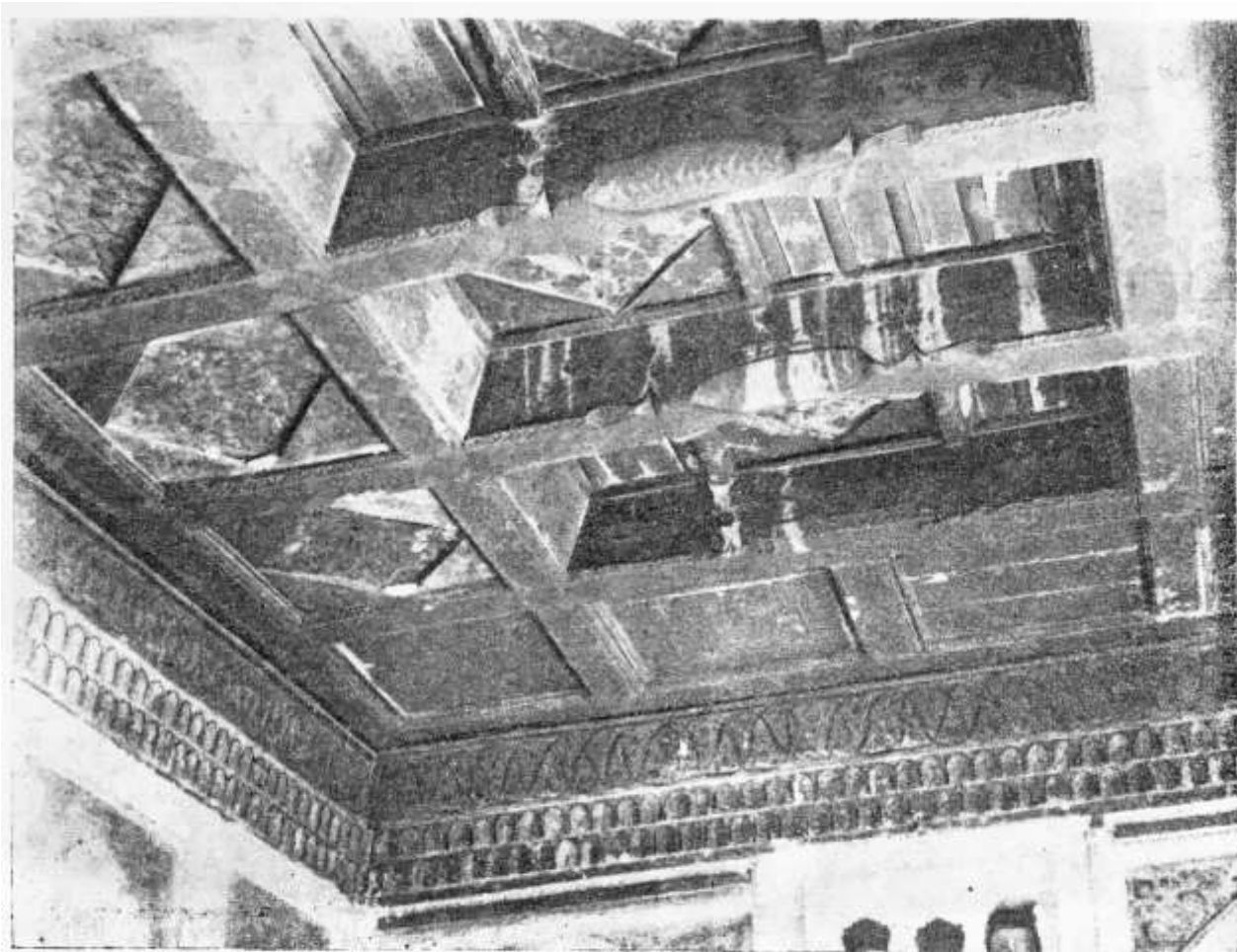

Рис. 40. Потолок типа кушкабзи в доме Мир-Азиза в гузаре Кургонча. Дата росписи 1874 г. (1291 г. х.).

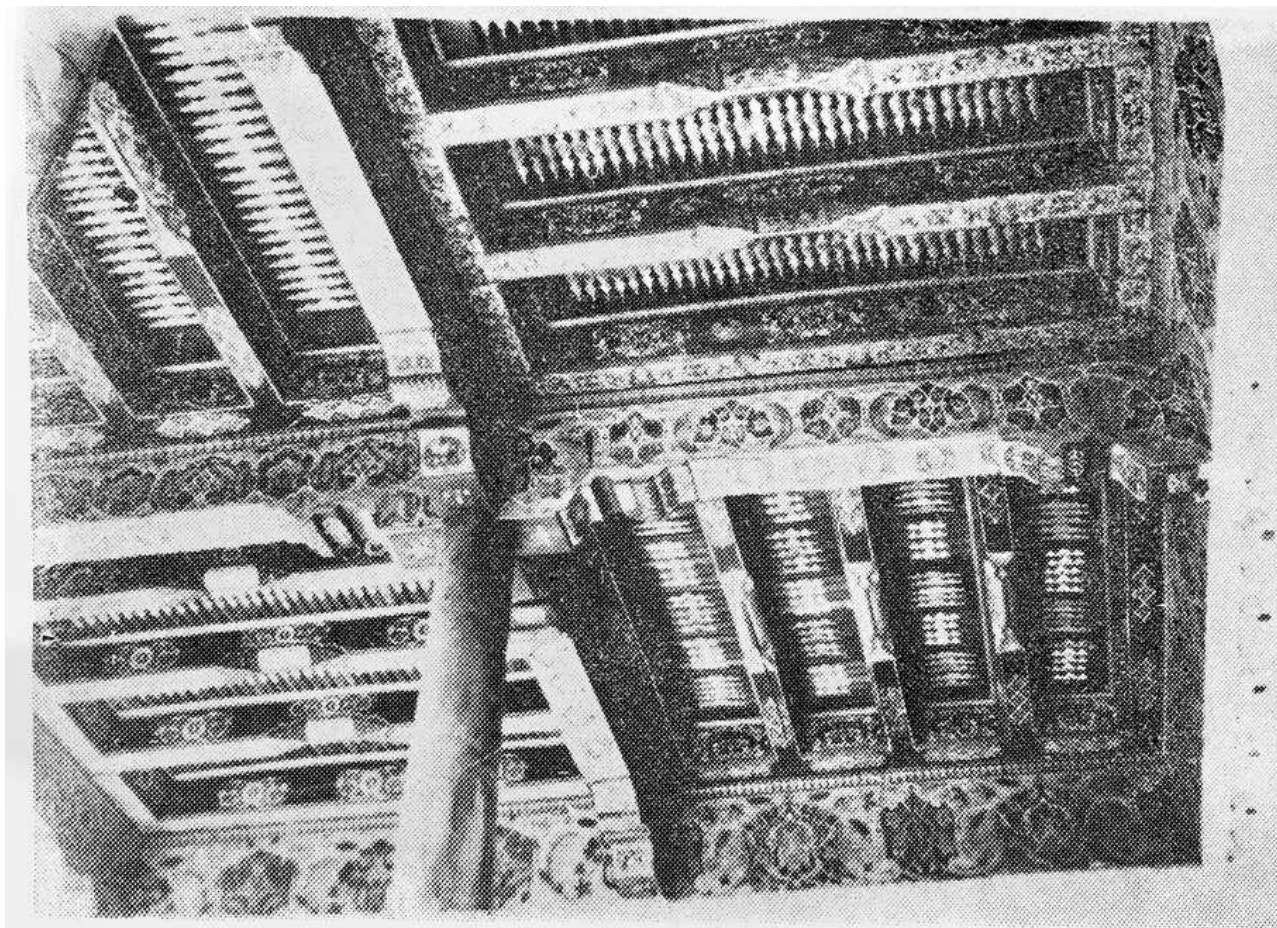

Рис. 41. Расписной потолок одной из кварталных мечетей. Конец XIX—начало XX в. Фото И. П. Завалина.

Рис. 42. Роспись потолка старой части айвана мечети при мавзолее
Ходжа-Абди-Дарун. 70-е годы XIX в.

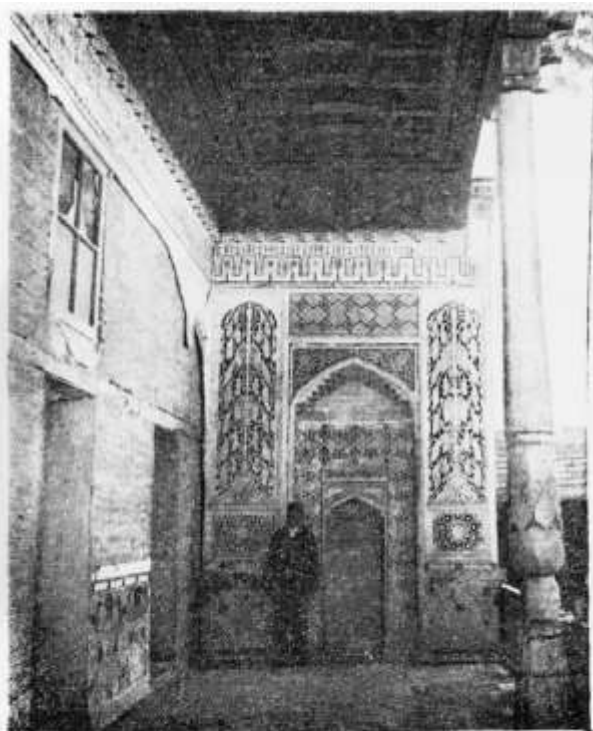
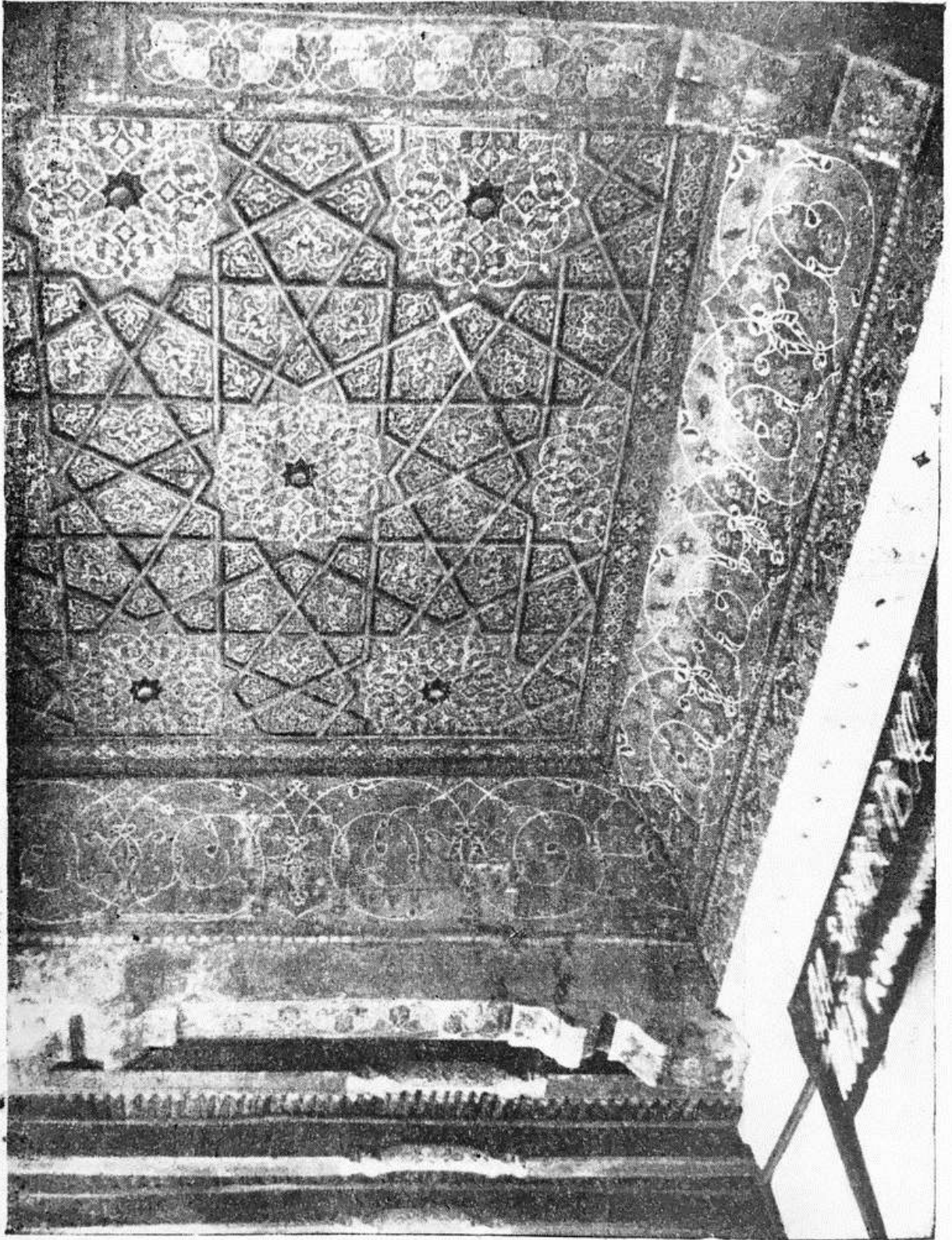

Рис. 43 Северное крыло айвана мечети при мавзолее
Ходжа-Абди-Дарун. 1910 г. (1328 г. х.).

Гис. 44. Мечеть Карабай-Аксакал. Расписной дощатый угловой квадрат айвана. Начало XX в. Работа усто Махмуда и усто Нанма.

Рис. 45. Штукатурный орнаментированный потолок в доме Мир-Вафобая. Конец XIX—начало XX в.

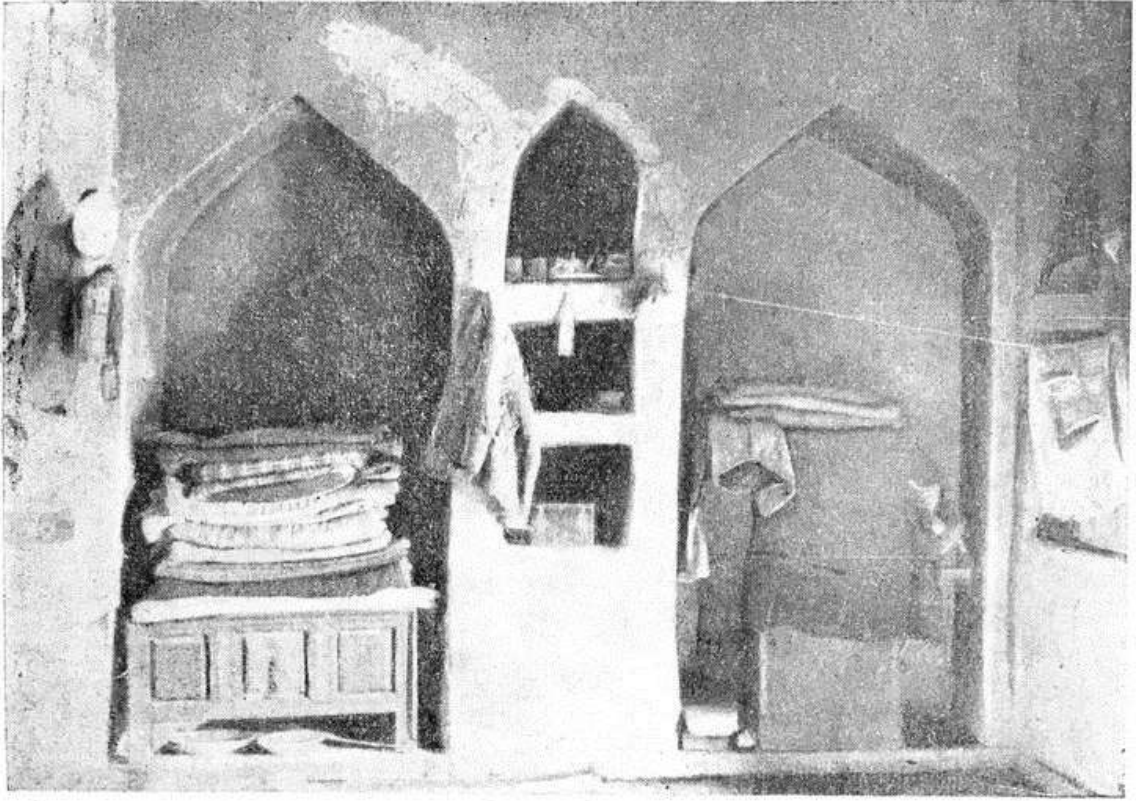

Рис. 46. Торцовая стена комнаты с двумя большими нишами в доме Азима Шарифова в гузаре Боги-Баланд.

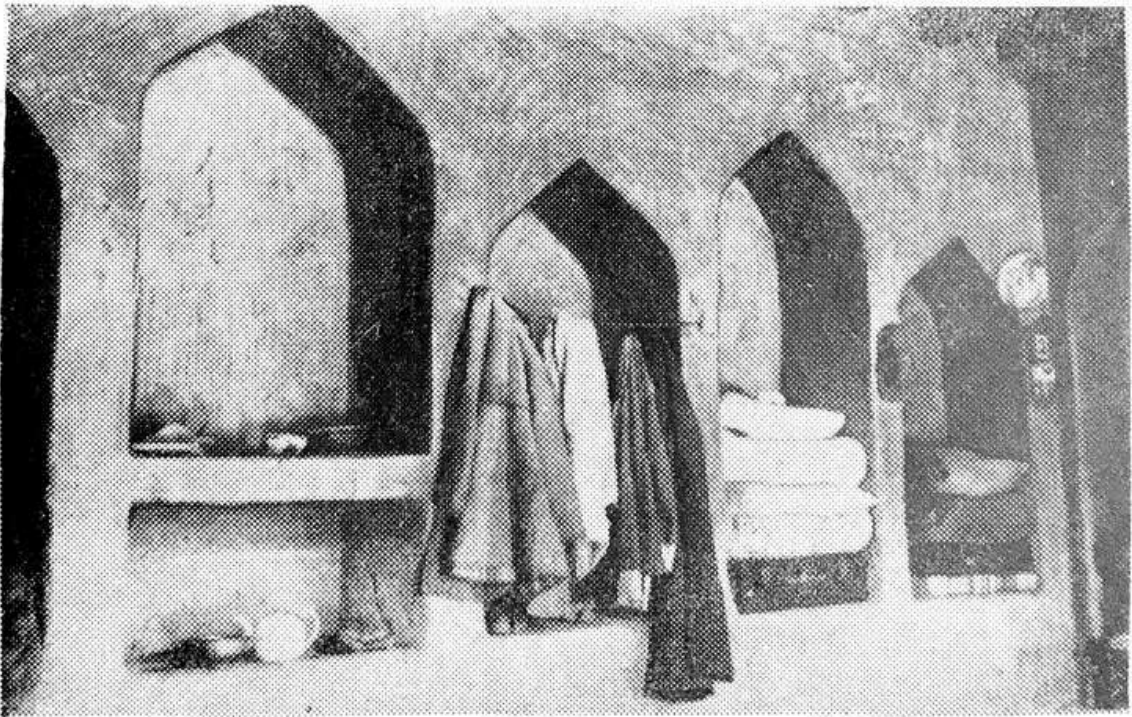

Рис. 47. Длинная стена с нишами разной высоты в доме Азима Шарифова.

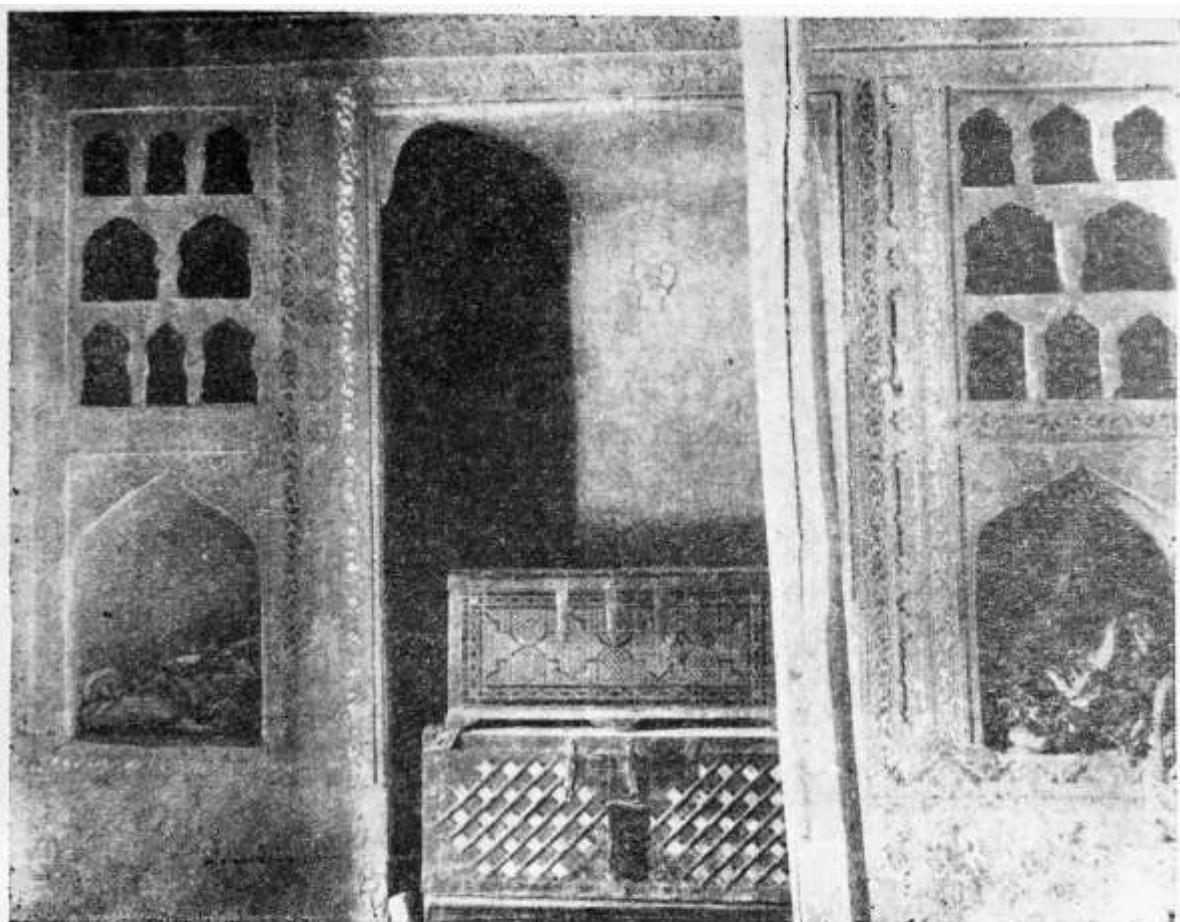

Рис. 48. Торцовая стена с нишами в комнате, построенной около середины XIX в., в доме Шамсиддина Тураева в гузаре 1-й Мулкии.

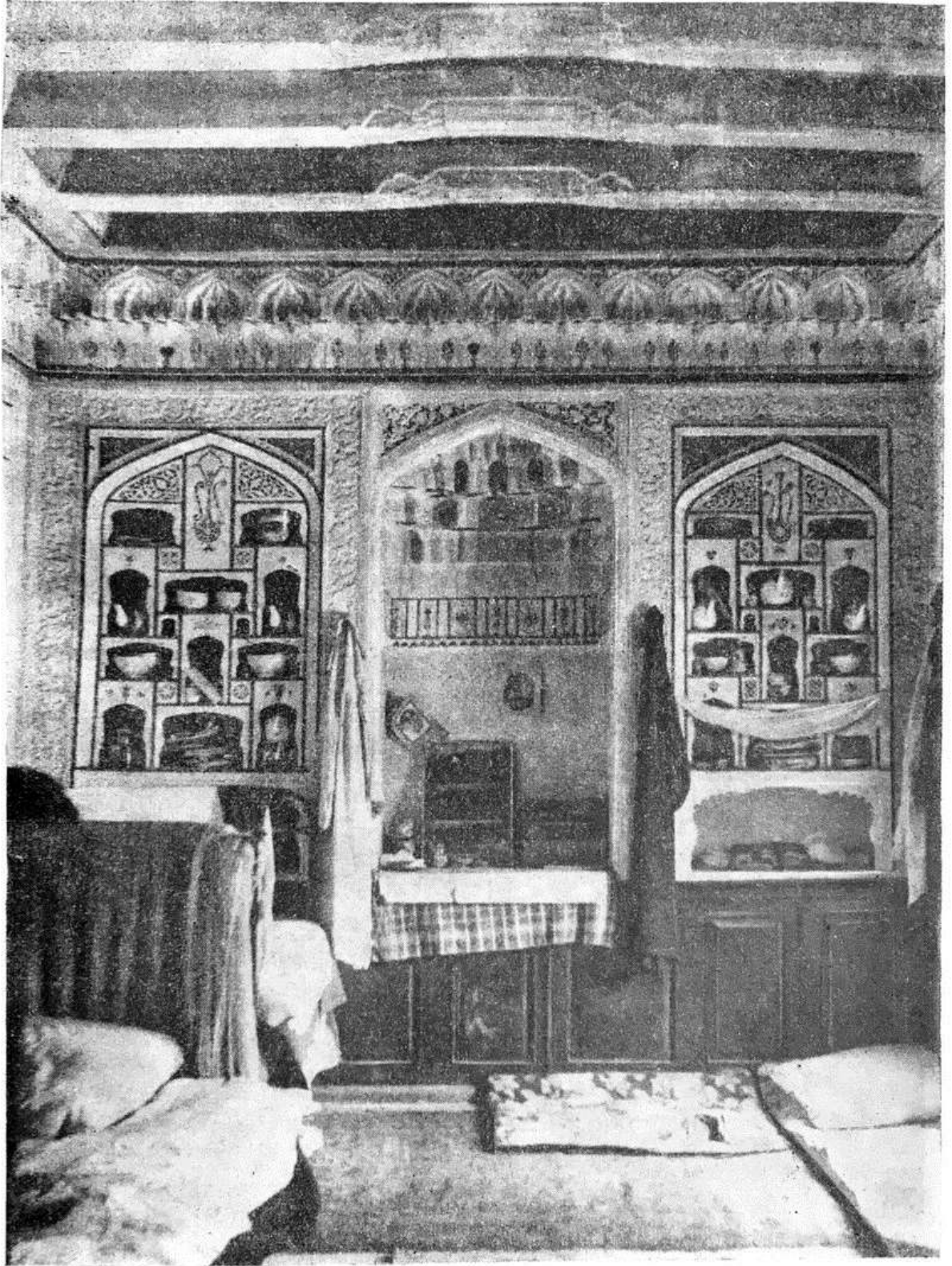

Рис. 49. Торцовая стена с нишами в доме Ходжи Мама-Юусова в гузаре Ёмини. Внизу деревянная панель «сандика». Работы по ганчу выполнены в начале XX в. бухарцем усто Абдуджалилом.

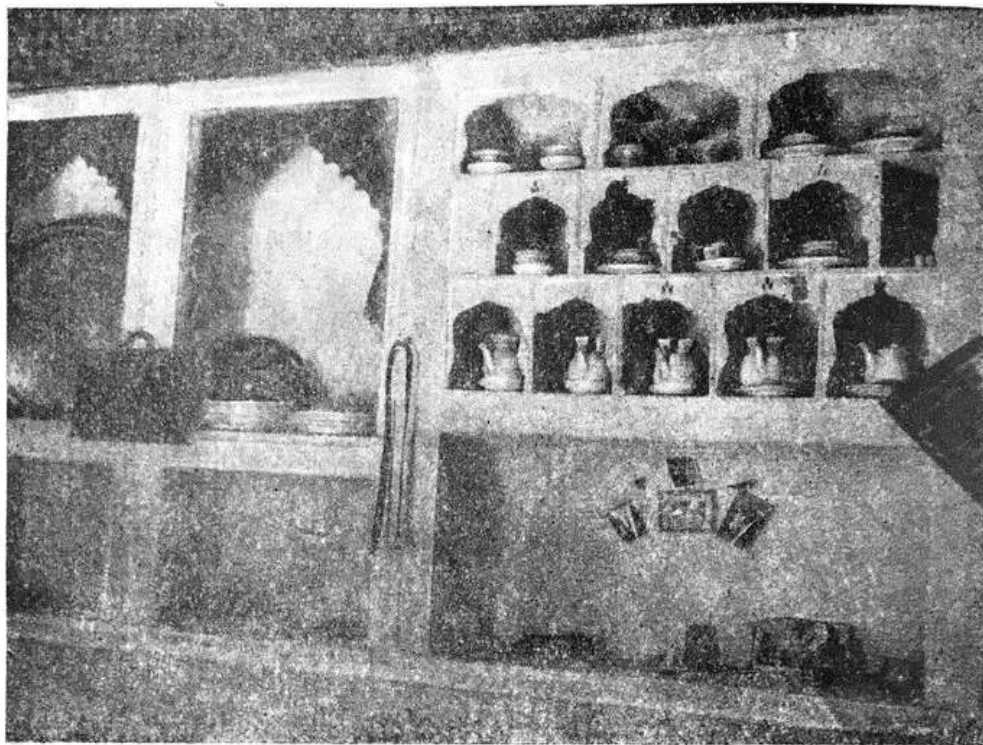

Рис. 50. Длинная стена с нишами в доме Вафо Зокирова в **гузаре Кургонча.**

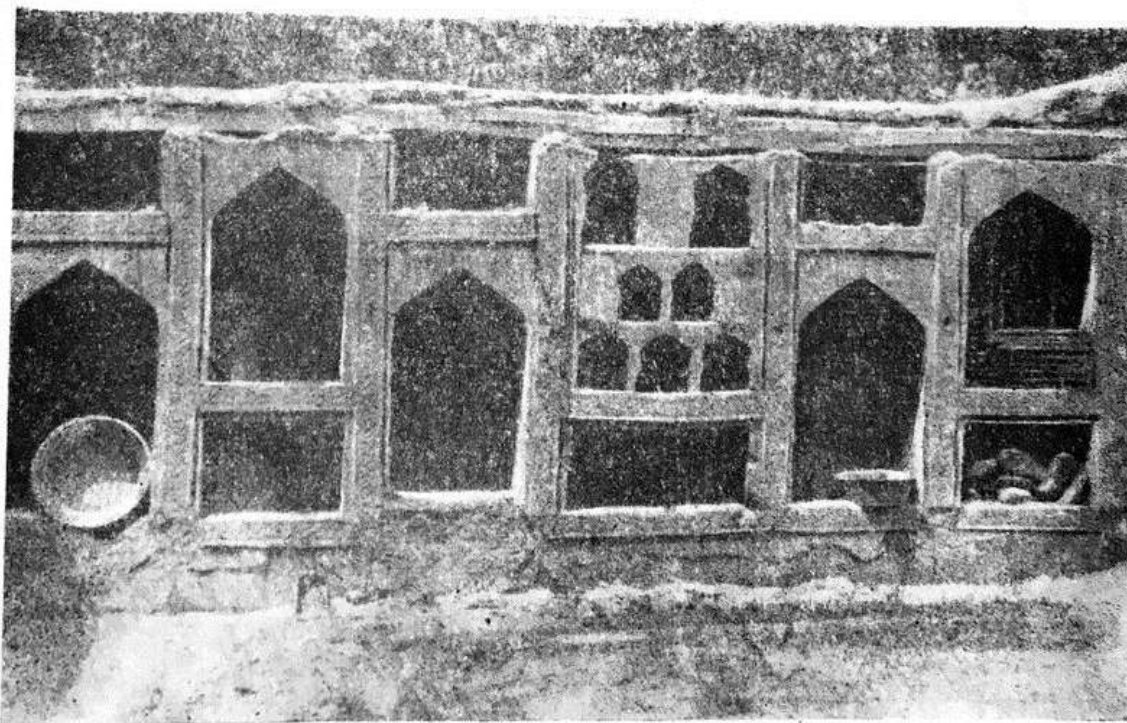

Рис. 51. Стена с нишами и с орнаментом из штампованных полос, сохранившихся от постройки середины XIX в. Дом Махдихана Кори в **гузаре 2-й Ургут.**

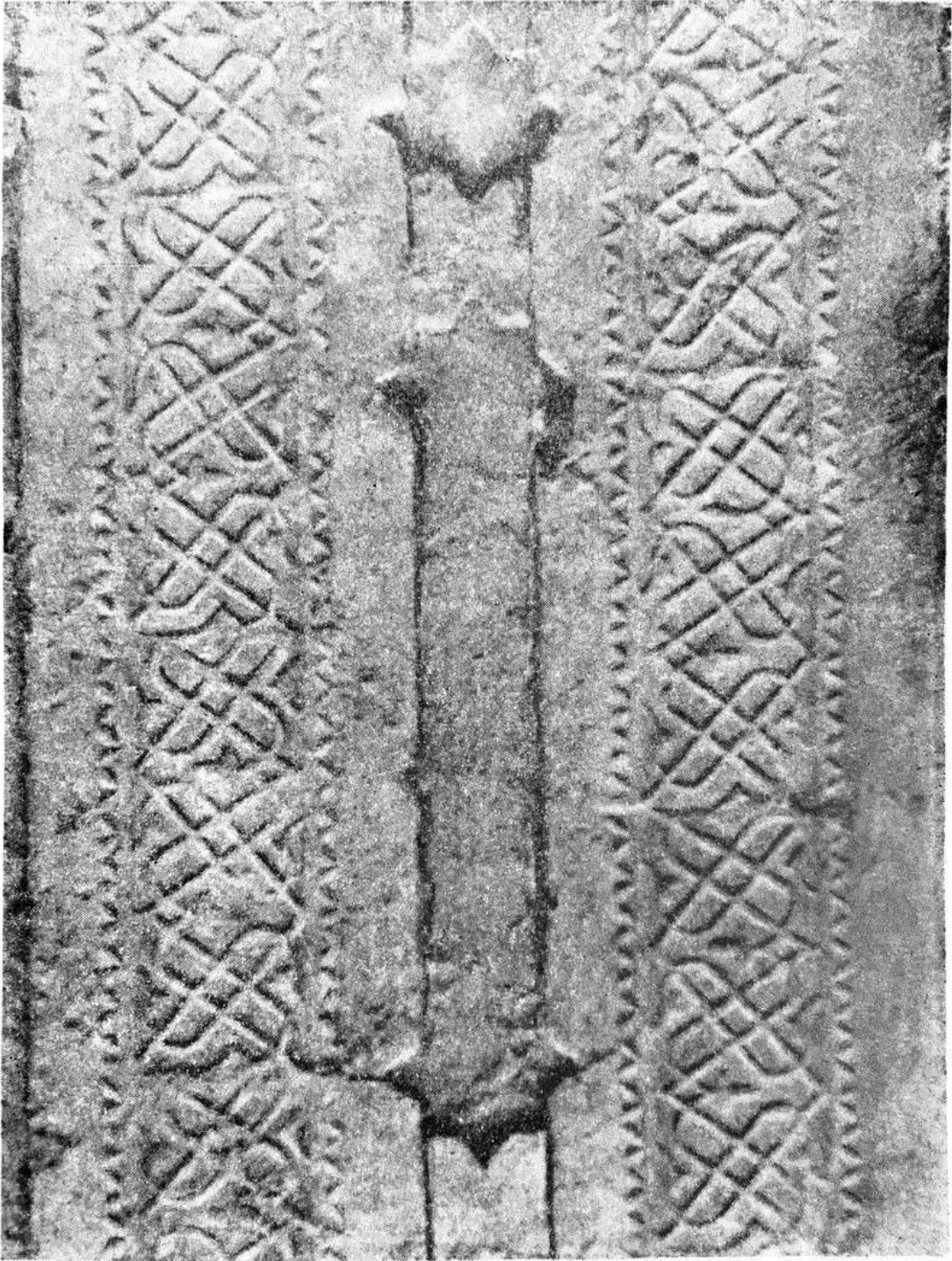

Рис. 52. Узор, оттиснутый штампом по тузгоковой штукатурке, в доме Махдихана Кори в гузаре 2-й Ургути.

Рис. 53. Узор, оттиснутый штампом по тузгоковой штукатурке, на стене комнаты середины XIX в. в доме Шамсиддина Тураева в гузаре 1-й Мулиён.

Рис. 54. Небольшие резные панно без разделки поверхности резьбы на щеле ниши михраба в зимнем помещении мечети Боги-Майдон. Середина XIX в.

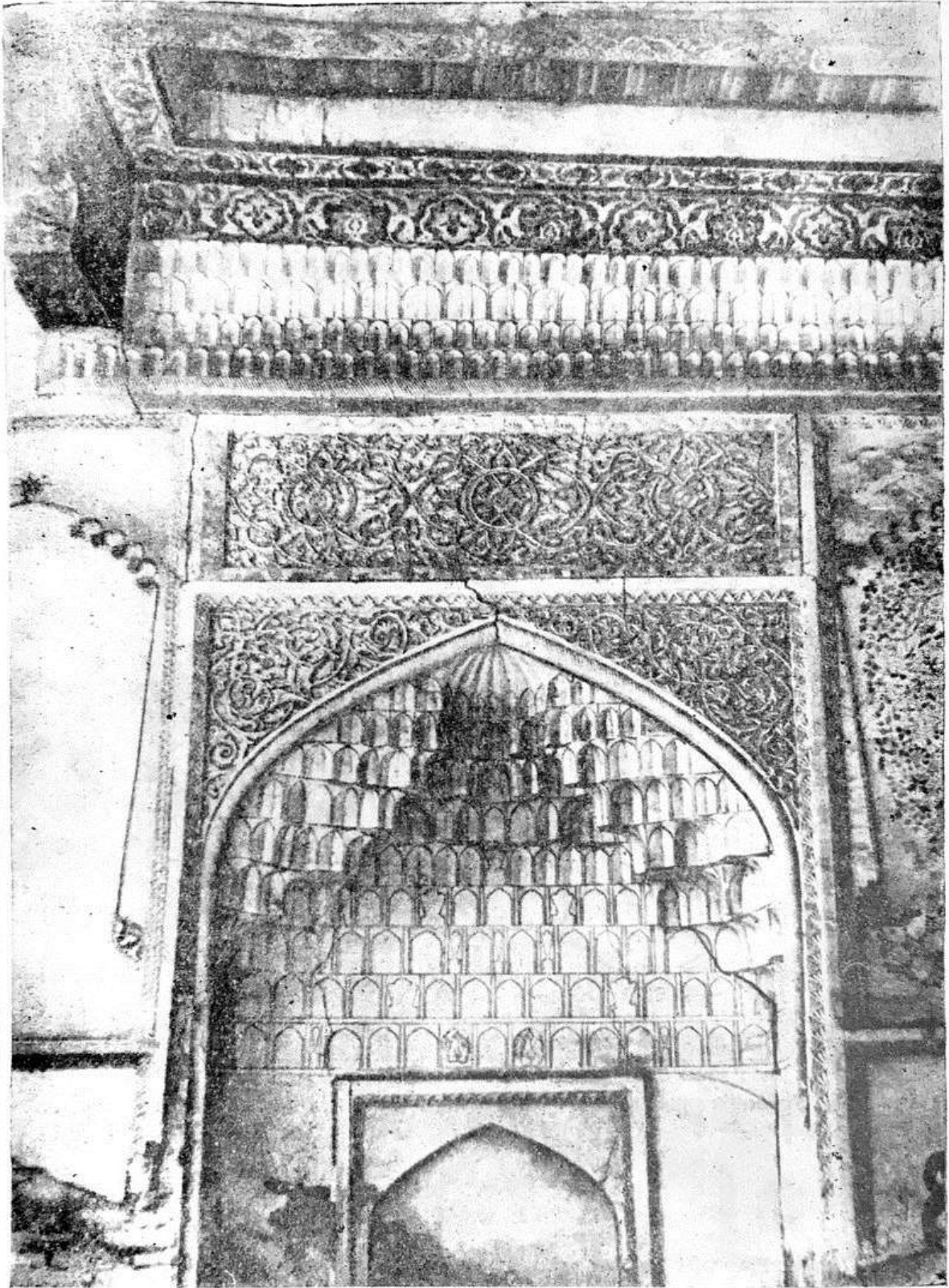

Рис. 55. Резная белая ганчевая декорация над михрабом айвана мечети Хавзи-Сангин, выполненная в технике чока-пардоз. 1864 г.

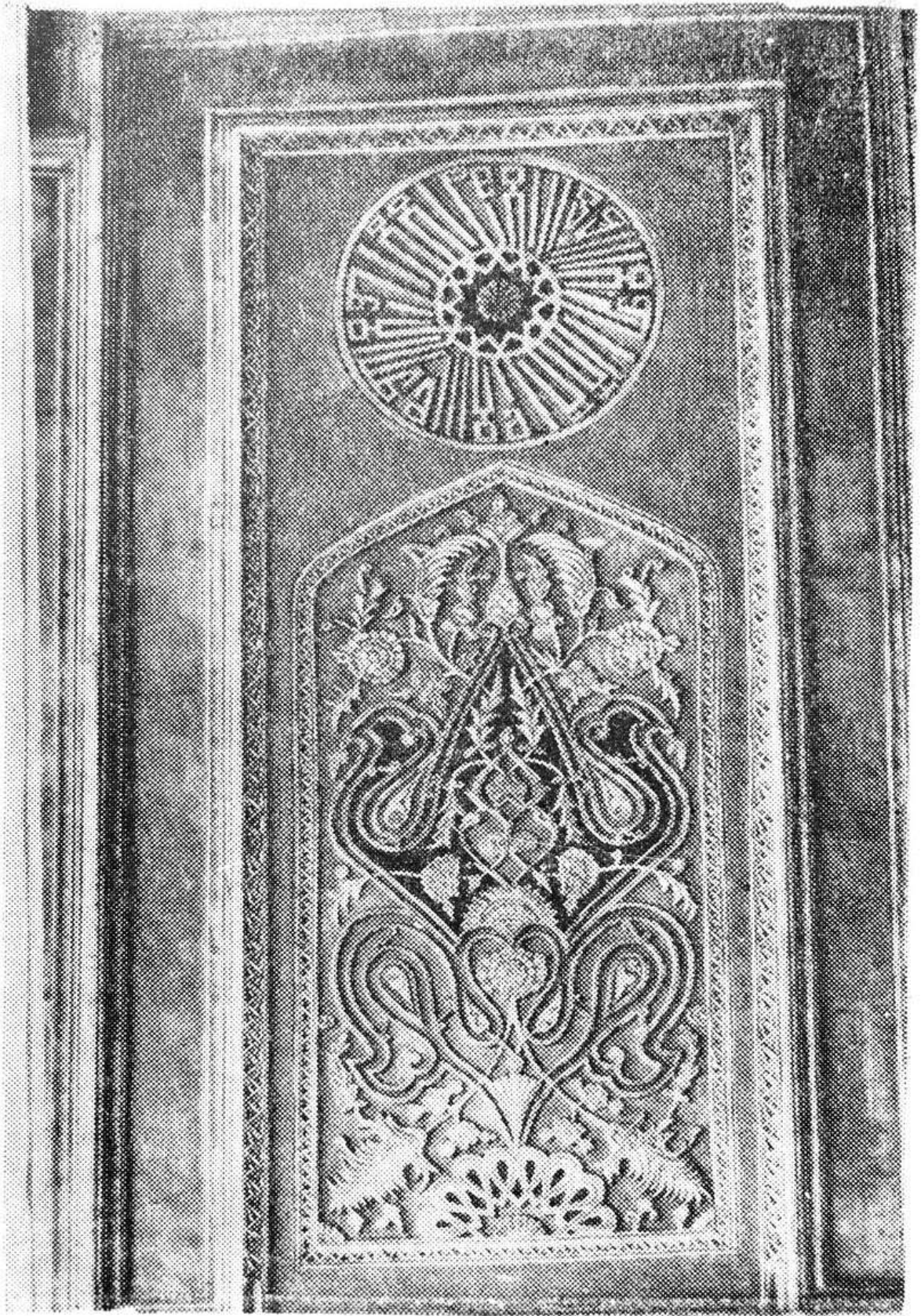

Рис. 56. Резное ганчевое панно на айване мечети Иброхим-Ходжа.
Начало XX в.

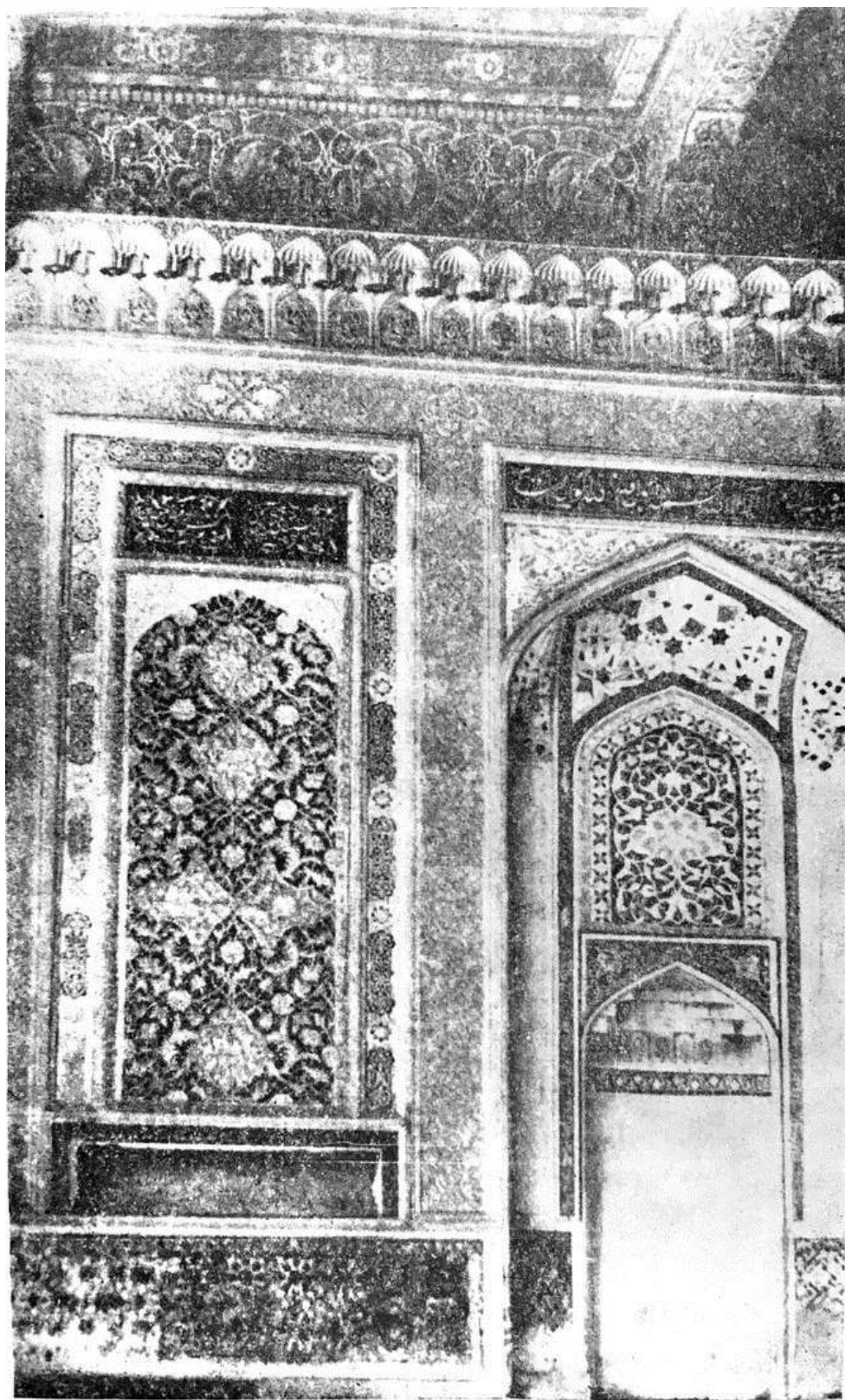

Рис. 57. Западная стена айвана мечети Ходжа-Несбатдор с раскрашенными панно. Дата 1901 г. (1319 г. х.).

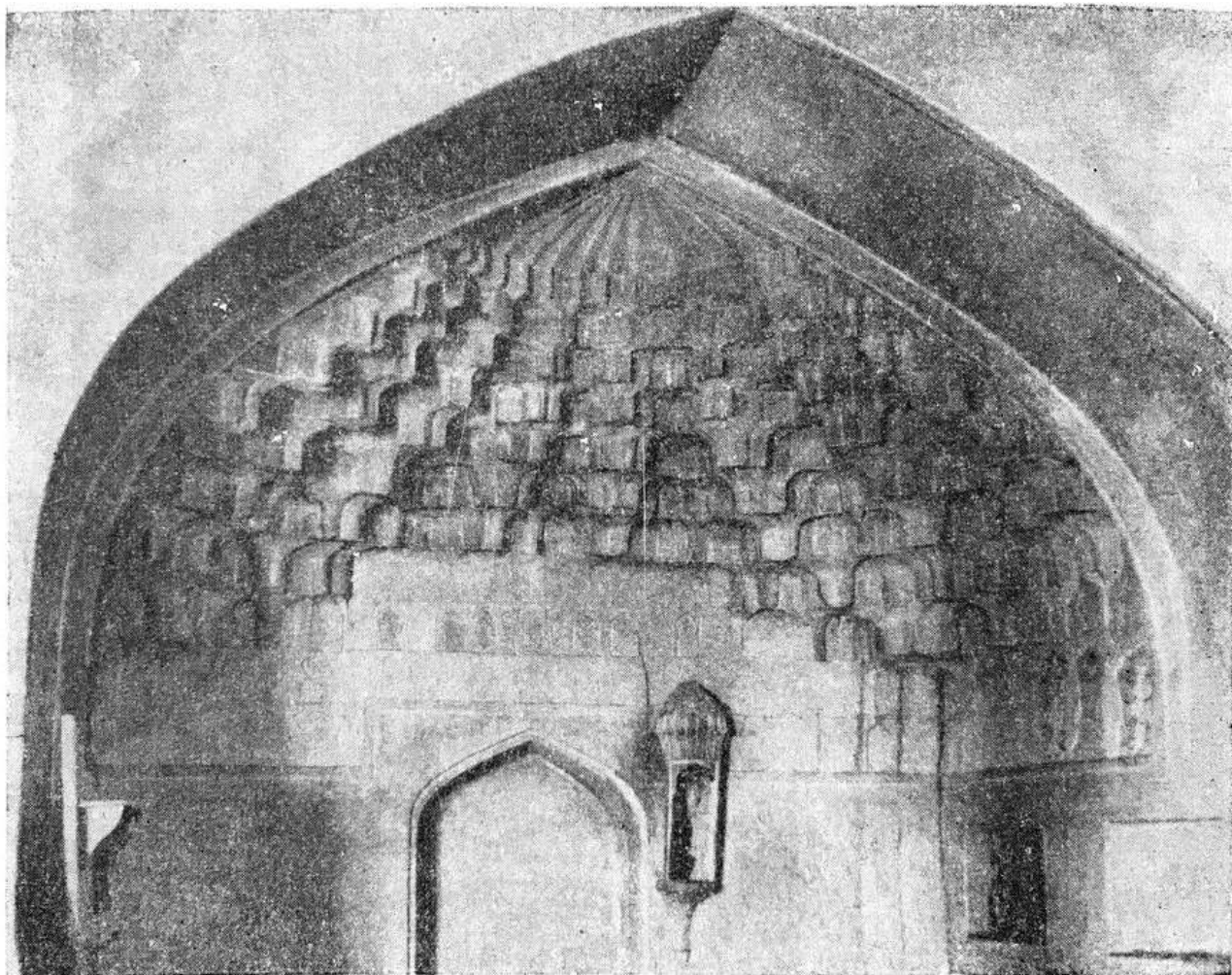

Рис. 58. Сталактитовый свод ниши михраба в зимнем помещении мечети 2-я Боги-Майдон.

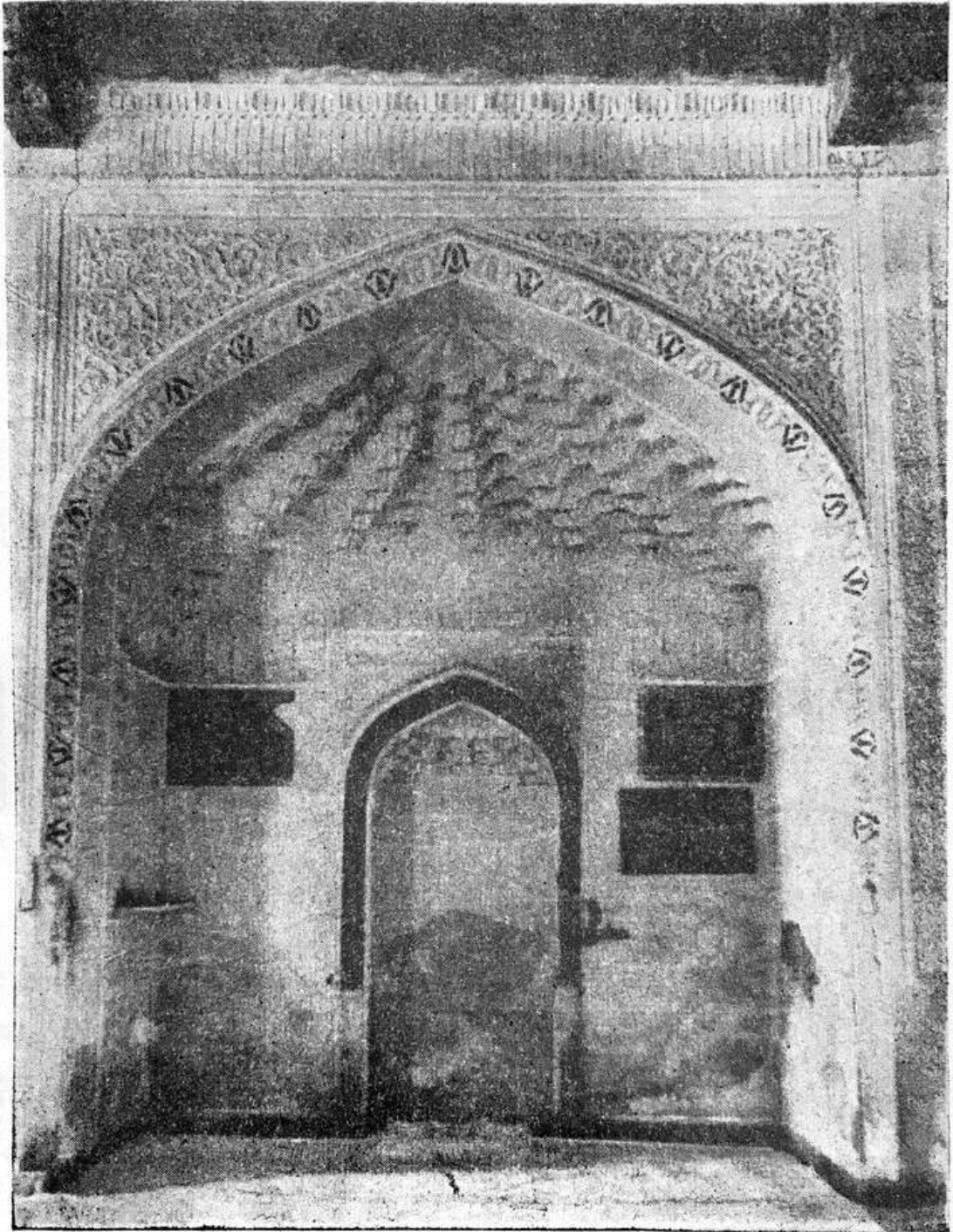

Рис. 59. Сталактитовые своды ниш михраба зимнего помещения мечети 1-я Тошканди, датированной 1915 г. (1333 г. х.) В своде малой (внутренней) ниши сталактиты типа муканнас, в большой наружной—типа ироки.

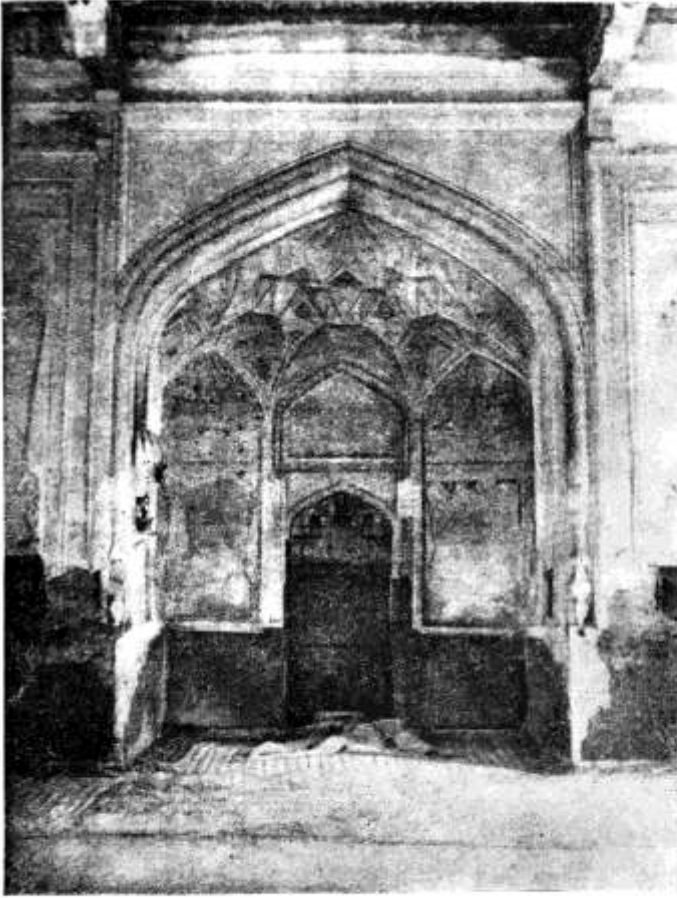

Рис. 60. Сталактитовый свод ниши михраба в зимнем помещении мечети Ходжа-Джон-Ходжа. В малой нише сталактиты типа муканнас, в большой—типа проки.

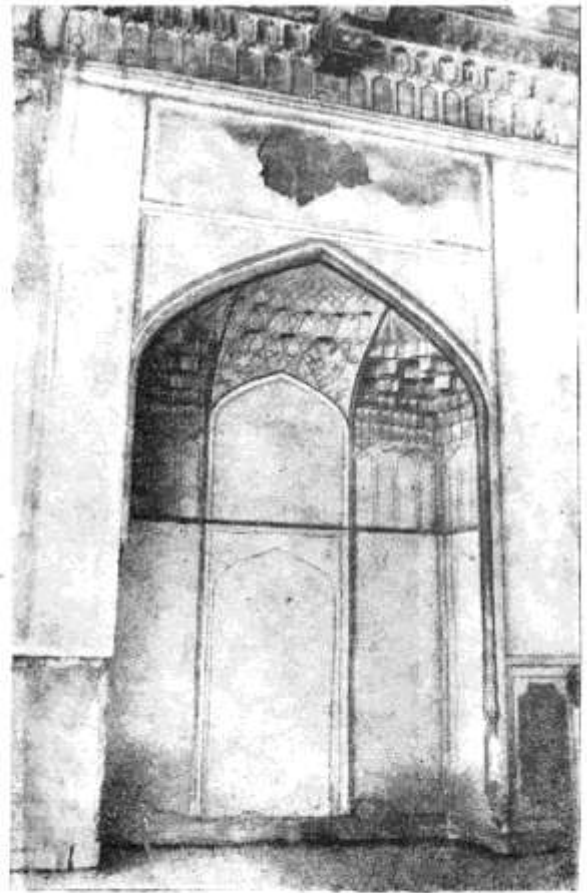

Рис. 61. Сталактитовый михраб на айване мечети Каландархона. По краям сталактиты муканнас, в центральной части — проки. Работа уста Хола. Конец XIX — начало XX в.

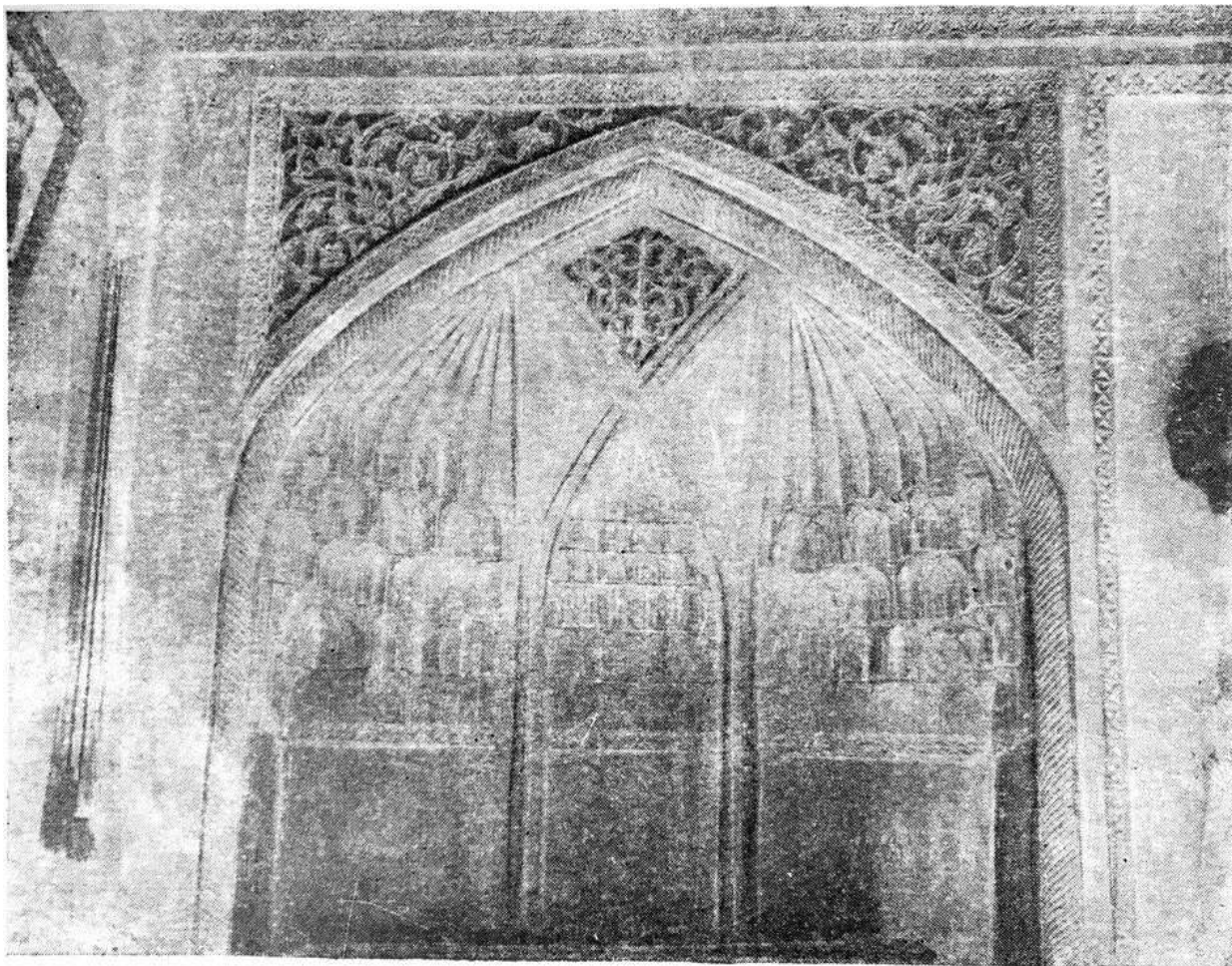

Рис. 62. Верхняя часть ниши тахмон в комнате, построенной в 60—70-х годах XIX в., в доме Шамсиддина Тураева.

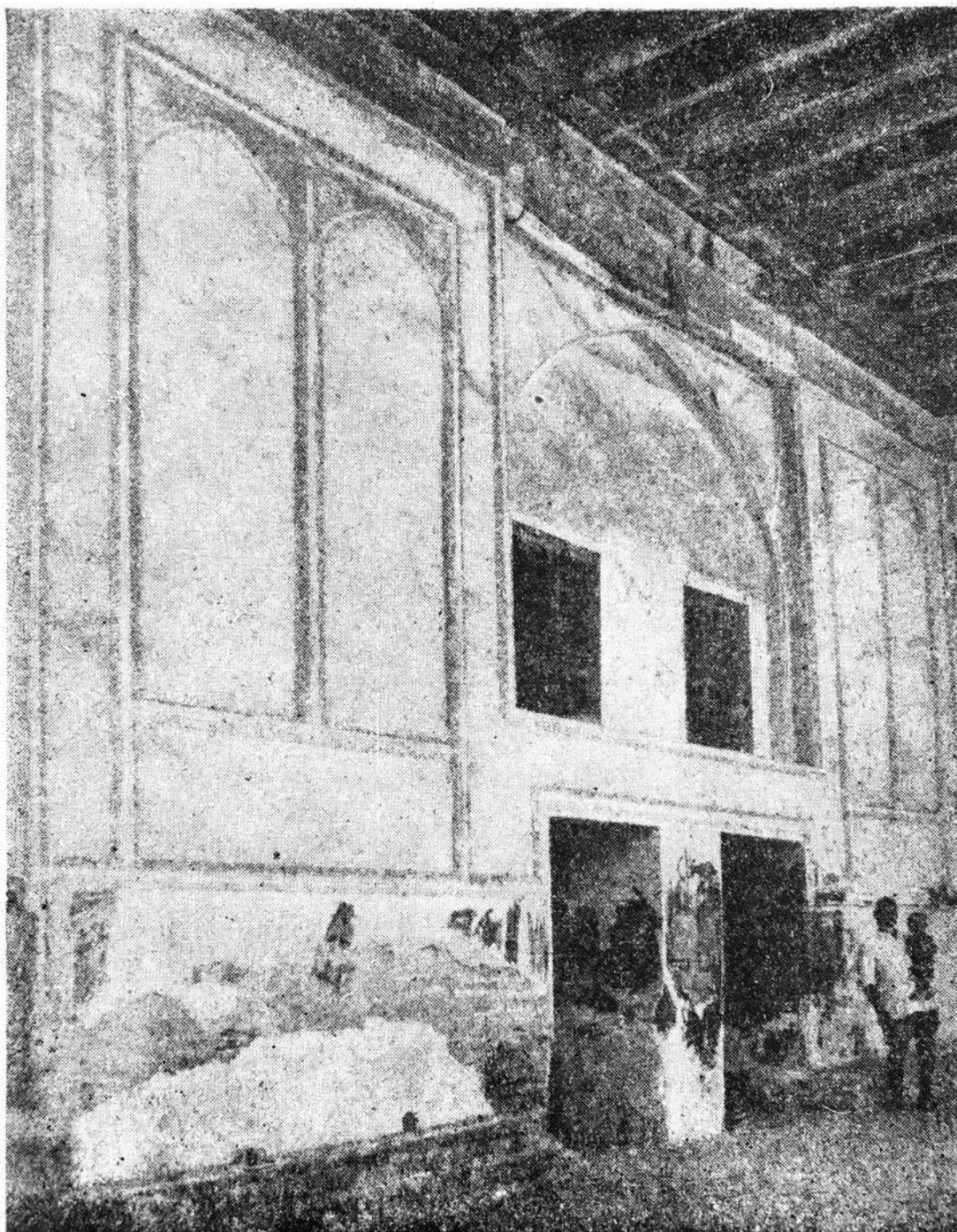

Рис. 63. Оформление разбивкой на панно стены айвана мечети Ходжа-Рофи. Середина XIX в.

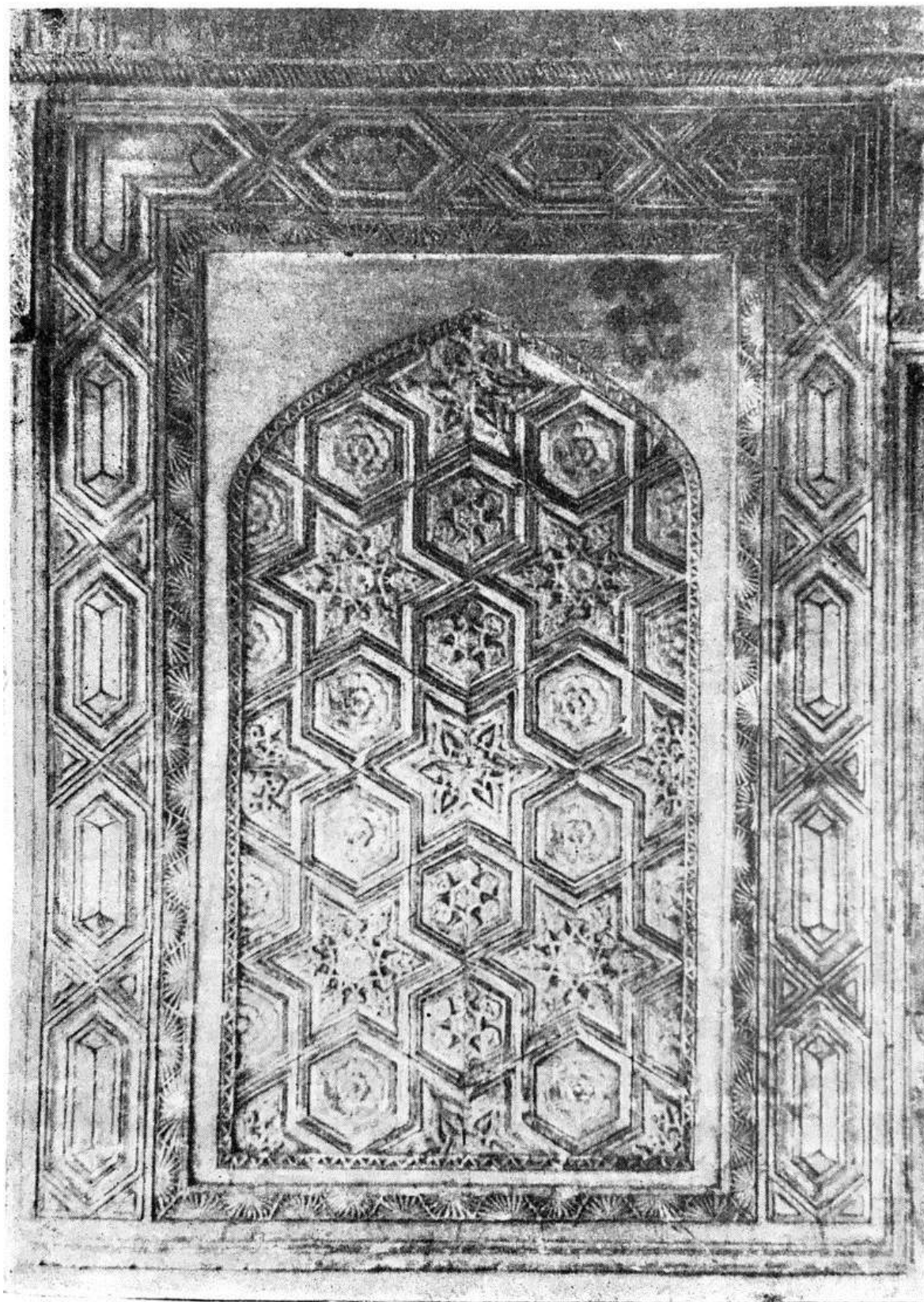

Рис. 64. Литое пайно на стене жилого дома. Конец XIX—начало XX в.

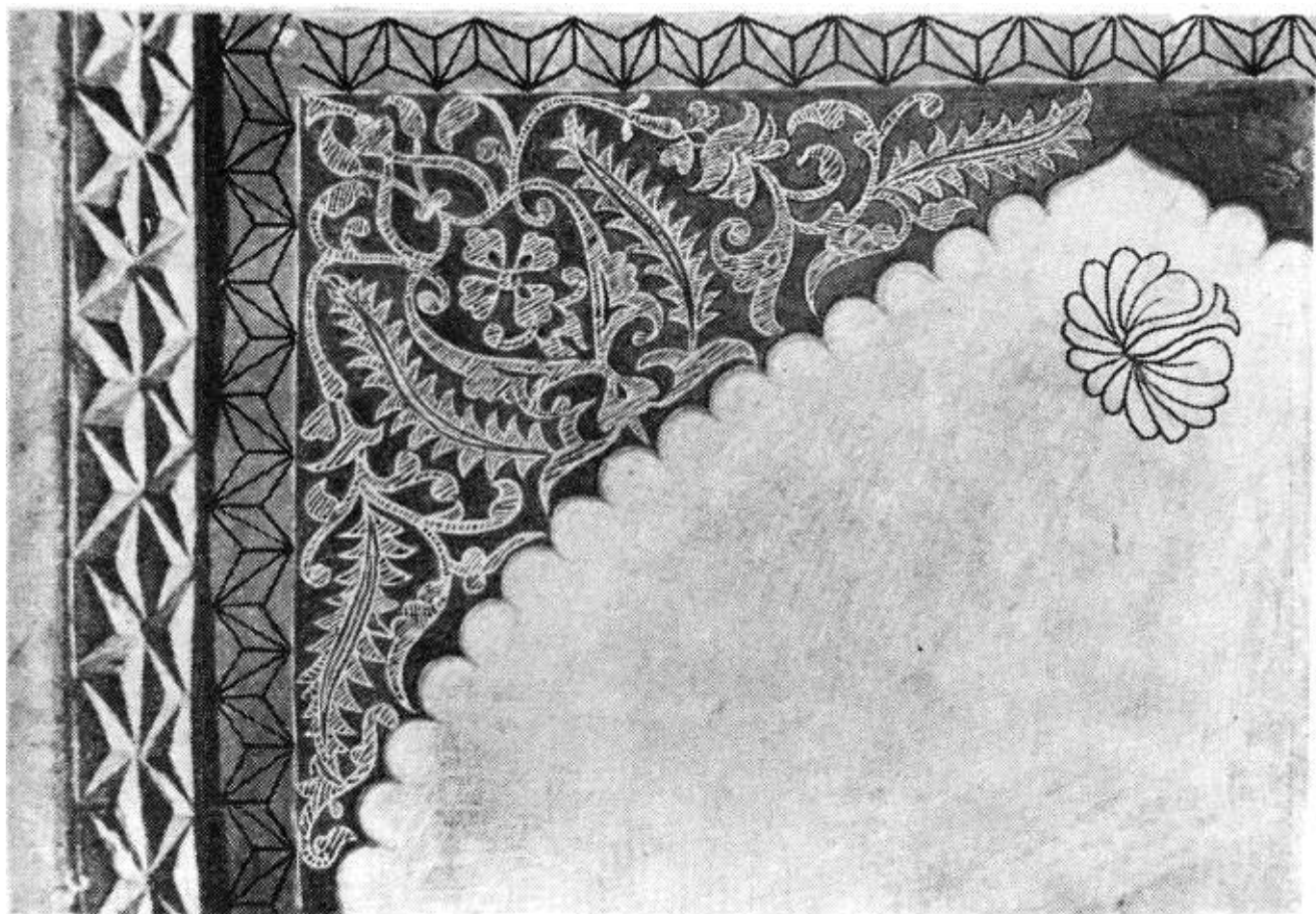

Рис. 65. Тимпан пиано, украшенный процарапанным узором, в мехмонхоне Махдихана Кори в гузаре 2-й Ургуты, третья четверть XIX в.

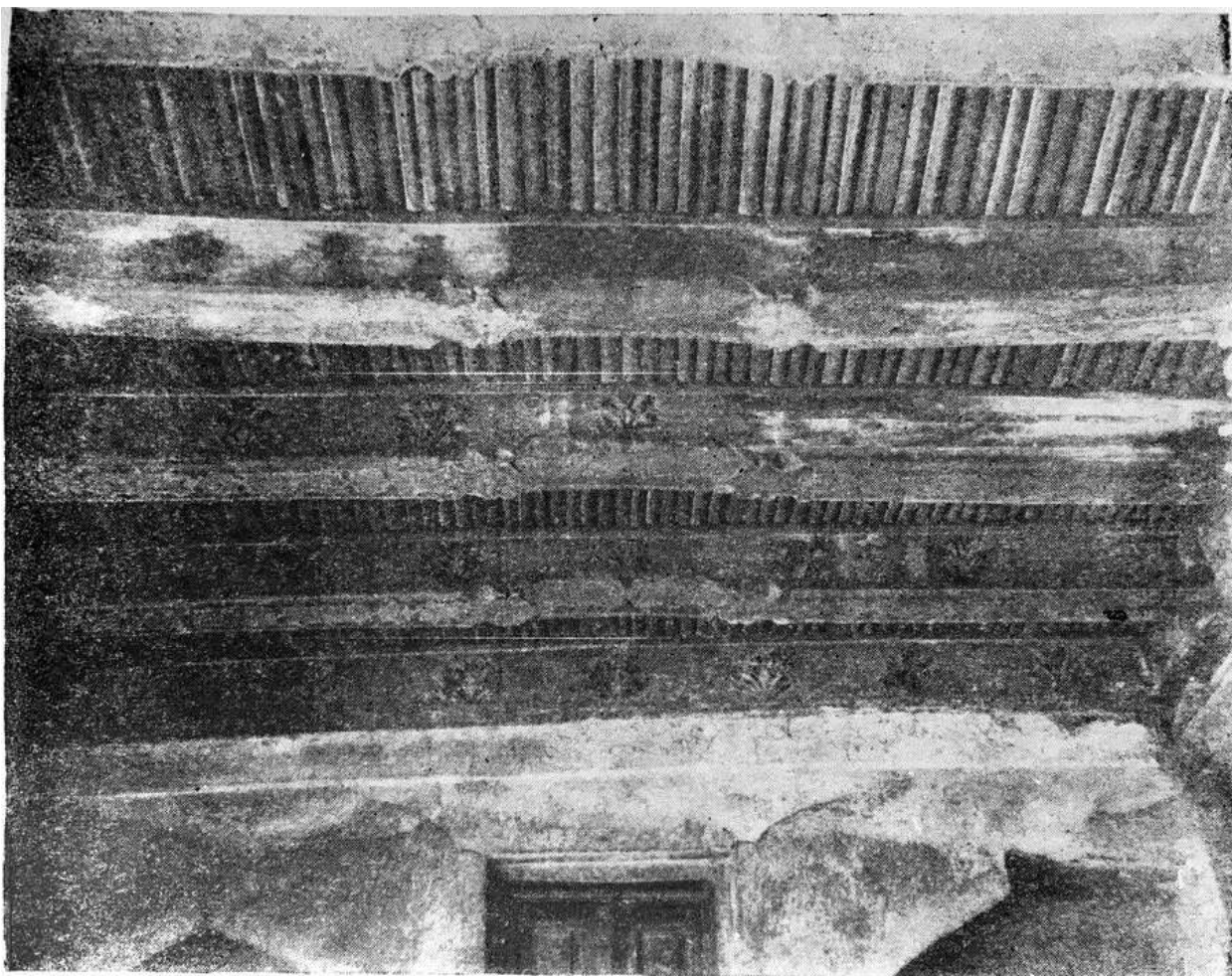

Рис. 66. Распашной потолок в комнате, построенной около середины XIX в., в гузаре Кулолон.

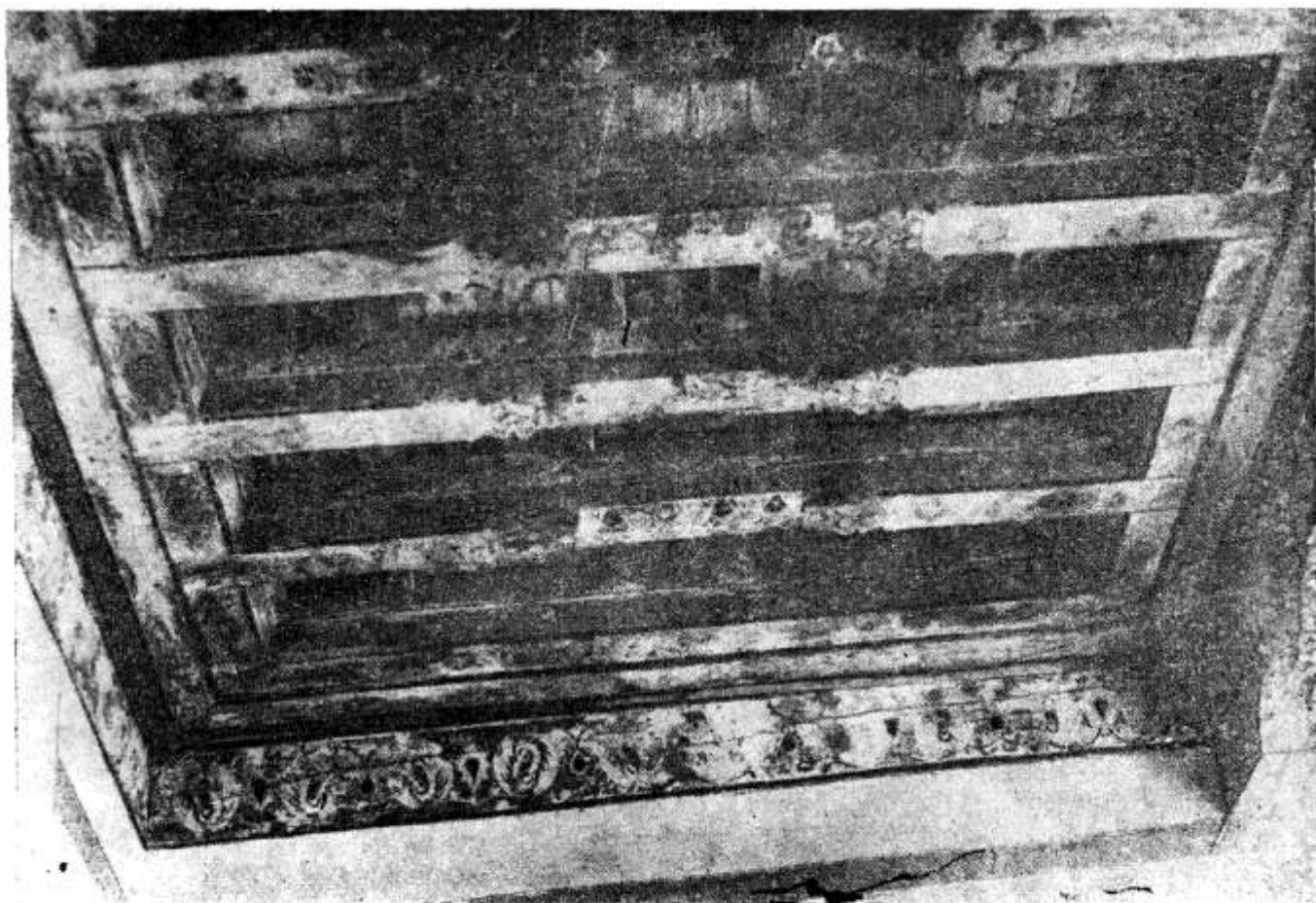

Рис. 67. Роспись потолка айвана мечети 1-я Богн-Баланд. Начало второй половины XIX в.

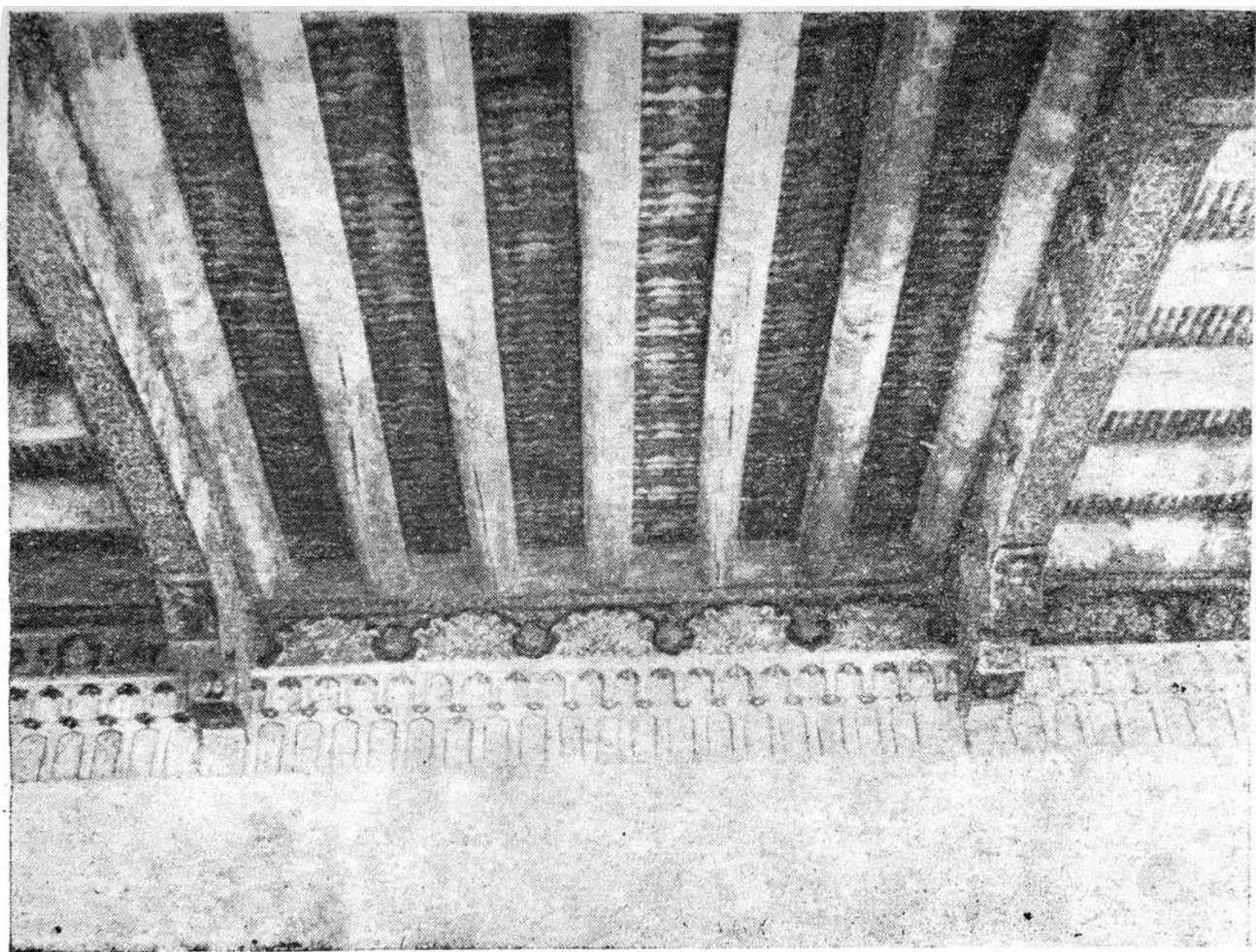

Рис. 68. Роспись потолка айвана мечети Каландархона. 1881 г.
(1291 г. х.).

Рис. 69. Расписное панно в бывшей мехмонхоне Махдиона Кори в гузаре 2-й Ургути. Третья четверть XIX в. Фото Е. А. Полякова.

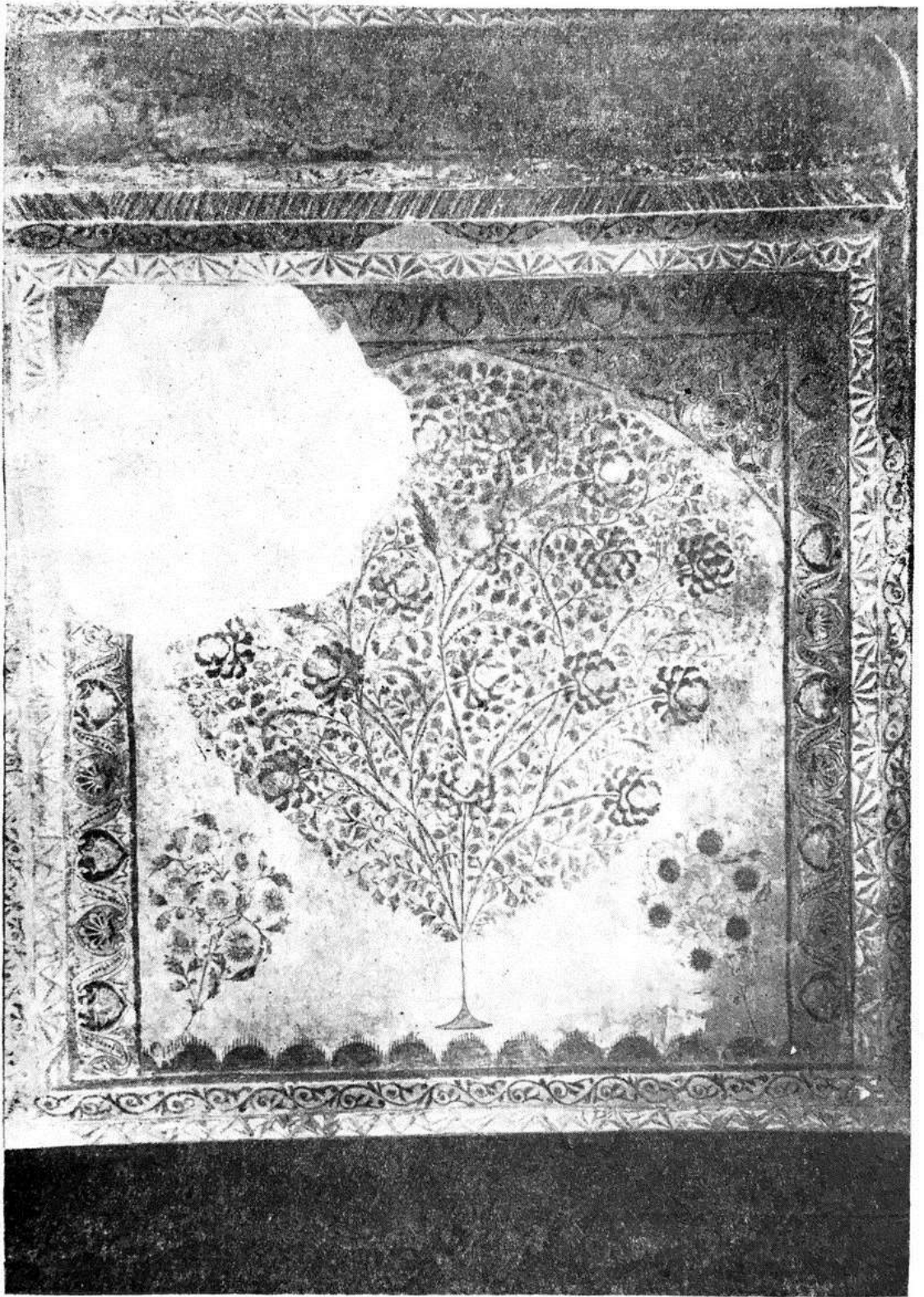

Рис. 70. Расписное панно в бывшей мехмонхоне Махдихона Кори в гузаре 2-й Ургучи Третья четверть XIX в. Фото Е. А. Полякова.

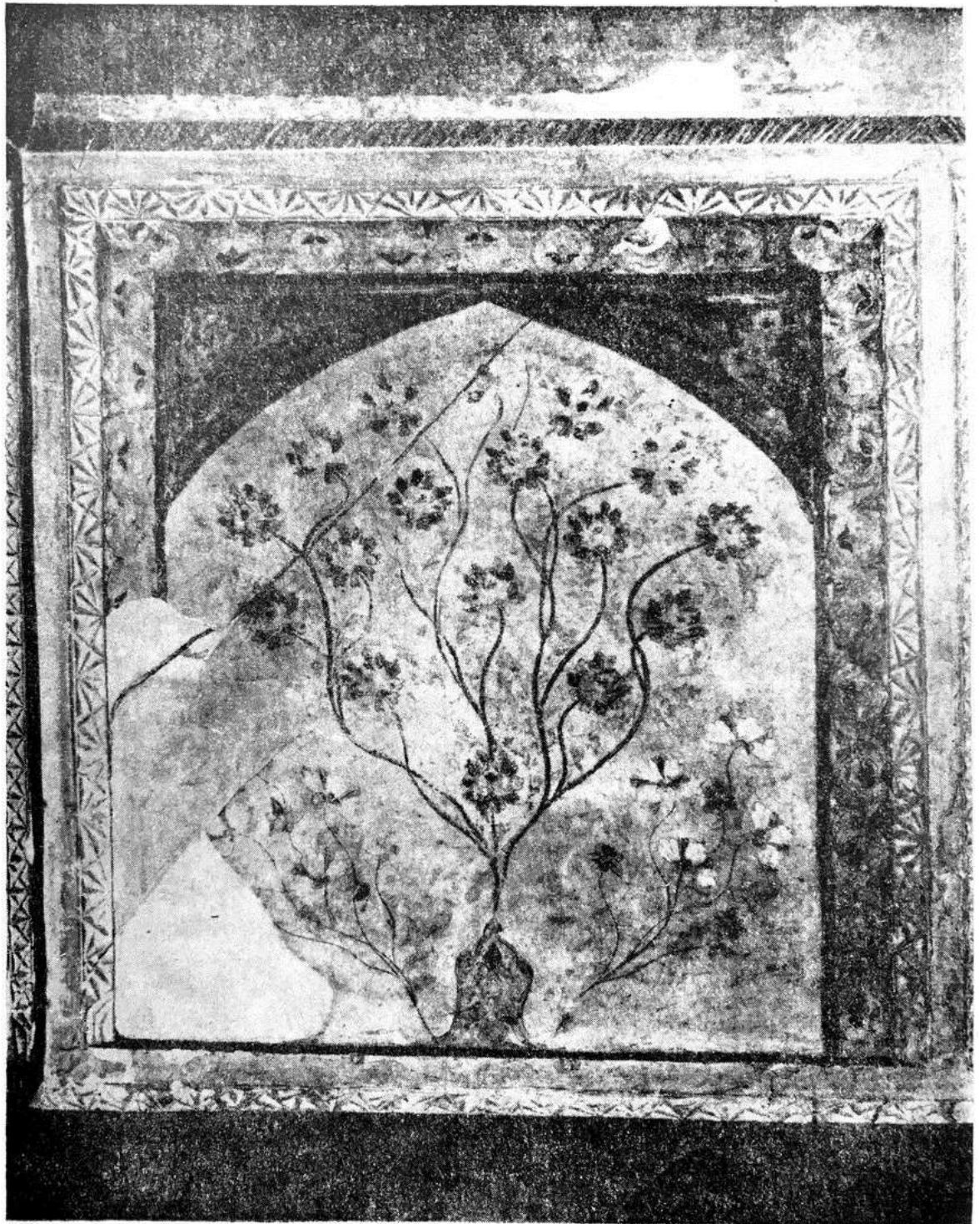

Рис. 71. Расписное панно в бывшей мехмонхоне Махдихона Кори в гузаре 2-й Ургути. Третья четверть XIX в. Фото Е. А. Полякова.

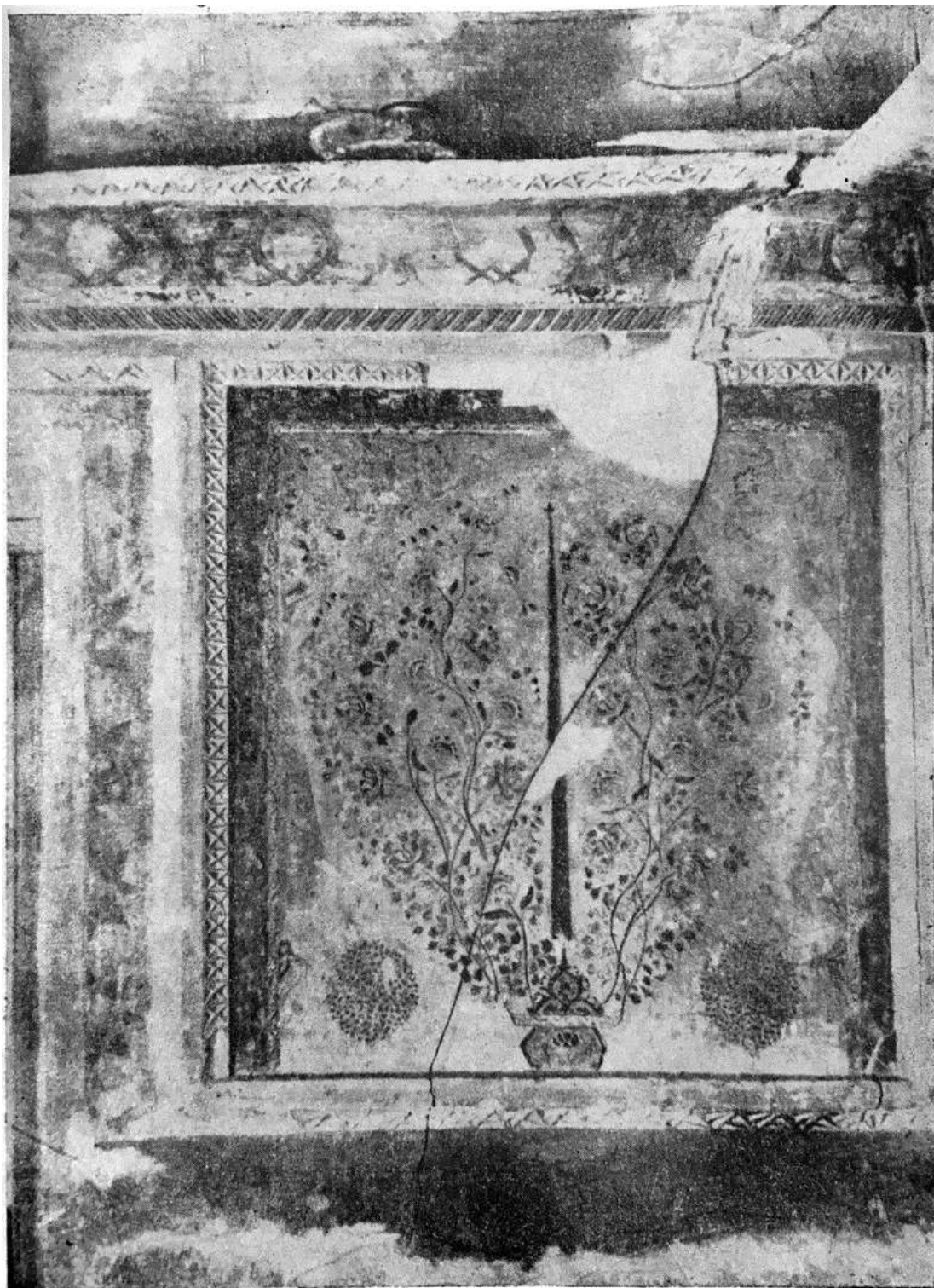

Рис. 72. Расписное панно в бывшей мехмонхоне Махдихона Кори в гузаре 2-й Ургути. Третья четверть XIX в. Фото Е. А. Полякова.

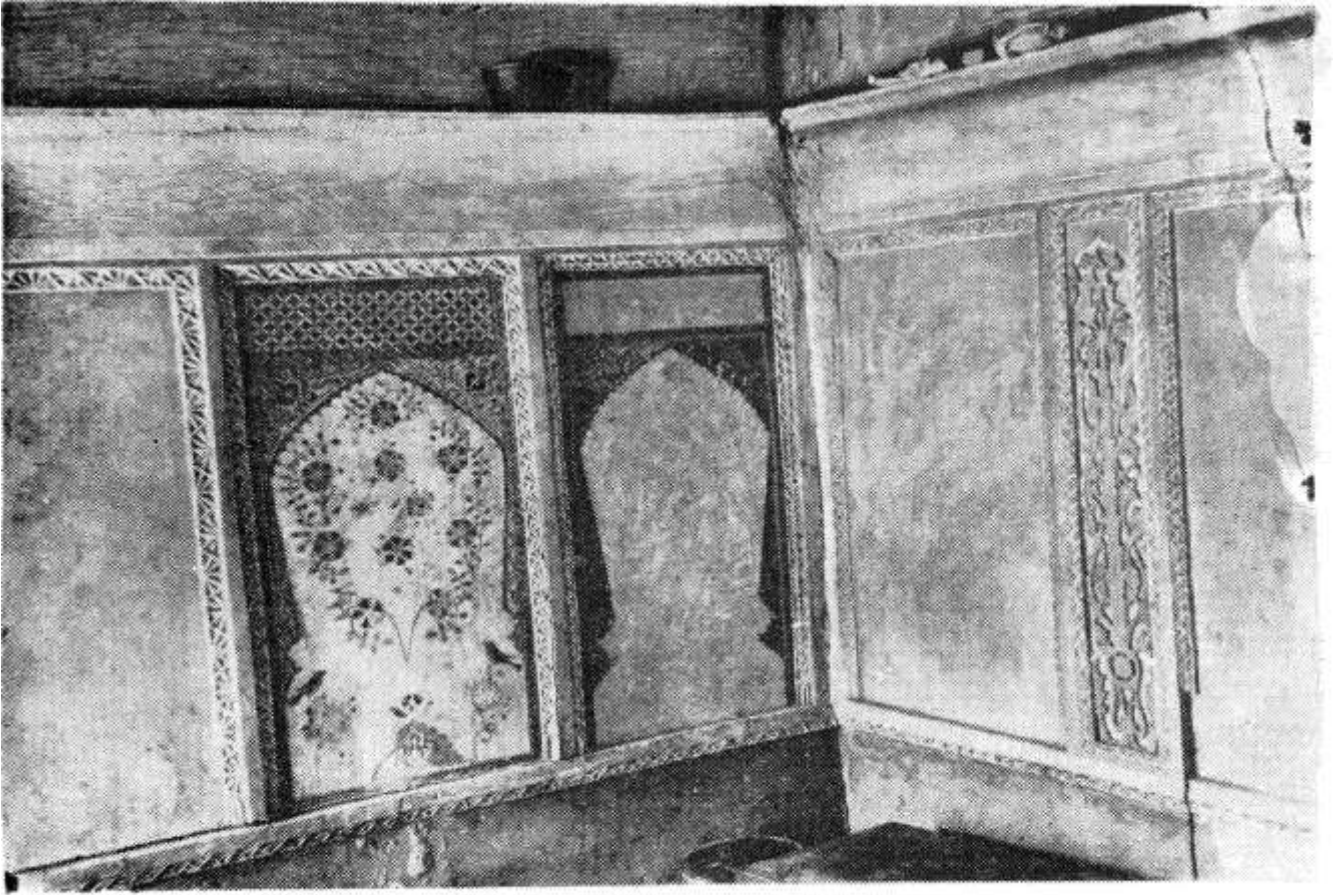

Рис. 73. Угол передней дахлез перед мехмонхой в бывшем доме Махдихона Кори, оформленный резным и ооконтурными заджирой панно. Третья четверть XIX в. Фото Е. А. Полякова.

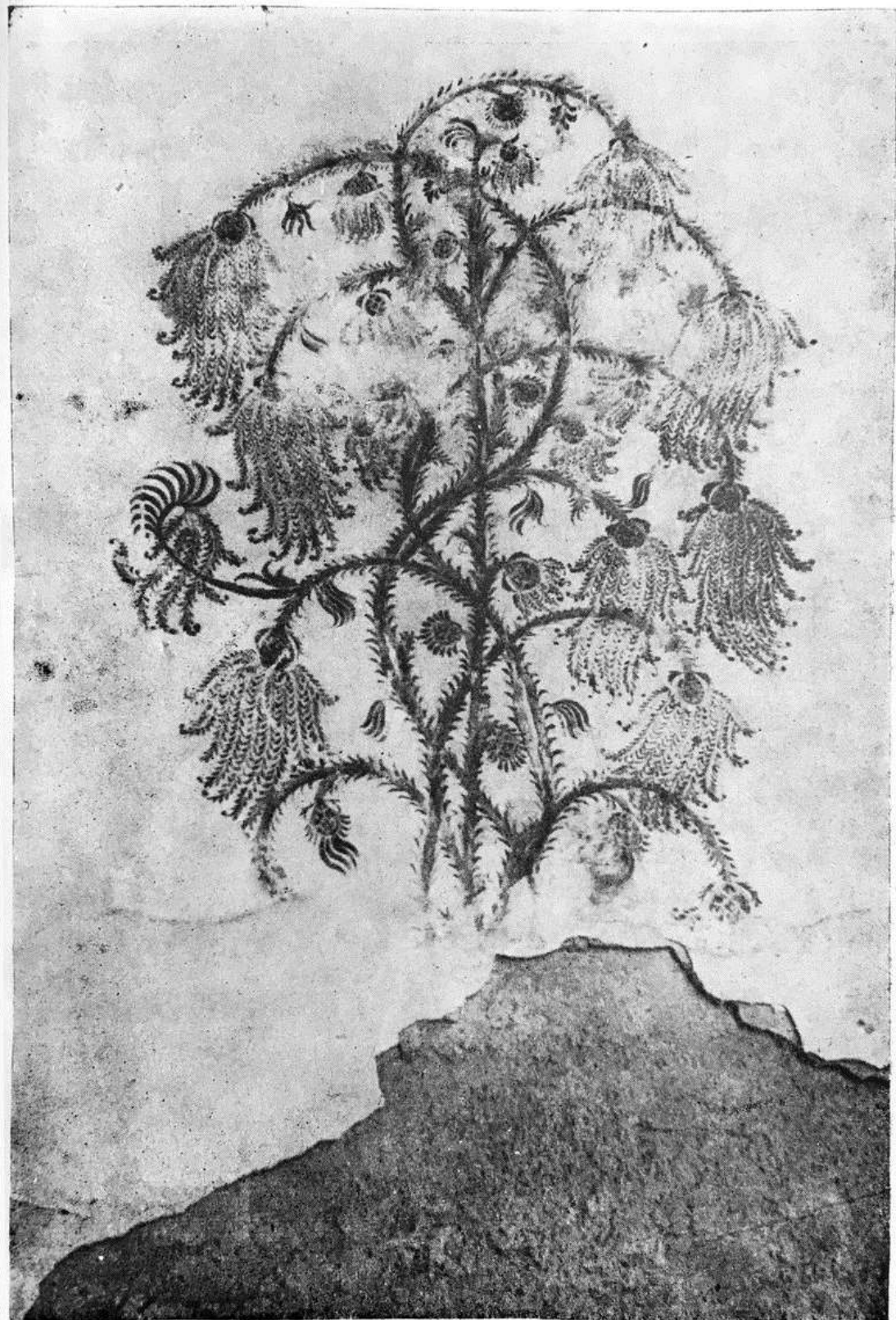

Рис. 74. Расписное панно на стене айвана мечети Хавзи-Сангин. 1864 г.

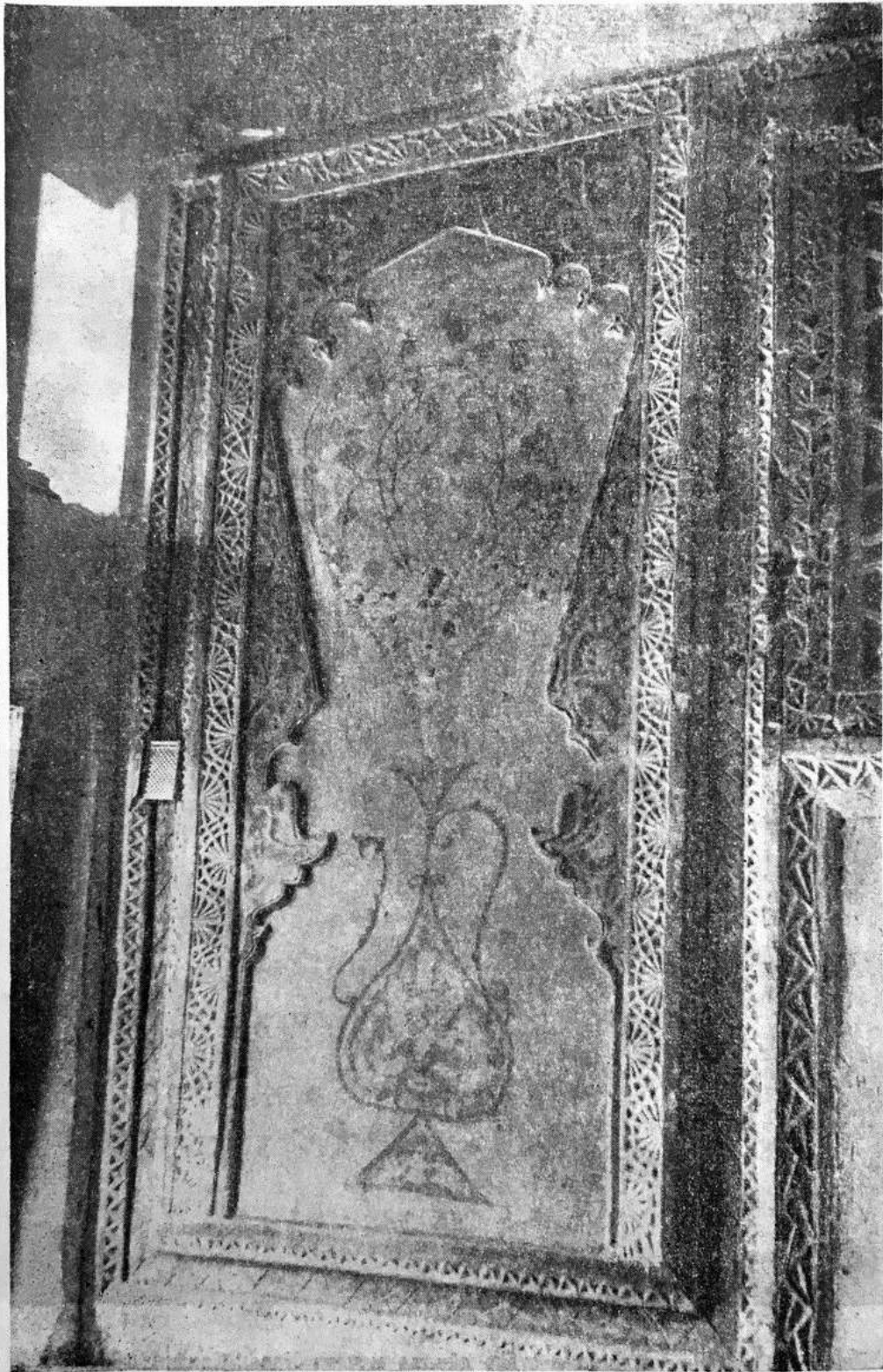

Рис. 75. Расписное панно на стене комнаты в доме Вафо Зокирова в гузаре Кургонча, 1874 г.

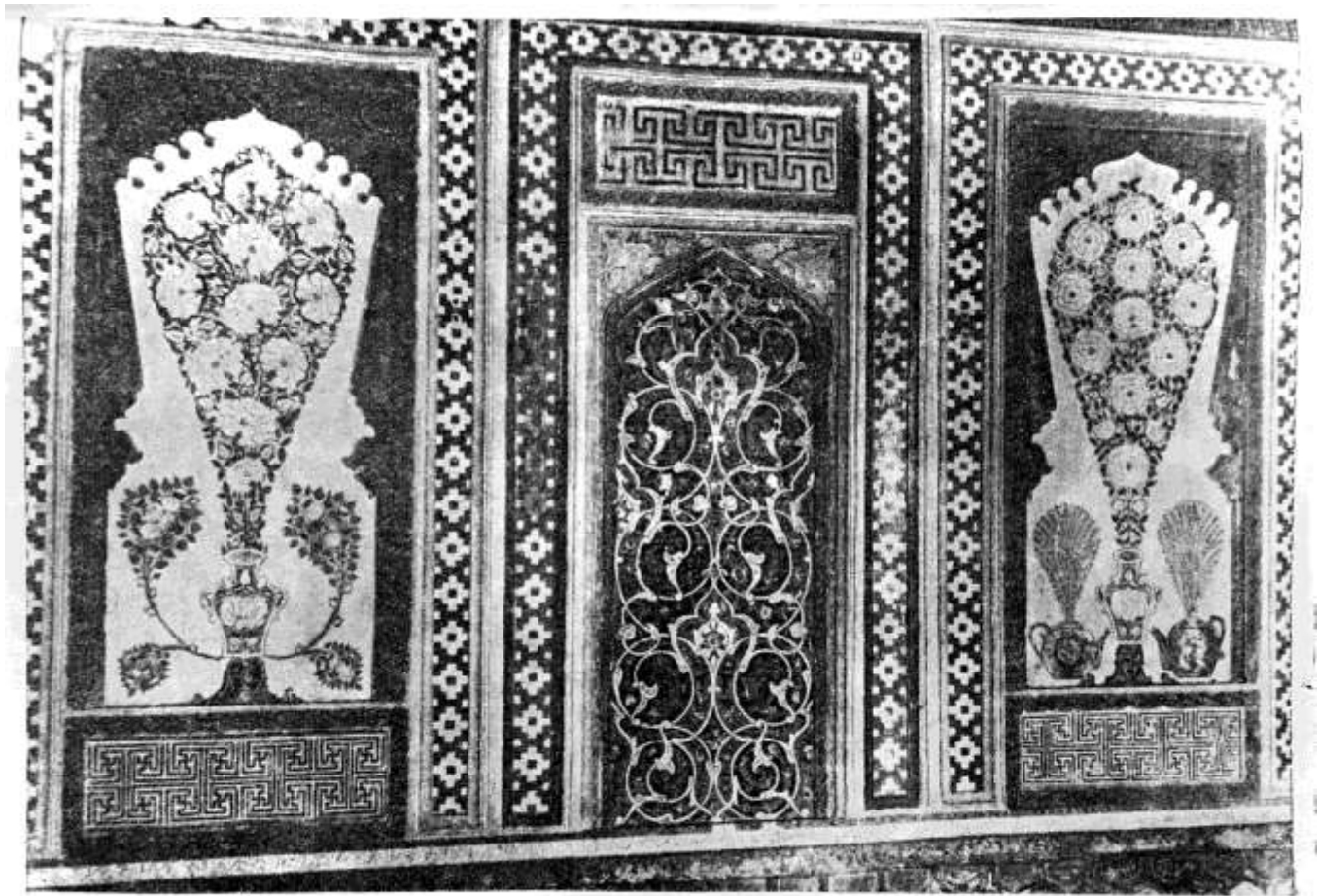

Рис. 76. Расписные панно на длинной стене в комнате, построенной в 80-х годах XIX в., в доме Шамсиддина Тураева в гузаре 1-й Муляйн.

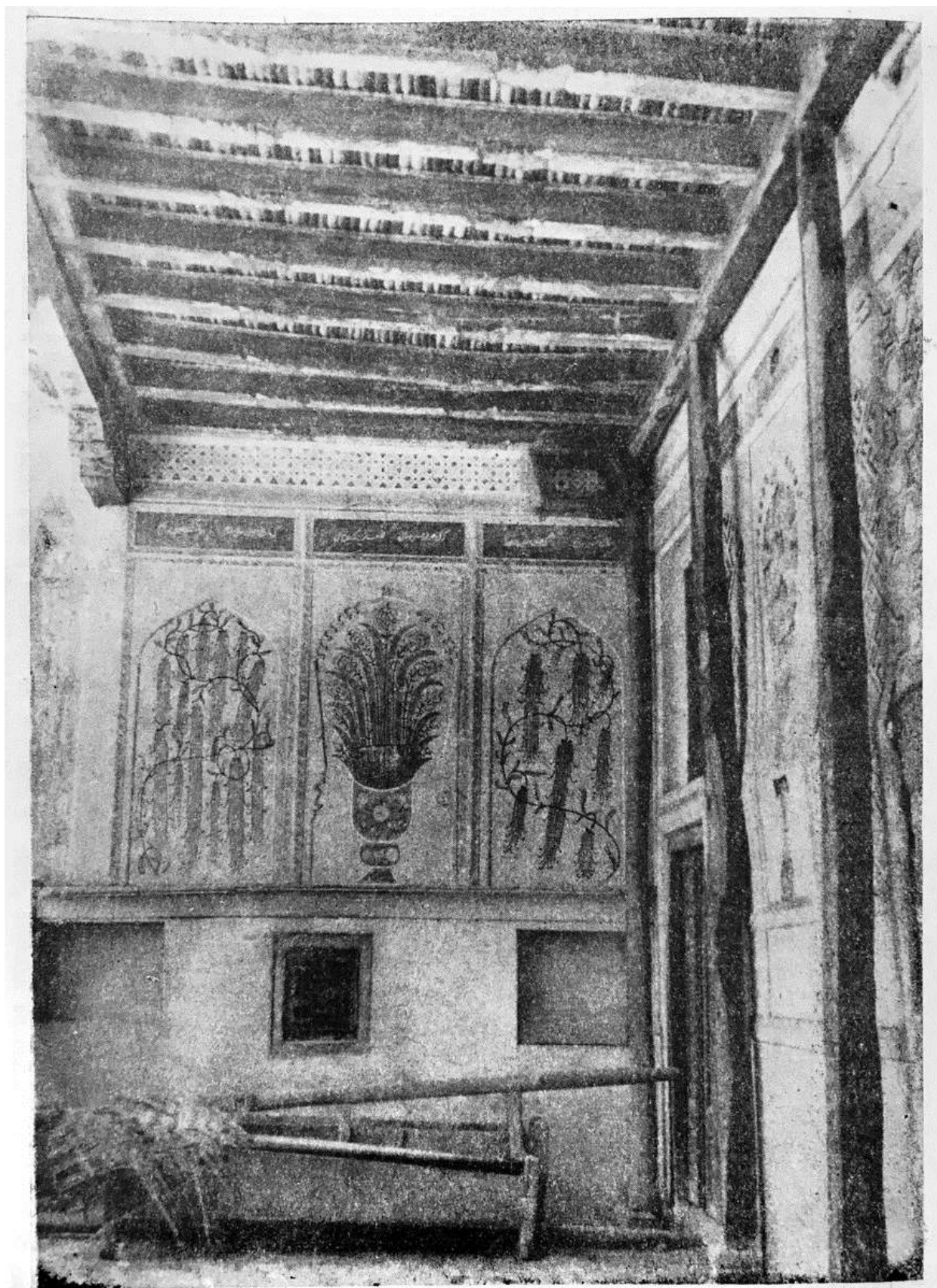

Рис. 77. Расписные панно на торцевой стене южного айвана мечети Ходжанди.
Начало XX в.

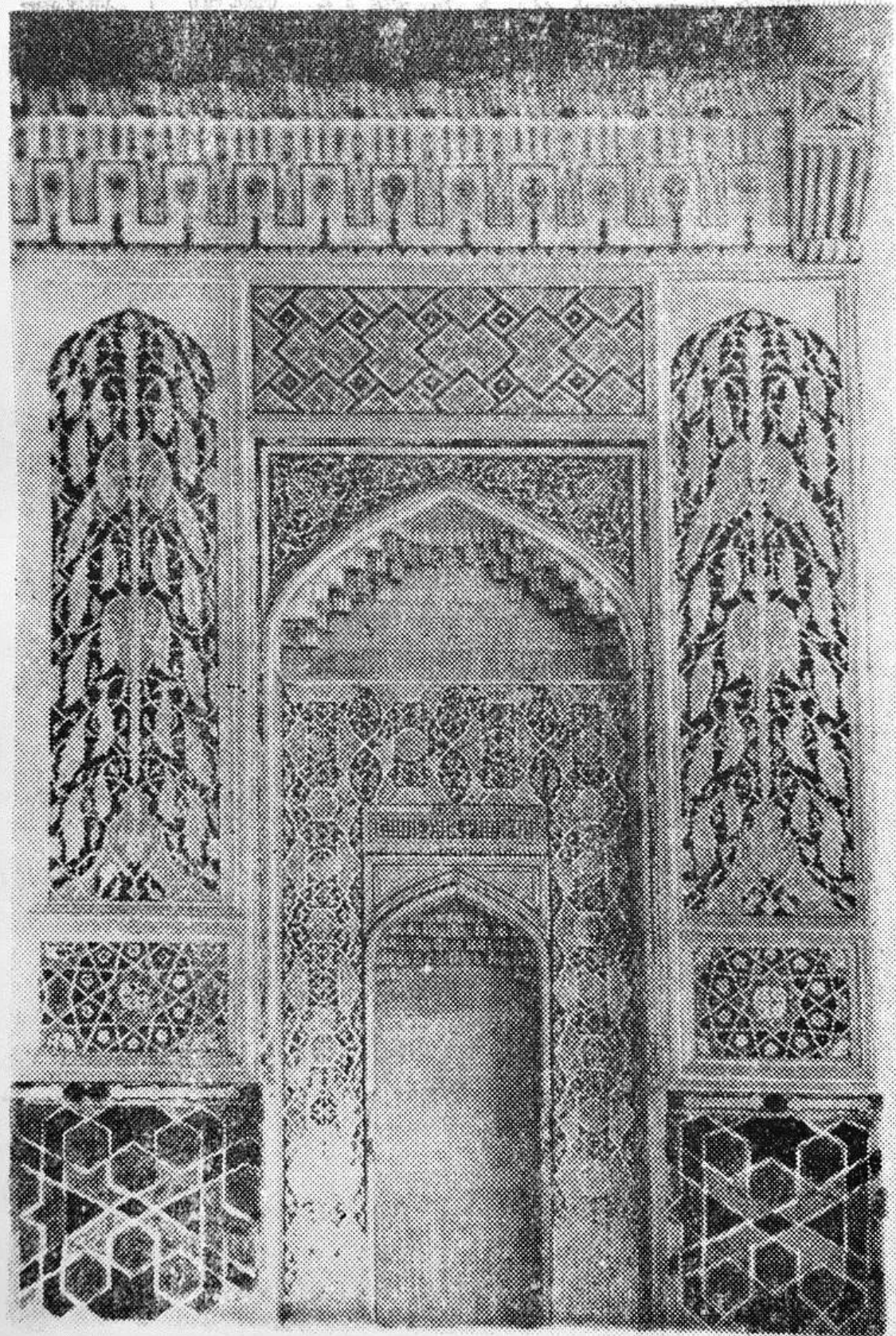

Рис. 78. Западная стена с михрабом в мечети при мавзолее Ходжа-Абди-Дарун, 1910 г. Фото И. П. Завалина.

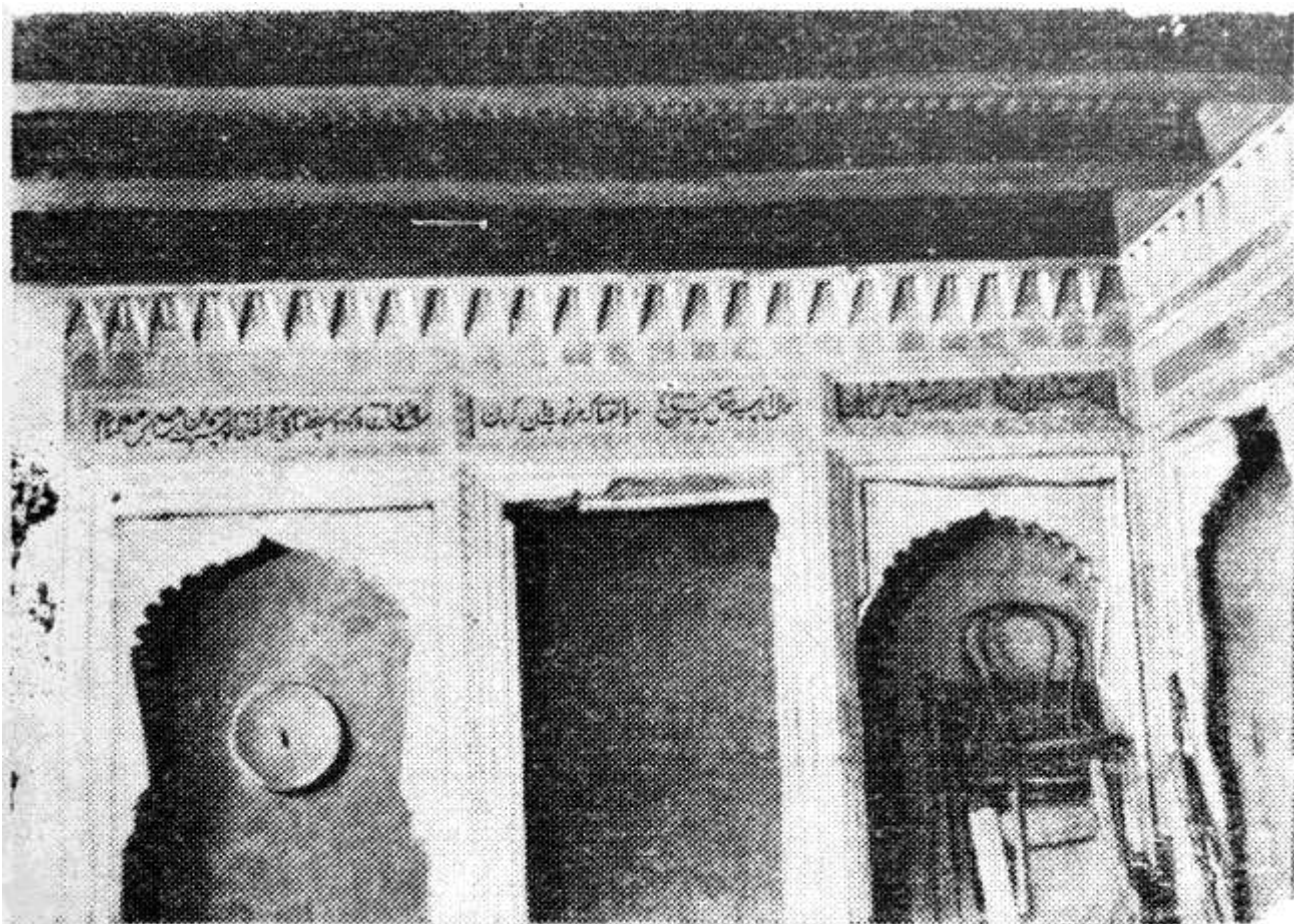

Рис. 79. Торцовая стена с надписями над нишами в жилом доме.

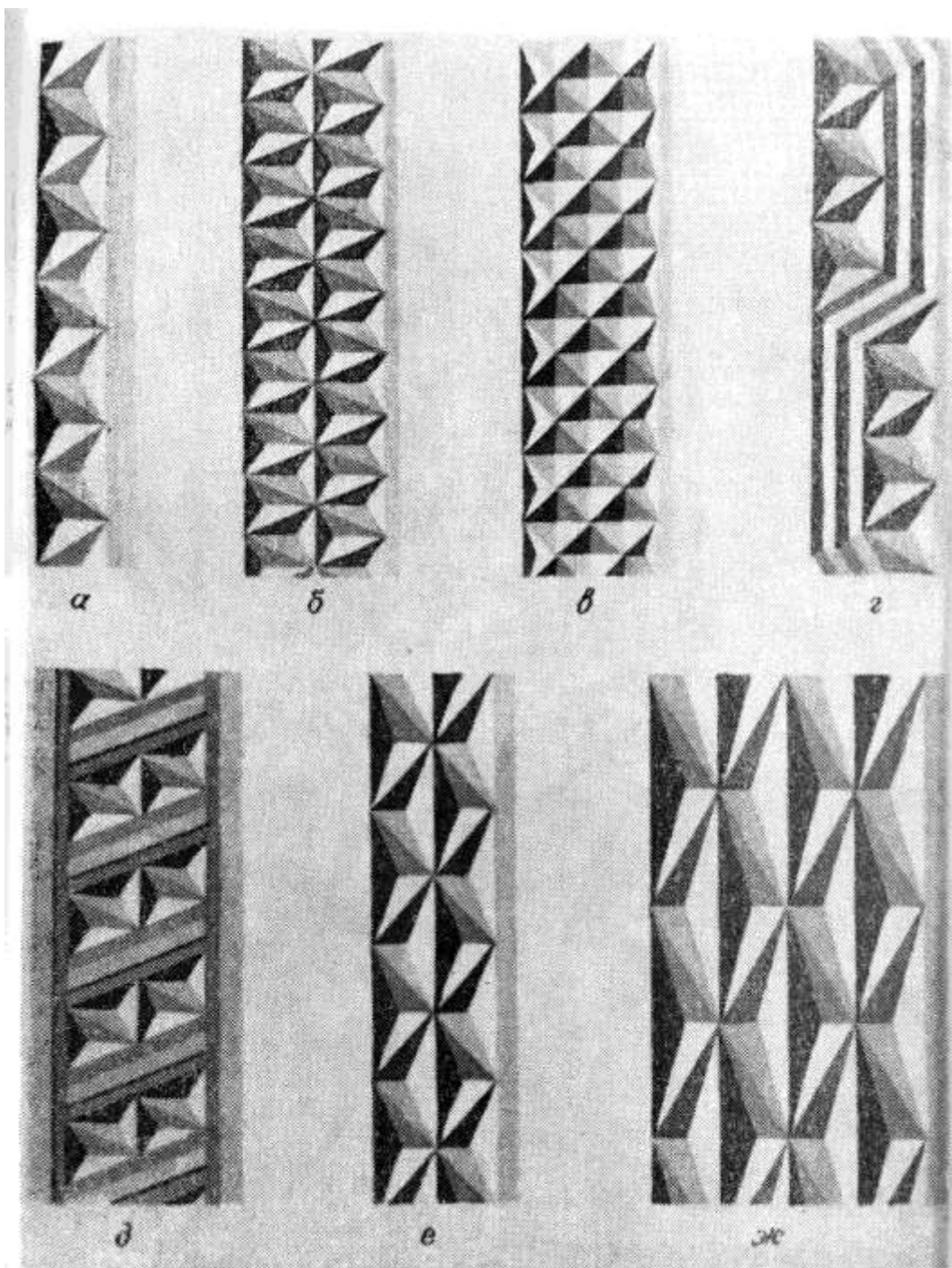

Рис. 80. Образцы узоров занджира: а—якказанджира; б—кушзанджиран мусаллас; в—кушзанджиран майдазанджира; г—нимшакли обанок; д, ж—названия не установлены; е—кушзанджира. Рисунки А. К. Разыгзаевой с фото и эстампажей.

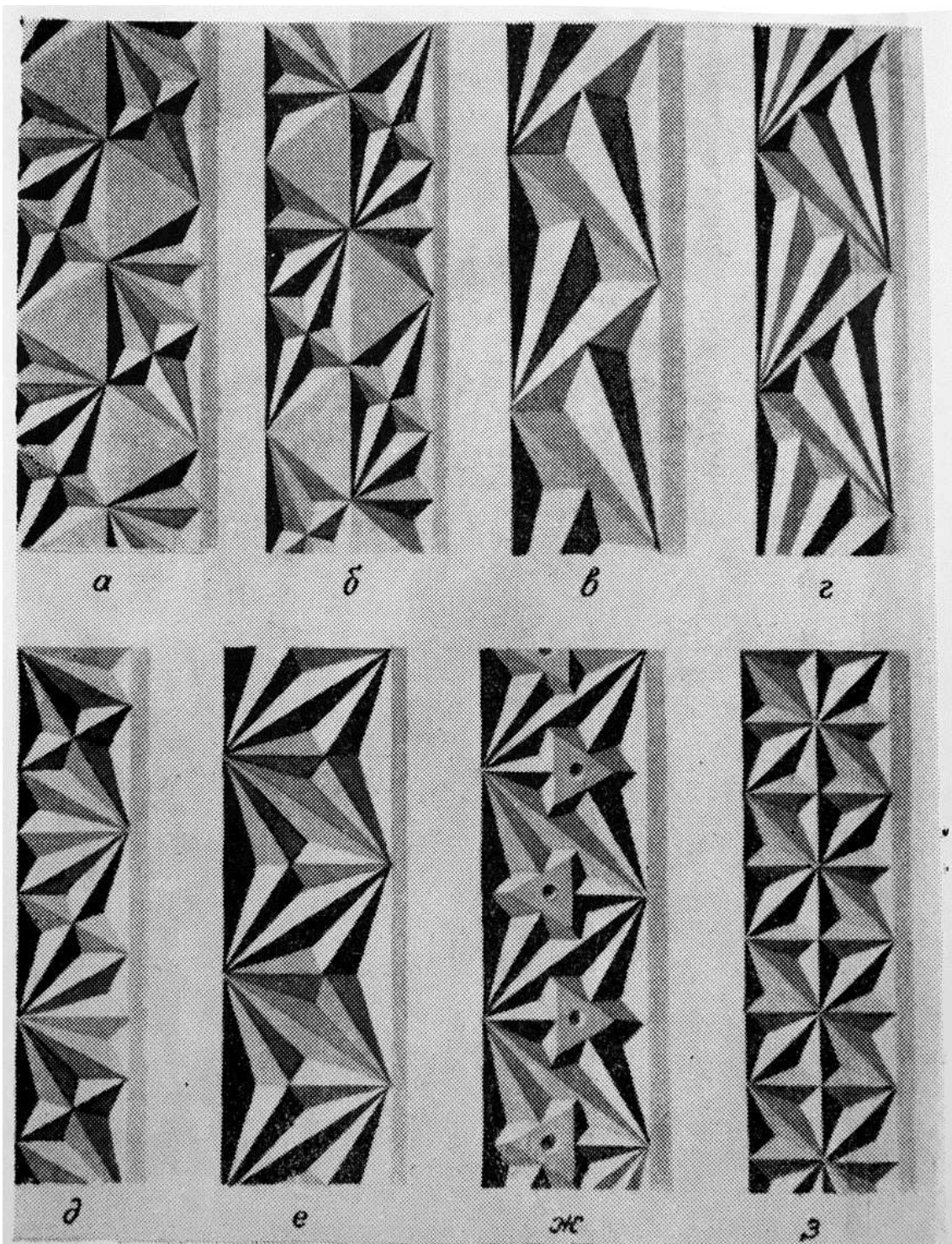

Рис. 81. Образцы узоров занджира: *а, б* — занджиран маргуладор (название основного узора не установлено); *в* — сардарканори дутаги; *г* — сардарканори сетаги; *д* — название не установлено; *е* — джаваки бемаргула; *ж* — джаваки маргуладор. Рисунки А. К. Разыграевой с фото и эстампажей.

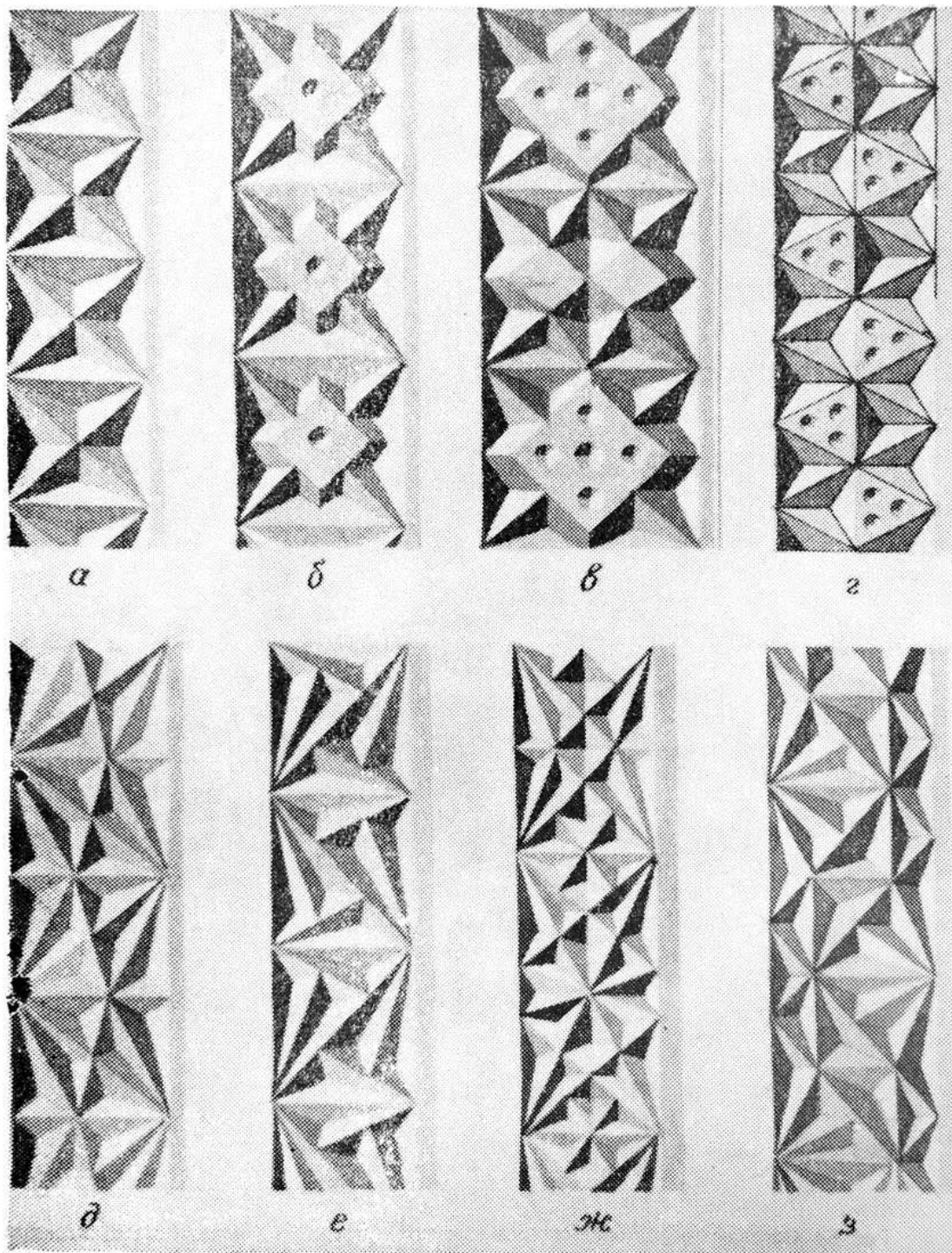

Рисунок 82. Образцы узоров занджира: а—чоргуза; б—чоргузан маргуланок; в, г—занджиран маргуланок (название основного узора не установлено); д—ирокни калон; е—авджи акс; ж—ирокни майда; з—семусалласи занджиратор. Рисунки А. К. Разыграевой с фото и эстампажей.

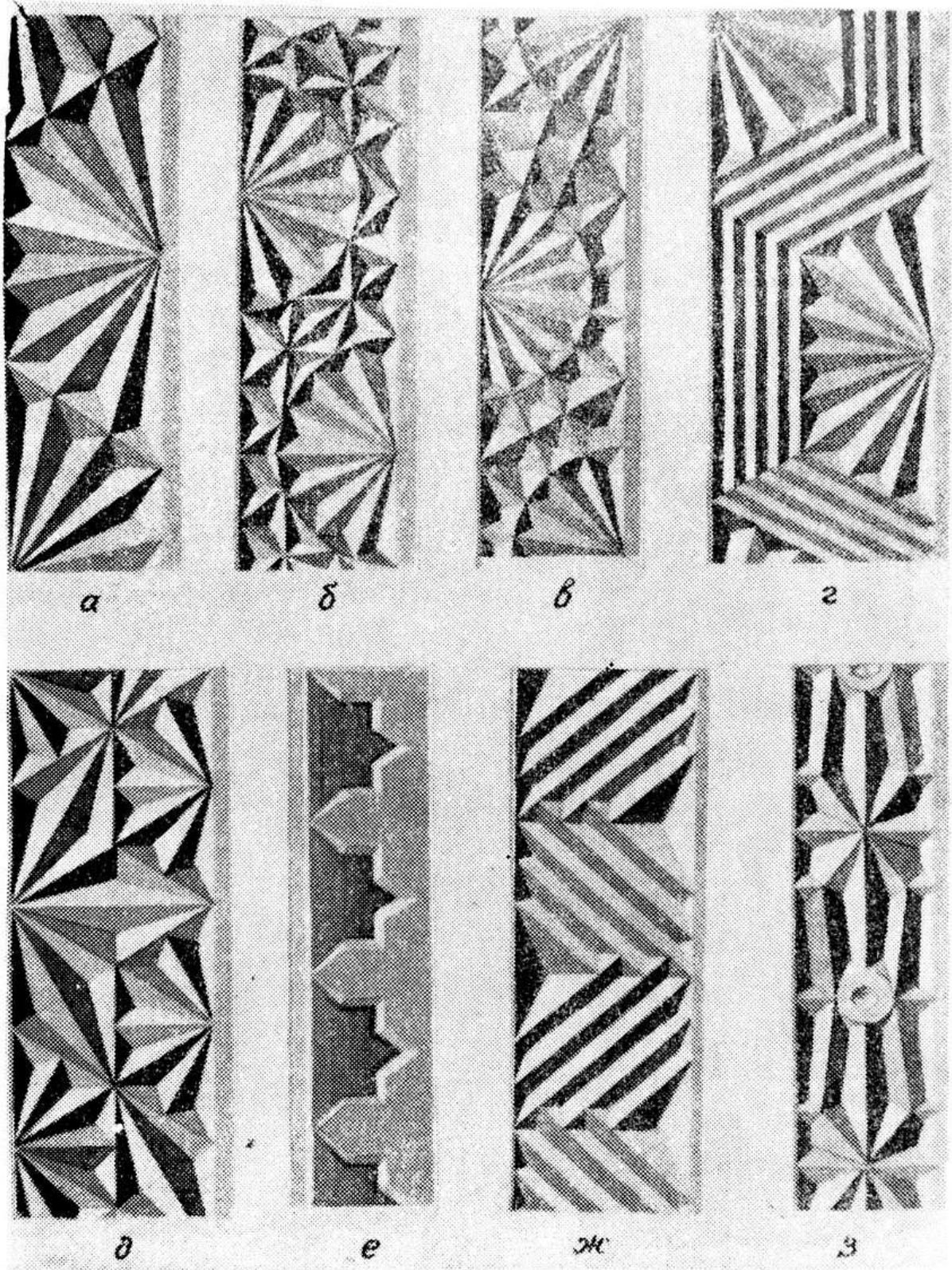

Рис. 83. Образцы узоров занджира: *а*—тупсари нутаги; *б*—парголин якказанджиранок; *в*—парголин петбанеш; *г*—название не установлено; *д*—шаши кунду шаши тез; *е*—нимхант; *ж*—якказанджиран обанок; *з*—занджиран таулюк. Рис. А. К. Разыграевой с фото и эстампажей.

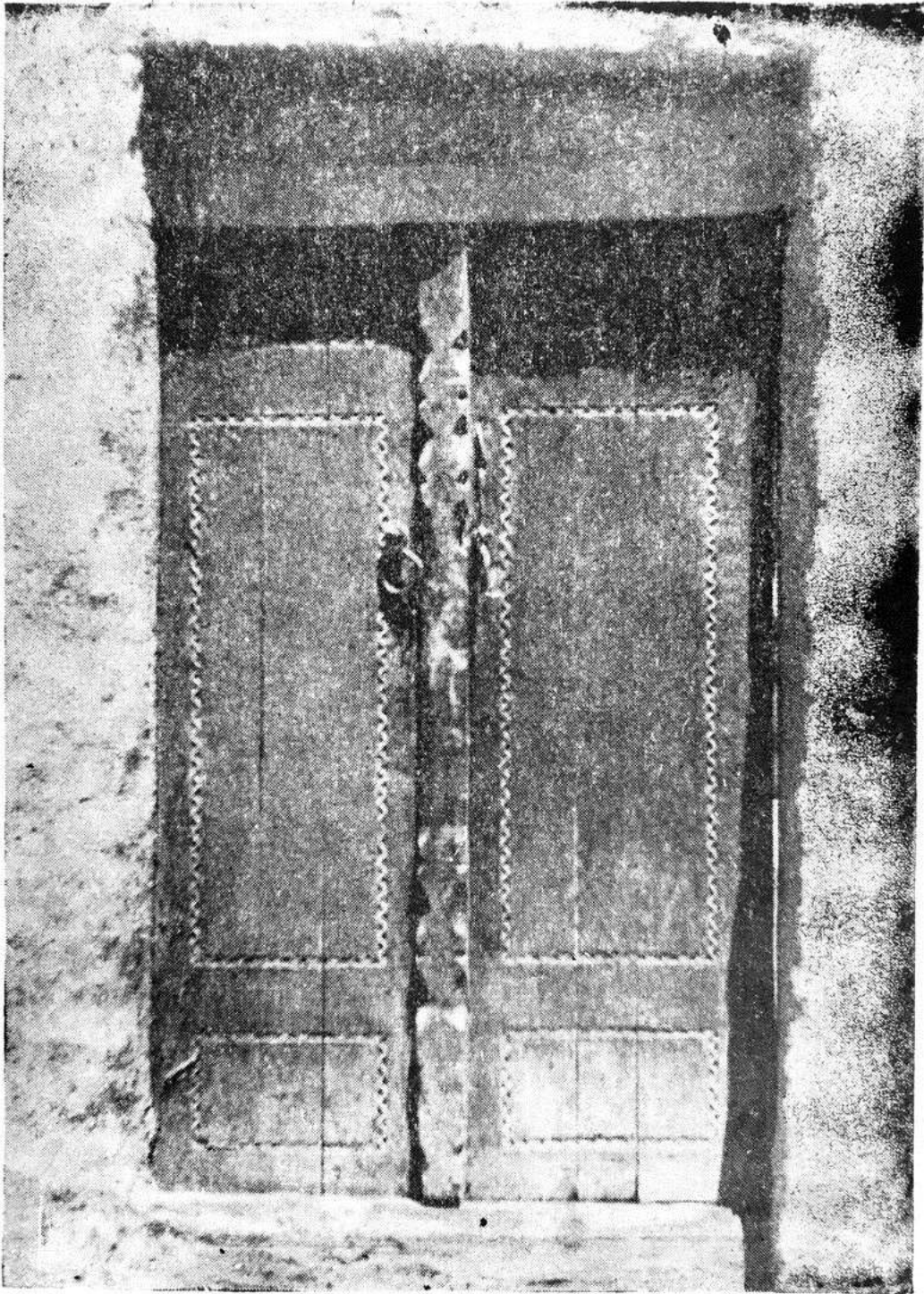

Рис. 84. Простые двустворчатые двери типа увайди, ведущие во двор, в одном из владений гузара Мирзо-Пулод.

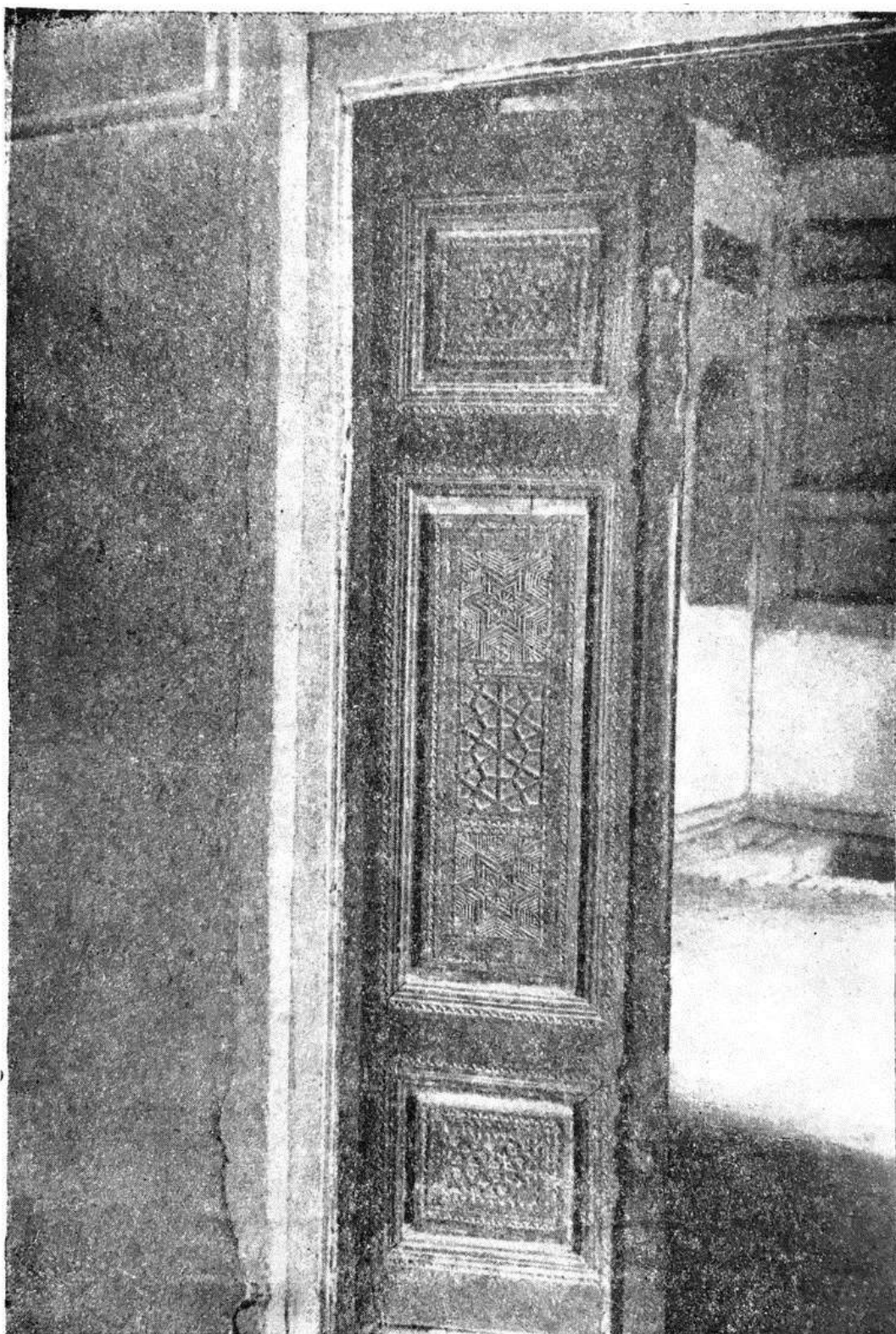

Рис. 85. Створка двери типа багдоди в бывшем доме Маъруфа Саррофа в гузаре Оксарой. 70—80-е годы XIX в.

Рис. 86. Резная дверь типа багдоди в пригороде Самарканда.
Фото И. П. Завалина.

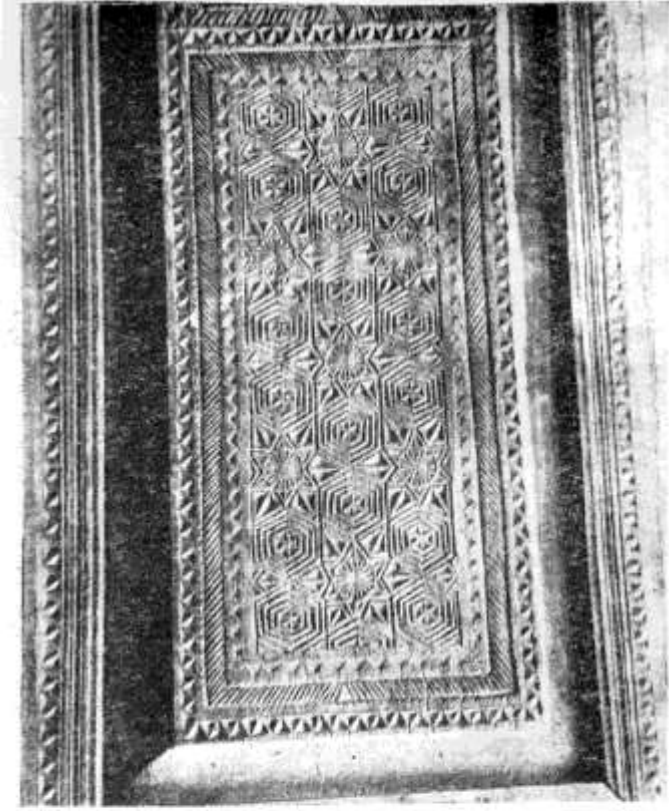

Рис. 87. Центральная филенка резной двери в доме Холмата Джалилова в гузаре Кудолон. Около 1860 г. Резьба без выборки фона.

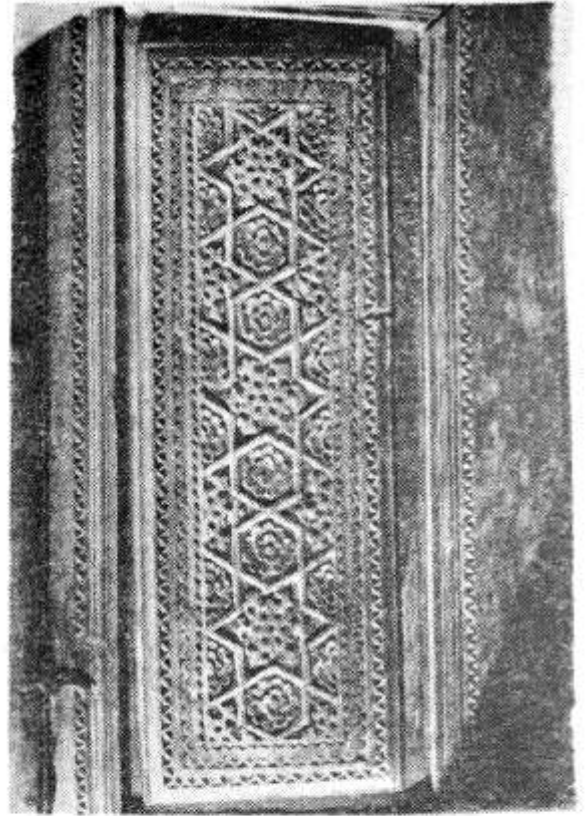

Рис. 88. Центральная филенка резной двери в самаркандском доме, резьба с выборкой фона. Фото И. П. Завалина.

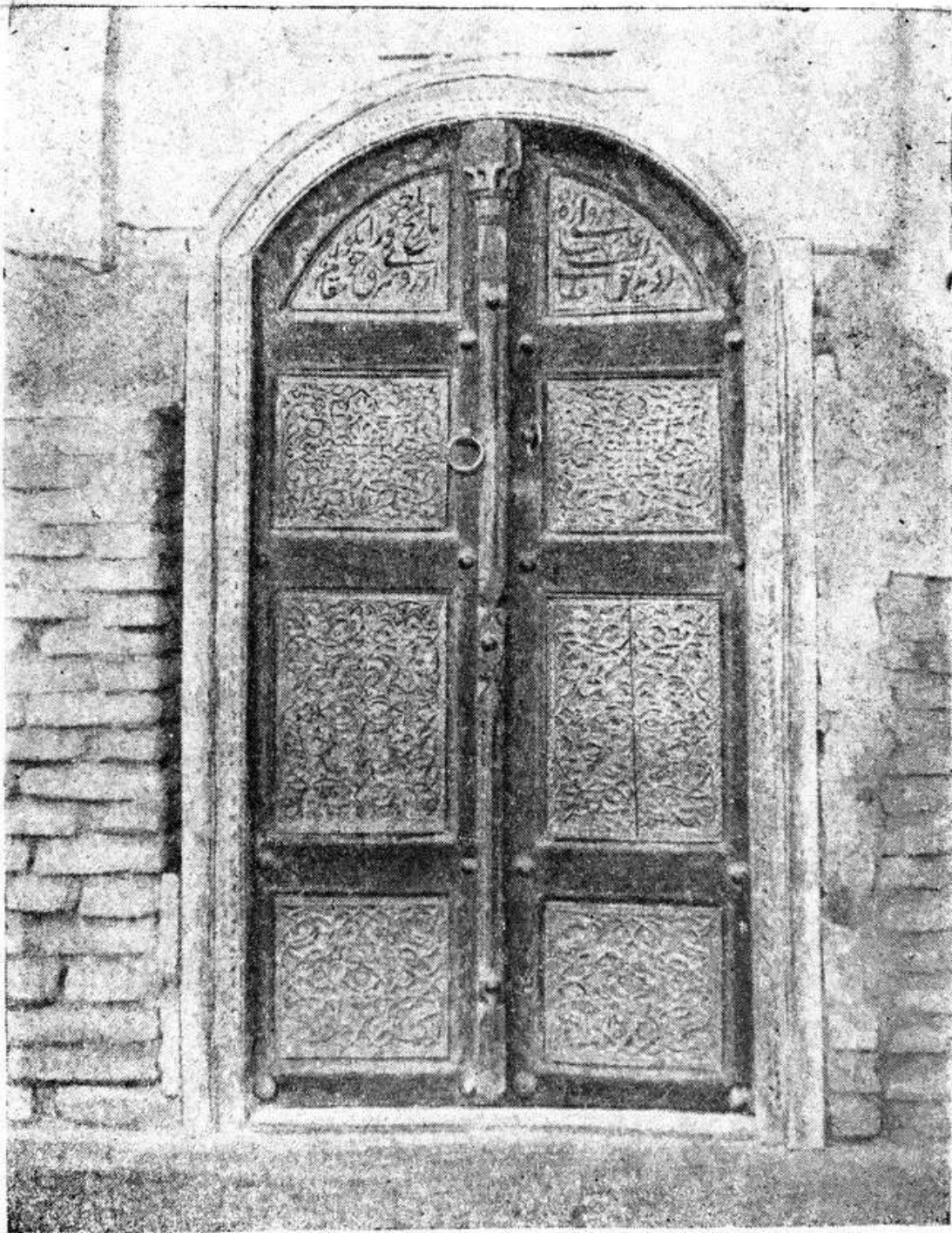

Рис. 89. Одна из резных дверей, ведущих с айвана в зимнее помещение мечети Ходжа-Джон-Ходжа. Надпись на верхних филёнках содержит дату 1203 г. х. (1788—1789 гг.).

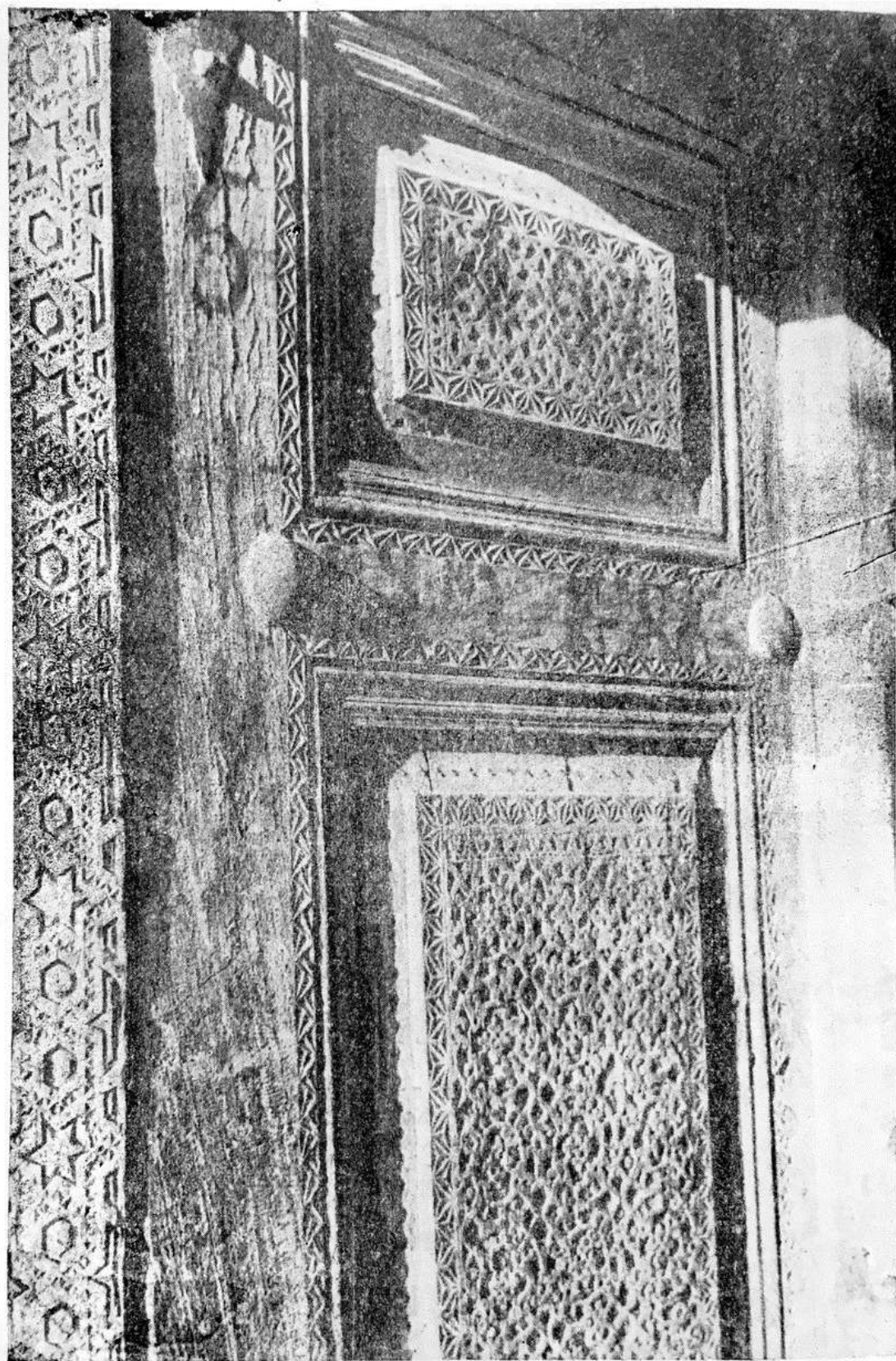

Рис. 90. Резная дверь, ведущая во двор мавзолея Ходжа-Абди-Дарун.

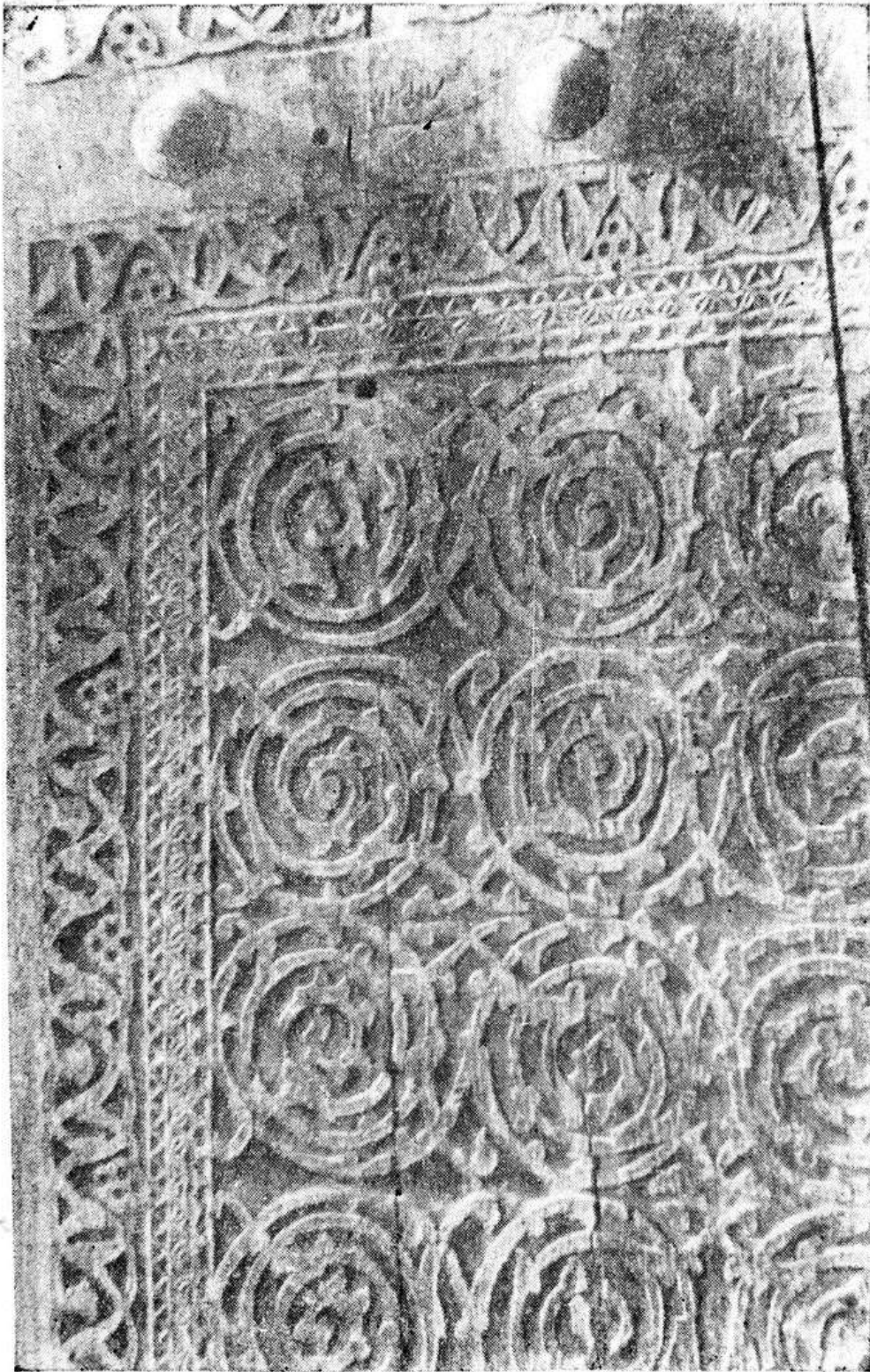

Рис. 91. Часть резной двери, ведущей во двор мечети Ходжа-Ахрор.

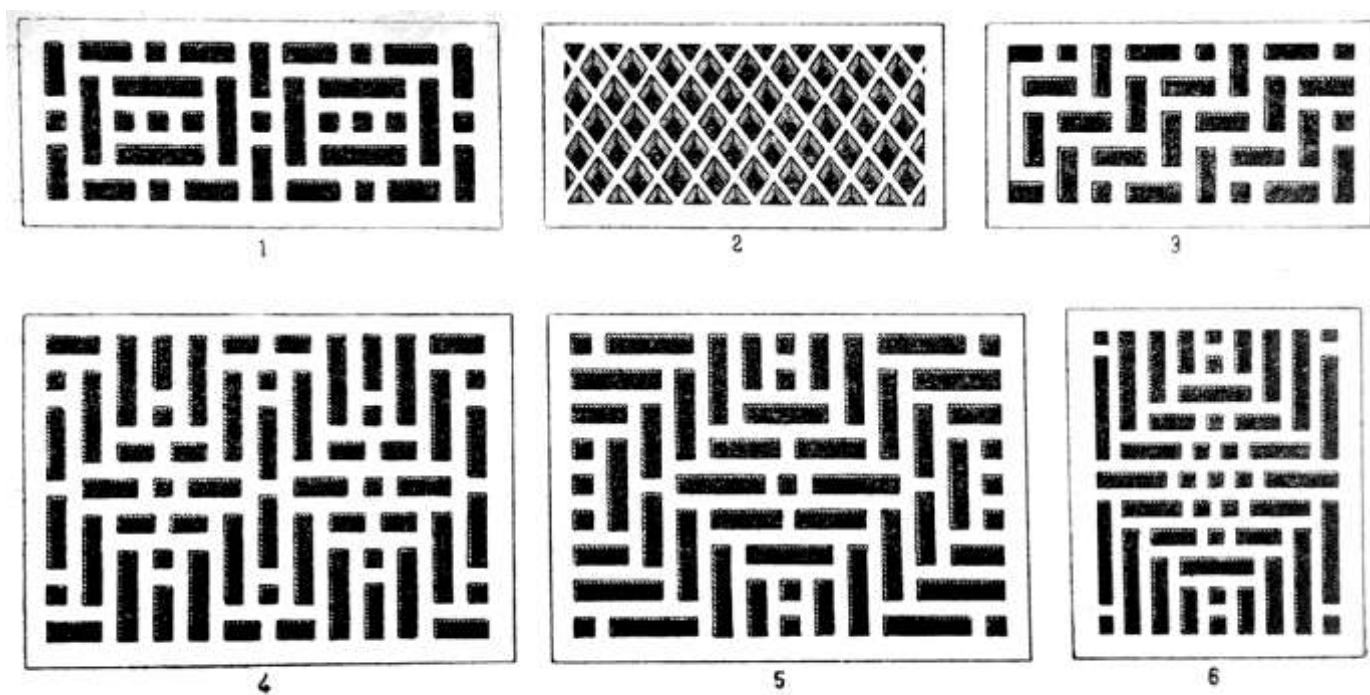

Рис. 92. Образцы узоров деревянных решеток в жилых домах. Рисунки В. Е. Янкевич с фото.

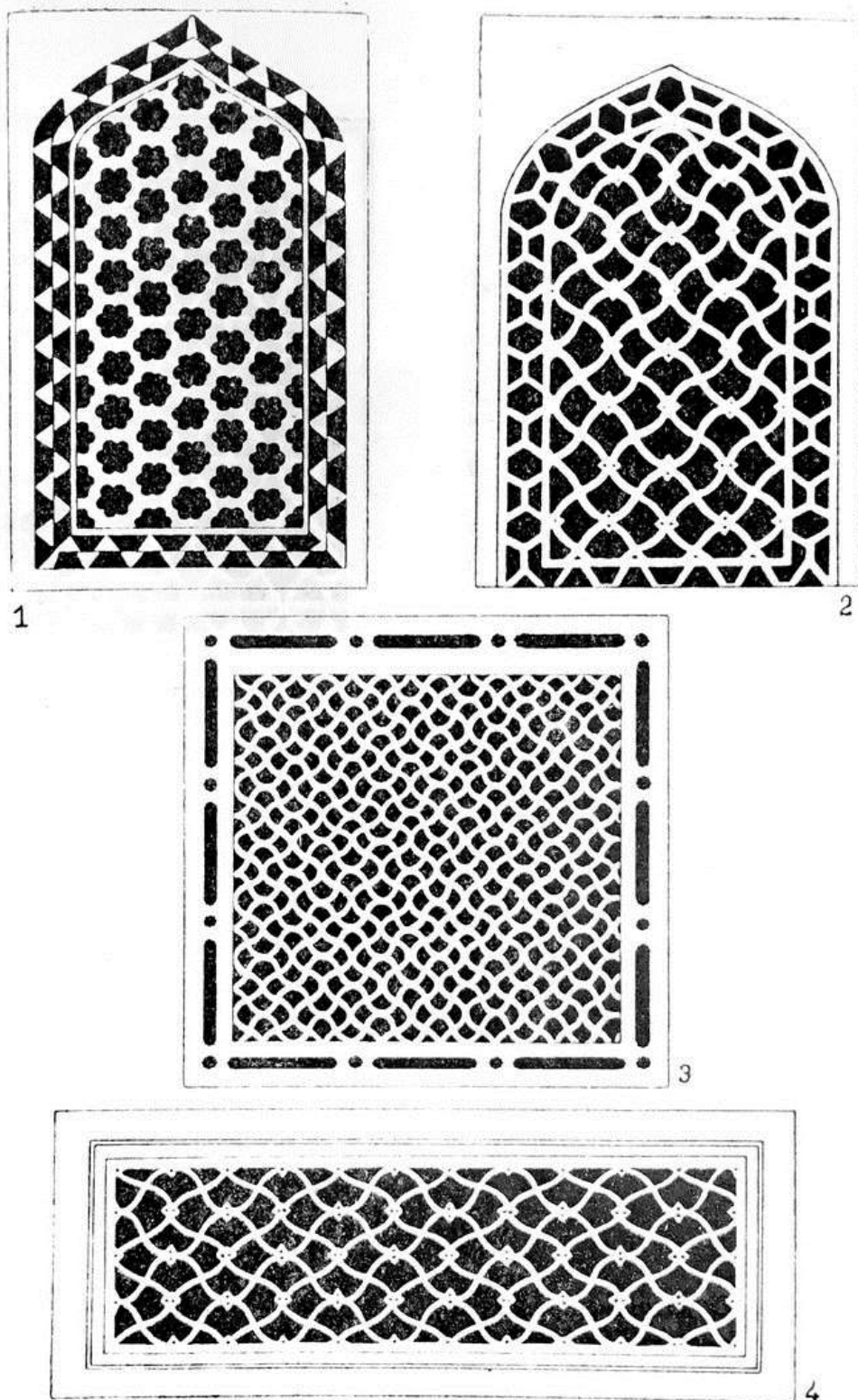
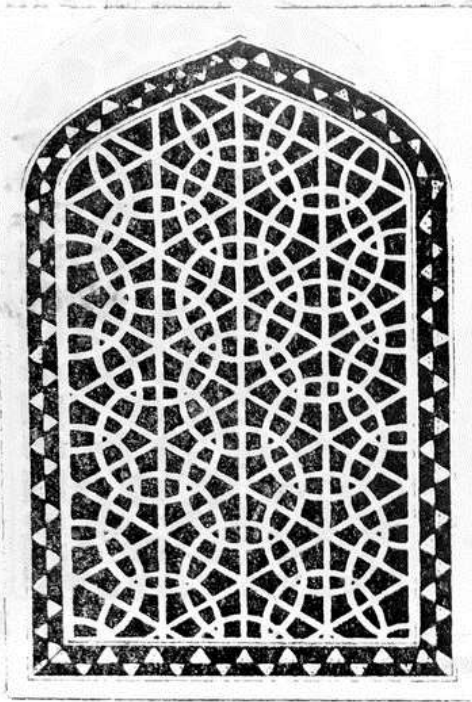
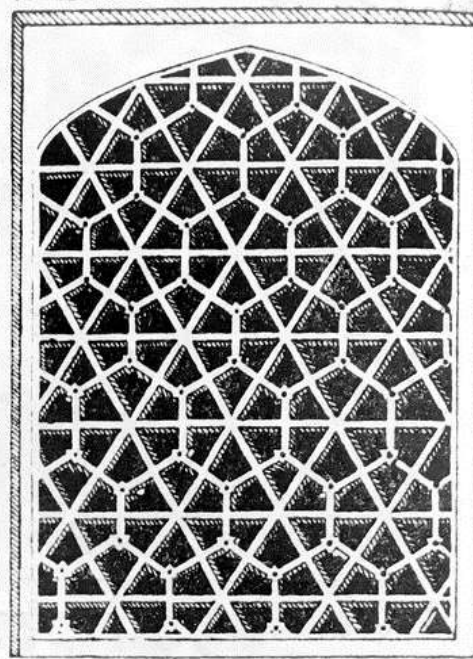

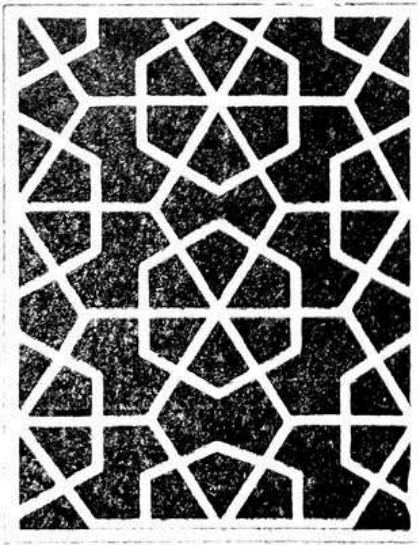
Рис. 93. Образцы узоров ганчевых решеток в самаркандских жилых домах и квартальных мечетях. Рисунки В. Е. Янкович с фото.

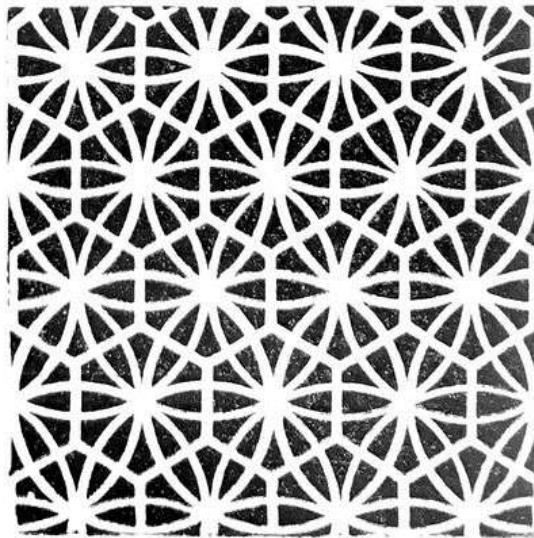
1

2

3

4

Рис. 94. Образцы узоров ганчевых решеток в самаркандских жилых домах и квартальных мечетях. Рисунки В. Е. Янкевич с фото.

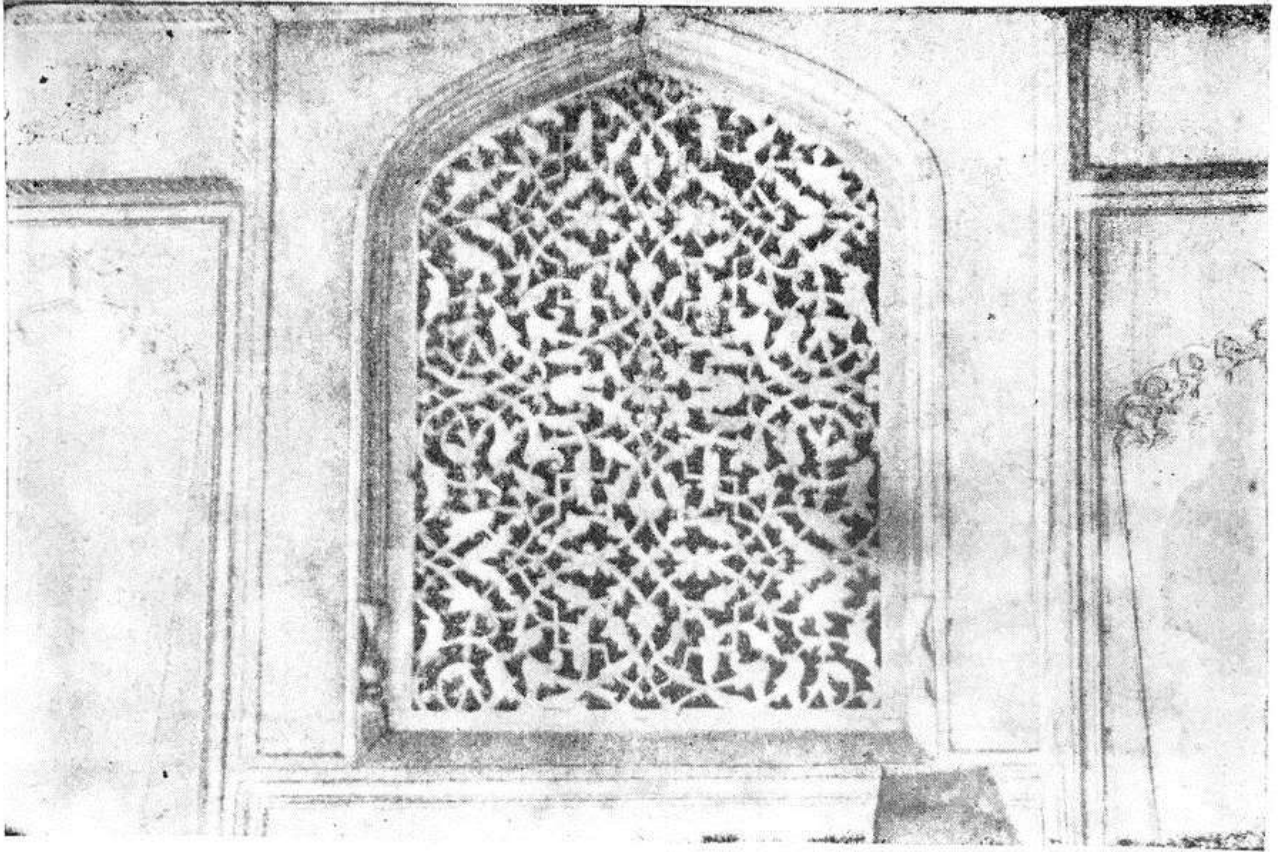

Рис. 95. Ганчевая решетка типа шабаканок с узором ислими бепардоз над дверью, ведущей с айвана в хонако, в мечети 1-я Ташканди.

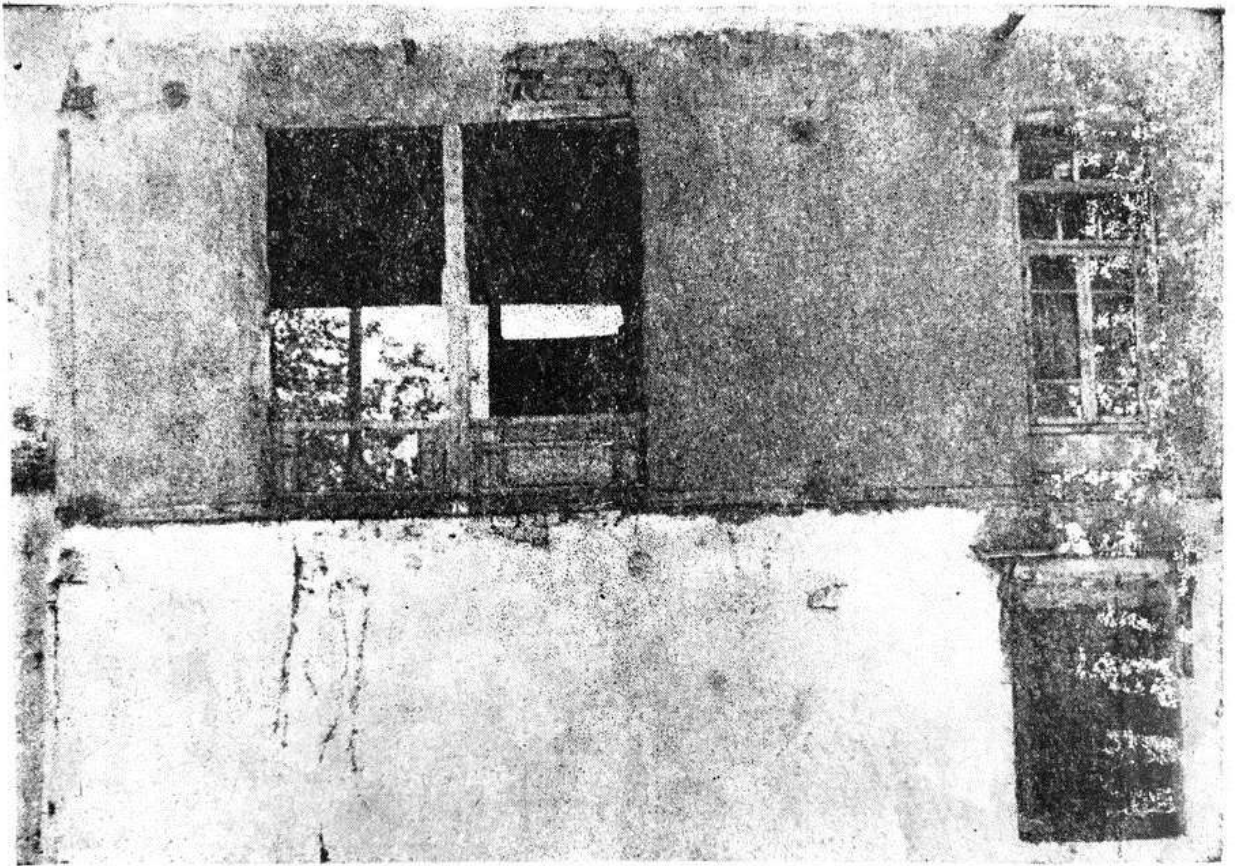

Рис. 96. Мехмонхона на втором этаже в бывшем доме афганца Абдурахмона Хайдарова. Выходящая на улицу стена, состоящая из деревянных поднимающихся рам — равон или давак.

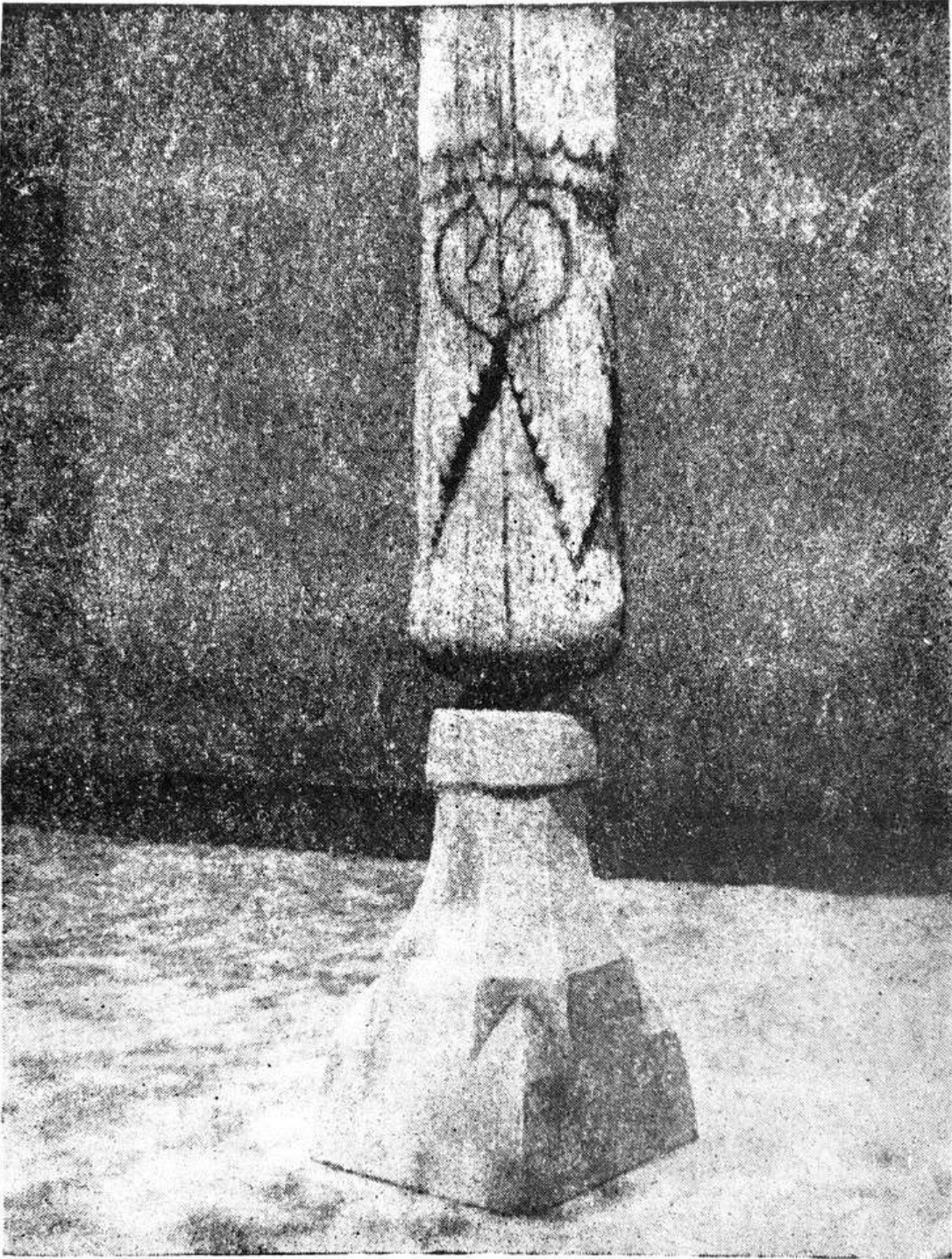

Рис. 97. Оформление яблока кузаги колонны на айване мечети Хаммоми-Арк. Датируется, по-видимому, предпоследней перестройкой мечети при бухарском эмире Назрулло (1826—1860).

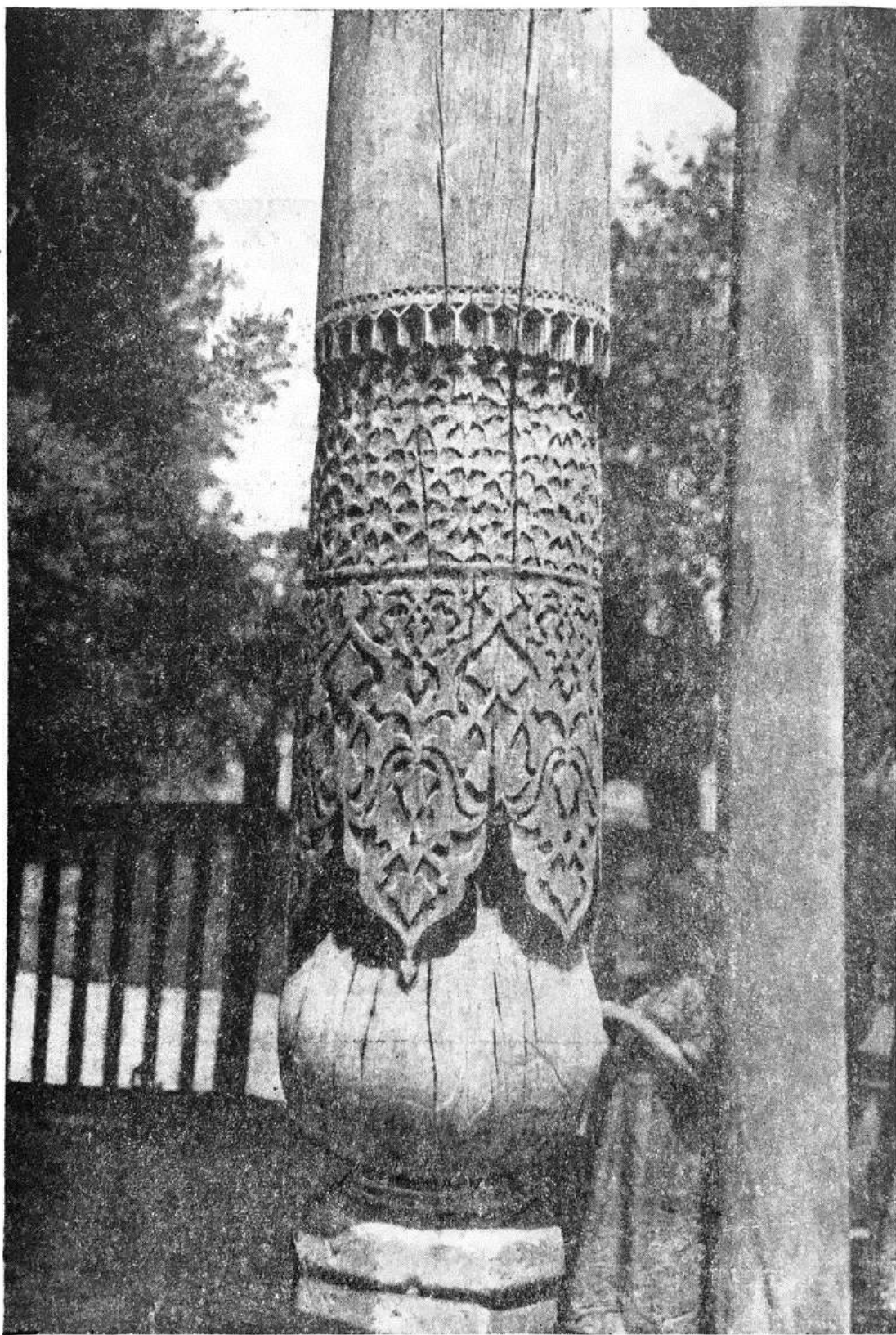

Рис. 98. Нижняя украшенная резьбой часть колонны на южном айване мечети Хавзи-Сангин, 1864 г.

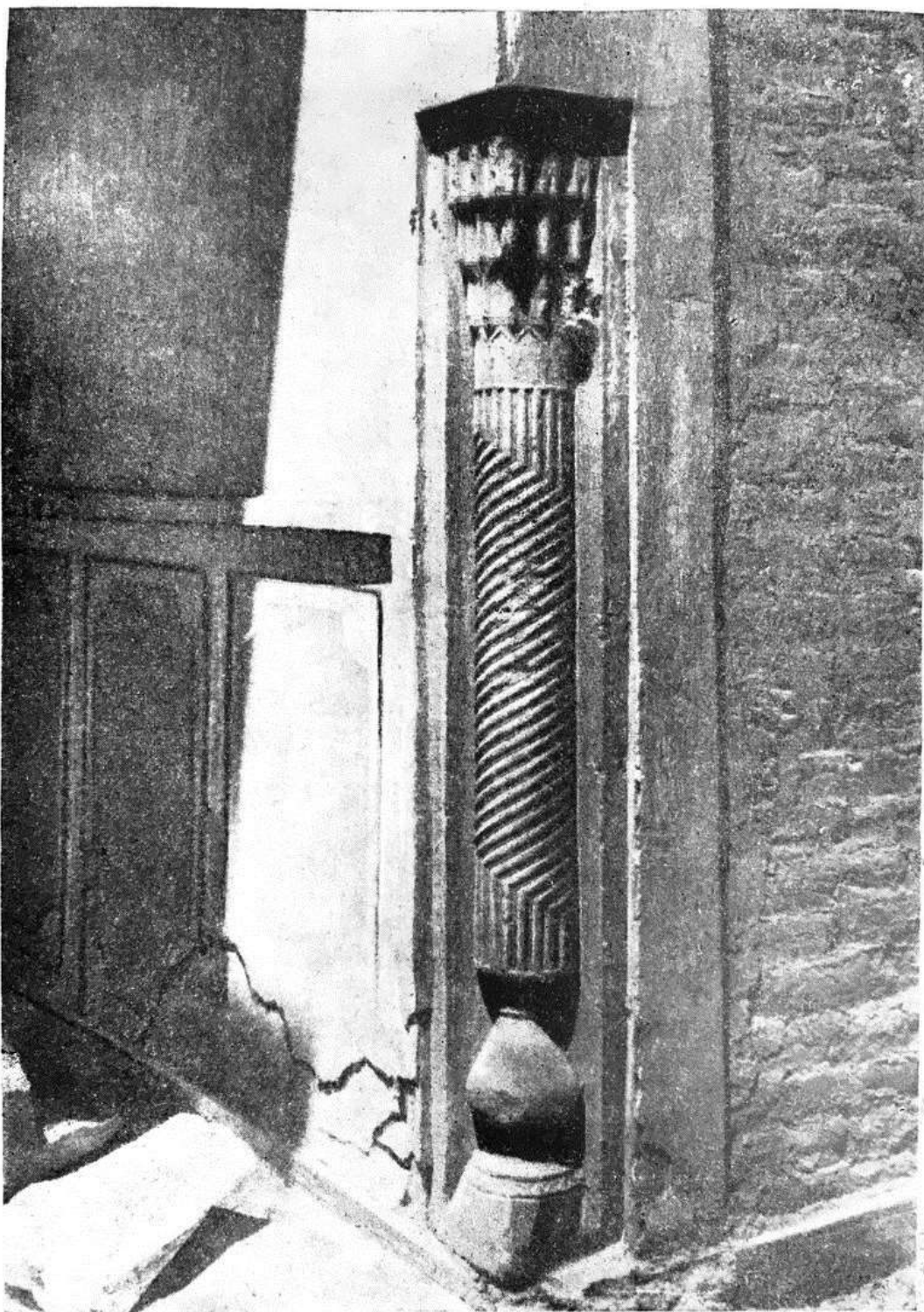

Рис. 99. Мраморная колонка, находящаяся в наружном юго-восточном углу зимнего помещения, выходящего на айван, в мечети Каландархона, последний раз перестроенной в 1881 г. По-видимому, осталась от более старой постройки.

Рис. 100. Колонна на айване мечети Ходжа-Джон-Ходжа. Около 1870 г. Яблоко типа гарбузи.

Рис. 101. Угловая колона айвана Ходжа-Зуд-Мурод с яблоком типа тухми.

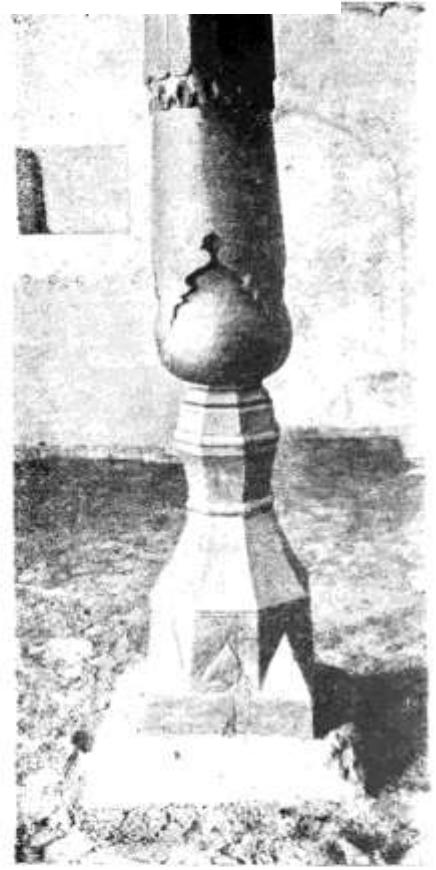

Рис. 102. Нижняя часть колонны с яблоком типа деги и базой типа мукаррари в хонако мечети Каварзор. Третья четверть XIX в.

Рис. 103. Чугунная литая база колонны на айване мечети Кошхавз.

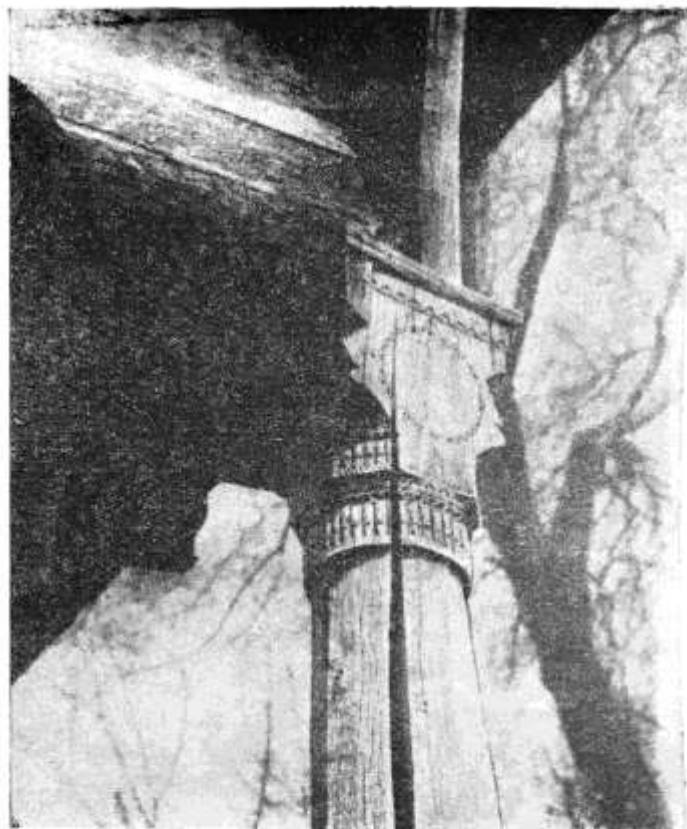

Рис. 104. Капитель угловой колонны на айване мечети Абдулхайр. Начало второй половины XIX в.

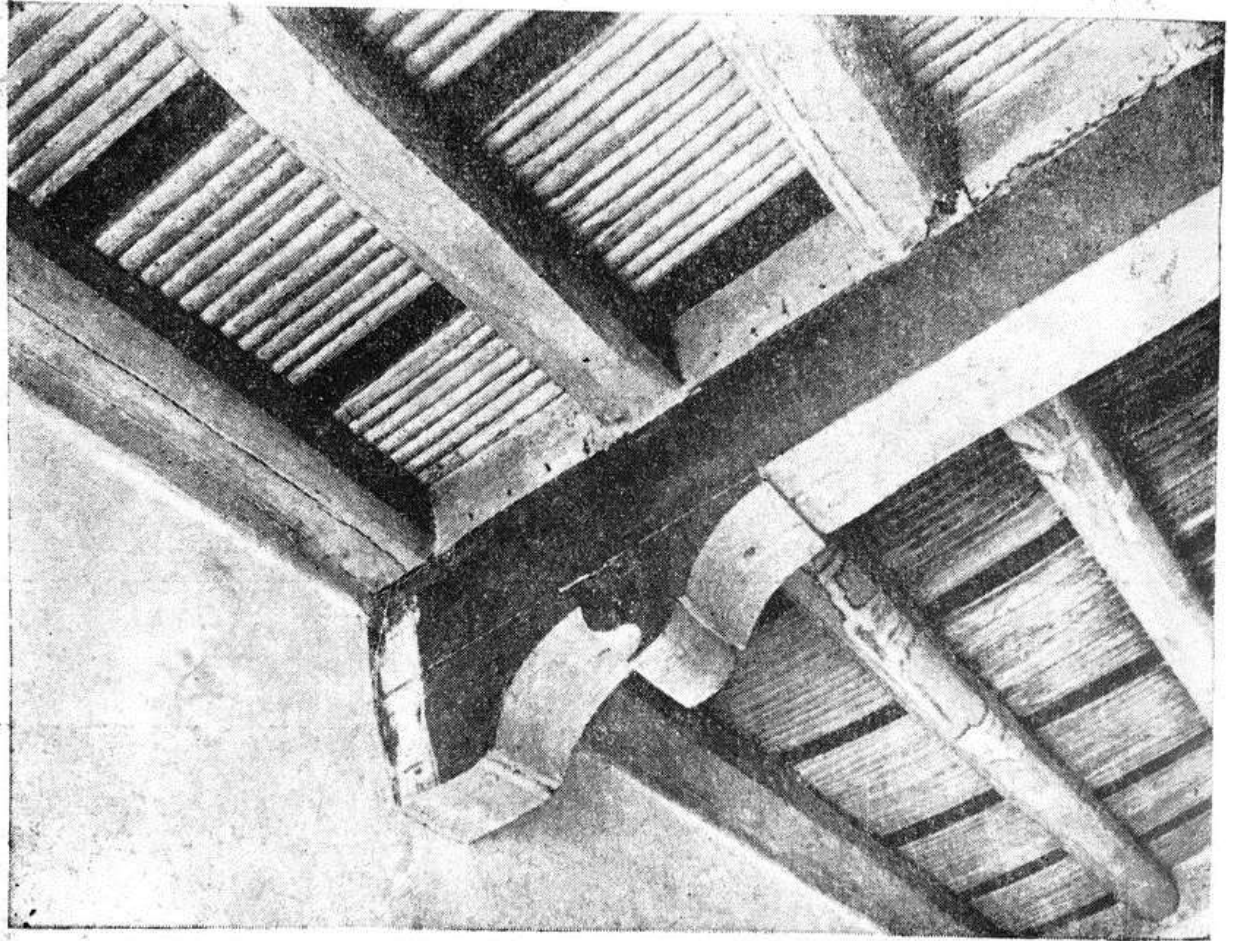

Рис. 105. Подбалка боша типа яккамадохил в зимнем помещении мечети Каварзор. Третья четверть XIX в.

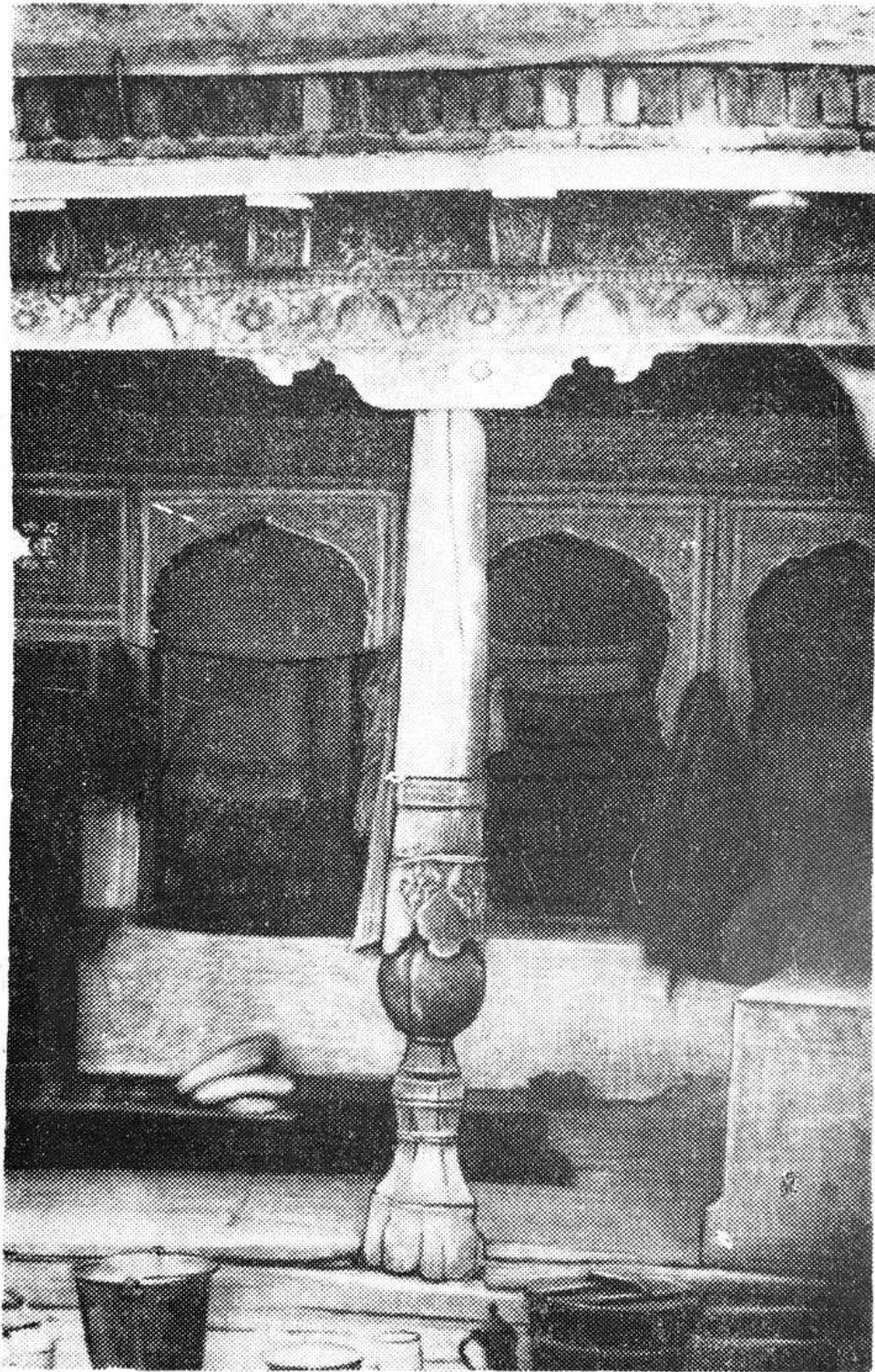

Рис. 106. Подбалка типа кошмадохил над колонной на открытом внутреннем дворике 2-го этажа в жилом доме. Конец XIX—начало XX в.

Рис. 107. Подбалка типа сарбухсри в оформлении дарвозахоны—портика над входом во двор жилого дома. Начало XX в.

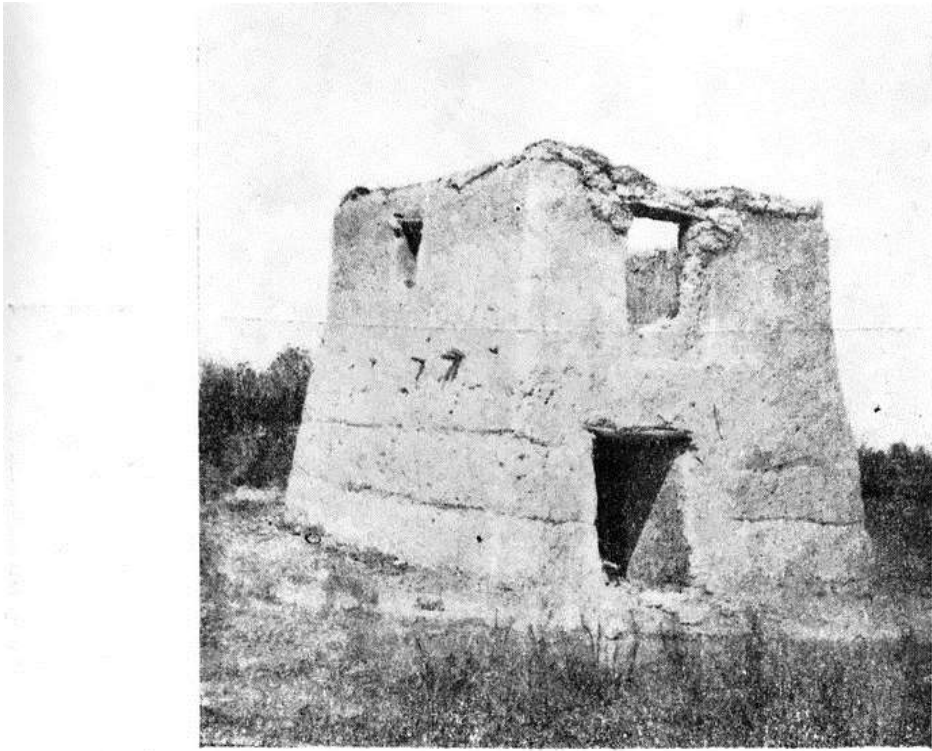

Рис. 108. Загородный дом типа чордевал в окрестностях Самарканда.

Рис. 109. Летнее жилище богхона в садах под Ургютом.

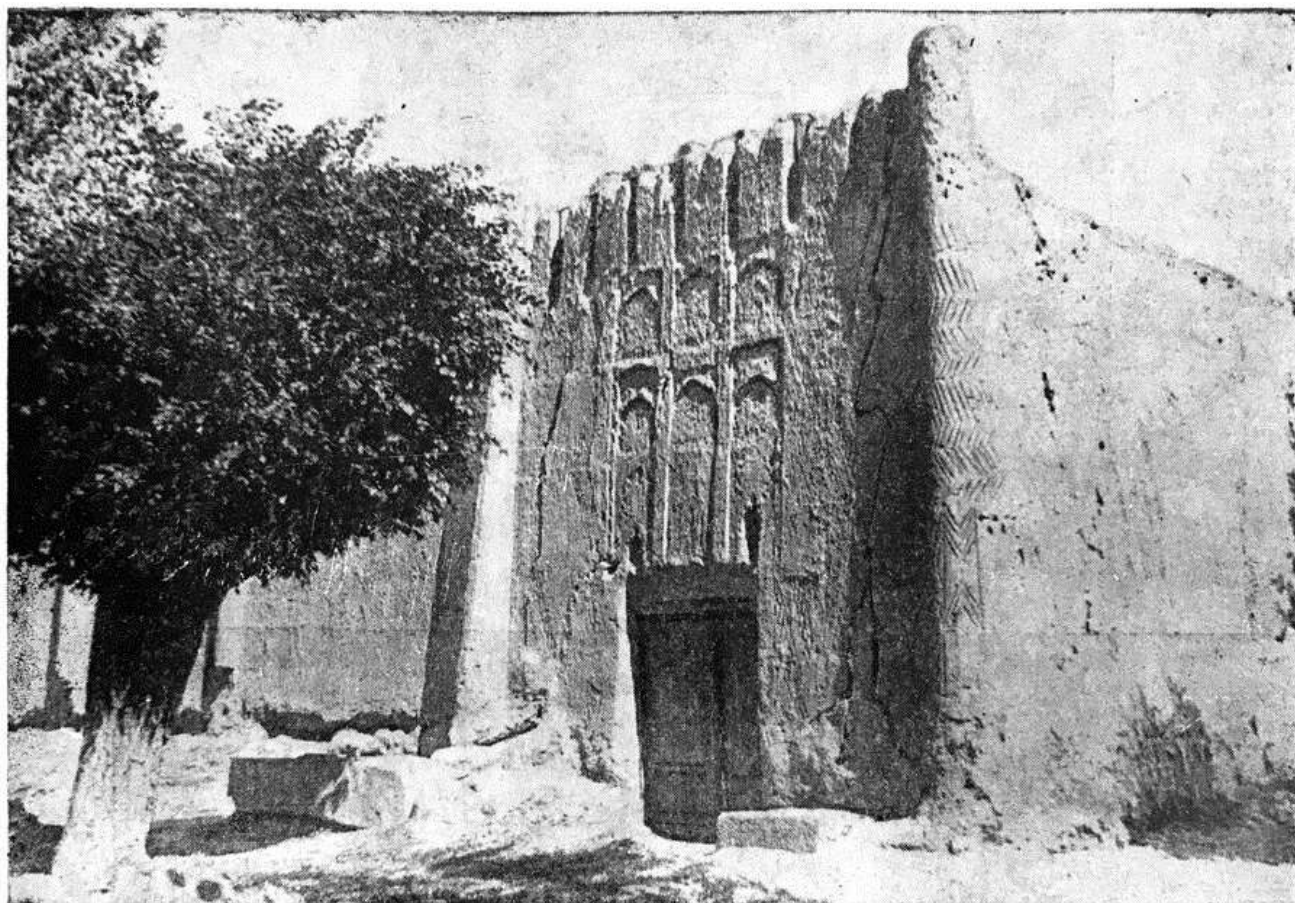

Рис. 110. Курган Шарифбека и Исобека в к. Равонак. Начало второй половины XIX в.

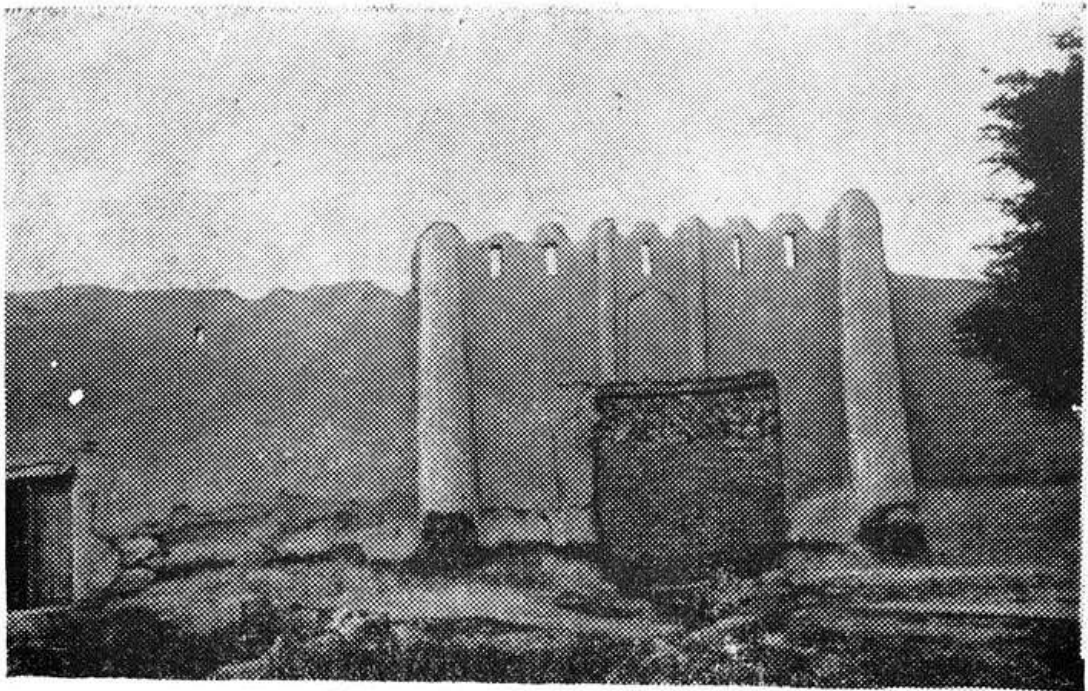

Рис. 111. Курган Косима Дебкора в к. Равонак, построенный во второй четверти XIX в. Фасад раньше был декорирован. Работа ургенческих мастеров.

Рис. 112. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амир. Около 1870 г. Угловая башня с бойницами.

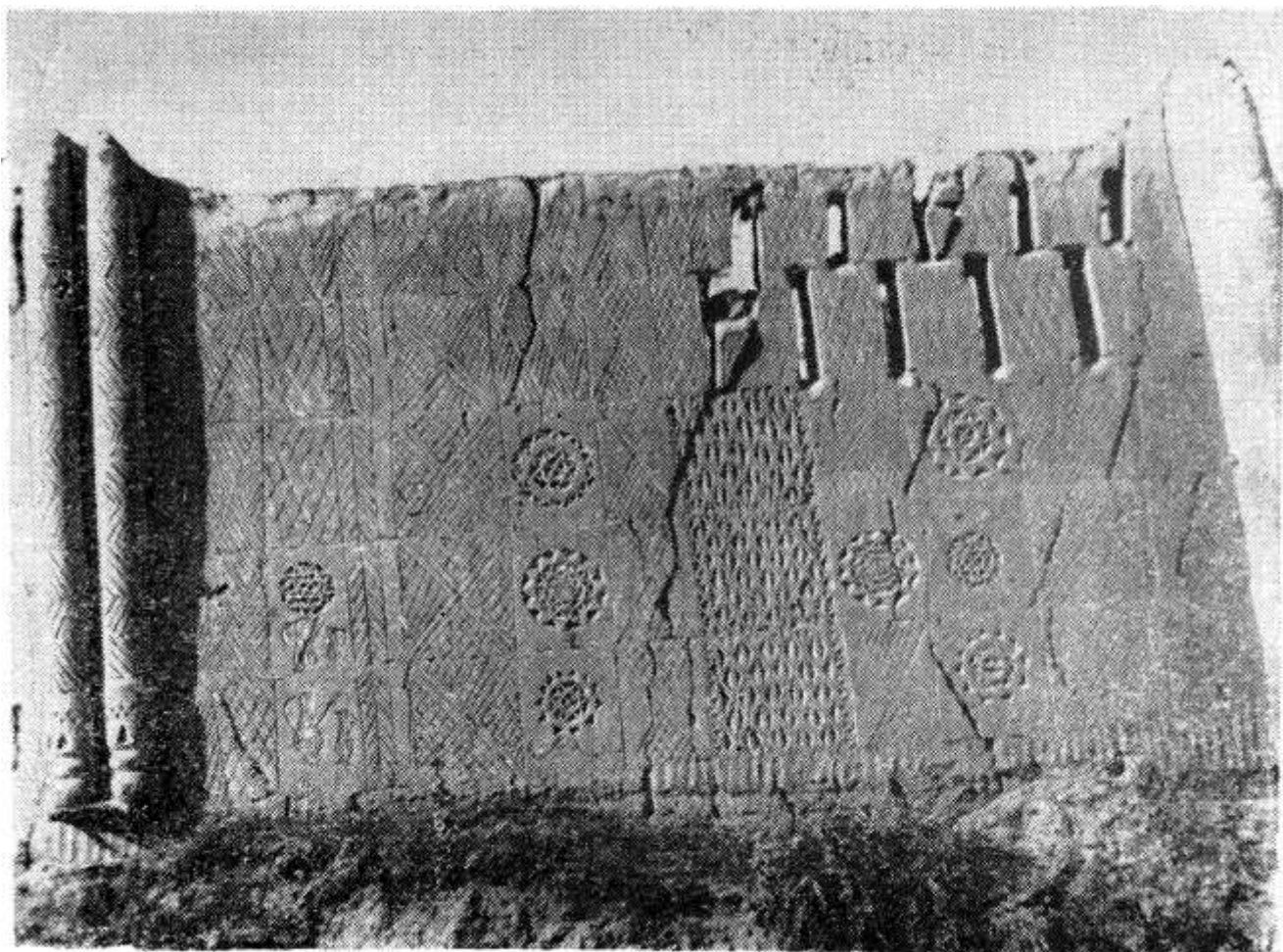

Рис. 113. Курган Фазлиддина Камариддинова в к.Кафтархона. Деталь декорашии фасада. Справа вверху отверстия соягнхона—сушилки для винограда.

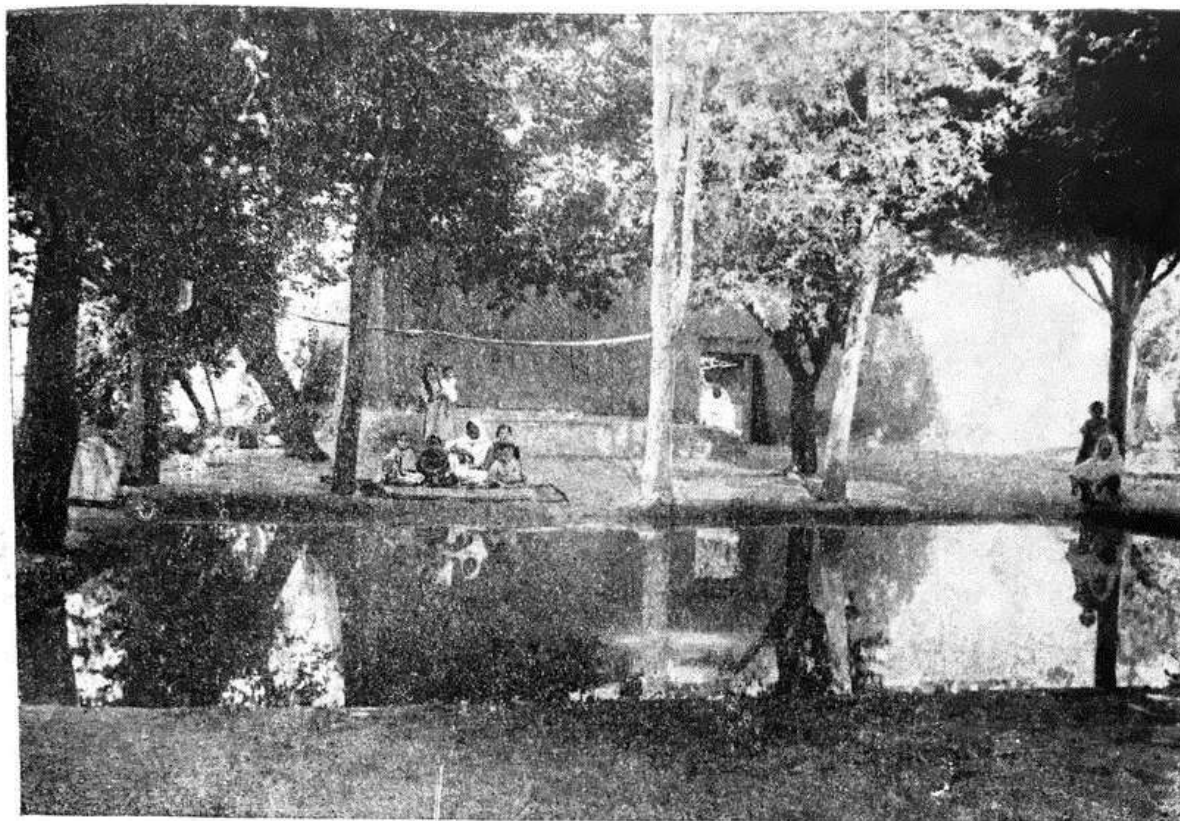

Рис. 114. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амни. Около 1870 г. Боковой садовый фасад с хаузом перед ним.

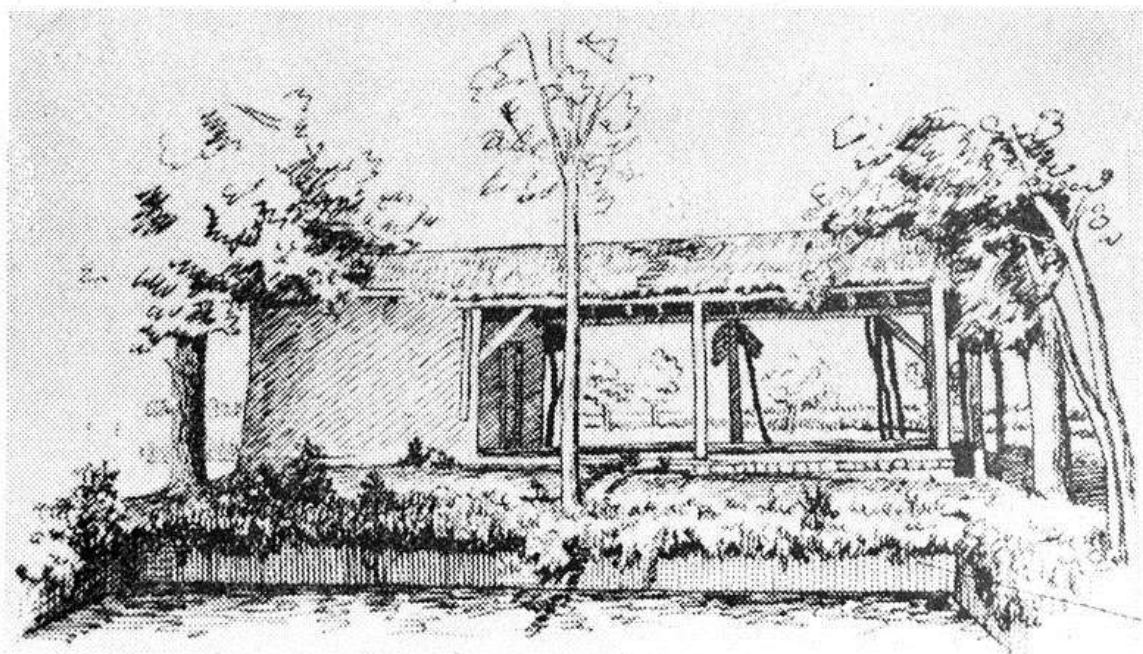

Рис. 115. Шипанг около хауза в кургане Хайдара Мухтарова в к. Шурбон.

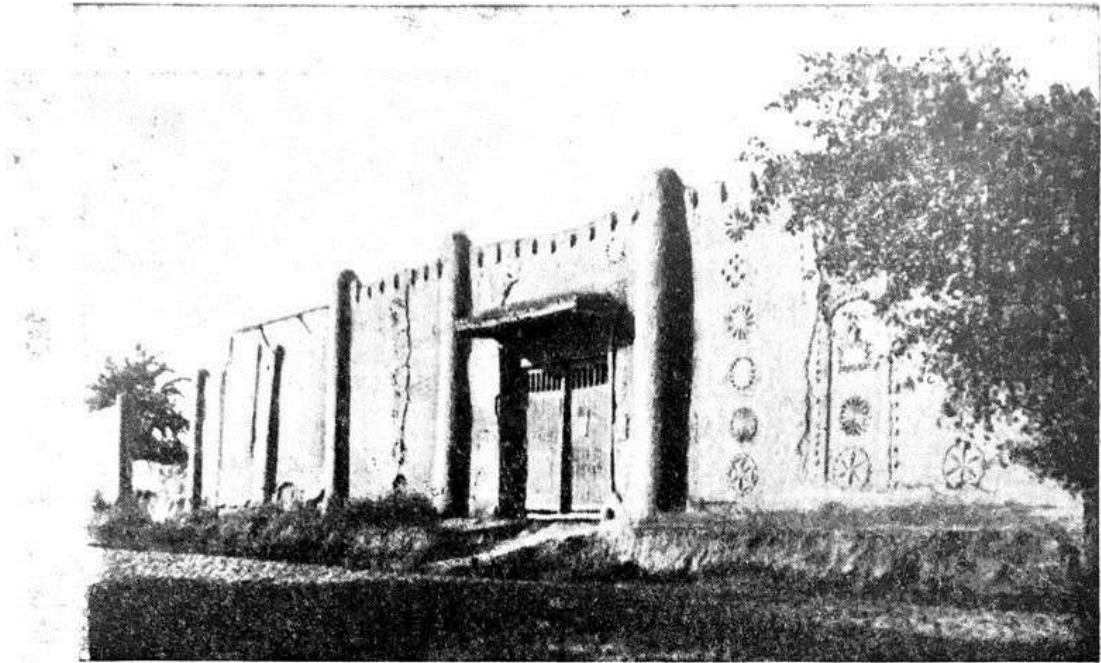

Рис. 116. Курган Махмада Шарифбая в к. Кафтархона. Построен около 1910 г. Общий вид.

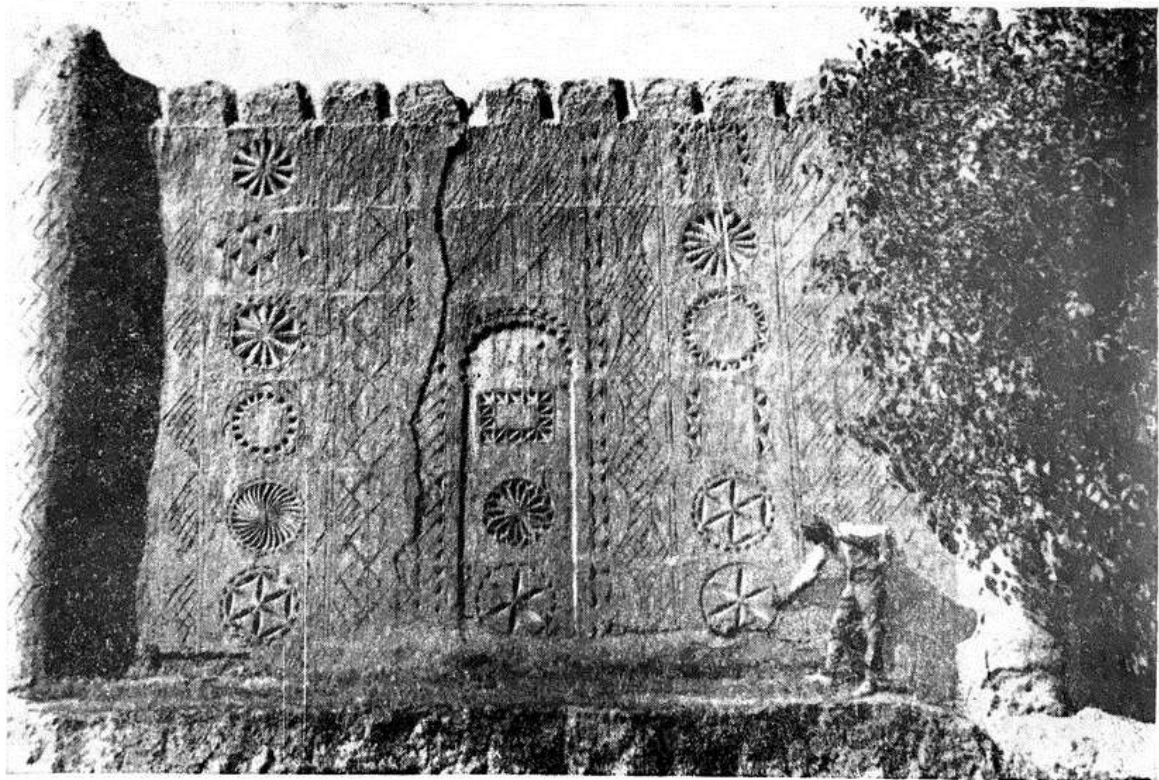

Рис. 117. Курган Махмада Шарифбая в к. Кафтархона. Построен около 1910 г. Деталь фасада.

Рис. 118. — Курган — Карима — Будура в к. Раджаб-Амин. — Построен около 1870 г. Оформление входных-ворот.

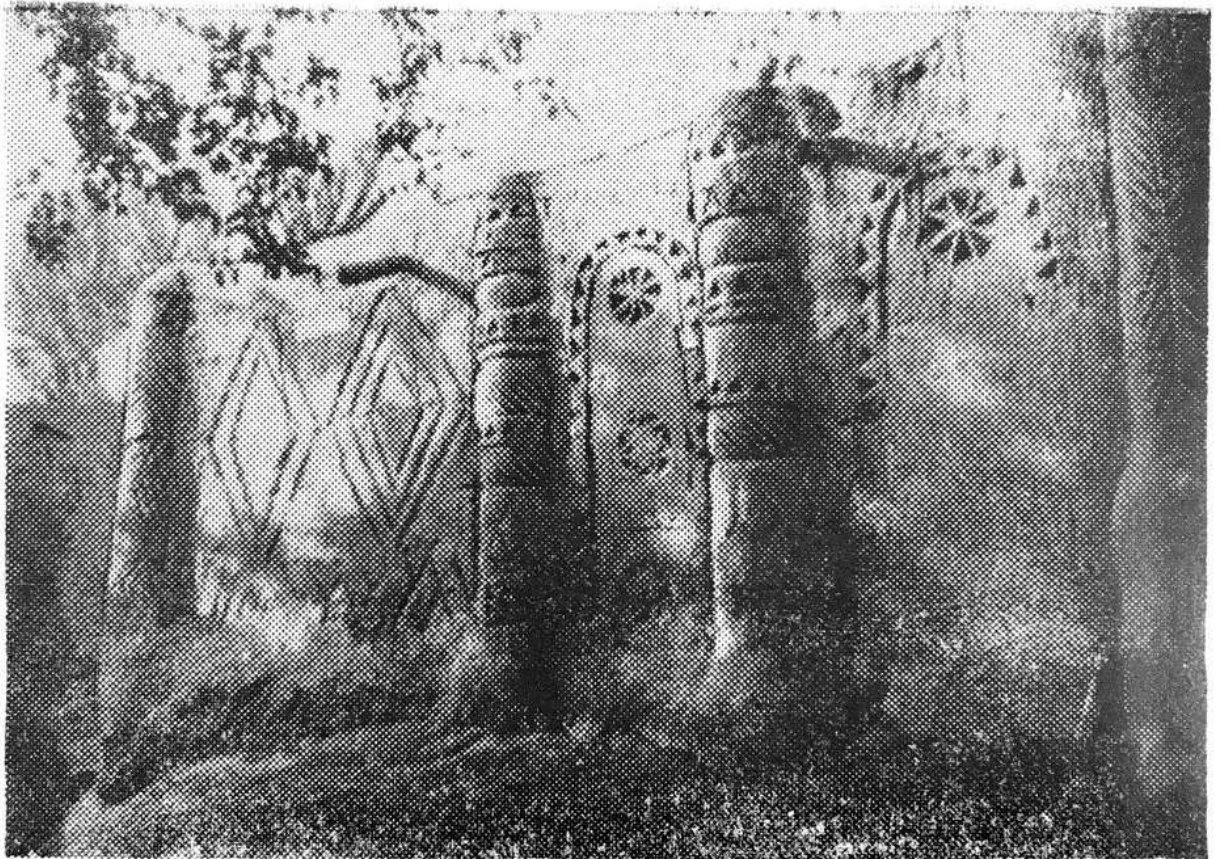

Рис. 119. Курган Ер-Махмада в к. 4-й Юнучка-Арык. Боковой уличной фасад с изображениями крупных ромбов и с массивными колонками.

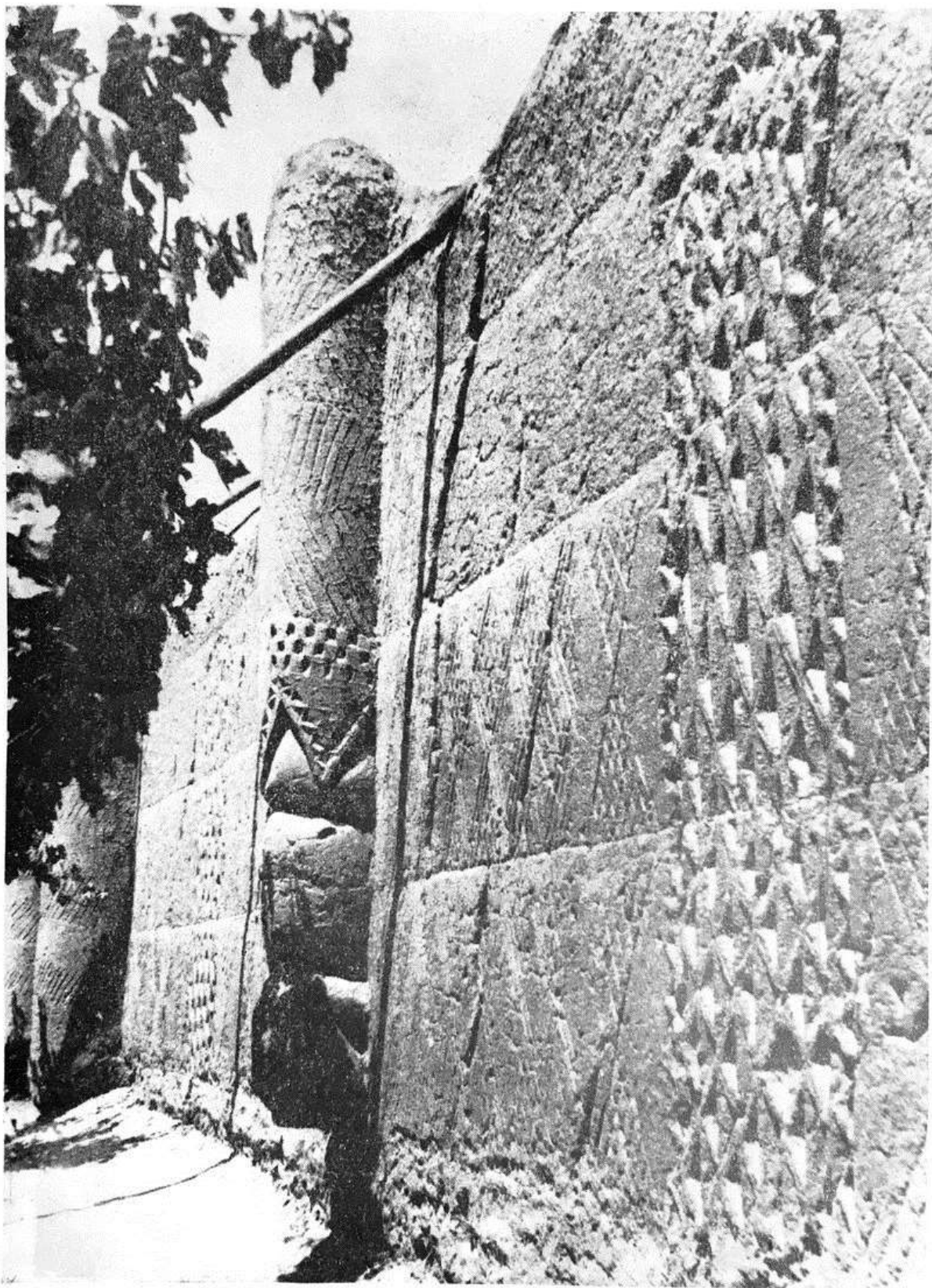

Рис. 120. Курган Фазлиддина Камариддинова в к. Кафтархона. Деталь садового фасада.

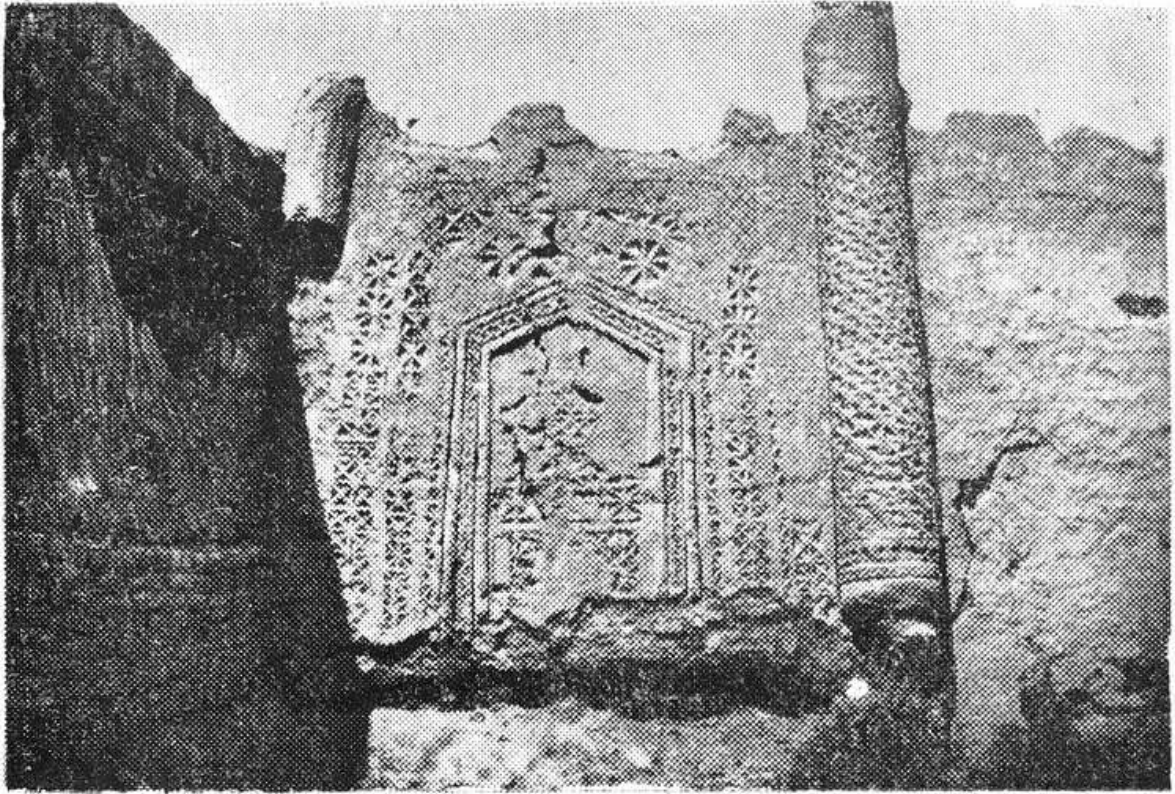

Рис. 121. Часть декорированной стены кургана. Работа туркмена усто Якуба. Фото В. И. Котовского.

Рис. 122. Угловая граненая башня и часть фасада кургана. Работа туркмена усто Якуба. Фото В. И. Котовского.

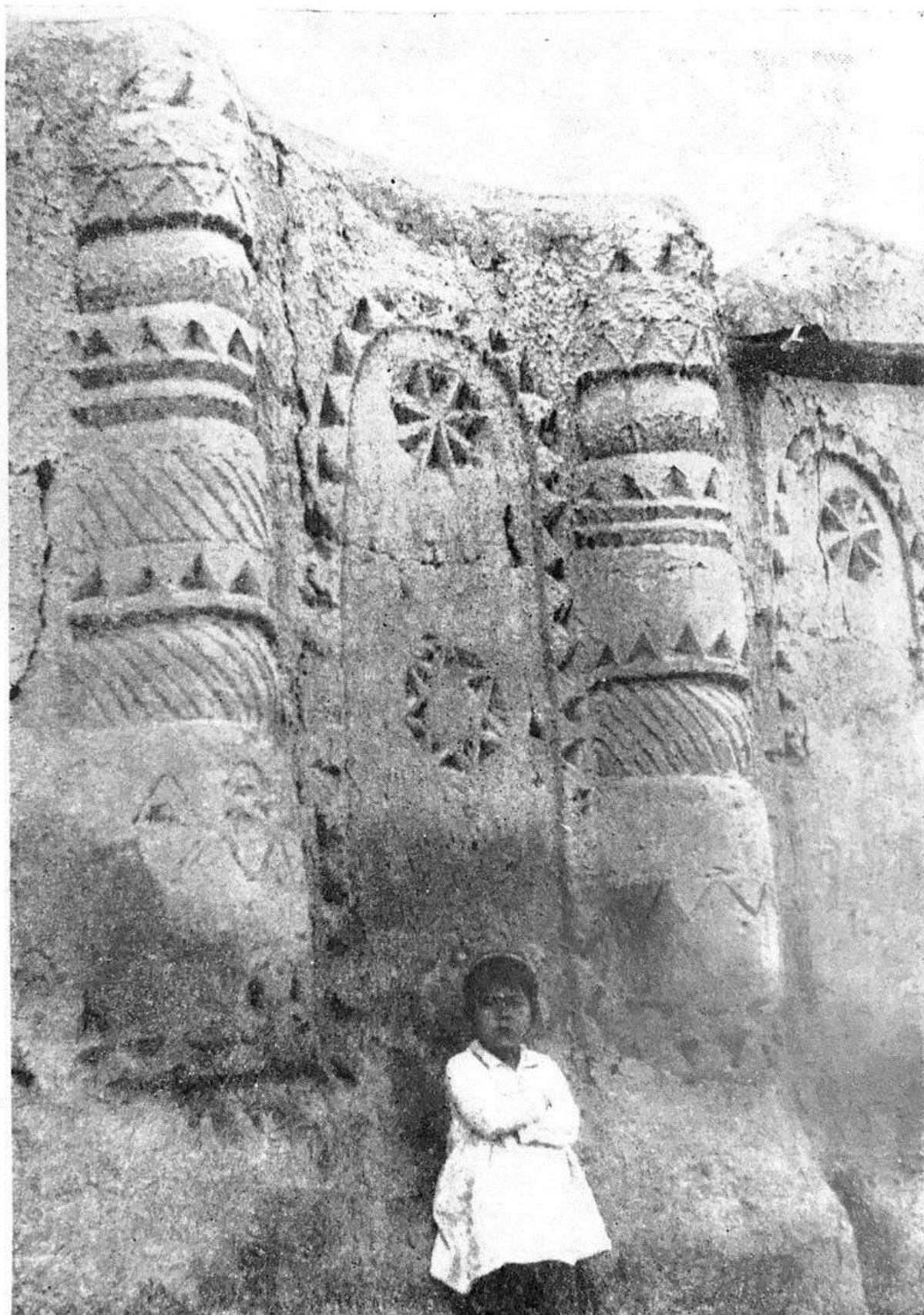

Рис. 123. Курган Ер-Махмада в к. 4-й Юнучка-Арык. Часть фасада с колоннами.

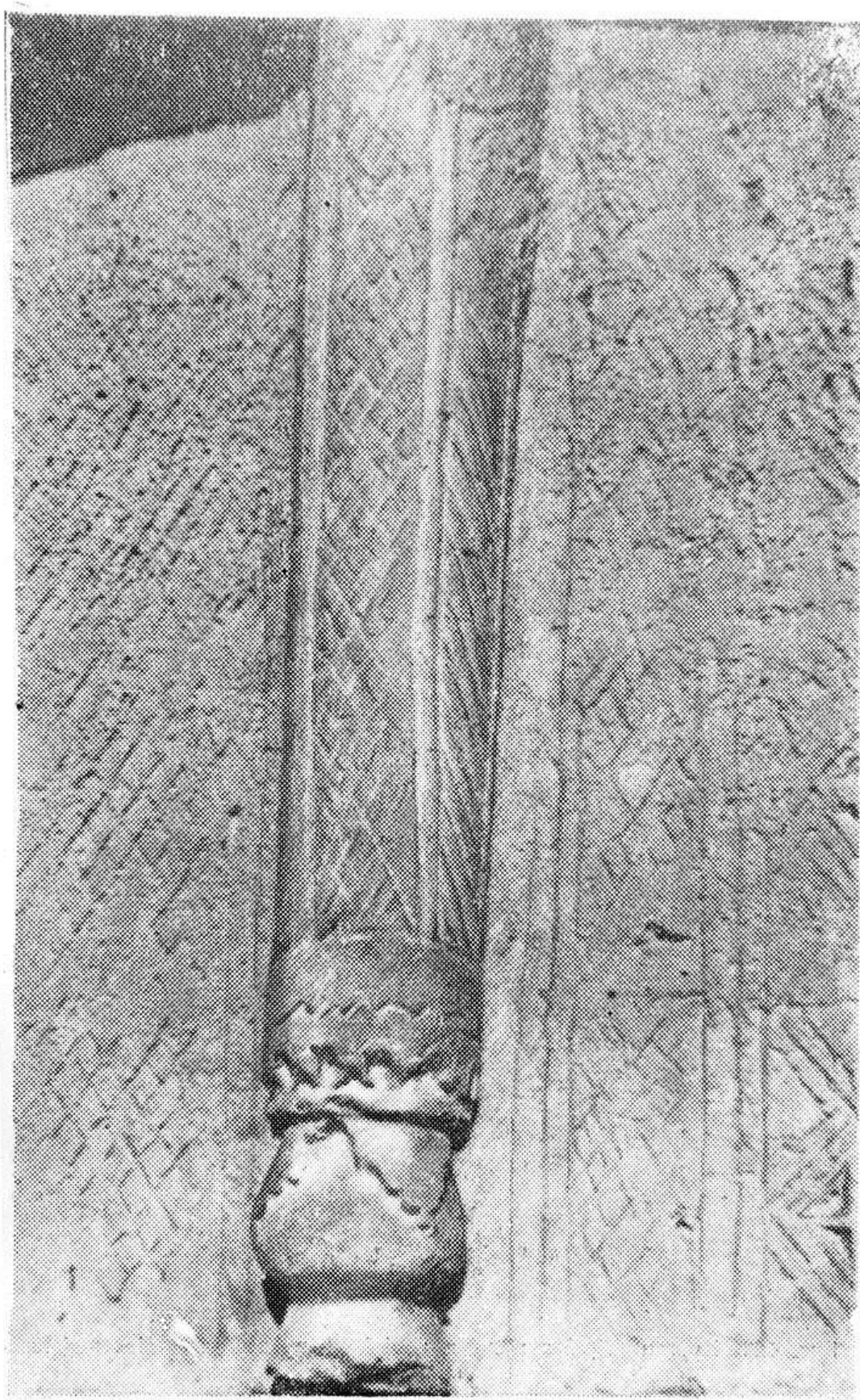

Рис. 124. Курган в к. Нурабад. Декоративная колонка.

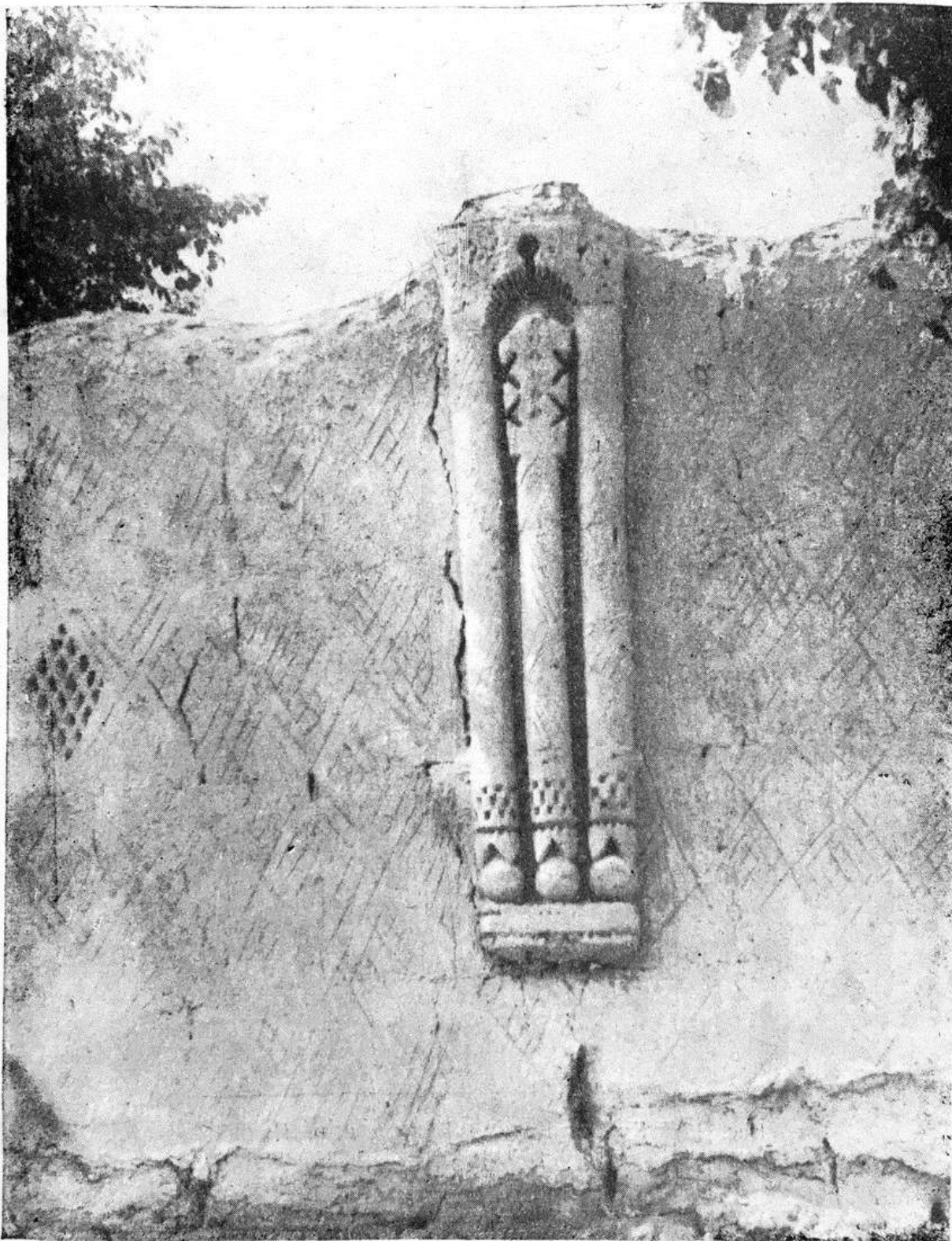

Рис. 125. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амин. Около 1870 г. Тройная колонка между входными воротами и угловой башней.

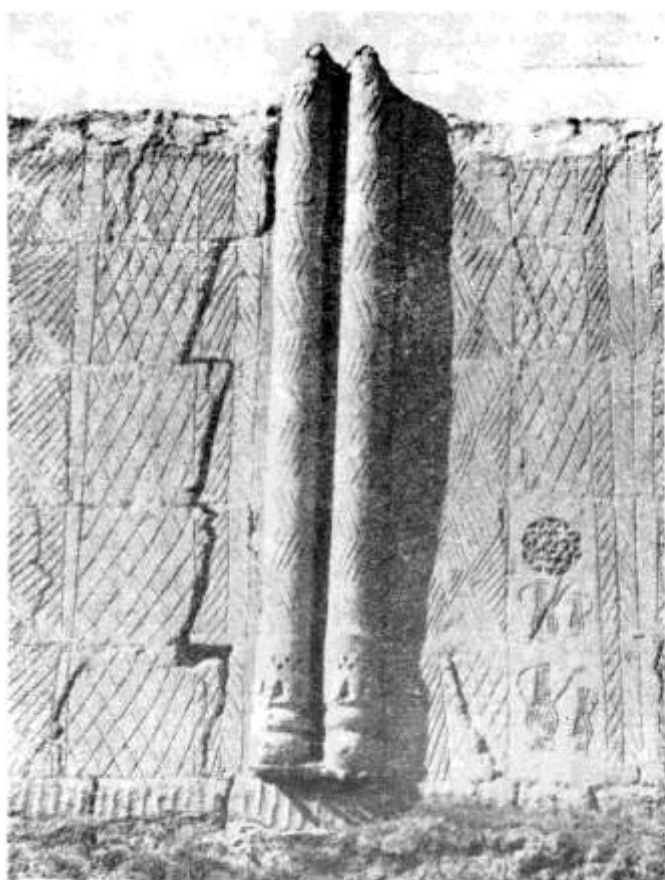

Рис. 127. Курган Фазлиддина Камариддинова в к. Кафтархона. Двойная колонка фасада.

Рис. 128. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амня. Около 1870 г. Двойная колонка фасада.

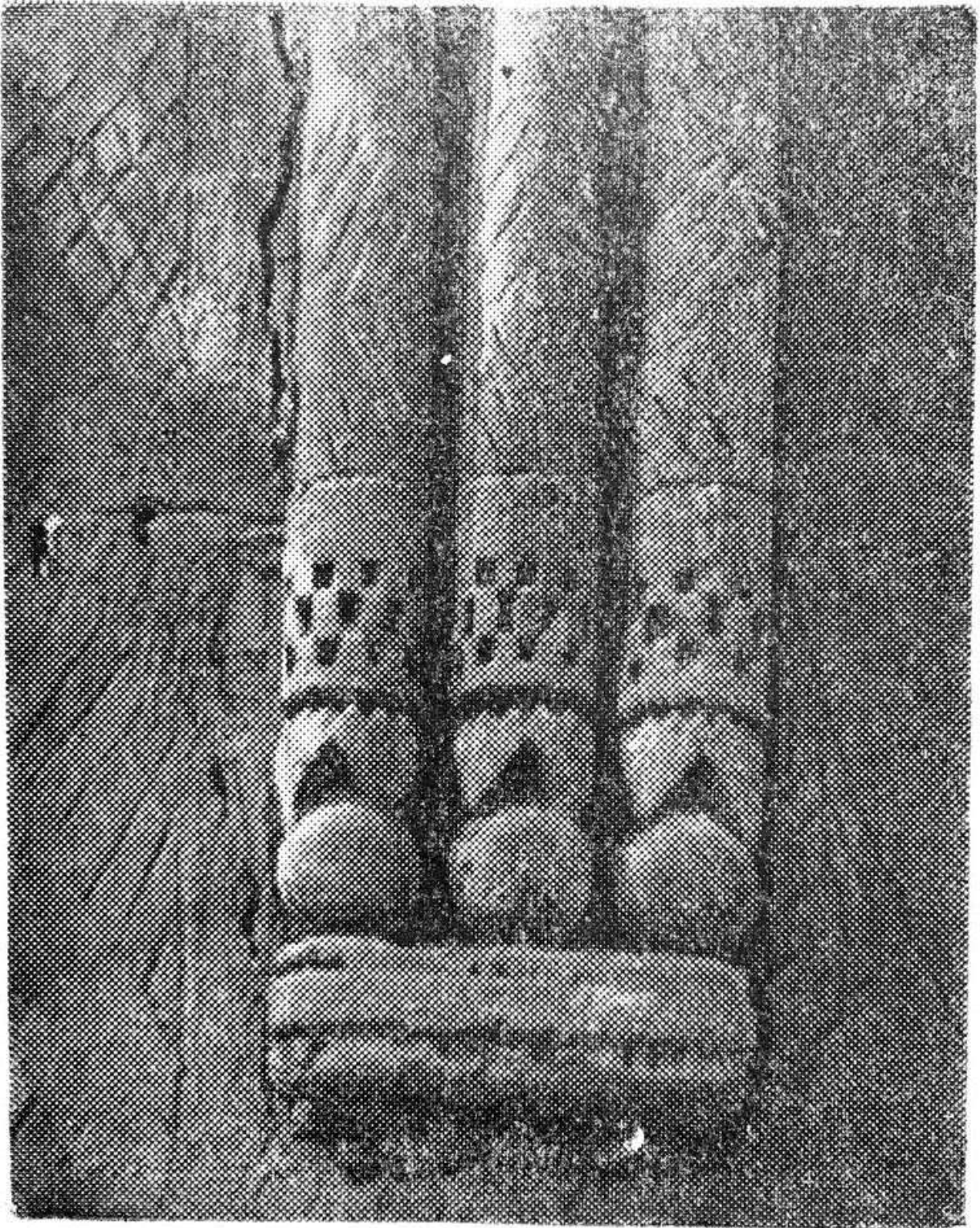

Рис. 126. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амин. Около 1870 г. Нижняя часть тройной колонки фасада. Фото Б. Н. Засыпкина.

Рис. 129. Курган в пригородных садах Самарканд, с двойной колонкой на фасаде. Фото С. М. Дудина, 1901—1902 гг. Фототека Государственного музея этнографии, № 48—64.

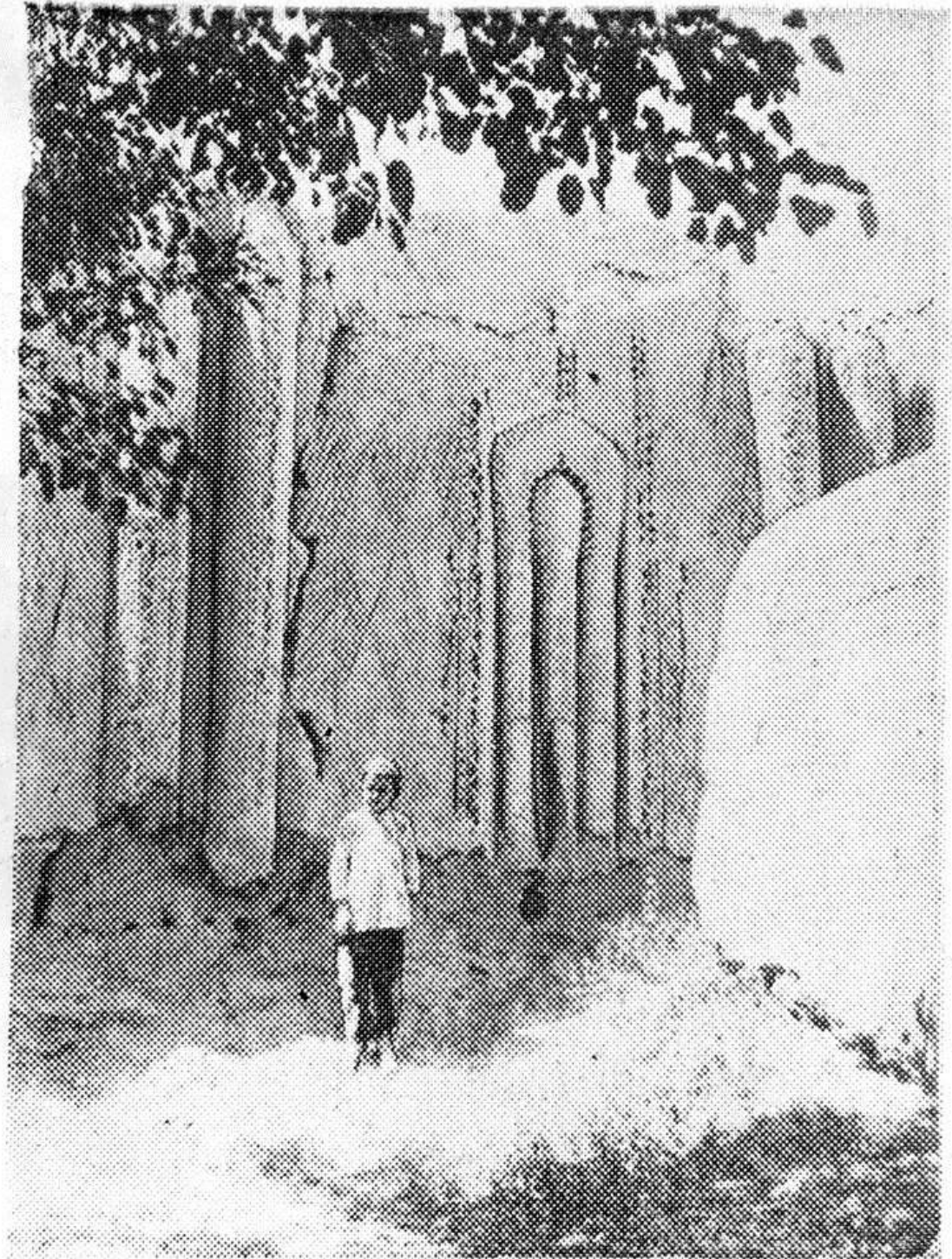

Рис. 130. Кургони-Пишоури (курган пешаверца) в к. Раджаб-Амин. Часть фасада.

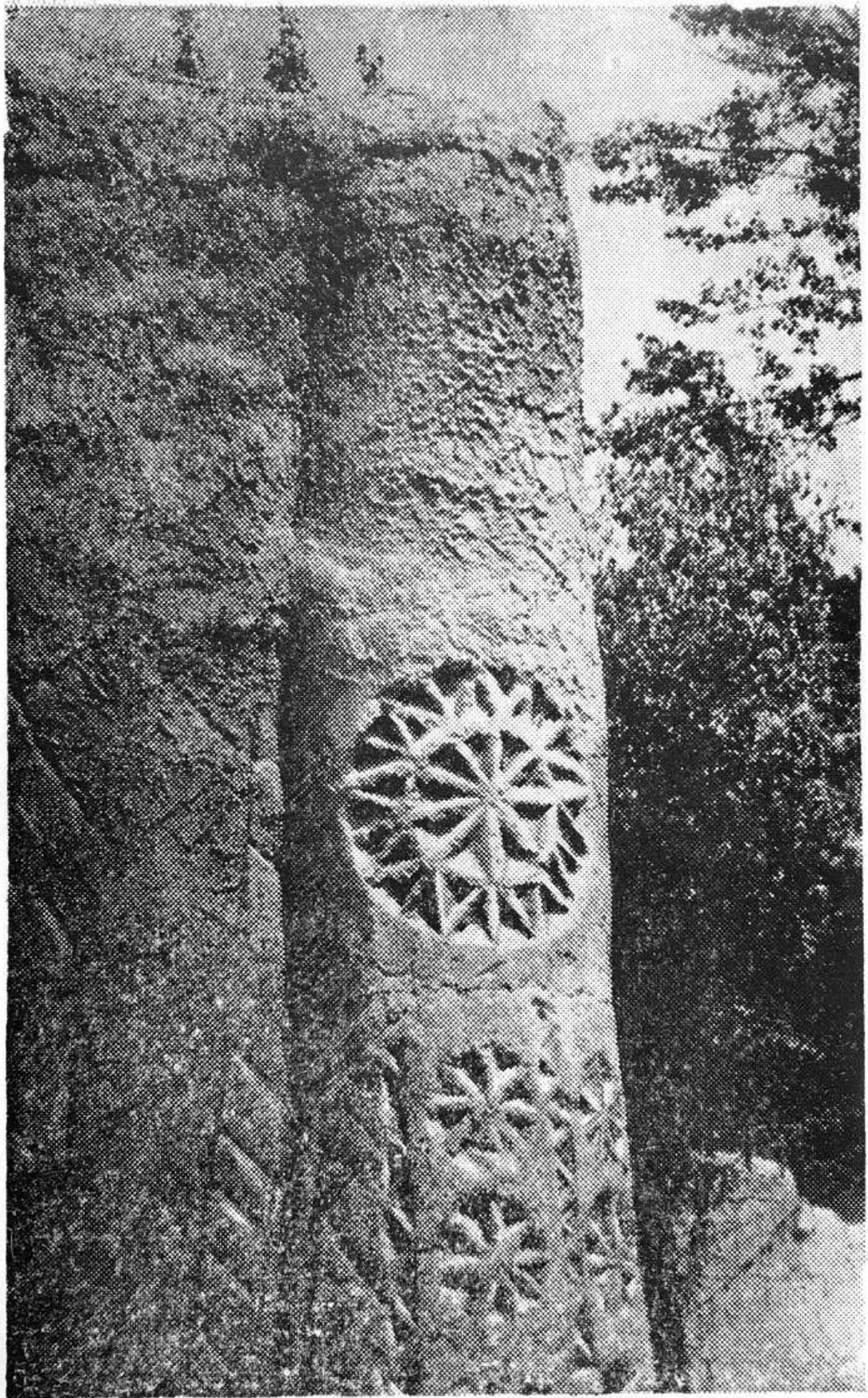

Рис. 131. Граненая угловая башня кургана, орнаментированная розетками. Фото В. И. Котовского.

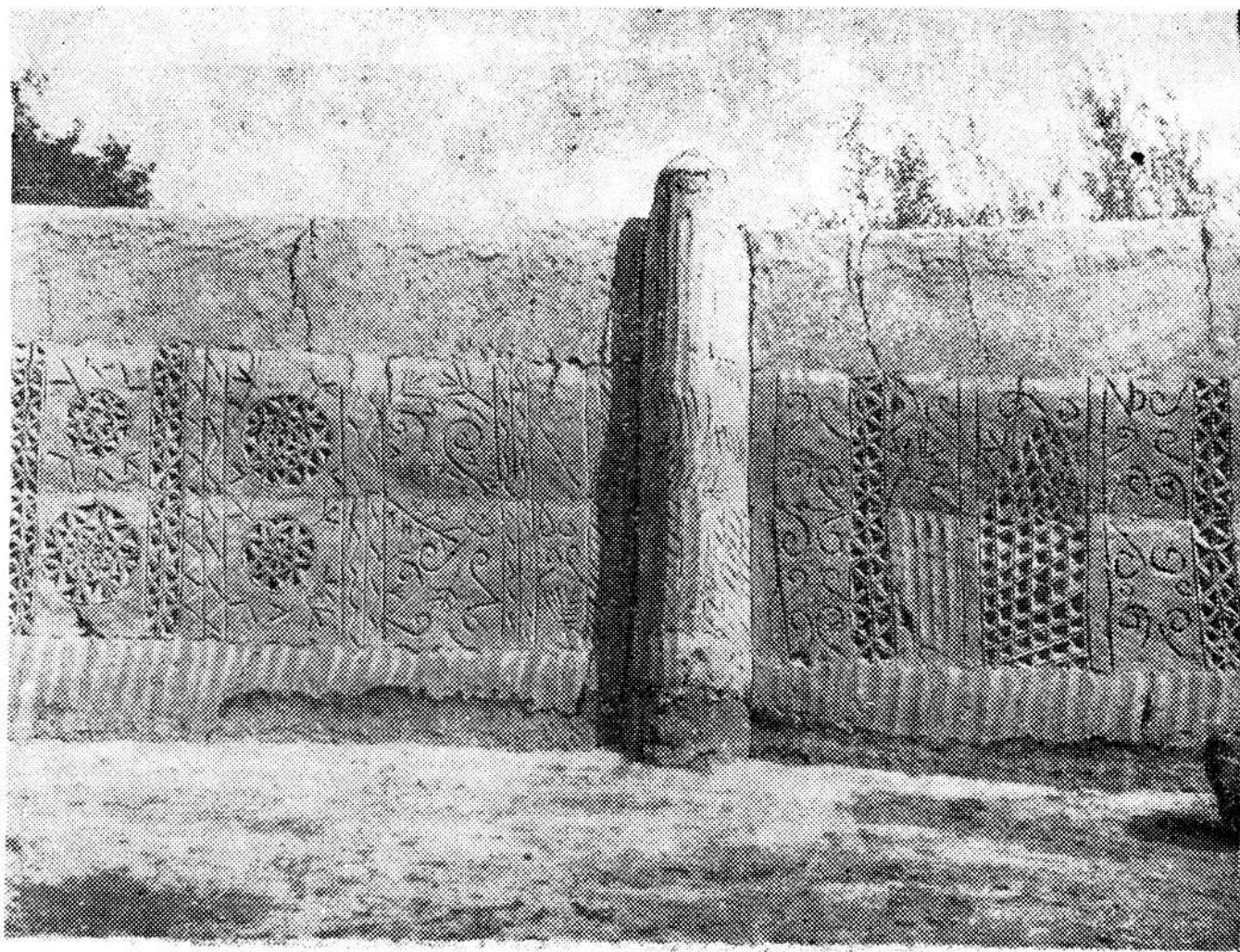

Рис. 132. Часть фасада кургана в пригородах Самарканда. Фото С. М. Дудина. 1900—1901 гг.
Фототека Государственного музея этнографии.

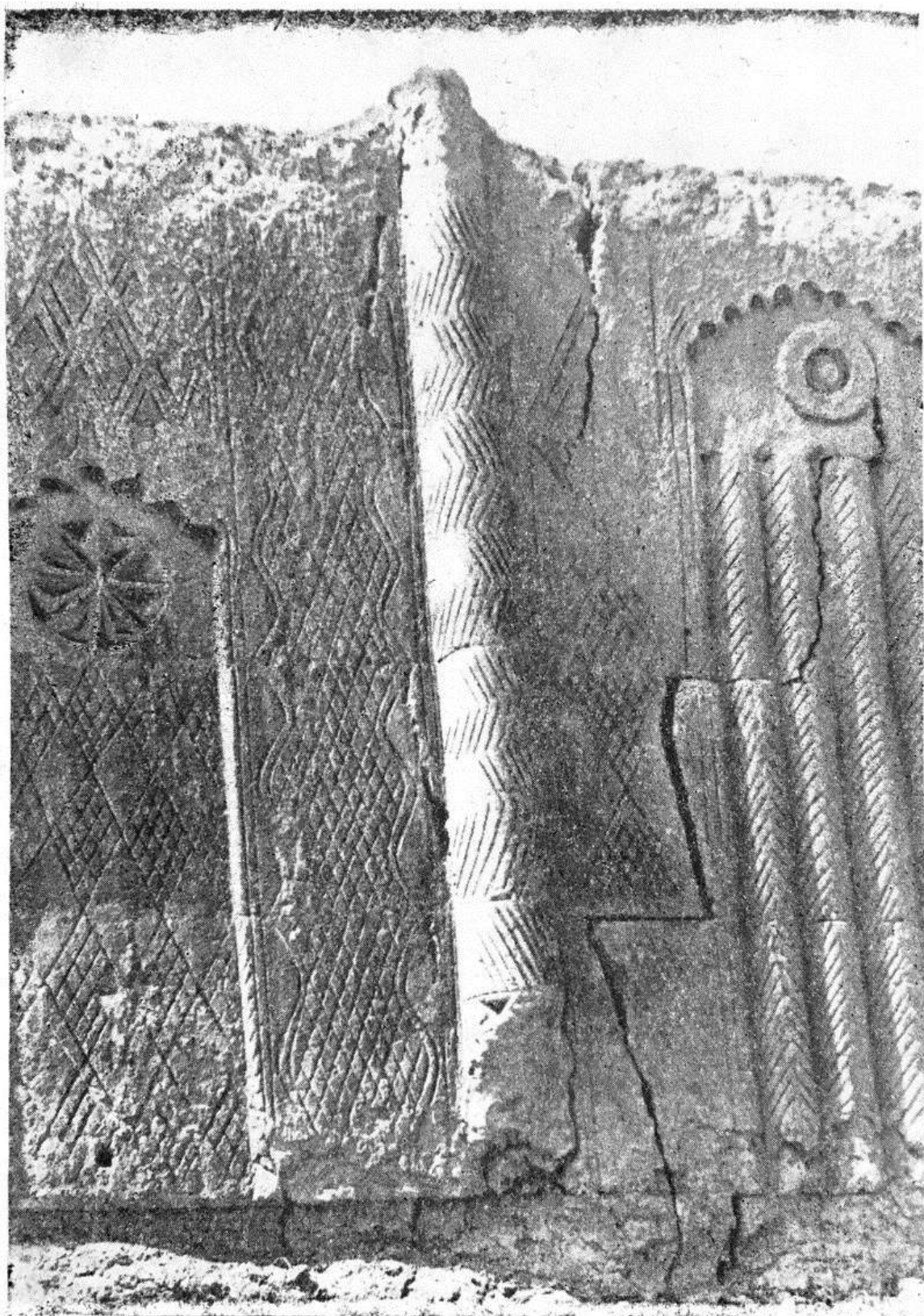
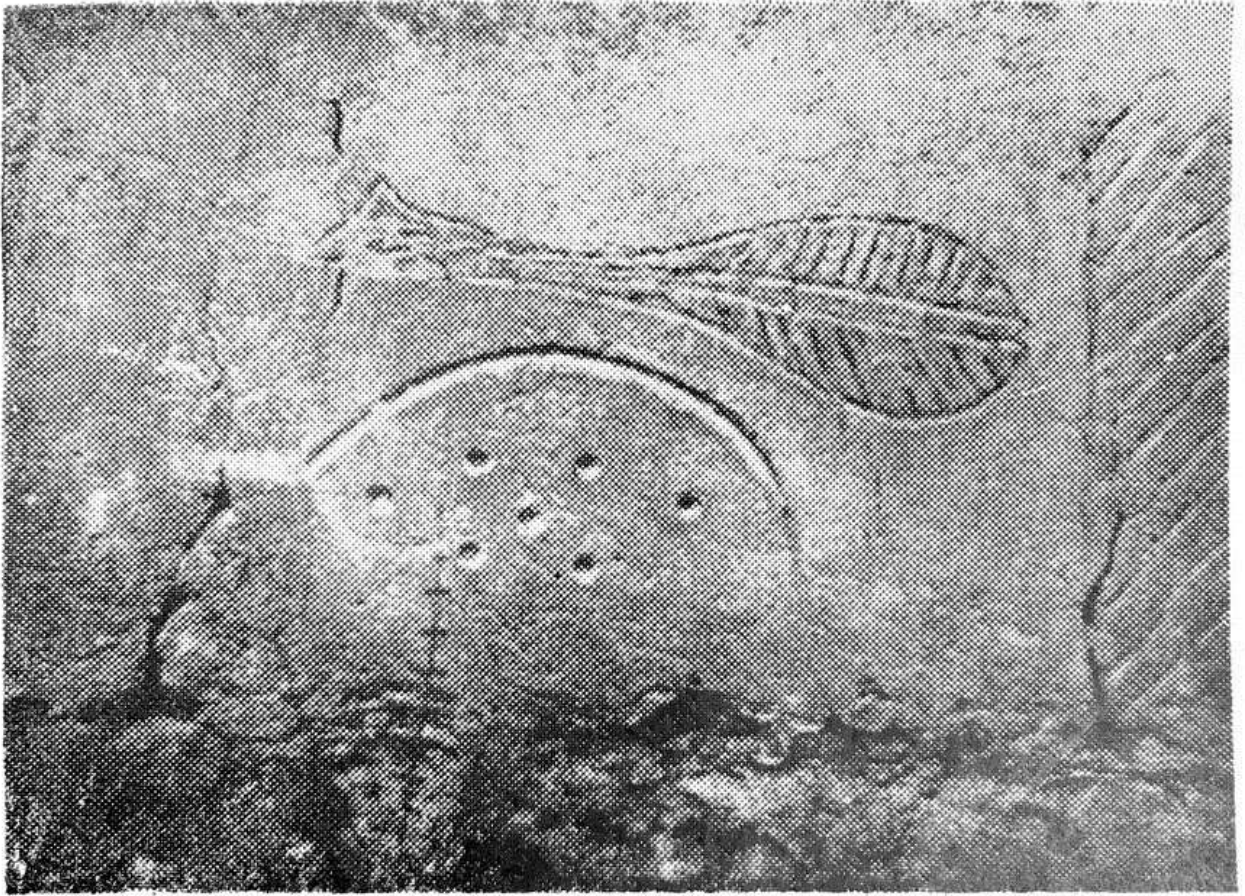

Рис. 133. Курган Амиджона Барачаева в к. Равонак. Часть орнаментированной стены фасада, оставшаяся от старой постройки, возможно середины XIX в.

Гис. 134. Курган Абдурауфа Бойбача в к. Эрони, построенный в 1903 г. (1321 г. х.). Изображение дутара на фасаде.

Рис. 135. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амин.
Около 1870 г. Деталь орнаментации портала.
Фото Б. Н. Засыпкина.

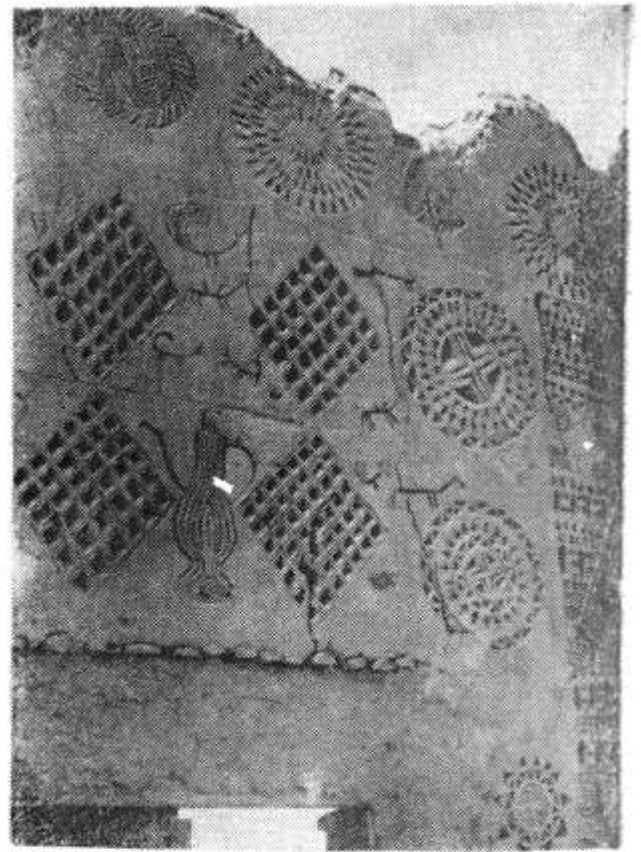

Рис. 136. Курган Карима Будура в к. Раджаб-Амин.
Около 1870 г. Деталь орнаментации портала.

Рис. 137. Курган Муродбая Курбанова в к. Сочак. 1929 г. (1347 г. х.). Изображение ружья и велосипеда, выполненное мастером Мулла-Чари.

Рис. 138. Курган Муродбая Курбанова в к. Сочак. 1929 г. (1347 г. х.). Изображение трактора на фасаде. Работа мастера Мулла-Чари.

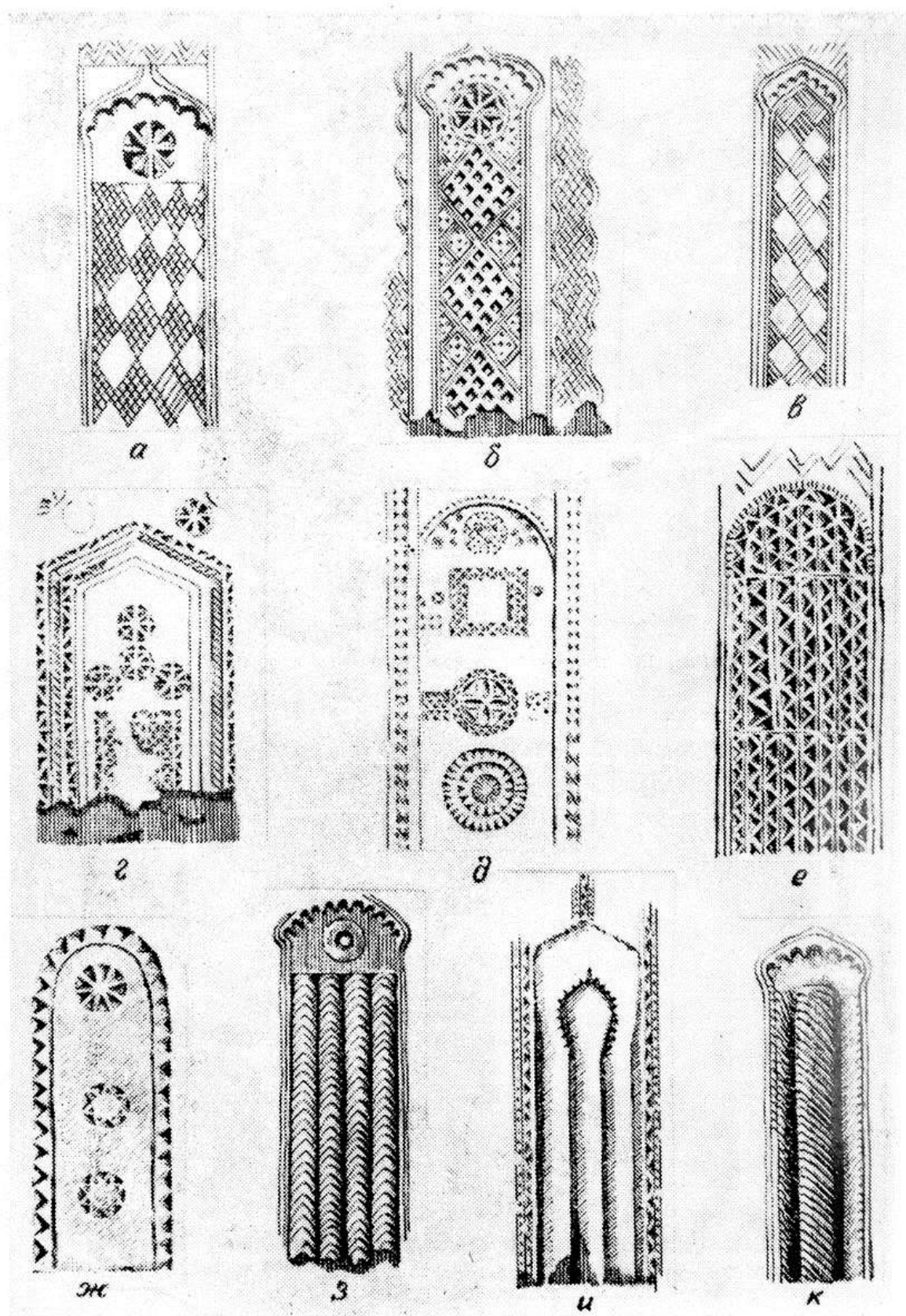

Рис. 139. Резные панно на стенах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото.

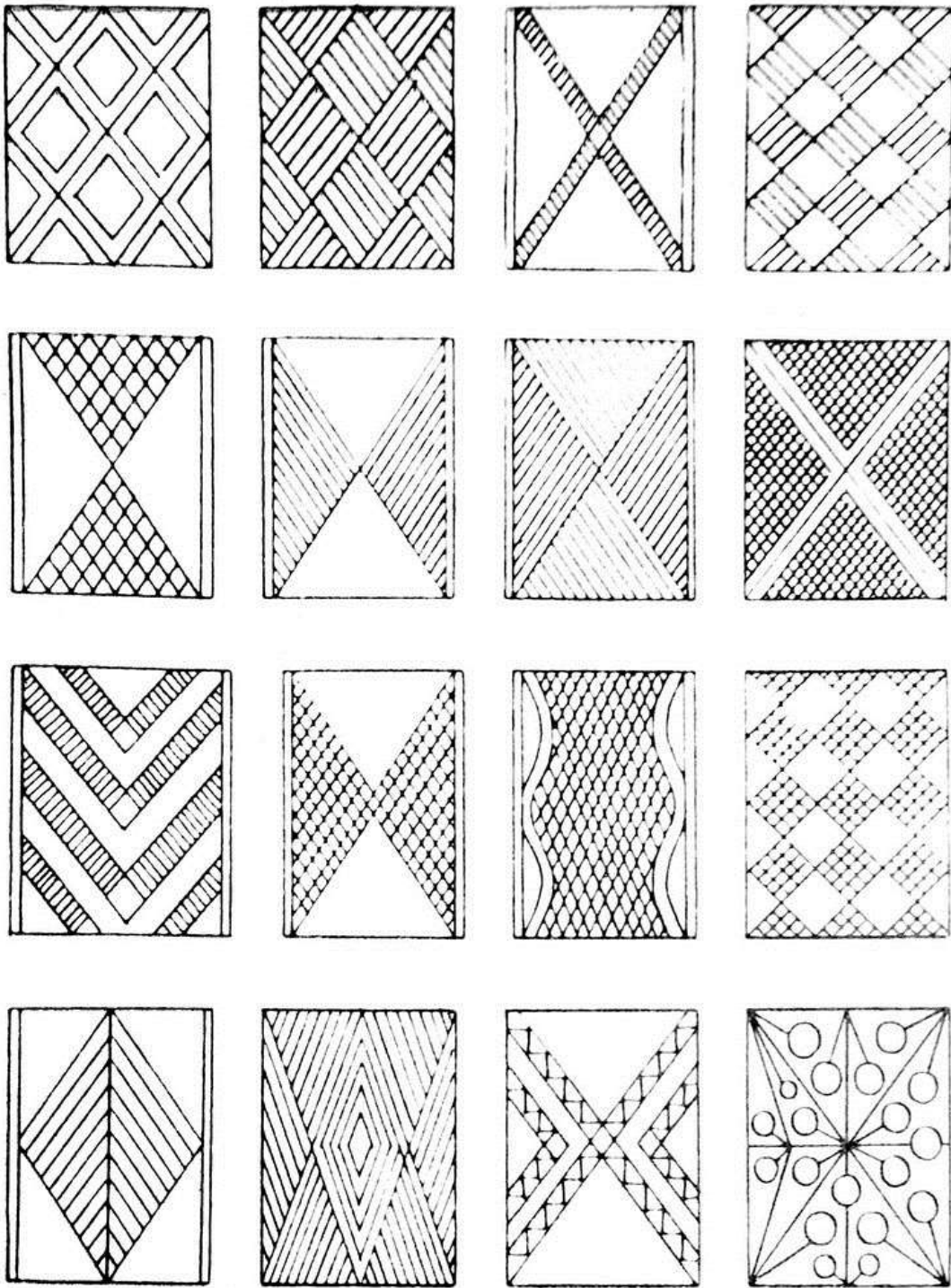

Рис. 140. Элементы орнамента на стенах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото.

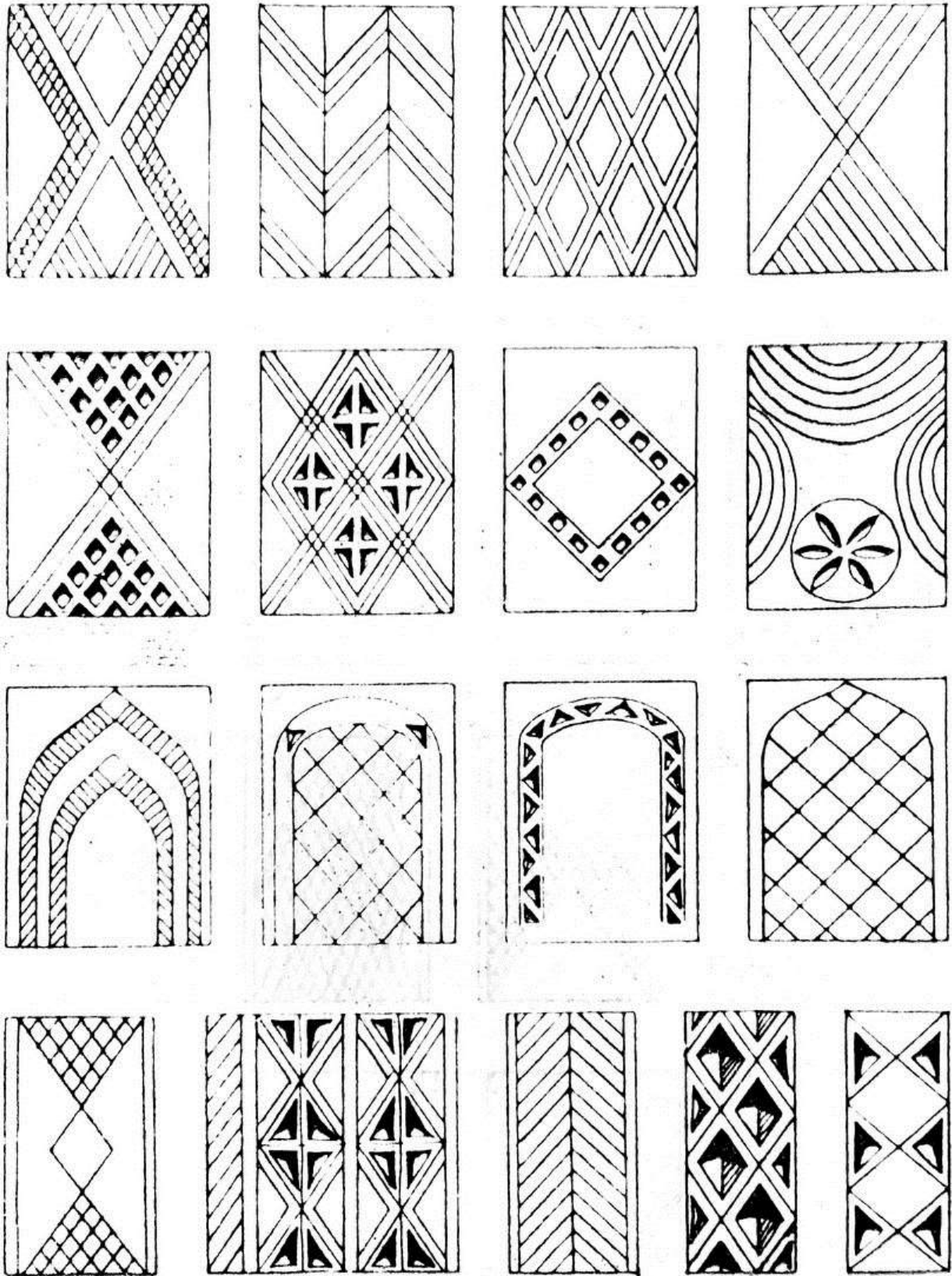

Рис. 141. Элементы орнамента на стенах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото

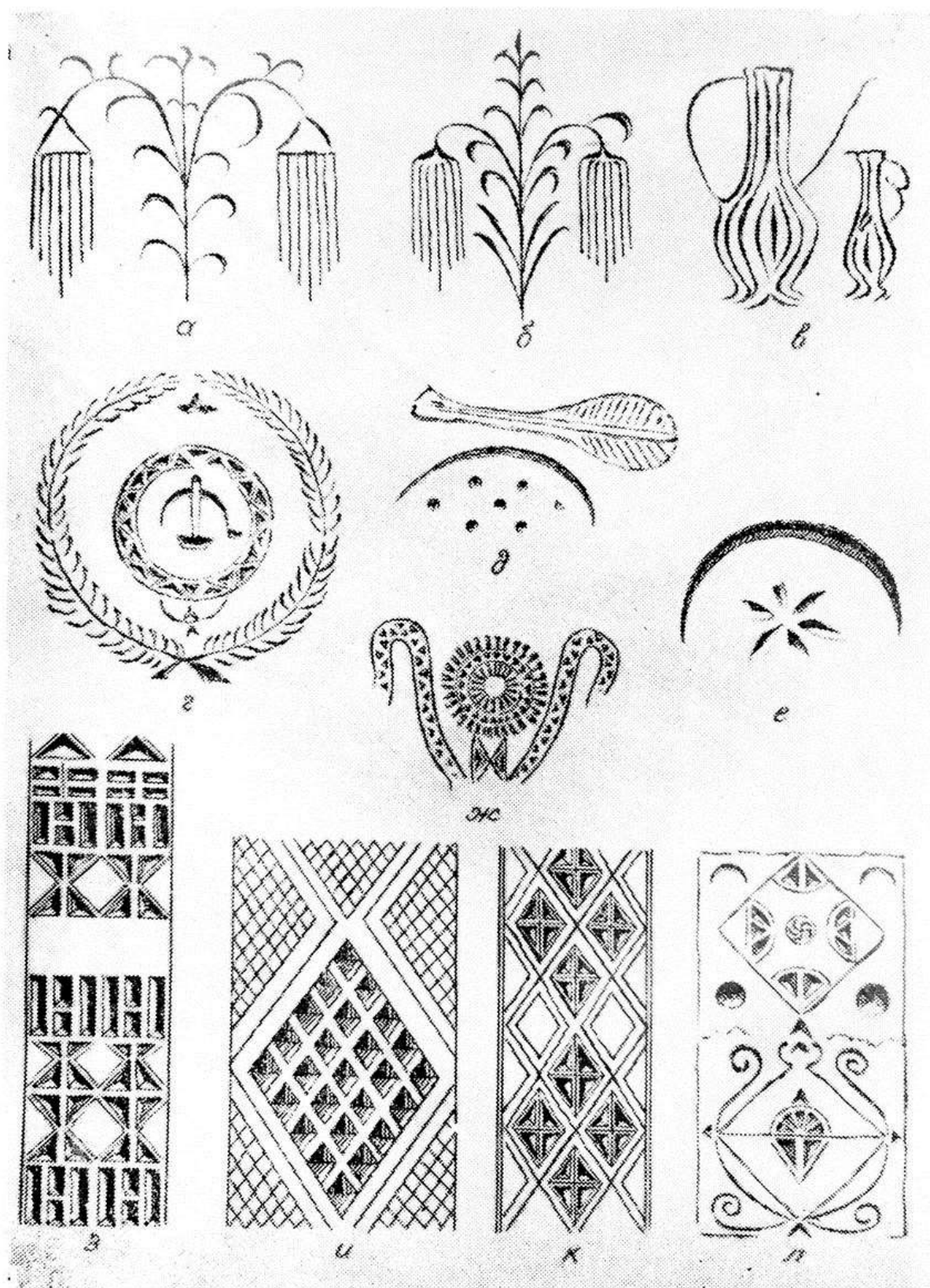

Рис. 142. Элементы орнамента на стенах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото.

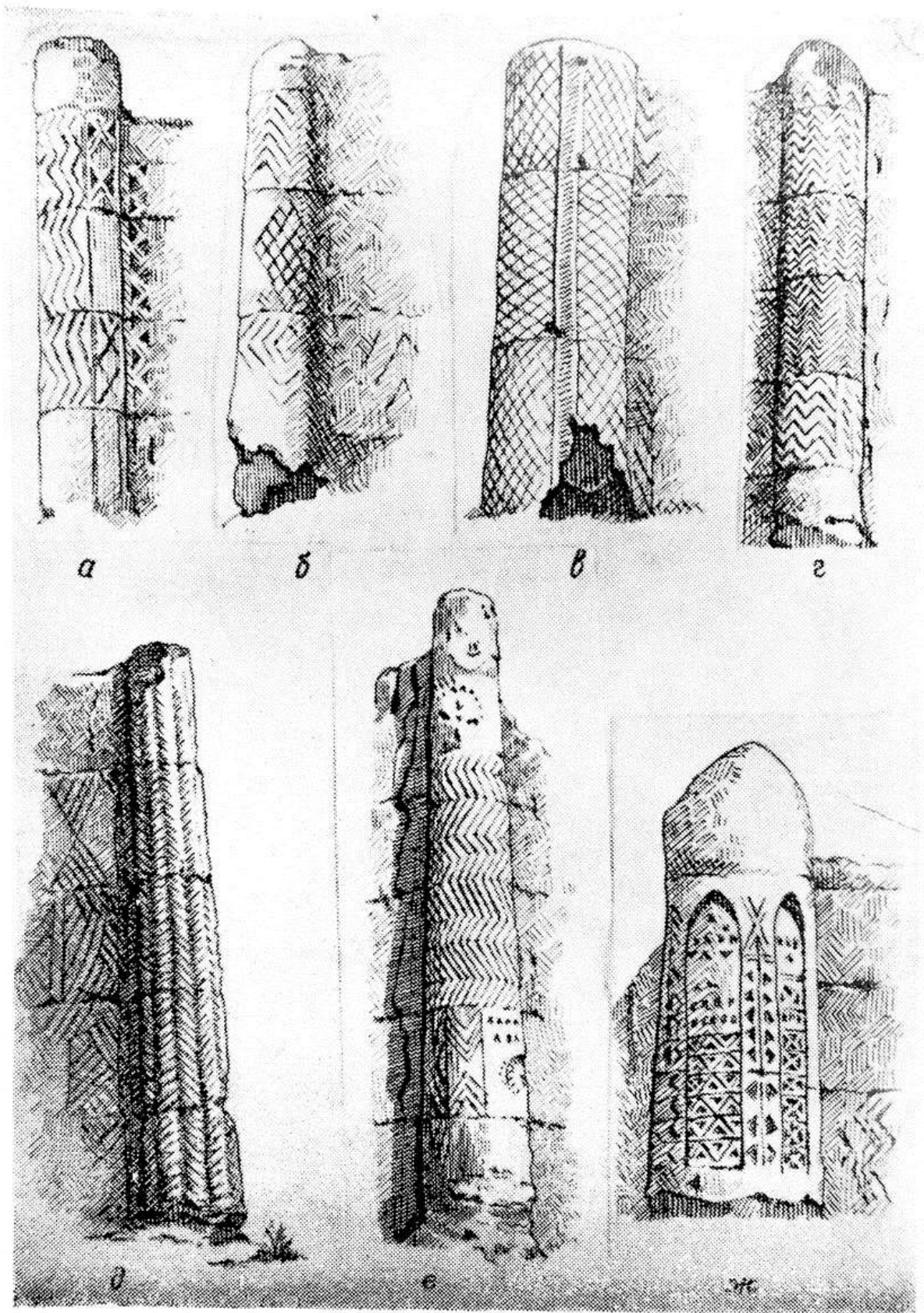

Рис. 113. Конструктивные колонны на углах и фасадах курганов. Рисунки А. К. Ра-
зыграевой с фото.

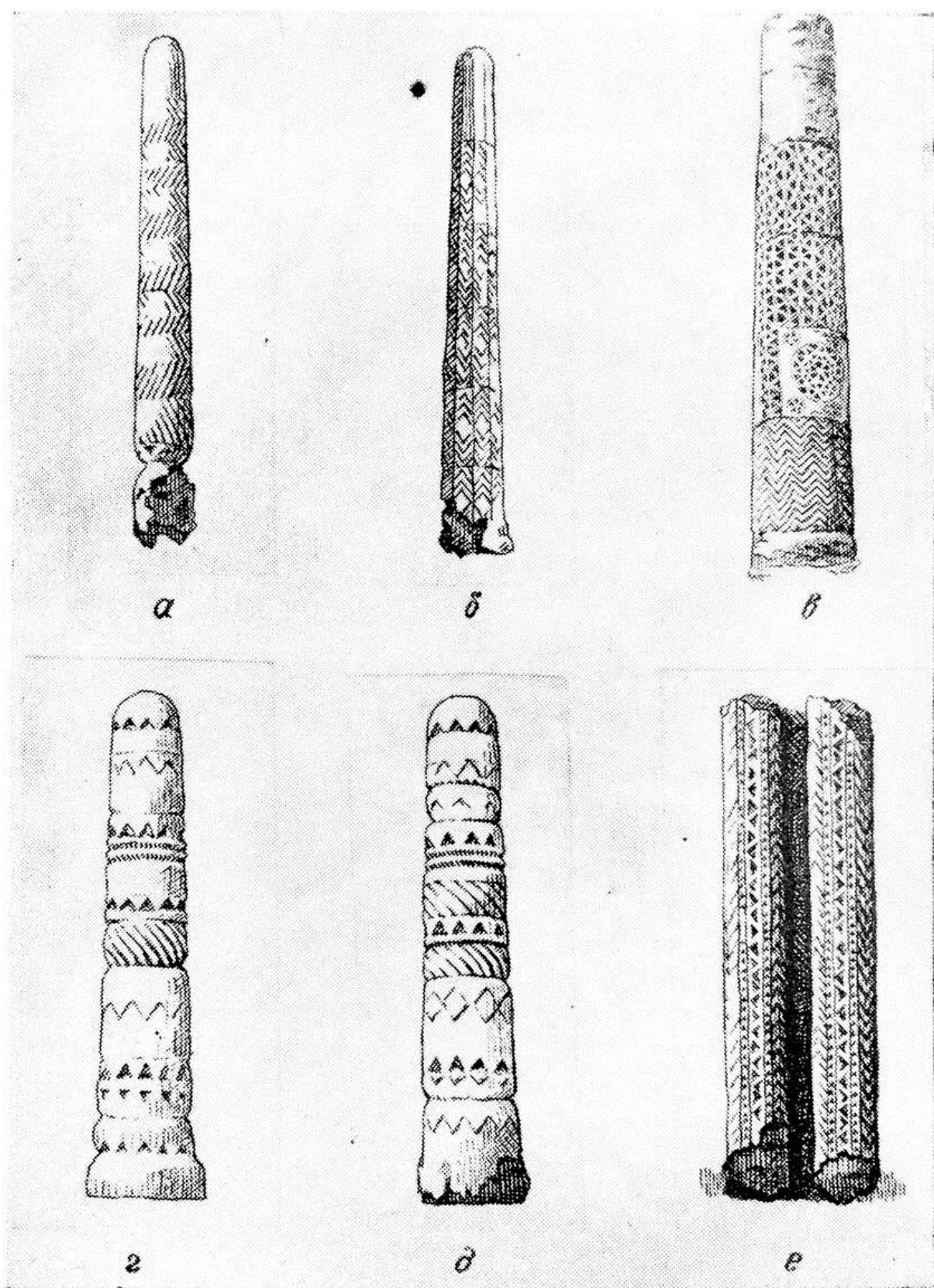

Рис. 144. Декоративные колонки на фасадах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото.

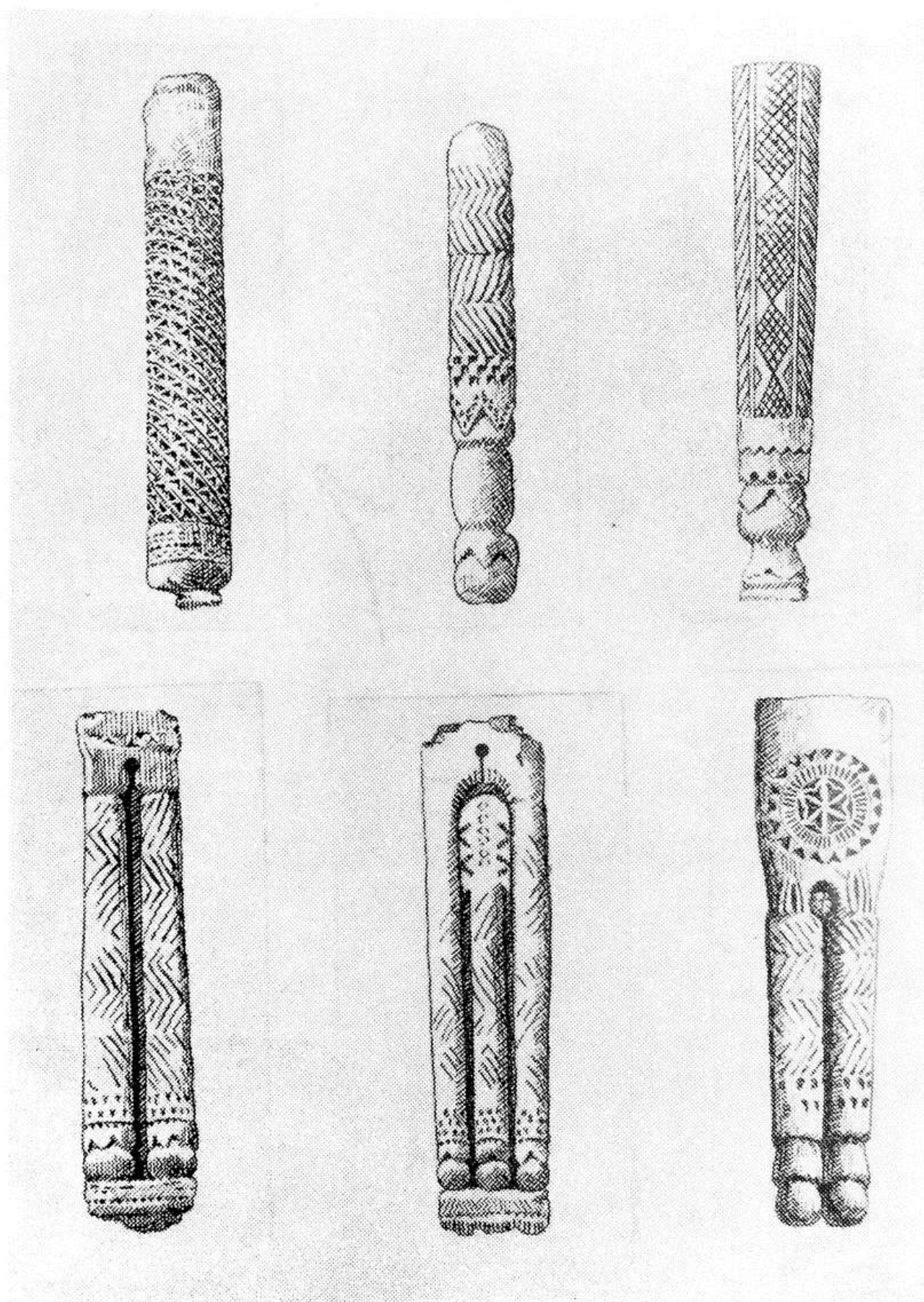

Рис. 145. Декоративные колонки на фасадах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото.

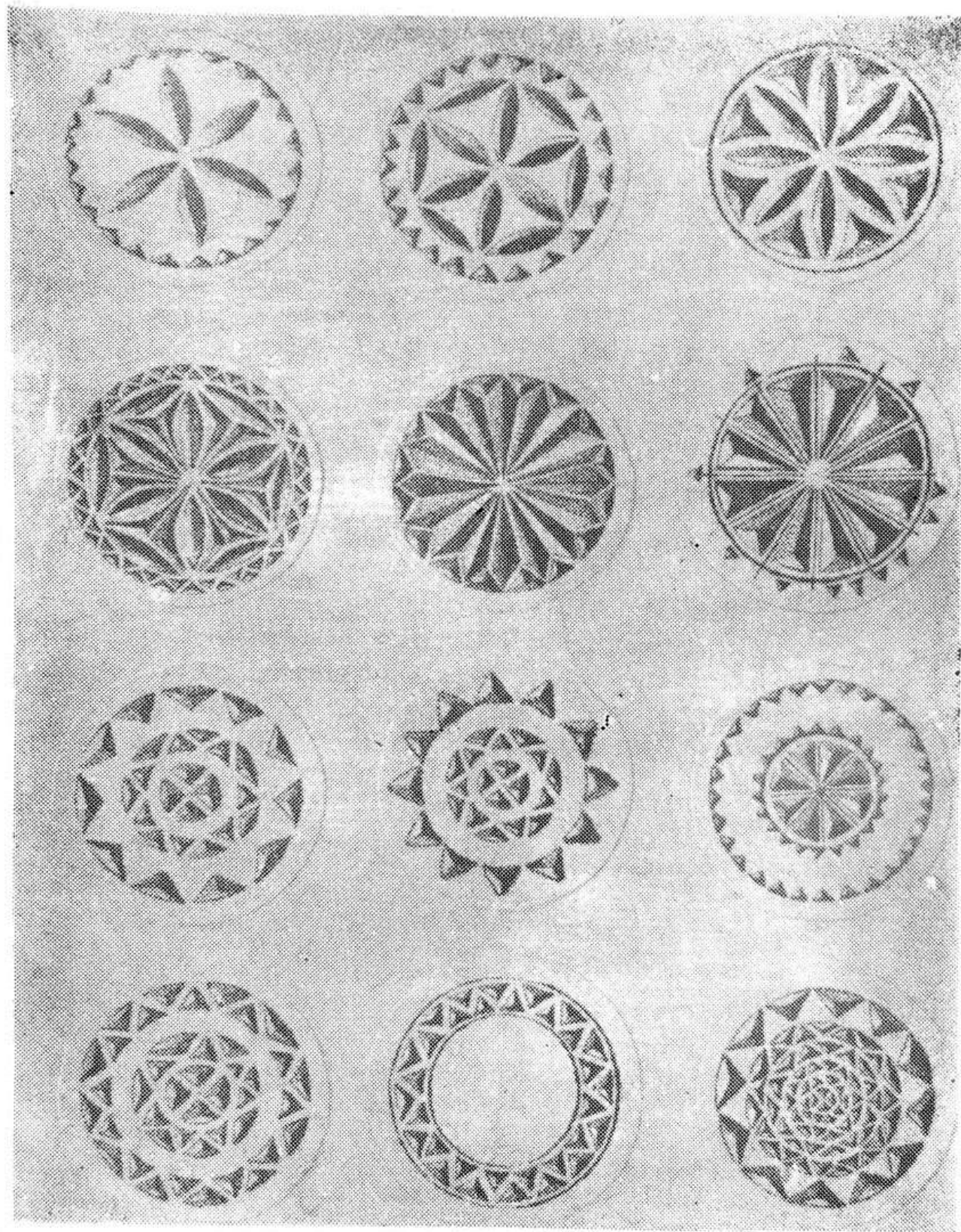

Рис. 146. Резные розетки на фасадах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото.

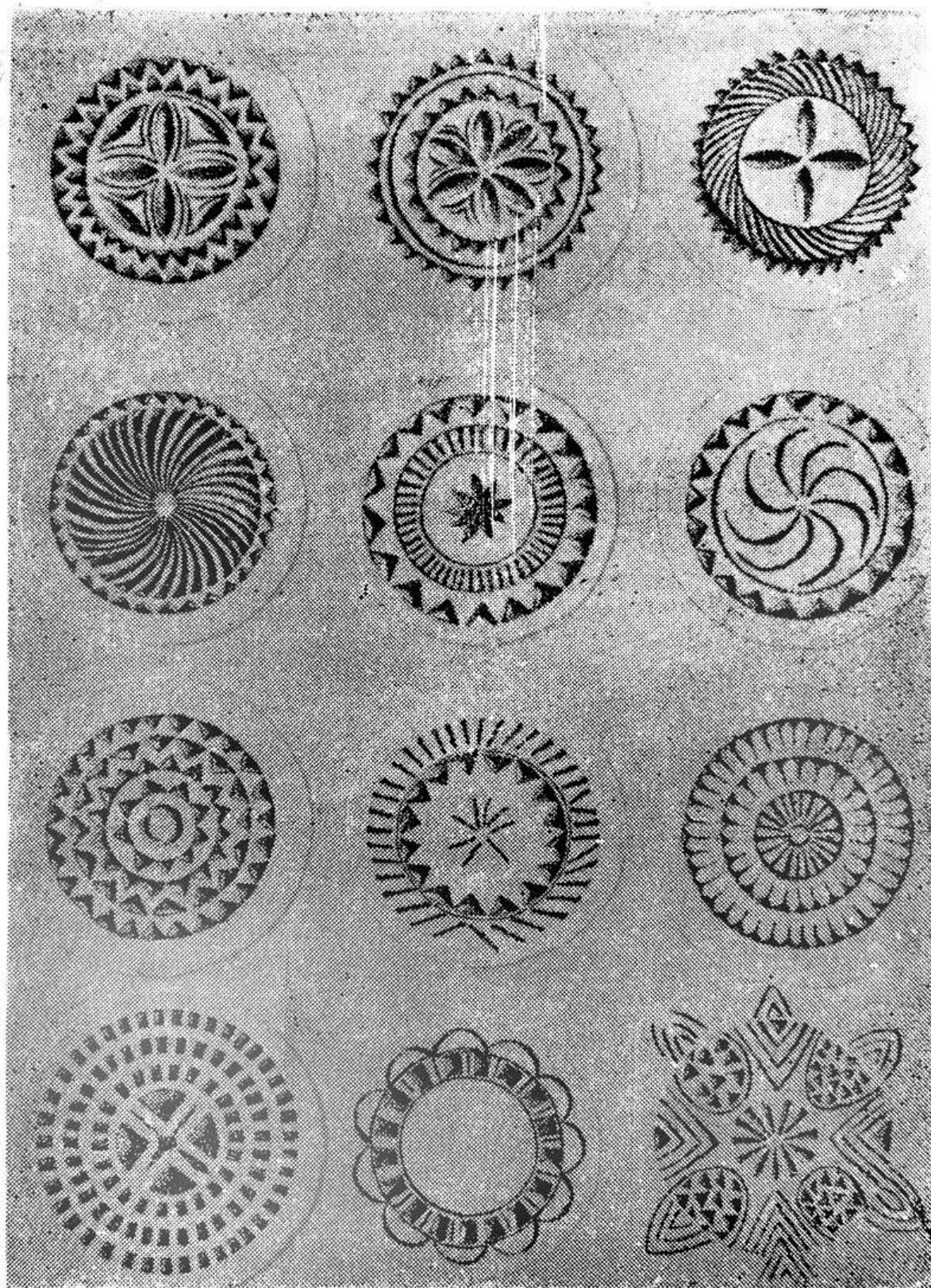

Рис. 147. Резные розетки на фасадах курганов. Рисунки А. К. Разыграевой с фото

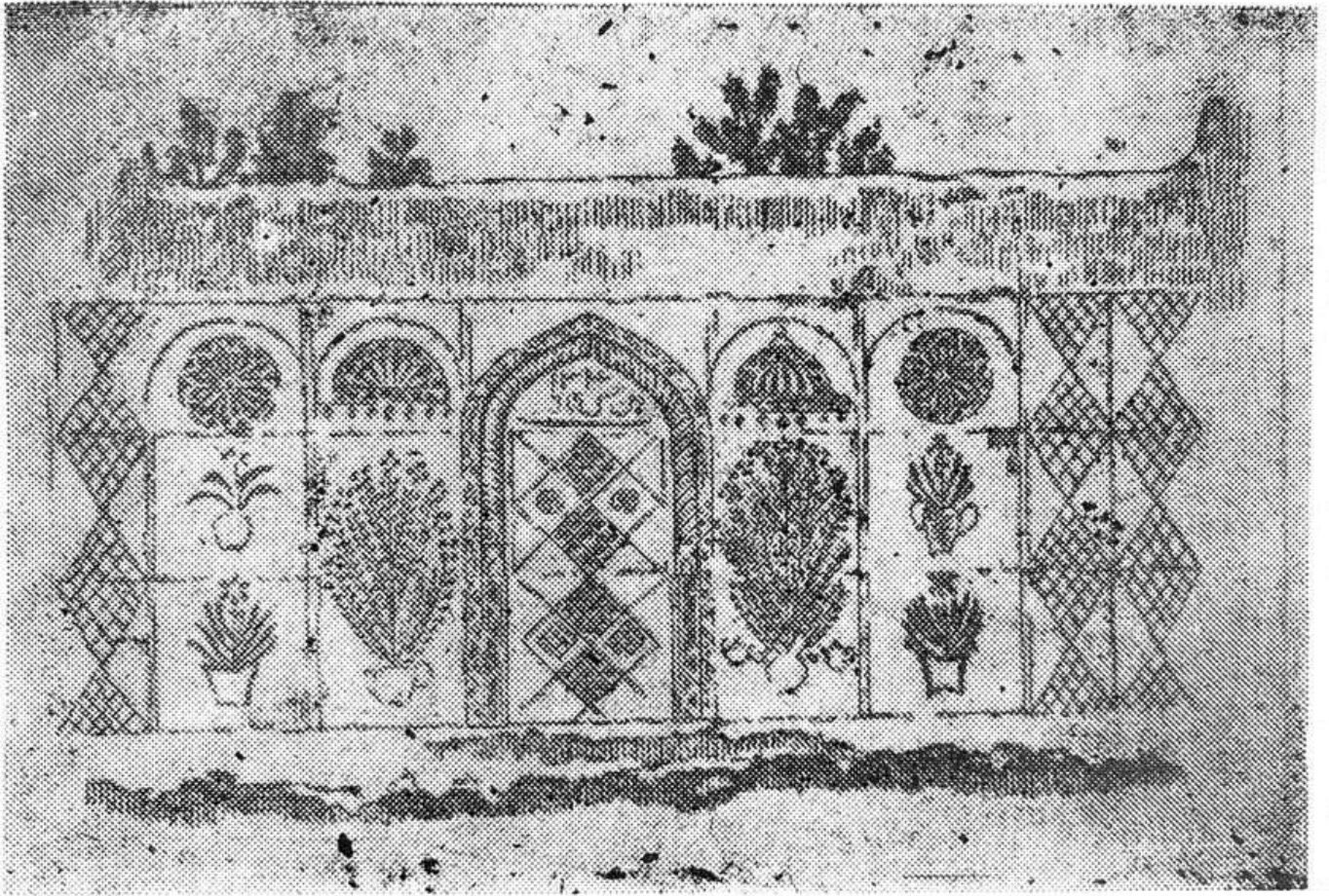

Рис. 148. Курган Дустбая в к. Сочак. Построен в 1925—1926 гг. (1344 г. х.).
Работа Мулло-Худойберди из к. Эски-Джума. Боковой уличный фасад.
Рисунок А. К. Разыграевой с фото.

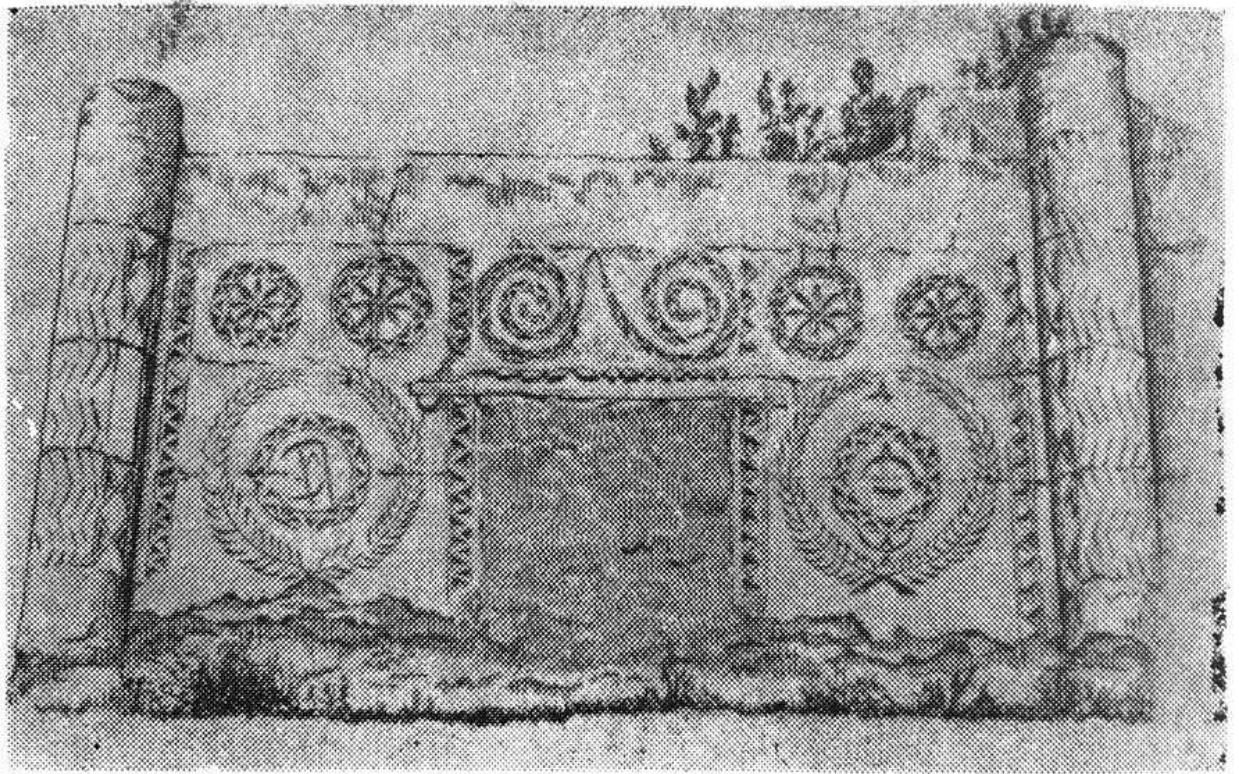

Рис. 149. Курган Дустбая в к. Сочак. Построен в 1925—1926 гг. (1344 г. х.). Оформление входа. Работа мастера Мулло-Худойберди из к. Эски-Джума. Рисунок А. К. Разыграевой с фото.

О Г Л А В Л Е Н И Е		Стр.
ОТ АВТОРА		3
ВВЕДЕНИЕ		5
Глава I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЛЬХ ДОМОВ И КВАРТАЛЬНЫХ МЕЧЕТЕЙ САМАРКАНДА		17
Городское жилище		23
Квартальные мечети		47
Глава II СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРИЁМЫ		56
Материалы		--
Фундамент		66
Стены		68
Перекрытие		72
Глава III. АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ И ХУДОЖЕСТВЕННО- ДЕКОРАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ		77
Детали и декоративная отделка потолка		--
Детали и декоративное оформление стен		82
Двери и колонны		93
Глава IV. ЛЕТНИЕ ПРИГОРОДНЫЕ ЖИЛИЩА И ИХ ДЕКОРАЦИИ		103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		126
ПРИЛОЖЕНИЯ		131
Указатель терминов		133
ИЛЛЮСТРАЦИИ		141

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

АНТОНИНА КОНСТАНТИНОВНА ПИСАРЧИК

НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА
САМАРКАНДА
XIX—XX вв.

(по материалам 1938—1941 гг.)

*Ответственный редактор
Борис Анатольевич Литвинский*

Редактор издательства В. Г. Двоглазова
Художественный редактор А. К. Разьграева
Технический редактор В. И. Лузанов
Корректор Л. Д. Полисская

КЛ 05030. Сдано в набор 1 X 1973 г. Подписано к печати 20 II 1974 г.
Формат бумаги 60X84. Бумага мел. и писч. № 1. Сорг 1. Объем
в физ. 15,5 л. Усл. печ. 14,4 л. Уч. изд. 18,5 л. Тираж 1800. Заказ 718.
Цена в переплете № 5—1 р. 95 к.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2

Цена 1 р. 85 коп.

В переплѣте №5 - 1 р. 95 коп.